СОБРАНІЕ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

Александра Константиновича

Гейнса.

ТОМЪ II-й.

Дневникъ 1866 года.

Путешествіе въ Туркестанъ.

27-го мая 1866 года мы выѣхали опять изъ Петербурга въ степь.

Изъ Нижняго мы поѣхали еще полою водою на пароходѣ до Самары, откуда, купивъ тарантасъ и телѣгу, поѣхали далѣе на почтовыхъ до Оренбурга. Здѣсь я долженъ былъ ознакомиться со свѣдѣніями, доставленными изъ Сибири.

11-го іюня мы выѣдемъ отсюда.

12-го іюня. Сегодня часа въ четыре утра мы пріѣхали въ Илецкую Защиту.

Вчера, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы выѣхали изъ Оренбурга и по мосту переѣхали черезъ Уралъ. Налѣво остался островъ, покрытый лѣсомъ вербы и осинника,— лѣтнее мѣстопребываніе генералъ-губернатора и мѣсто лѣтнихъ прогулокъ оренбургской публики. На этомъ островѣ живутъ милліоны воронъ и галокъ и ихъ печальный, однообразный крикъ слышался теперь, когда наши тяжело нагруженные экипажи переѣзжали черезъ плошкоутный мостъ.

Вотъ мы опять въ Азіи!

И будто въ самомъ дѣлѣ рѣка, шаговъ въ двѣсти, триста шириной, служитъ раздѣломъ европейской цивилизаціи отъ азіатскаго варварства?

И будто нѣтъ послѣдовательности и постепенности, начиная съ Москвы, а можетъ и Петербурга?

Тамъ, на лѣвомъ берегу, отчизна Тамерлана и нагайки; здѣсь, на правомъ,—уваженіе права и признаніе силы и ума?!...

Территоріальный характеръ Азіи намекаетъ про себя уже давно. Отъ самой Самары тянется степь, пустынная, однообразная, съ рѣдкими поселеніями и со всѣми удобствами для кочевника... За лѣвымъ берегомъ Урала тѣ же однообразные увалы, покрытые травою. Передъ нами во всѣ стороны сколько можно было разсмотрѣть протягивался уже знакомый степной ландшафтъ.

Было очень жарко. По дорогѣ стояла ѣдкая, мелкая пыль. По пути безпрерывно попадались длинные обозы, запряженные волами, везшіе соль изъ Илецкой Защиты. Далѣе темнота стала сгущаться. Воздухъ свѣжѣлъ.

Въ четыре часа мы подъѣзжали къ Защитѣ; едва добравшись до станціи, я улегся спать.

Часовъ въ девять мы поѣхали къ начальству соляной разработки и вмѣстѣ съ нимъ отправились къ мѣсту добывки. Вотъ что, между прочимъ, разсказалъ полковникъ горныхъ инженеровъ Граматчиковъ, которому довѣрено управленіе соляною добывкою.

Русскіе слыхали о существованіи въ степяхъ богатыхъ пластовъ каменной соли еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Соль выбиралась номадами, кочевавшими въ окрестностяхъ нынѣшней Илецкой Защиты, снаружи и кое-какъ. Слѣды ихъ работъ остались во впадинахъ, окружающихъ нашу разработку. Эти впадины занесены теперь слоемъ земли и заросли травою. Въ 1756 году русскій отрядъ занялъ мѣсторожденіе соли и разработкой ея занялось наше правительство. Ломки соли подчинены непосредственному вѣдѣнію военнаго губернатора. Разработкою же на мѣстѣ завѣдывали начальники отрядовъ, занимающихъ укрѣпленіе, построенное у мѣста

ломки и названное Илецкой Защитой. Понятно, что способъ добыванія соли оставался тогда первобытнымъ, напримѣръ, флецъ рвали порохомъ, чтобы сократить количество работы.

Въ 1818 году ломка соли была подчинена министерству финансовъ, горному департаменту. Управляющій Защитой, онъ же соляной приставъ по добывкѣ соли во всѣхъ низовыхъ мѣстахъ, жилъ въ Самарѣ; въ Илецкой же Защитѣ жилъ такъ называемый мѣстный начальникъ изъ горныхъ инженеровъ или дѣйствительный управляющій. Тогда разработка соли стала производиться съ большею регулярностью. Работниками были ссыльно-каторжные.

Въ томъ же 1818 году началась постройка зданій для помѣщенія ссыльныхъ. Въ 1824 году управляющій заводомъ переѣхалъ изъ Самары въ Защиту, а въ 1864 году послѣ того, какъ въ принципѣ было рѣшено передать ломки соли въ частныя руки, Илецкая Защита передана въ департаментъ неокладныхъ сборовъ. Теперь работы производятся вольнонаемными людьми, которымъ платятъ 36 копѣекъ въ день. Работаетъ до трехсотъ человѣкъ. Работаютъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ. Въ страду никто не нанимается. По окончаніи полевыхъ работъ являются опять рабочіе и продолжаютъ работать въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ. До марта снѣга глубоки для работы. Когда начнетъ таять снѣгъ, работы производятся на высокихъ мѣстахъ пріиска, гдѣ не можетъ залить вода. По мѣрѣ же того, какъ послѣдняя вычерпывается и усыхаетъ, начинаютъ выбирать соль изъ низкихъ мѣстъ. Управляющій жаловался на то, что многіе рабочіе, получивши задатокъ, работаютъ недѣлю, другую, а потомъ убѣгаютъ. Такимъ образомъ управленіе, состоящее при пріискѣ, переплатило до тысячи рублей, пропавшихъ за убѣжавшими работниками.

Мы подъѣхали къ мѣсту разработки. Съ деревянной бесѣдки, расположенной надъ ямою, гдѣ разработывается соль, можно видѣть всю работу.

Яма длиною въ полторасто саженъ, шириною въ пятьдесятъ; средняя глубина ея десять саженъ. Слѣдовательно съ 1756 года вынуто 75.000 куб. саж. Полагая приблизительно сто пудовъ въ кубической сажени, выйдетъ, что въ столѣтіе добыто соли 75.000.000 пуд. Считая двадцать фунтовъ соли въ годъ на человѣка, выйдетъ, что все населеніе Россіи могло продовольствоваться два года ломками Илецкой Защиты.

Стѣны ямы имѣютъ только небольшое заложеніе. Подъ небольшимъ слоемъ наносной почвы начинается уже сѣро-бронзовая масса соли. На стѣнахъ дождевая вода промыла глубокія вертикальныя борозды. Хоть для охраненія отъ обваловъ земли и отъ дождевой воды вершины стѣнъ окружены наверху досчатою крышею, тѣмъ не менѣе вода успѣваетъ просачиваться и не только провела по стѣнамъ глубокія борозды, но и размыла кое-гдѣ пласты соли сверху, такъ что мѣстами наверху они оканчиваются остріями, отъ которыхъ идутъ до низу борозды.

Работа производится слѣдующимъ образомъ: на днѣ ямы проводятъ топорами глубокія борозды, въ пять четвертей глубины. Борозды отстоятъ другъ отъ друга тоже на пять четвертей. Когда прорубка кончена, длинныя полосы соли разрубаются поперечными бороздами на разстояніи пяти аршинъ. Потомъ подтаскиваютъ родъ древняго тарана, подвѣшаннаго на двухъ козлахъ, и бьютъ въ прорубленную полосу до тѣхъ поръ, пока она не отстанетъ. Тогда получится извѣстное число кабановъ въ пять аршинъ длины, столько же четвертей высоты и толщины. Такіе кабаны вѣсятъ почти одинаково, а именно 372 пуда.

Нельзя не сознаться, не въ укоръ господамъ гор-

нымъ инженерамъ, что этотъ способъ работы тоже первобытный.

Отъ рубки соли образуются брызги, которыя складываются тоже въ бунтахъ для продажи. Тамъ, гдѣ выбрана соль уже глубоко, накапливается вода, образовавшаяся отъ таянія снѣговъ. Кромѣ того, изъ-подъ одной изъ соляныхъ стѣнъ бѣжитъ родникъ. Всей этой водѣ даютъ общій стокъ къ одной сторонѣ. Здѣсь, наверху построенъ домикъ, висящій надъ ямой и подпертый снизу длинными жердями. Въ домикѣ четырьмя парами лошадей постоянно приводится въ движеніе воротъ, который, помощью безконечнаго каната, поднимаетъ воду изъ колодца, куда сбѣгаетъ вся вода изъ мѣста добывки, выливаетъ ее въ желобъ и опять опускаетъ ведра, прикрѣпленныя къ канату, въ колодезъ. Разсолъ по желобку спускается въ близъ лежащее небольшое озеро. Слѣдовательно и выкачиваніе воды производится первобытнымъ образомъ.

Илецкая соль есть хлористый натрій безо всякой примѣси. Нѣкоторое время даже отсюда посылалась соль ко Двору. Запасы соли неизмѣримы, судя по развѣданному пространству. Изслѣдованы двѣ квадратныя версты. Соль найдена вездѣ, прикрытая небольшимъ, но неравномѣрно толстымъ слоемъ наносной почвы. На днѣ ямы буравили, чтобы развѣдать глубину флеца. Просверлили шестьдесятъ девять саженъ и вездѣ шелъ тотъ же слой соли. На семидесятой сажени сверло сломалось и развѣдка кончилась. По поверхности за предѣлами двухъ верстъ соляной флецъ круто падаетъ.

Въ 1864 году добыто соли 914.444 пуда. Добывка соли и всѣ расходы на управленіе и администрацію стоили пять съ долями копѣекъ на пудъ. На добычу употреблено 46.051 р. 62½ коп. Продано 858.876 по 30 копѣекъ пудъ на сумму 256.356 р. 63 к. сер. Чистый доходъ, приносимый ломками соли въ Илецкой Защитѣ,

не бываетъ ниже двухсотъ тысячъ рублей въ годъ. Въ расходъ на добывку соли помѣщаютъ четырнадцать пудовъ, которые раздаются безплатно киргизамъ по слѣдующему расчету. Каждый простой киргизъ имѣетъ право на пудъ соли въ годъ. Такъ какъ родоначальники получали соль на своихъ родичей, то теперь постановлено, что областное начальство посылаетъ ежегодно списокъ всѣмъ киргизамъ по ауламъ. Пріѣзжающій требуетъ, положимъ, двадцать пудовъ соли на двадцать родичей, составляющихъ аулъ. А. П. Граматчиковъ приказываетъ посмотрѣть въ списки, доставленные областнымъ правленіемъ, и выдаетъ по числу родичей.

На какомъ основаніи производится эта раздача — неизвѣстно. Какъ всякая законодательная ошибка, это ведетъ къ злоупотребленіямъ. Киргизамъ соль не нужна. Соляныхъ озеръ очень много въ степи. Потому, получивъ свой пай (послѣ чего киргизъ долженъ ѣхать въ свой аулъ), киргизъ дѣлаетъ кружный путь, все-таки ѣдетъ къ поселеніямъ и продаетъ свою соль за безцѣнокъ прасоламъ.

Біи имѣютъ право на полученіе пяти пудовъ, мѣстные начальники — ста пудовъ на лицо; султаны-правители триста пудовъ. Послѣднія лица на полученіе соли получаютъ свидѣтельства областного правленія. Киргизамъ выдается мелкая соль (въ продажѣ 20 к.).

Изъ числа рабочихъ, занятыхъ добываніемъ соли, нѣтъ ни одного киргиза. Граматчиковъ говорилъ, что они сами не идутъ.

Соль транспортируется возчиками за двѣ — четыре копѣйки съ пуда до Оренбурга. Цѣна за провозъ зависитъ отъ цѣны на соль. Скупщики соли набираютъ обыкновенно возчиковъ еще осенью, давая въ деревняхъ деньги подъ подати. Провозная цѣна до Самары 15 коп.

Требованія на соль растутъ вмѣстѣ съ урожаемъ;

требованіе это находится въ обратной пропорціи съ количествомъ привознаго хлопка изъ Бухары. Въ іюнѣ въ Оренбургѣ собирается много подводчиковъ, чтобы везти хлопокъ, который въ это время приходитъ уже изъ Бухары на Нижегородскую ярмарку. Если хлопка нѣтъ въ привозѣ, возчики дѣлаютъ лишнихъ шестьдесятъ верстъ въ Илецкую Защиту, берутъ соль и везутъ ее на продажу, лишь бы не ѣхать съ пустыми руками. Вслѣдствіе описаннаго, въ настоящемъ году, когда хлопка нѣтъ совершенно въ привозѣ, возчики обратились всѣ за солью. Съ 1-го по 12-ое іюня взято уже ими болѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ пудовъ соли. Кромѣ того, по всѣмъ улицамъ Защиты стоятъ еще пустопорожнія воловыя подводы.

Вечеромъ опять сидѣлъ у Граматчикова и просилъ его доставить свѣдѣнія о добывкѣ и расходахъ за десять лѣтъ. Кромѣ того, просилъ у него подробной смѣты на расходы по администраціи и по ремонту зданій, однимъ словомъ, по всѣмъ расходамъ, употребляемымъ на добывку.

Илецкая Защита довольно большая деревня, сказалъ бы я, если бы она не была недавно произведена въ безъуѣздный городъ. Двѣ церкви. Большія зданія, принадлежащія соляной администраціи.

На мѣстѣ нынѣшняго города прежде было одно укрѣпленіе, но послѣ того, какъ ссыльные были здѣсь переименованы въ мастеровыхъ, началъ появляться городъ. Пятьсотъ ссыльныхъ положили тому первое основаніе. Впослѣдствіи сюда поселялись оренбургскіе мѣщане, отставные солдаты, и т. д. Теперь въ Зашитѣ около трехъ тысячъ жителей. Надъ городомъ висятъ, какъ мнѣ казалось, «зубцы развалины старинной», вѣнчающіе крутую горку. Вотъ исторія этой постройки.

Около 1824 года одинъ изъ управляющихъ соляным пріискомъ, не будучи въ состояніи сладить съ

нѣсколькими буйными арестантами, которые подбивали къ сопротивленію и другихъ, выстроилъ эту башню и устроилъ въ серединѣ казематы для непослушныхъ. Въ башнѣ стояла вѣстовая пушка, долженствовавшая извѣщать о побѣгѣ арестанта. Хроника говоритъ, что, несмотря на всѣ эти мѣры, именно изъ башни стало бѣгать очень много.

Императоръ Александръ I, посѣтившій Илецкую Защиту наканунѣ того, чтобы ѣхать въ Таганрогъ, былъ на башнѣ и простилъ всѣхъ арестантовъ, запретивъ впредь содержать ихъ въ ней. Во время пріѣзда же Александра II, тогда еще наслѣдника, въ сороковыхъ годахъ, арестанты поселены на вольныхъ квартирахъ подъ именемъ мастеровыхъ. Съ тѣхъ поръ опустѣли обширныя зданія, стоившія казнѣ, вѣроятно, огромныхъ суммъ. Въ нихъ помѣщаются теперь лазаретъ и богадѣльня для рабочихъ.

Граматчиковъ очень хвалилъ крѣпость зданій, построенныхъ изъ гипса, если только этотъ послѣдній всегда покрытъ штукатуркой. Фундаменты всѣхъ зданій вообще въ Илецкой Защитѣ сдѣланы изъ гипса. Но въ фундаментѣ этотъ матеріалъ крошится. Башня построена изъ гипса. Въ Защитѣ, можетъ быть единственномъ пунктѣ на земномъ шарѣ, дома строятся еще изъ трехполѣнныхъ дровъ; для этого дѣлается родъ переплетовъ изъ поперечныхъ и продольныхъ брусьевъ, которые и забираются бревнами. Домъ управляющаго построенъ такимъ образомъ и уже стоитъ двадцать лѣтъ.

13-го іюня. Вчера пріѣзжала изъ Оренбурга въ Илецкую Защиту цѣлая банда инженерныхъ офицеровъ со своимъ генераломъ Т-мъ, очень добрымъ и очень глупымъ старичкомъ. Они пріѣзжали смотрѣть копи. Граматчиковъ говорилъ, что онъ въ восемь лѣтъ службы

въ первый разъ видитъ такое количество нежданныхъ гостей въ Защитѣ.

Позабылъ сказать, что недалеко отъ Защиты лежитъ озеро соленой воды, купанье въ которомъ, говорятъ, весьма полезно. Въ кое-какія времена сюда съѣзжаются больные.

Сегодня рано утромъ мы выѣхали изъ Илецкой Защиты, приказавъ везти насъ по направленію къ Илецкому Городку.

Степь, бѣдная растительностью у Защиты (хотя, какъ я тутъ слыхалъ, земледѣліемъ здѣсь можно заниматься съ выгодою), становится болѣе плодородною по мѣрѣ нашего движенія. Вскорѣ стали кое-гдѣ попадаться пашни, разбросанныя по сторонамъ дороги. Направо, верстахъ въ четырехъ или пяти отъ дороги, остался большой выселокъ, называемый казаками Мертвецовскимъ форпостомъ. Далѣе рѣка Илекъ подбѣгаетъ близко къ дорогѣ. Широкая долина рѣки покрыта превосходною зеленью и мѣстами довольно густою урёмою, состоящею изъ ветлы, ивы, осокора и кое-гдѣ тополя. Тысячи воронъ кричали и шумѣли въ этихъ рощахъ. Недалеко отъ Илека, однако-же на семь верстъ разстоянія, лежатъ казачьи пашни, дающія хлѣбъ безъ помощи искусственнаго орошенія. Хлѣбъ, стоящій на корню, очень хорошъ, какъ озимый, такъ и яровой.

Мы пріѣхали въ станицу Григорьевскую. Въ домѣ форпостнаго начальника застали мы собраніе гласныхъ судей. На наши вопросы объ урожаяхъ они отвѣтили, что въ этомъ году, благодаря Бога, всходы очень хороши, но что въ прошломъ и позапрошломъ году былъ неурожай.

— Воды было мало, говорили они; дождя Богъ не давалъ, земля ссохлась въ комъ. Остаточный хлѣбъ поѣла кобылка, которая разоряла насъ три года. Въ этомъ году съ дождями она начала пропадать.

Тутъ же намъ пояснили, что ямщикъ повезъ насъ не по пути въ Илецкій Городокъ, что черезъ Григорьевское лежитъ дорога, выходящая на караванный путь изъ степи, и что, наконецъ, для того, чтобы выѣхать на уральскую дорогу, намъ нужно вернуться въ Защиту. Мы побранились и посердились; однако; дѣлать нечего, поѣхали назадъ.

Жаръ былъ удушливъ. Температура стояла выше 30° по Реомюру. Я дремалъ въ тарантасѣ, весь мокрый отъ пота.

Проѣзжая мимо копей, я пошелъ смотрѣть на работы, которыхъ вчера не было, благодаря празднику. Сотни телѣгъ малороссійской конструкціи, запряженныхъ волами, спустившись по колесной дорогѣ, ведущей въ яму, стояли на днѣ ея, ожидая своей очереди, чтобы нагрузиться солью, тогда какъ другія сотни стояли еще за воротами разработки.

Часа въ три пополудни мы поѣхали въ Изобильную станицу, гдѣ рѣшились ночевать, такъ какъ тамъ находится ставка султана-правителя Средней части.

Дорога изъ Защиты проходитъ по плотинѣ черезъ какой-то ручеекъ. Здѣсь мельница. Около лѣсокъ, разведенный, какъ намъ говорили, искусственно. Слѣдовательно, лѣсоводство возможно тутъ, хоть мѣстами. Проѣхали черезъ большія станицы Мертвецовскую и Ветлянку.

Начальникъ послѣдней спрашивалъ насъ, какъ ему поступить: въ позапрошломъ году, по случаю неурожая и крайняго обѣднѣнія жителей, было выдано изъ войсковыхъ суммъ Оренбургскаго войска семнадцать тысячъ рублей для раздачи заимообразно наиболѣе пострадавшимъ казакамъ. Теперь прошло уже два года, оба неурожайные; жители обѣднѣли еще болѣе и не могутъ отдать долга.

— На мои требованія, прибавилъ онъ, они гово-

рятъ: «возьми дѣтей, продай ихъ, авось что-нибудь дадутъ. У насъ болѣе ничего нѣтъ».

Пріѣхали въ Изобильную и хотѣли остановиться въ ставкѣ. Оказалось, что это простой казачій домъ, нанятый султану Средней части для зимовки. Тутъ же живетъ письмоводитель султана. Послѣдняго не было дома; онъ поѣхалъ на рѣку Кабаргу, гдѣ, въ присутствіи губернатора Баллюзека, будетъ съѣздъ всѣхъ почетныхъ лицъ для разграниченія киргизовъ Сыръ-дарьинскихъ и Оренбургскихъ. Въ ставкѣ султана, за отсутствіемъ хозяина, былъ большой безпорядокъ.

Вскорѣ пришелъ письмоводитель и начальникъ девятой дистанціи Средней части, Мухамедъ Сафаръ Белтеневъ. Отъ перваго мы быстро отдѣлались и довольно долго разговаривали съ послѣднимъ. Белтеневъ отвѣчалъ очень осторожно, со всею осмотрительностью и недовѣрчивостью дикаря и чиновника. На вопросы наши о начальствѣ Белтеневъ говорилъ, что ихъ начальство хорошо, потому что поставлено губернаторомъ, а что на желаніе народа нечего обращать серьезнаго вниманія, потому что народъ киргизскій глупъ и самъ не знаетъ чего хочетъ. Белтеневъ отзывался съ уваженіемъ про новоназначеннаго султана Западной части, ротмистра Селдалина, довольно образованнаго киргиза, кончившаго курсъ въ кадетскомъ корпусѣ.

— Оттого онъ такой хорошій, прибавилъ Белтеневъ, что учился, а потомъ жилъ не съ киргизами и видѣлъ все такое хорошее.

Про споры съ казаками по кражамъ и потравамъ дѣла рѣшаются выборными судьями по два и по три человѣка (иногда и болѣе, смотря по важности дѣла) со стороны киргизовъ и казаковъ. Приговоръ ихъ обыкновенно считается окончательнымъ. Формальныя слѣдствія, которыхъ одинаково боятся обѣ стороны, возбуждаются только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ ка-

зачьи власти хотятъ постановить рѣшеніе сами, безъ вліянія киргизской юрисдикціи.

Поземельные споры между киргизами рѣшаются ихъ собственными властями до султана-правителя включительно, впрочемъ, при посредствѣ и помощи рѣшенія спорнаго дѣла біями.

Зимовки у киргизъ, кочующихъ близъ Илека, со времени занятія русскими праваго берега рѣки, когда туземцы были стѣснены, стали постоянныя. Прежде же киргизы передвигались съ мѣста на мѣсто даже зимою. Зимовки не продаются, по словамъ Белтенева, а переходятъ къ дѣтямъ отъ отца. Впрочемъ, родичи, зимующіе обыкновенно группами недалеко другъ отъ друга, могутъ отвести кому-нибудь зимовку «изъ чести».

14-го іюня. Ѣхали все время по правому берегу Илека по казачьимъ станицамъ. Несмотря на дурныя постройки, которыя характеризуютъ отсутствіе лѣса, казаки пользуются довольствомъ. На разспросы наши они отвѣчали, что луговъ у нихъ довольно, но что было бы очень полезно удалить киргизъ съ лѣваго берега. Эти просьбы имѣютъ только одинъ смыслъ. Онѣ доказываютъ непомѣрную жадность казаковъ, развитую легкостью пріобрѣтенія земель въ степяхъ и потворствомъ властей ихъ разнымъ произволамъ и требованіямъ. Когда Илецкіе казаки узнали, что въ прошломъ году коммисія, Высочайше командированная, подъ предсѣдательствомъ генерала Длотовскаго, для разграниченія Уральскаго войска съ киргизами, рѣшила, наперекоръ права и государственной пользы, дѣло въ пользу казаковъ, Илецкіе казаки отыскали тоже какую-то царскую грамоту на право пользованія всѣми угодьями Илека и теперь затѣваютъ рядъ требованій на лѣвый берегъ.

Урожай въ этомъ году хлѣба и травъ очень хорошъ, такой, какого никто не запомнитъ.

Внутренность домовъ очень неопрятна по сравненію съ чисто прибранными жилищами Сибирскихъ крестьянъ и казаковъ. Почти у каждаго дома бабы и мальчишки дѣлали кизякъ. Для этого навозъ растилается на землѣ толстымъ слоемъ и поливается водою до того, что обращается въ какую-то кашу. Тѣмъ временемъ босоногія женщины и дѣти мнутъ навозъ ногами. Когда вся масса пропитается водою равномѣрно, навозъ ногами же вдавливается въ четыреугольныя формы въ футъ длиною. Полученный кирпичъ относится и кладется на сухую землю. Послѣ, когда онъ немного подсохнетъ, кирпичи складываются въ пирамиды, пустыя въ срединѣ, такимъ образомъ, чтобы воздухъ могъ ихъ просушивать со всѣхъ сторонъ.

На наши вопросы о спорахъ съ киргизами, казаки отвѣчали, что рѣдко, когда споры о потравахъ и по кражамъ идутъ оффиціальнымъ путемъ. Обыкновенно же все кончается мировою сдѣлкою.

Около полудня въѣхали въ территорію Уральскаго войска. Это сейчасъ было замѣтно по пикетному дому, впереди котораго стояла сошка съ полдюжиной пикъ и часовымъ.

На пикетахъ живутъ обыкновенно служилые казаки, которые несутъ всю внѣшнюю службу станицъ. Такъ какъ эти казаки нанимаются войскомъ, то на нихъ, не жалѣя, наваливаютъ все, что можетъ избавить казаковъ, не находящихся на службѣ, отъ постороннихъ хлопотъ, чуждыхъ ихъ хозяйству и домашней жизни.

Въ станицахъ Уральскаго войска, которыя мы проѣзжали, есть особенный характеръ. Лица казаковъ чрезвычайно типичны; казачки одѣты въ сарафаны и недружелюбно посматриваютъ на проѣзжихъ *иногородныхъ*. Почти всѣ казаки старовѣры. Впрочемъ, въ составѣ

войска есть много татаръ и нѣкоторая часть православныхъ.

Насъ везли здѣсь очень шибко. На поляхъ, тянущихся по сторонамъ дороги, засѣяны бахчи арбузами, главнымъ предметомъ здѣшняго посѣва. Посѣяна также мѣстами пшеница, просо. Земледѣліе, говоря вообще, не составляетъ главнаго промысла жителей. Зато скота у нихъ множество.

Въ станицѣ Затонной пили чай у начальника дистанціи, есаула Буренина. Это мрачный и, какъ замѣтно, крайне подозрительный господинъ. Онъ жаловался, что, со времени размежеванія уральцевъ киргизы, стали мстить казакамъ безпрерывнымъ угономъ скота и частымъ воровствомъ. Говорилъ также, что киргизы дѣлаютъ порубки въ казачьихъ дачахъ; несмотря на то, Буренинъ сказалъ, что дѣла большею частью кончаются мировыми сдѣлками.

Буренинъ глумился яко бы отъ души надъ нетерпимостью и изувѣрствомъ уральцевъ, надъ тѣмъ, что, отдавая своихъ дѣтей на обученіе «старицамъ», они не пускаютъ ихъ въ школу.

— Недавно, говорилъ онъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ открылась новая секта. Она отвергаетъ святыя иконы. Послѣдователи этой секты провертѣли дырочки въ хатахъ на востокъ и молятся въ нихъ.

Сотникъ говорилъ также, что въ станицѣ Затонной и трехъ другихъ, лежащихъ вверхъ по Илеку, постоянные урожаи.

Буренинъ принадлежитъ къ фамиліи, наиболѣе преданной казачеству. Уральское войско смотритъ недружелюбно на русскихъ и хочетъ жить самобытно сложившеюся общинною жизнью своею. Всякое неудовольствіе уральцевъ выражается тѣмъ, что офицеры начинаютъ распускать изъ-подъ руки слухи о возможности возстанія. Этимъ они успѣвали достигать всѣхъ своихъ

цѣлей. Въ послѣдній годъ генералъ-губернаторства Безака ссоры между казаками и киргизами за покосные луга лѣваго берега Урала достигли опасныхъ размѣровъ. Безаку докладывали, что, если правительство не рѣшитъ дѣла въ пользу казаковъ, то возможенъ въ войскѣ бунтъ. Нужно замѣтить, что эти ссоры происходили очень давно, еще въ управленіе Перовскаго. Послѣдній, кажется въ 1830 году, приказалъ ежегодно отводить мѣста для покосовъ казачьихъ и киргизскихъ; но казаки и тутъ обижали киргизъ и вооруженною рукою иногда прогоняли ихъ съ отведенныхъ участковъ.

Желая убѣдиться, въ какой степени сложно положеніе дѣлъ, генералъ Безакъ поѣхалъ самъ въ Уральскъ. Однимъ изъ лицъ, наиболѣе грозившихъ возстаніемъ, былъ Буренинъ, братъ сотника, съ которымъ мы теперь говорили, членъ войсковой канцеляріи. Увидя, что дѣла могутъ принять дурной оборотъ, Буренинъ застрѣлился. Уральцы назвали его жертвою казачьихъ правъ. Между тѣмъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Крыжановскій. Не желая брать на себя отвѣтственность за рѣшеніе поземельнаго спора уральцевъ съ киргизами, онъ просилъ назначить изъ Петербурга особенную коммисію. Военный министръ выбралъ предсѣдателемъ ея генерала Длотовскаго. Уральскіе казаки съ тѣмъ тактомъ, которымъ характеризуются всѣ крѣпкія политическія организаціи, распустили сейчасъ же слухъ, что киргизы собрали шестьдесятъ тысячъ рублей для того, чтобы заплатить за рѣшеніе дѣла въ свою пользу. Этимъ они запугали всѣхъ людей, боящихся за свою репутацію. Потомъ казаки приплели какъ-то сюда польскую пропаганду и говорили, что поляки усиленно хлопочутъ объ отдачѣ киргизамъ лѣваго берега Урала. Не понимая дѣла и не желая вникнуть въ него, не имѣя, можетъ быть, достаточно политическаго такта, чтобы понять, что правительство не должно и не можетъ, не

компрометируя себя, угождать уральской общинѣ, генералъ Длотовскій, не выѣзжая еще изъ Уральска, выражалъ мысль, что у киргизъ земли много и потому рѣшилъ дѣло такъ, какъ хотѣли казаки.

Это, по моему мнѣнію, можетъ повести къ новымъ какимъ-либо со стороны уральцевъ угрозамъ, а можетъ быть и новымъ уступкамъ. Да вѣдь все это вредъ. Развѣ, впрочемъ, ничего! Aprés nous le déluge!

Буренинъ, разговаривая съ нами, глумился отъ души надъ претензіями Илецкихъ казаковъ. Онъ говорилъ, что они постоянно ссорятся съ уральцами, во-первыхъ, за то, что ихъ не пускаютъ на рыбныя ловли, во-вторыхъ, за пограничную черту. Илецкіе казаки составляютъ дистанцію Уральскаго войска. Ихъ около 12.000, цифра почтенная, при общей цифрѣ войска въ 95.000. Буренинъ говорилъ, что ихъ не пускаютъ на ловли потому, что они не несутъ внѣшней службы, а охраняютъ только свою собственную территорію. Въ прошломъ году Илецкіе казаки подали даже жалобу на уральскихъ властей и на пристрастіе ихъ къ своимъ. Между прочимъ они просили не назначать къ нимъ начальниковъ изъ уральцевъ. Согласно ихъ просьбѣ, имъ прислали сотника Покатилова, изъ Оренбургскаго войска. Этими ссорами можно когда-нибудь воспользоваться правительству, если оно захочетъ подчинить себѣ непосредственно уральскую коммуну.

Буренинъ разсказывалъ также про тѣ строгости, которыя прежде были, если кто вздумаетъ плавать по Уралу послѣ того, какъ заложенъ учугъ. Многіе офицеры, несоблюдавшіе войсковыхъ положеній и пугавшіе, такимъ образомъ, рыбу, были разжалованы въ казаки. Теперь послѣ того, какъ заколоченъ учугъ, всѣ байдары отбираются и по форпостамъ связываются цѣпью и замыкаются до половодья. Учугъ теперь еще не забитъ, но забьется скоро.

Изъ Затонной мы поѣхали въ Илецкій Городокъ. По пути шелъ проливной дождь. Отсюда мы послали увѣдомленіе султану Али-Мегмету Сейдалину, новому правителю Западной части, прося его, согласно предписанію, ему данному, выслать часть конвоя, находящагося при немъ, куда-нибудь на линію и увѣдомить насъ о мѣстѣ, куда онъ прибудетъ.

15-го іюня. Утромъ пришелъ къ намъ городничій Илецкаго Городка сотникъ Бородинъ и султанъ Саматовъ (чиновникъ областного правленія, хорунжій, находящійся при султанѣ-правителѣ Западной части). У нихъ въ нашемъ присутствіи завязался споръ о земляхъ лѣваго берега Урала и Бородинъ не могъ привести достаточно сильныхъ доводовъ, чтобы оправдать или защитить дѣйствія коммисіи по разграниченію. Между тѣмъ Саматовъ говорилъ, что въ этомъ нормальномъ спорѣ заинтересовано семь дистанцій, что составитъ огромное населеніе, которое лишено не только луговъ, но частью и водопоевъ; если нѣкоторые водопои и остались, то потому только, что Уралъ кое-гдѣ оставляетъ по лѣвому берегу лиманы и протоки. — Для васъ же, говорилъ Саматовъ, которые не знаете, куда употребить избытокъ земли, выигрышъ процесса—только увеличеніе богатства.

Такъ какъ Саматовъ только недавно кончилъ курсъ въ корпусѣ, то я просилъ его содѣйствія по разъясненію коммисіи вопросовъ о внутреннемъ бытѣ киргизъ. Я обѣщалъ ему ходатайство коммисіи передъ властями. Онъ согласился.

Утромъ около двѣнадцати часовъ выѣхали далѣе къ Уральску. Переправившись на паромѣ подъ самымъ городкомъ черезъ Уралъ, мы поѣхали по правому его берегу.

Дорога идетъ первоначально между громадныхъ ивъ

и ветлъ, на стволахъ которыхъ ежегодныя разлитія Урала оставили бѣлыя полосы. Между деревьями росла высокая, сочная трава. По вѣтвямъ перепархивали горлицы, которыхъ тутъ множество. Воздухъ былъ очень хорошъ. Тамъ, гдѣ Уралъ отдалялся отъ насъ, онъ оставлялъ широкіе луга, заросшіе густымъ мелкотравіемъ. Богатыя здѣсь угодья! Какъ доказательство того, что казаки не могутъ потреблять евоимъ скотомъ даже того, что у нихъ есть, на многихъ мѣстахъ луговъ стояли еще прошлогодніе стоги.

— Что будутъ дѣлать съ прошлогоднимъ сѣномъ? спросилъ я нашего ямщика.

— «Найдутъ что. Изведутъ какъ-нибудь. Отъ достатку вреда не будетъ»!

На обширныхъ лугахъ стояло много озеръ, частью оставленныхъ разлитіемъ Урала и высыхающихъ, частью же остающихся съ водою до новаго половодія. По берегамъ этихъ озеръ бродили утки и другія птицы.

Станціи между Илецкимъ Городкомъ и Уральскомъ маленькія, въ десять—пятнадцать верстъ. Это отнимало у насъ много времени. Лошади не вездѣ были на лицо, оттого запряжка шла очень медленно. Дорога все время шла берегомъ Урала, который безпрерывно измѣнялъ свой характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ протекалъ однимъ русломъ между высокихъ пустынныхъ песчаныхъ береговъ; въ другихъ—плодородная долина расширялась и по ней шли протоки и рукава.

Протоки большею частью поросли густою уремою изъ ветлы, осокора и тополя. Вся долина зеленѣла обильными лугами и эта богатая кайма, то приближаясь, то отдаляясь, тянулась все время влѣво отъ дороги, тогда какъ правѣе простиралась ровная и далекая степь, по которой кое-гдѣ бродили стада. Мѣстами на нѣсколько сотъ или тысячъ шаговъ шли совершенно лишенные растительности пески; мѣстами, по сторонамъ

дороги, шли бахчи съ неизмѣнными на нихъ арбузами. Впереди, въ густой купѣ деревьевъ, которыя, къ чести войска, здѣсь очень берегутъ, показывались большія станицы съ единовѣрческою церковью уродливой архитектуры.

Въ этихъ станицахъ живетъ смѣсь всевозможныхъ племенъ. Татары, калмыки, русскіе колонисты и бѣглые, потомки стрѣльцовъ, раскольниковъ, преступниковъ и всякаго люда, протестовавшаго противъ существовавшаго въ Россіи порядка. Старовѣры придали всему войску характеръ сепаратности и исключительности. Уральцы смотрятъ на русскихъ недружелюбно.

— Есть самоваръ?

— Нѣтъ.

— Молоко?

— Нѣтъ.

— Хлѣба?

— Нѣтъ.

— Ничего нѣтъ поѣсть?

— Ничего!

— Вотъ обыкновенный здѣсь отвѣтъ пріѣзжимъ. Мы, какъ командированные по Высочайшему повелѣнію, не слыхали, впрочемъ, этихъ отвѣтовъ.

Ночь, дождливая и непріятная, застигла насъ за три станціи не доѣзжая до Уральска.

16-го іюня. Утромъ рано пріѣхали въ Уральскъ. Шелъ проливной дождикъ при нашемъ въѣздѣ въ городъ. Не знаю почему я воображалъ Уральскъ маленькимъ городкомъ, почти станицею, между тѣмъ какъ столица войска весьма красивенькій и порядочно обстроенный городъ. Въ Уральскѣ восемь церквей; изъ нихъ только одна православная; остальныя, soit disant, единовѣрческія, хотя въ одну изъ нихъ не пускается никто изъ непосвященныхъ въ извѣстные сектаторскіе принципы. Глав-

ная улица, кажется Казанская, обставлена очень красивыми домами, почти исключительно каменными. Насъ повезли въ полицію, откуда ловкій урядникъ доставилъ насъ въ домъ Безъянова, въ которомъ для насъ былъ очищенъ весь верхній этажъ. Домъ очень хорошъ, меблированъ порядочно, даже съ нѣкоторою претензіей. Комнаты высоки и довольно удобны.

17-го іюня. Утромъ поѣхали съ визитомъ къ атаману Николаю Александровичу Веревкину, живущему на атаманской дачѣ верстахъ въ трехъ отъ города; потомъ были у генерала Матвѣева и городничаго Сумкина. Обѣдать поѣхали къ Веревкину. Недавно онъ женился на m-lle Савиной, племянницѣ полковника Савина, изобрѣтателя самовзрывныхъ фугасовъ, закладывать которые была моя обязанность. Я видѣлъ Михаила Степановича Савина теперь проѣздомъ черезъ Оренбургъ, гдѣ онъ служилъ при генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ. Онъ сдѣлалъ большія усовершенствованія въ аппаратахъ фугасовъ, такъ что можетъ взрывать скрытыя мины въ извѣстное время послѣ закладки, безъ необходимости надавливать фугасы. Я просилъ его приготовить одинъ подобный аппаратъ, который и взялся доставить военному министру.

Послѣ обѣда мы гуляли по саду, окружающему дачу и разведенному на войсковыя суммы. Садъ существуетъ благодаря обильнымъ поливкамъ изъ протока Урала, протекающаго подъ дачею. Тутъ же недалеко идетъ другой садъ, разбитый тоже на войсковыя суммы въ качествѣ образцоваго. Въ немъ есть оранжереи и грунтовые сараи. Клубника, вишни и малина, которыя мы ѣли послѣ обѣда, выращенныя въ войсковомъ саду, очень вкусны и хороши. Поздно вечеромъ катались на шести-весельномъ баркасѣ при яркомъ освѣщеніи луны. Этотъ баркасъ доставленъ сюда изъ Астрахани.

18-го іюня. Утромъ записывалъ въ книгу. Часа въ три пополудни пріѣхалъ экипажъ отъ Веревкина просить насъ обѣдать. Мы поѣхали. Послѣ обѣда играла въ саду музыка, сформированная на войсковыя суммы. Вечеромъ понаѣхало много гостей. Здѣсь я познакомился съ Безъяновымъ, нашимъ хозяиномъ, живущимъ теперь на своей дачѣ.

Я долго говорилъ съ Веревкинымъ. Онъ говорилъ, что разграниченіе, произведенное коммисіей, совершенно законно, что есть безспорныя доказательства въ войсковой канцеляріи, что весь лѣвый берегъ Урала съ давнихъ временъ принадлежалъ казакамъ на двадцать пять верстъ разстоянія, гдѣ стоялъ рядъ казачьихъ форпостовъ; что въ 1830 году графъ Перовскій дозволилъ киргизамъ, въ видѣ временной мѣры, косить на лѣвомъ берегу, въ мѣстахъ, которыя имъ будутъ отведены, и что, наконецъ, эта временная мѣра обратилась какъ-бы въ законъ, давшій киргизамъ право претендовать на владѣніе лѣвымъ берегомъ. Правда, согласно разграниченію, произведенному коммисіей Длотовскаго, рѣка собственно отошла къ казакамъ, за то много лимановъ, протоковъ и рукавовъ рѣки поступило со своими лугами въ вѣчное владѣніе киргизовъ; тѣхъ же ордынцевъ, которые жили на землѣ, отошедшей къ киргизамъ, велѣно выселить на кряжъ.

Смотря съ точки зрѣнія права казаковъ, завоевавшихъ весь лѣвый берегъ Урала къ востоку на двадцать пять верстъ, можно сказать, что киргизы пріобрѣли разграниченіемъ сорокъ пять тысячъ десятинъ луговъ, не считая большого количества другихъ земель.

На сомнѣніе, которое я выразилъ по поводу шестидесяти тысячъ рублей, собранныхъ киргизами для уплаты взятокъ лицамъ, имѣвшимъ вліяніе на разграниченіе, Веревкинъ сказалъ, что это положительно вѣрно, что съ нимъ, какъ и я, спорилъ Баллюзекъ, который, однако,

убѣдился, будучи въ степяхъ, что разсказы о шестидесяти тысячахъ рублей совершенно вѣрны, что онъ, Баллюзекъ, послѣ и говорилъ Веревкину.

На счетъ коммунистической организаціи войска Веревкинъ отзывался съ уваженіемъ. Все имущество войска — луга, воды, ловли, находится на правѣ общиннаго владѣнія. Какъ бы ни былъ высоко поставленъ человѣкъ въ войскѣ, его права отличаются отъ права простого казака только количествомъ рабочихъ, высылаемыхъ на луга или количествомъ байдаръ и лодокъ, отправляемыхъ на уловъ. Вслѣдствіе такой организаціи, очень бѣдныхъ людей въ войскѣ нѣтъ, за то придавливается индивидуальность. Въ войскѣ есть около восьми человѣкъ казаковъ, у которыхъ считается болѣе милліона капитала. Эти капиталисты безпрерывно просятъ о дозволеніи выйти изъ войска, потому что, состоя въ немъ, они подвержены разнымъ стѣсненіямъ, не дающимъ имъ возможности безпрепятственно заниматься торговлею.

Положеніе офицеровъ, особенно бѣдныхъ, въ войскѣ тоже безвыходное. Чины для нихъ не имѣютъ значенія, если оставить въ сторонѣ безразличное честолюбіе. Прослуживъ тридцать или тридцать пять лѣтъ, офицеръ выходитъ въ отставку безъ пенсіи съ правомъ нѣсколько увеличеннымъ относительно прочихъ участвовать на покосахъ или уловахъ; но и для этого нужны деньги. Нарядъ на службу производится наймомъ и въ случаѣ посылки сотенъ въ степь, стоитъ до трехъ сотъ рублей на два года на человѣка. Наемъ, вслѣдствіе котораго выбираются на службу бѣднѣйшіе люди или такіе, которые обвыкли въ военной службѣ, вещь очень хорошая.

Такимъ образомъ, организація Уральскаго войска, въ которой общинное начало доведено до крайностей, до послѣднихъ фантазій Прудона, имѣетъ свои выгодныя и невыгодныя стороны.

На мой вопросъ, отчего Веревкинъ не хлопочетъ о дарованіи войску права выхода изъ общины, онъ отвѣтилъ, что предполагаетъ просить объ этомъ начальство. На намекъ, сдѣланный Г-мъ и мною, о томъ, было ли бы полезно Уральскаго атамана сдѣлать и губернаторомъ части киргизской степи до Мугоджарскихъ горъ, Веревкинъ отвѣчалъ, что это было бы очень полезно послѣ того, какъ хозяйственная часть войска будетъ изъята изъ вѣдѣнія атамана, т. е. послѣ того, какъ къ уральцамъ будутъ примѣнены мировыя учрежденія.

Капиталъ войска равняется въ настоящее время шестистамъ тысячъ рублей; изъ нихъ въ долгахъ числится до двухсотъ тысячъ. Неисправныхъ должниковъ хотятъ заставлять зарабатывать свой долгъ нарядомъ на общественныя работы. Долгъ усилился особенно въ прошломъ году, когда были экстренно потребованы въ степь къ Черняеву двѣ сотни. Наемку дѣлать было некогда. Были вызваны охотники, имъ заплатили изъ войсковыхъ суммъ, а очередные не уплатили еще этой наемки. Экстренные расходы заключаются еще въ постройкѣ института, стоящаго сорокъ пять тысячъ рублей, и четырехъ церквей.

Веревкинъ разсказывалъ еще про затрудненія, которыя онъ испытываетъ, благодаря путаницѣ, надѣланной бывшимъ атаманомъ Столыпинымъ.

Желая обратить раскольниковъ въ православіе, онъ, при содѣйствіи бывшаго епископа Оренбургскаго, заключилъ съ казаками слѣдующее условіе. Казакамъ старообрядцамъ дозволяютъ строить церкви. Духовными ихъ дѣлами завѣдуетъ атаманъ, но нашу іерархію они не приняли и просили своихъ выборныхъ поповъ. Столыпинъ согласился на эти условія, а самъ написалъ архіепископу, что казаки приняли единовѣріе. Теперь казаки одного прихода въ Уральскѣ требуютъ себѣ другого попа. Оренбургскій архіерей, предполагая, что

онъ имѣетъ право рукополагать, вмѣшался въ это дѣло; казаки же требуютъ утвержденія попа атаманомъ, имѣя на то свои основанія.

Другое затрудненіе, испытываемое Веревкинымъ, состоитъ въ томъ, что Романовскій, въ короткое время своего управленія войскомъ, наобѣщалъ направо и налѣво цѣлыя кучи благодѣяній; кромѣ того, онъ поназначалъ на довольно важныя мѣста людей совершенно неспособныхъ. Вслѣдствіе того Веревкинъ говоритъ, что ему приходится расхлебывать много каши, заваренной не имъ.

Вообще же, со временъ атаманства Толстого до Романовскаго, атаманы чрезвычайно избаловали войско. Самый способный изъ нихъ былъ атаманъ Дандевиль, но онъ имѣлъ большія затрудненія, которыя кончились выходомъ его изъ войска. Дандевиль, по словамъ Веревкина, не имѣя на то законнаго права, вмѣшался единолично въ поземельные споры Илецкихъ казаковъ съ собственно Уральскими и рѣшилъ это дѣло въ пользу Илецкихъ. Войсковая канцелярія протестовала. Дандевиль посмотрѣлъ на протестъ, какъ на цѣлое возстаніе, и въ такомъ видѣ представилъ дѣло генералу Безаку. Въ числѣ особенно противодѣйствовавшихъ Дандевилю былъ Желѣзновъ, членъ войсковой канцеляріи и извѣстный писатель объ Уральскихъ казакахъ. Онъ, какъ говоритъ Веревкинъ, былъ человѣкъ крайнихъ революціонныхъ убѣжденій. На ловлѣ рыбы въ Каспійскомъ морѣ, гдѣ Желѣзновъ командовалъ по очереди, онъ, оскорбленный постоянными преслѣдованіями Дандевиля, вызванными поведеніемъ Желѣзнова въ войсковой канцеляріи, говорилъ казакамъ какія-то рѣчи революціоннаго характера. Дандевиль узналъ про нихъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ Безакъ и разогналъ всю канцелярію, кромѣ Безъянова, едва ли, однако, не главнаго зачинщика противодѣйствій Дандевилю.

Желѣзновъ, опасаясь за свое поведеніе на Каспійскомъ морѣ, застрѣлился. Слѣдовательно, все то, что Г-ій говорилъ мнѣ про Буренина, совершенно невѣрно.

Послѣ смерти Желѣзнова, Дандевиль не оставилъ его въ покоѣ. Онъ запретилъ хоронить его по христіанскому обряду, на что, впрочемъ, имѣлъ полное право, и запретилъ проносить тѣло мимо атаманскаго дома, а приказалъ нести его какими-то закоулками. Это возмутило всѣхъ уральцевъ и похороны Желѣзнова походили на манифестацію противъ атамана. Послѣ того Дандевиль не могъ болѣе оставаться и просилъ уволить его отъ управленія Уральскимъ войскомъ.

— Жаль, что такъ случилось, прибавилъ Веревкинъ; Дандевиль способный человѣкъ и могъ сдѣлать много хорошаго.

19-го іюня. Хотѣли ѣхать сегодня утромъ, но не могли поспѣть. Булочникъ не принесъ сухарей, которые мы ему заказывали; сапожникъ позабылъ доставить ичиги; портной — чамбары, и, наконецъ, я самъ не поспѣлъ окончить все предположенное. Отъѣздъ отложенъ до послѣ обѣда.

Утромъ пріѣхалъ къ намъ Веревкинъ. Говорилъ болѣе утвердительно про пользу образованія въ Уральскѣ губернаторства изъ Западной части киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. Думаетъ, что домъ, дача, освѣщеніе, отопленіе атаманскихъ помѣщеній можно оставить безъ затрудненія за будущимъ губернаторомъ и атаманомъ вмѣстѣ. Разсказывалъ, что онъ проектировалъ выдачу пенсіи отставнымъ офицерамъ войска, а потребная сумма образовывается учрежденіемъ особаго налога на кожи (по полторы копѣйки за штуку). Онъ жаловался, что войсковой капиталъ, образуемый отъ сбора акциза на соль при вывозѣ за предѣлы войска соленой рыбы, недостаточенъ и въ послѣднее время

образовывается постоянный дефицитъ. Про нравственныя качества казачьихъ офицеровъ онъ отзывался двусмысленно. Бранитъ на чемъ свѣтъ стоитъ Ч. и разсказываетъ про него такія штуки, которыя, если вѣрны на половину, то и то должны очень его компрометировать. Бранитъ легкомысліе К. и «штуки», какъ онъ говоритъ, Р. Впрочемъ, все это выражается въ очень сдержанной формѣ.

Часа въ три поѣхали обѣдать къ Веревкину и, какъ всегда, провели весело время въ его милой семьѣ. Пріѣхавши отъ него часовъ въ пять, ѣздилъ на почту отдать письмо и купить марокъ, да кстати проѣхался по городу.

Главная улица, Казанская, обстроена довольно хорошо. Большинство зданій каменныя. При въѣздѣ и выѣздѣ каменныя ворота, прорѣзанныя въ валу, окружающемъ городъ. Говорятъ, что еще при Екатеринѣ II иногородныхъ русскихъ пускали въ городъ только по разрѣшеніямъ самой царицы. Восемь каменныхъ церквей, изъ нихъ, какъ сказано выше, только одна православная, а остальныя старовѣрческія и раскольничьи. Одна изъ этихъ церквей очень красива и своеобразна.

Расколъ поддерживается женщинами, въ особенности же начетчицами и мастерицами, т. е. учительницами, выучивающими на память псалтырь, потому пользующимися авторитетомъ синихъ чулокъ. Онѣ воспитываютъ дѣтей. Впрочемъ, Веревкинъ говорилъ, что въ послѣднее время замѣчается желаніе отдавать своихъ дѣтей въ школы, въ особенности такія, въ которыхъ учатъ толкомъ. Нѣкоторыя станицы просятъ сами объ открытіи въ нихъ школъ. По поводу послѣднихъ атаманъ разсказалъ любопытный курьезъ. Пріѣхалъ онъ въ одну дистанцію (не помню какую) и пошелъ смотрѣть школу. Учителемъ оказался татаринъ, впрочемъ, хорошо знающій русскій языкъ. Въ числѣ учениковъ

сидѣли дѣти казаковъ, татаръ, калмыковъ. Всѣ они держали книжки, которыя оказались псалтырями.

— Понимаютъ-ли магометанскія дѣти, что они читаютъ? спросилъ Веревкинъ.

— «Какъ же-съ, отвѣчалъ магометанинъ-учитель; я имъ толкую, когда они не понимаютъ».

— Ну, и на здоровье, подумалъ я про себя, прибавилъ Веревкинъ.

Женщины-уралки носятъ сарафаны, на которыхъ имѣется восемнадцать пуговицъ. Еще Палласъ замѣтилъ, что онѣ любятъ любовныя удовольствія. Кажется, онѣ и теперь такія же. Лицъ красивыхъ очень, впрочемъ, мало.

Въ маѣ и началѣ іюня на Уральскъ налетаютъ тучи мошекъ, мошкары, отъ которыхъ нѣтъ спасенья. Тогда всѣ жители надѣваютъ рѣдкія сѣтки, сплетенныя изъ пропитанныхъ дегтемъ нитокъ. Если такая сѣтка только накинута на голову, то мошки, которыя иначе кусаютъ очень больно, не подлетаютъ даже къ лицу. Въ іюнѣ снизу привозятъ въ Уральскъ рыбу и вмѣстѣ съ нею является въ городъ «муха», которая и властвуетъ тутъ до распродажи рыбы. Съ половины іюня беретъ силу комаръ и становится истиннымъ бичомъ города. Противъ него нѣтъ средствъ. Закрывая ставни, зажигаютъ передъ ночью въ комнатахъ «курево», т. е. богородицыну траву, отчего комаръ шалѣетъ; потомъ вмѣстѣ съ дымомъ выгоняютъ комаровъ изъ комнатъ и опять запираютъ ставни. Послѣ такой процедуры можно провести ночь спокойно.

Въ Уральскѣ есть очень красивый театръ и большія зданія. На одномъ изъ нихъ написано: «Уральское войсковое училище и Публичная библіотека»; на другомъ— «Уральское приходское училище» и на третьемъ—«Уральское дѣвичье училище». Независимо отъ того, строится институтъ. Чего еще? И все-таки пахнетъ старинными временами. Ѣздятъ исключительно въ долгушахъ; хо-

дятъ мужчины въ бухарскихъ халатахъ; всѣ снимаютъ шапки съ чисто военною выправкою, что при халатахъ раскланивающихся дѣлаетъ чрезвычайно странное впечатлѣніе. Всѣ мужчины носятъ форменныя шапки или кепи. Вообще говоря, впечатлѣніе, производимое Уральскомъ, ни съ чѣмъ несравнимо. Сквозь всякій сумбуръ болѣе всего пробивается азіатская дичь и изувѣрство до-никоновскихъ временъ.

Въ то время, какъ я это пишу, подъ окномъ квартиры какой-то заѣзжій еврей вертитъ шарманку, а жидовка вытягиваетъ «хуторочекъ».

Кругомъ стоитъ куча халатниковъ, европейцевъ или азіятовъ, Богъ ихъ знаетъ, мальчишекъ и дѣвочекъ. Все смотритъ съ тупымъ недоумѣніемъ на сына израилева. А, впрочемъ, можетъ и не съ тупымъ, а съ сарказмомъ, можетъ и съ чувствомъ озлобленія къ такой неблагочестивой новизнѣ.

Сейчасъ заиграла музыка на бульварѣ, что тянется подъ нашими окнами. Музыканты хорошо обучены и, вѣроятно, произведутъ бо́льшее цивилизующее вліяніе, чѣмъ разныя страстныя желанія выкрестить уральцевъ.

Погода за время нашего пребыванія въ Уральскѣ стояла хорошая. Жары были небольшія. Вечера стояли прохладные.

Скоро ѣдемъ по направленію въ Калмыковскую станицу.

20-го іюня. Вчера едва собрались въ дорогу къ одиннадцати часамъ вечера.

У Уральской заставы со стороны Внутренней Орды стояло множество возовъ, пришедшихъ сюда съ рыбою съ низовыхъ станицъ войска. Между возами мелькали огоньки кизяка, характеристическій запахъ котораго слышался далеко по степи. Кое-гдѣ слышались пѣсни возчиковъ. Картина была на половину малороссійская, на

половину чисто-степная, киргизская. Дорога испортилась дождями, шедшими наканунѣ. Глинистый грунтъ былъ разъѣзженъ возами, пришедшими на ярмарку въ Уральскъ, отчего нашъ тарантасъ прыгалъ такъ, что того и смотри, что ось пополамъ. Вечеръ былъ очень хорошій.

На второй станціи я дремалъ; вдругъ слышу сзади насъ продолжительный, настойчивый, нѣсколько разъ повторенный крикъ съ очевиднымъ намѣреніемъ остановить насъ.—Стой! Что́ такое?—Телѣга, ось сломалась, говоритъ откуда-то взявшійся верховой о двуконь татаринъ. Повернули назадъ. Дѣйствительно, передняя ось у нашей телѣги была сломана. Къ счастью, была запасная. Однако, покуда возились, мѣняя ось, покуда поднимали и налаживали тяжело нагруженную вещами телѣгу, прошла вся ночь. Чтобы дать нашимъ людямъ возможность устроиться основательно, на слѣдующей станціи, Ново-Чаганской, мы пили чай.

Казачій офицеръ, бывшій здѣсь, Пузаткинъ, говоря съ нами, жаловался на бѣдственное положеніе офицера Уральскаго войска.

— Насъ, говорилъ онъ, воспитываютъ въ кадетскомъ корпусѣ совершенно безъ пользы для будущей службы и учатъ именно тому, что́ неприложимо для насъ ни съ которой стороны. Выйдя изъ корпуса, офицеръ попадаетъ на подобный фо́рпостъ (а не форпо́стъ), не имѣя возможности ни читать, ни заниматься чѣмъ бы то ни было. Съ первыхъ же шаговъ обнаруживается тяжелое и фальшивое положеніе офицера. Чтобы устроить какую-нибудь одеженку, нужно взять впередъ не менѣе полугодового жалованья, т. е. сто рублей. Между тѣмъ, простой казакъ, нанимаясь въ нарядъ, получаетъ во внѣшней службѣ не менѣе трехъ сотъ рублей за два года; а я долженъ быть одѣтъ чище него; сѣдло мое и лошадь должны быть дороже. Впрочемъ,

благодареніе Богу и бывшему атаману Столыпину. Онъ выхлопоталъ двѣсти рублей жалованья казачьему субалтернъ-офицеру, а прежде мы получали 59 рублей въ годъ. Посудите, можно ли существовать этими деньгами? Потомъ офицеръ, находящійся на службѣ, еще получаетъ что-нибудь, а если онъ выходитъ, то лишается жалованья и пользуется правомъ сѣнокошенія на общинныхъ лугахъ и уловомъ. Ни тому, ни другому меня не учили въ корпусѣ, а это должно быть источникомъ моей жизни. Поневолѣ большинство офицеровъ старается нажиться незаконными путями и сдѣлать это какъ можно скорѣе, раньше чѣмъ на мѣсто его назначатъ кого-либо.

По мѣрѣ удаленія отъ Уральска характеръ мѣстности ухудшается. Хотя урема Урала довольно густа, зато степь, тянущаяся вправо отъ дороги, принимаетъ характеръ пустой, голодной степи. Глинистая солонцеватая почва только кое-гдѣ покрыта скудною растительностью и только долина Урала, когда она подбѣгала къ дорогѣ, блеститъ своею богатою зеленью. Верстахъ въ стахъ южнѣе Уральска земледѣліе прекращается. Невоздѣланныя поля пустынно лежатъ кругомъ, желтѣя мѣстами лысинами голой земли, лишенной всякой растительности. Сдѣдовательно, не лѣнь, какъ говорятъ мудрые Г. съ П., заставляетъ киргиза не пахать землю. Есть причины поважнѣе, заключающіяся въ мѣстныхъ затрудненіяхъ, можетъ быть, и въ невозможности ждать какого-нибудь урожая отъ неблагодарной солонцеватой почвы. Думаю далѣе, что живи киргизы на мѣстахъ Уральцевъ, они, какъ чрезвычайно искусные въ проведеніи ирригаціонныхъ канавокъ, вѣроятно, орошали бы поля, смежныя съ Ураломъ, и сѣяли бы кое-что. Но даже, если бы тутъ жили англичане, и тогда земледѣліе не могло бы развиться въ значительной степени. Во всякомъ случаѣ, на берегахъ Урала

есть предѣлъ, далѣе котораго трудно существовать земледѣльческимъ колоніямъ.

21-го іюня. Ночевали въ крѣпости Сахарной, въ домѣ дистанціоннаго начальника, подполковника Бородина. Часовъ въ семь поѣхали далѣе.

По мѣрѣ удаленія отъ Уральска въ станицахъ стали попадаться мазанки безъ крышъ. Первоначально онѣ были исключеніемъ изъ общаго правила, потому что всѣ остальные дома были построены изъ дерева; но чѣмъ далѣе мы подвигались къ югу, тѣмъ количество мазанокъ увеличивалось, вытѣсняя все болѣе и болѣе деревянныя зданія. Мазанки дѣлаются изъ ивоваго плетня, который обмазывается съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины. Рамы для оконъ вставляются деревянныя, большею частью вкривь и вкось. Плоскія крыши мазанокъ поддерживаются балками, которыя, въ свою очередь, опираются на устои. Такъ какъ дожди здѣсь никогда не бываютъ велики, то дѣйствительно, плоскія крыши могутъ достаточно прикрывать жилища.

Общій видъ станицъ, большею частью состоящихъ изъ мазанокъ, чрезвычайно невзраченъ. Подъѣзжаешь къ самой станицѣ и не видишь ее. Только ивовые плетни, изъ которыхъ состоятъ ограды, окружающія дворы, безпомощно тянутся вправо и влѣво. Жилищъ не видно, они не выше оградъ. Если посреди мазанокъ поднимается высокая деревянная хата, то она кажется чрезвычайно комфортабельнымъ жилищемъ. Слѣдовательно, архитектура среднеазіатскихъ городовъ, къ которой прибѣгали и русскіе поселенцы, есть явленіе не случайное и не зависящее отъ низкой степени развитія, на которой стоитъ Туранское племя, а вытекла изъ мѣстныхъ условій такъ же, какъ наши лѣса породили бревенчатыя избы.

На улицахъ Уральскихъ станицъ снуютъ или сидятъ

на заваленкахъ бабы въ сарафанахъ, отвѣшивающія проѣзжимъ поклонъ наклоненіемъ головы прямо впередъ передъ собою. Бородачи въ халатахъ снимаютъ шапки, притворяясь не то воинами, не то солдатами. Посреди̇нѣ станицы фо́рпостъ, обыкновенно хорошо выстроенный изъ жженаго кирпича съ досчатыми стѣнами внутри и безъ всякой мебели. По сторонамъ форпоста или станціи казарма для казачьяго пикета, впереди которой съ полдюжины пикъ въ сошкахъ и часовой, дѣлающій на караулъ шашкой.

Экая странная сторонка! Урядники и приказные, всѣ безъ исключенія, которыхъ я видѣлъ, чрезвычайно расторопные и ловкіе малые. Большею частью они весьма красивы. Отчего бы это?

По отзывамъ офицеровъ, общинное устройство Уральскаго войска было бы очень хорошо, если бы дозволенъ былъ свободный выходъ изъ войска и вступленіе въ него, конечно, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Теперешнее устройство особенно выгодно для богатыхъ хозяевъ; зато оно крайне стѣснительно для капиталистовъ и привилегированнаго сословія. Казакъ, имѣющій около тридцати тысячъ головъ барановъ, нагуливаетъ ихъ на общественныхъ земляхъ и имѣетъ на то право. Разводя скотъ, онъ не можетъ быть стѣсненъ землею. Зато, такъ какъ вся земля безъ исключенія принадлежитъ общинѣ, то, конечно, ни одинъ предприниматель не можетъ завести фабрикъ, заводовъ или чего-нибудь подо́бнаго. Положеніе денежныхъ людей, которыхъ могутъ всегда стѣснить, очень непріятно. Положеніе офицеровъ, не имѣющихъ права на пенсію, сколько бы они времени ни служили, и того хуже. Въ общинѣ есть міроѣды и кулаки. Какъ только начинается наемка, покосъ, уловъ или другое время, когда требуются деньги, эти господа скупаютъ за безцѣнокъ скотъ у всѣхъ нуждающихся въ деньгахъ и потомъ

перепродаютъ имъ обратно по высокой цѣнѣ; если же и не продадутъ, то вѣдь луговъ у общества много и прокормить скотъ имъ есть гдѣ.

Наконецъ добрались до Калмыковской станицы. Конвой ждетъ насъ уже нѣсколько дней. Киргизы съ бумагами отъ Сейдалина пріѣхали сюда еще раньше.

22-го іюня. Утромъ усѣлся за занятія; потомъ пришелъ Кадыкинъ, иногородный купецъ, торгующій въ Калмыковскомъ виномъ и скупающій скотъ у киргизовъ внѣшней стороны. Для этой послѣдней операціи онъ беретъ товаръ у одного уральскаго купца. Кадыкинъ производитъ торговлю либо самъ непосредственно, либо черезъ посредство коммисіонера-киргиза или, какъ тутъ называютъ, *кутеремщика*. По полученію товара онъ или ѣдетъ самъ въ степь и тогда остается тамъ до окончательной распродажи товаровъ, или пересылаетъ его съ братомъ къ кутеремщику. Послѣдній продаетъ по ауламъ товаръ за наличный скотъ или кажи, но не задаетъ, какъ это дѣлается въ Сибири. (Недостатокъ спокойствія и недостатокъ кредита должны идти рука объ руку). Кадыкинъ говорилъ, что въ степи не настолько спокойно, чтобы вѣрить киргизамъ. Кутеремщики распродаютъ большею частью по ауламъ адаевцевъ, которые лѣтомъ прикочевываютъ отъ Усть-Урта къ рѣкѣ Уилу. Всякая неуплата долга падаетъ на кутеремщика (какъ замѣтно желаніе оградить себя отъ потери капитала!). Падежъ овецъ до привода ихъ въ Калмыковскую станицу тоже на отвѣтственности кутеремщика. За трудъ кутеремщикъ получаетъ десять процентовъ съ валового дохода. Кутеремщикъ обыкновенно отправляетъ Кадыкину барановъ по мѣрѣ полученія отъ киргизовъ. Присланные имъ бараны пасутся на земляхъ Уральскаго войска до мая мѣсяца, когда въ Калмыков-

скую изъ Самары цріѣзжаютъ гуртовщики и закупаютъ барановъ на тамошніе салотопенные заводы.

Кадыкинъ жаловался на то, что адаевцы необузданы и грабятъ, что татарскіе купцы, жившіе среди нихъ, ограблены и что мѣстныя власти не обращаютъ вниманія на жалобы. Въ настоящемъ году за Кадыкинымъ гнались и онъ насилу спасся отъ грабителей-адаевцевъ.

Постоянныхъ скотопригонныхъ путей въ здѣшней степи не существуетъ.

По окончаніи разговора съ Кадыкинымъ мы поѣхали къ Сулейману, дистанціонному начальнику, высланному намъ навстрѣчу Сейдалиномъ.

Послѣ обѣда говорилъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ мы остановились, казакомъ Махоринымъ. Онъ принадлежитъ къ фамиліи, которая первой поселилась въ Калмыковской крѣпости.

— Тогда, говорилъ Махоринъ, какъ говорили наши дѣды, лѣтъ можетъ болѣе ста тому, крѣпость стояла у нынѣшняго форпоста и вся не занимала болѣе мѣста. Въ тѣ поры было очень строго; даже скотину загоняли на ночь въ крѣпость, потому что изъ степи заѣзжали киргизы, а съ внутренней стороны калмыки, которые и бѣжали мимо крѣпости въ Китай. И долго послѣ того народонаселенія была малость; только больше наши отцы жили; а ужъ въ самое послѣднее время Калмыковская крѣпость разрослась.

Махоринъ говорилъ также, что назначеніе два года тому назадъ ярмарки въ Калмыковской очень полезно.

За чаемъ говорили съ заурядъ-хорунжимъ Табулчинымъ, высланнымъ въ числѣ другихъ киргизовъ къ намъ на встрѣчу Сейдалиномъ. Онъ кончилъ курсъ въ Неплюевскомъ корпусѣ и говоритъ весьма складно. Табулчинъ говорилъ, что адаевцы, узнавши о нашемъ приближеніи, вѣроятно, будутъ сниматься съ кочевьевъ и откочевывать, что они совершенно дики и что, дѣй-

ствительно, при случаѣ любятъ пограбить. Такъ какъ адаевцевъ болѣе десяти тысячъ кибитокъ, то они, согласно существующему здѣсь обычаю, считаютъ себя выше болѣе слабыхъ племенъ и потому обижаютъ ихъ. Съ другой стороны ихъ нелюбовь къ русскимъ порядкамъ можетъ зависѣть и отъ того, что они кочуютъ на Усть-Уртѣ и южнѣе и въ то время считаютъ себя подчиненными Хивѣ. Адаевцы посылаютъ своихъ дѣтей воспитываться въ Хиву и Самаркандъ. У другихъ киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства прежде тоже были ученые муллы изъ Турана, но здѣшнее начальство сдѣлало умное распоряженіе объ изгнаніи ихъ. Теперь у киргизовъ почти нѣтъ муллъ; тѣ же, которые есть, изъ Уфы и Стерлитамака, не очень учены и, по словамъ хорунжаго, «тягаются» съ татарами. Во всей Западной части есть одна только мечеть на Уилѣ. Мы ее увидимъ. У дальнихъ родовъ есть муллы изъ каракалпаковъ, но они, вѣроятно, спрячутся при нашемъ приближеніи. Хорунжій разсказывалъ также, что киргизы, кочующіе близъ линіи, составляютъ смѣшеніе всевозможныхъ родовъ. Далѣе же, по его словамъ, по Уилу, Эмбѣ, Улентѣ, Утвѣ и другимъ рѣкамъ киргизы сидятъ сплошными родами. Киргизы Оренбургскаго вѣдомства, сколько можно было судить по словамъ его, чрезвычайно считаются старшинствомъ родовъ; старшими же родами признаются тѣ, у которыхъ считается болѣе кибитокъ.

Вечеромъ разспрашивали торгаша-татарина. Его разсказъ о торговлѣ съ внѣшними киргизами совершенно подходитъ къ словамъ Кадыкина. Даже въ цифрахъ они сошлись.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Оренбурга, правителю Западной части киргизской степи, штабъ-ротмистру Сейдалину, было предписано выслать намъ конвой и облегчить наши хлопоты по снаряженію. Пріі-

ѣхавши въ Калмыковскую крѣпость, мы застали здѣсь конвой въ двадцать пять казаковъ и кромѣ того Сулеймана съ четырьмя верховыми лошадьми и пятью верблюдами. Но послѣ первыхъ же разспросовъ оказалось, что онъ привелъ ихъ не для того, чтобы дать намъ въ наемъ, а на продажу и, разумѣется, по баснословной цѣнѣ. Конечно, мы отказались наотрѣзъ покупать животныхъ и теперь поѣдемъ на нихъ за указанные прогоны до того мѣста, гдѣ встрѣтимъ Сейдалина. Судя по его письму, это будетъ около могилы Казбека, т. е. недалеко отъ устьевъ Уила или верстахъ въ двухъ стахъ отъ Калмыковской крѣпости. Чтобы не терять времени, мы выѣзжаемъ завтра.

23-го іюня. Сегодня ни свѣтъ, ни заря меня подняла общая возня на квартирѣ. Вездѣ «метутъ и убираютъ». Это Г-ій поднялъ всѣхъ спозаранку, чтобы укладывались. Не было никакой возможности спать. Поднялся и я, хотя вчера улегся около полуночи.

Верблюдовъ еще не приводили. Наконецъ на площади Калмыковской крѣпости раздался крикъ верблюдовъ и понуканіе вожатыхъ. Измученные и сбитые съ ногъ, люди наши, Новиковъ и Исаія, при помощи четырехъ казаковъ стали вьючить. Раздавалось повелительное и часто повторяемое: чокъ! чокъ! сопровождаемое дерганіемъ веревочки, привязанной къ палочкѣ, которая продѣта въ хрящъ верблюда выше ноздрей. Покорное животное послѣ минутнаго сопротивленія, выражаемаго ревомъ, опускалось сперва на переднія, потомъ на заднія ноги. Ему наваливали на спину багажъ. Новая команда: ачу! ачу! — встань, дескать, — и новое рванье веревочки наверхъ. Верблюдъ поднимался и отходилъ въ сторону. Верблюды лѣтомъ почти лишены шерсти, отчего похожи на молодыхъ. Голая ихъ кожа покрыта, какъ большою попоною, конпами въ предо-

храненіе отъ оводовъ и осъ, безмилосердно жалящихъ ихъ въ настоящее время.

Наконецъ навьючиваніе кончено. Наши кони осѣдланы. Все готово. Мы отправились къ парому. Въ нѣсколько пріемовъ всѣ пять верблюдовъ, на которыхъ помѣстился нашъ багажъ, и двѣ джуламейки или коша были переправлены на лѣвый берегъ Урала, т. е. въ Азію. Тамъ стоялъ уже нашъ конвой, т. е. двадцать пять казаковъ Уральскаго войска съ двумя урядниками — бравые бородачи въ бѣлыхъ кителяхъ. Бороды придаютъ строю чрезвычайно мужественный видъ.

По окончаніи переправы мы проѣхали заливные луга Урала, на которыхъ по протокамъ и главному руслу растетъ верба, осокорь, кое-гдѣ вязъ и тополь. Ширина богатой долины будетъ у Калмыковской станицы версты три-четыре. Затѣмъ въ верстѣ или двухъ оттуда стоитъ пограничный столбъ, поставленный коммисіей Длотовскаго, а еще дальше идетъ «кряжъ», т. е. подъемъ мѣстности, характеризуемый скудною, едва покрытою растительностью почвою.

Въ верстѣ или двухъ оттуда, мы остановились у какого-то длиннаго озера, въ которомъ вода держится омутами, составлявшаго, вѣроятно, когда-то одинъ изъ протоковъ Урала. Здѣсь мы рѣшились переночевать. Было уже около одиннадцати часовъ, а по нашему тракту ближайшая прѣсная вода находится въ тридцати верстахъ; потомъ людямъ нужно было приглядѣться и приспособиться къ незнакомымъ имъ экипажамъ-верблюдамъ.

Уральцы разбили наши джуламейки и расположились около. Лошадей и верблюдовъ пустили къ водѣ. Жара была чрезвычайно удушливая. Я провалялся на полу юрты нѣсколько часовъ и безпрерывно пилъ чай. Вотъ ужъ именно божественный напитокъ. Зимою онъ

грѣетъ, а лѣтомъ имъ только и можно утолить жажду и смягчить чувство, производимое зноемъ.

У костра, разведеннаго нашими людьми, вынули нашу щегольскую походную кухню, привѣсили самовертящійся вертелъ, возбудившій удивленіе казаковъ, вынули прессованную зелень и пошла стряпня. Исаія чрезвычайно важничалъ и я его спросилъ, отчего онъ зазнался: «Я ничего, а вы говорите, что зазнался», — отвѣчалъ онъ нескладно, размахивая длиннымъ ножемъ, но видимо сконфузившись.

Тѣмъ временемъ конвойные казаки пошли съ бреднемъ, который мы имъ подарили въ Калмыковской, въ «старицу» или одинъ изъ весеннихъ протоковъ Урала. Часа черезъ два они вернулись почти съ тремя пудами пойманной рыбы: карасей, сазановъ, щукъ, окуней и проч. Радость ихъ была велика, да и я очень доволенъ, что они имѣютъ теперь рыбное, свое любимое продовольствіе дня на три, т. е. ровно настолько, сколько мы будемъ идти до рѣки Уила, гдѣ тоже очень много рыбы. Пойманную рыбу разсортировали: одну для соленья, другую для варки. Каждый сортъ самымъ точнымъ образомъ подѣлили на двѣ части.

— Зачѣмъ это вы дѣлите пополамъ?

— «Затѣмъ, что насъ половина Сакмарскихъ казаковъ, половина Илецкихъ, двѣ, значитъ, артели».

Илецкіе казаки постоянно спорятъ съ Уральскими собственно изъ-за поземельныхъ вопросовъ и изъ-за того, что послѣдніе не пускаютъ первыхъ на рыболовство и учугъ забивается у Уральска, т. е. цѣнная рыба не ходитъ въ Илецкую дистанцію. Вообще же много шума изъ пустяковъ. Ссоры уральцевъ съ илецкими напоминаютъ антагонизмъ, существовавшій между гондольерами Венеціи.

Часовъ въ семь стало прохладнѣе, и все живое пріободрилось. Лошади стали ѣсть кормъ, верблюды пошли

искать кормъ по солонцамъ. Насѣкомыя запищали на всевозможные лады. Степь стала хороша.

Опять я въ степи съ ея странною обстановкой. Вдали темнѣетъ уральская урёма, кругомъ съ другихъ сторонъ ровная гладь. Темнолиловое небо оканчивается яркимъ отливомъ на западѣ; около юртъ бродятъ верблюды и ихъ странныя полуптичьи профили ярко рисуются на потухающемъ небѣ. Казаки варятъ себѣ что-то и сизый дымокъ стелется по степи. Что-то сдѣлаемъ мы, коммисія? Что-то будетъ со мной черезъ годъ? Очень опасаюсь, что мнѣ придется опять повторить севастопольскіе зады. А до тѣхъ поръ, что́ выйдетъ изъ моего добросовѣстнаго труда? Лично для меня я немногаго желаю, но будетъ ли польза Россіи и киргизамъ отъ моихъ трудовъ?

24-го іюня. Рано утромъ поднялась суета и мы начали собираться въ путь. Наконецъ, вьюки были навьючены и конвой двинулся съ ниткой изъ двѣнадцати навьюченныхъ верблюдовъ. Тронулись и мы.

Степь, разстилающаяся теперь передъ нами, была чуть не математически ровна. Солонцовато-глинистая почва, потрескавшаяся въ разныхъ направленіяхъ отъ весенних дождей, мѣстами была покрыта глубоко-вдавленными слѣдами овецъ; это свидѣтельствуетъ, что весною вся степь ни болѣе, ни менѣе какъ топкое и глубокое болото. Чахлая трава, по преимуществу джусанъ, т. е. полынь, покрывала пучками степь, оставляя большія безплодныя пространства. Движеніе каждой лошади въ степи обозначалось пылью, поднимаемой ею. Съ начала же движенія намъ попалось нѣсколько змѣй, спѣшившихъ въ свои норы. Сопровождающій насъ Табулчинъ убилъ нагайкою одну, называя ее очень ядовитою. Она была невелика и темно-бронзоваго цвѣта; по спинѣ шли поперечныя, болѣе темныя полоски. Уку-

шеніе степныхъ змѣй не смертельно.—«Помучитъ, помучитъ человѣка, да и оставитъ,—пояснялъ Табулчинъ,—а вотъ отъ фаланги киргизы, случается, умираютъ».

По голымъ, лишеннымъ растительности частямъ степи бѣгали въ большомъ количествѣ ящерицы. Пауковъ, судя по хитрымъ паутинамъ, тоже много. Кое-гдѣ попархивали скворцы, черные и золотистые, перепелки особаго вида и касатки, что мнѣ показалось очень страннымъ. Болѣе ничего не было видно. Однообразіе и безжизненность пустыни разнообразились только темными пятнами, оставленными бывшими здѣсь когда-то зимовками. Бараній кій или пометъ покрывалъ въ такихъ мѣстахъ землю толстымъ слоемъ. Въ одномъ мѣстѣ этотъ кій заросъ бурьяномъ, который издали показался мнѣ чуть не лѣсомъ.

Около одиннадцати часовъ мы прибыли на урочище Калдыбай и остановились на ночлегъ у имѣющихся тамъ колодцевъ. Близъ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны юрты бѣдняковъ. На тощей степи пасся кое-какой скотъ. Мы опередили нашъ караванъ и конвой и, такъ какъ сдѣлали уже съ утра около тридцати верстъ, то рѣшились остановиться здѣсь на привалъ и дожидаться верблюдовъ.

Зашли въ юрту киргиза Алачинскаго рода Садыбека Тюллегонова. Изъ разспросовъ узнали, что его семейство состоитъ изъ жены и дочери; стада его состоятъ изъ двухъ верблюдовъ, лошади и двадцати пяти овецъ; этимъ и существуетъ. Занимается извозомъ рыбы отъ Калмыковской станицы до Уральска и беретъ по сорока копѣекъ ассигнаціями съ пуда; въ годъ такимъ манеромъ зарабатываетъ до двѣнадцати рублей серебромъ. Вообще же въ теченіе года успѣваетъ выручить разными способами до шестидесяти рублей серебромъ. Покупаетъ отъ двадцати до тридцати пудовъ хлѣба. Лѣтомъ семейство питается болѣе айраномъ, получаемымъ

отъ овецъ. Одежду и все безъ исключенія покупаетъ на линіи. Въ прошломъ году была проведена граница между казаками и киргизами и тогда же было недозволено брать въ долинѣ Урала сѣно и валежникъ. Такъ какъ это было неожиданнностью, то много скота погибло и много киргизовъ топили киречами и уками.

Я обратилъ вниманіе на то, что всѣ присутствовавшіе были въ русскихъ сапогахъ и ситцѣ. Дѣти бѣгали нагишемъ и съ лютымъ аппетитомъ грызли сухари, которые мы имъ давали; это они дѣлали почти съ тѣмъ же аппетитомъ, съ какимъ теленокъ, котораго я видѣлъ, трепалъ и рвалъ пустое вымя коровы. Вездѣ голодъ и нищета. Вездѣ горе и бѣдность сопровождаютъ киргизовъ въ ихъ кибиткахъ. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы воскресъ изъ гроба Жанъ-Жакъ-Руссо и посмотрѣлъ бы на свой идеалъ.

Изъ Калдыбая мы поѣхали далѣе. Этотъ конецъ пути былъ крайне утомителенъ. Термометръ показывалъ въ тѣни около трехъ часовъ дня тридцать градусовъ по Реомюру, да и самое солнце было затянуто облаками. Кругомъ та же пустынная степь. Я не знаю, что находитъ скотъ изъ аула, который стоитъ на Калдыбаѣ, для своего пропитанія въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, бѣдняки полагаютъ счастливымъ, что колодцы оказались свободными. «Сюда на кзеу придутъ богатые люди, тогда мы будемъ принуждены уйти на кряжъ», говорили намъ бѣдные байгуши.

Часа черезъ три съ половиною утомительнаго пути мы прибыли къ колодцамъ, выкопаннымъ въ виду могилы Базарбая. На картѣ этой могилы не обозначено.

У меня пересохъ весь ротъ. Жажда была чрезвычайно сильна. Едва пріѣхалъ Новиковъ, какъ я приказалъ достать воды. Она оказалась вкусною и холодною.

Вотъ уже вторые колодцы, которые я вижу въ степяхъ. Это обыкновенно съ десятокъ глубокихъ ямъ съ

кучами грязно-оранжевой глины по бокамъ и съ нѣсколькими десятками выбоинъ, кое-гдѣ наполненныхъ водою. Все вмѣстѣ представляетъ крайне грустную картину. Колодцы наполняются дѣйствіемъ дождевой воды каждую весну и отъ нихъ, съ теченіемъ времени, остаются только выбоины, про которыя я говорилъ выше; но окрестныя племена номадовъ выкапываютъ новыя ямы, изрывая такимъ образомъ все пространство, прилегающее къ первоначально открытымъ колодцамъ, на большое пространство. Какое было бы благодѣяніе для киргизъ, еслибы наше правительство сверлило бы артезіанскіе колодцы хоть бы на ихъ деньги! Это нужно было бы обдумать для будущаго законодательства.

Сегодняшній вечеръ далеко непохожъ на вчерашній. Налетѣлъ сильный вѣтеръ и нагналъ тучи, которыя, однако, прошли стороною, едва взбрызнувъ колодцы. Это, впрочемъ, исключеніе. Я говорю про другое. Прошлую ночь съ болота, около котораго мы стояли, неслись всевозможные звуки. Лягушки квакали и кричали; упрямо и неумолкаемо вопилъ какой-то куликъ; сверчки, или что-то похожее на нихъ, пищали по-своему; однимъ словомъ, полная жизнь давала о себѣ чувствовать такъ усердно, что я вздрагивалъ во снѣ и просыпался при усиленномъ crescendo живого концерта. Сквозь открытый потолокъ джуламейки мигали звѣздочки, на минуту застилаемыя пробѣгающими мимо облачками. Я просыпался и смотрѣлъ на звѣзды, дыша въ то же время чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Тутъ у колодцевъ все тихо и пустынно. Только нѣсколько касатокъ чертили надъ безплоднымъ пространствомъ, задѣвая песокъ крыльями. Даже нѣтъ ни мухъ, ни комаровъ, такъ что не для чего было развѣшивать наши спасительные пологи.

25-го іюня. Сегодня цѣлую ночь шелъ дождикъ и порывисто рвалъ холодный вѣтеръ. Утромъ я проснулся

очень не въ духѣ отъ дурно проведенной ночи и холода. Выступили въ путь въ семь часовъ утра.

Степь сначала была такъ же пустынна. Формація ея, какъ и всей степи, пройденной нами вчера, состоитъ изъ глины. Растительность также бѣдна. Несмотря на то, почти не было кустика полыни или лысинки безплодной глинистой земли, гдѣ бы не былъ виденъ тезекъ отъ барановъ и лошадей. Это я замѣтилъ еще вчера и думалъ про то, какъ мнѣ казалось страннымъ въ описаніи путешествія Пока по Татаріи, что онъ съ товарищемъ, послѣ остановки на ночлегъ, отправлялся въ степь на поиски животнаго топлива. Обиліе скотскаго помета на полубезплодной землѣ во всякомъ случаѣ доказываетъ, какъ пользуются киргизы всякой землей, гдѣ существуетъ какая-нибудь растительность. Я обратился за разъясненіями къ Табулгину. Онъ мнѣ пояснилъ, что глинистая почва, подобная западной полосѣ киргизскихъ степей, прилегающихъ къ Уралу, производитъ рѣдкую, но чрезвычайно питательную траву.

— Послѣ пастьбы на подобныхъ мѣстахъ лошади и овцы становятся жирными въ двадцать дней, сказалъ Табулгинъ, тогда какъ сравнительно болѣе богатая травами приилецкая сторона не дастъ скоту того же жиру и въ мѣсяцъ. Здѣсь и тамъ растутъ тѣ же сорта травъ, слѣдовательно нужно думать, здѣшняя питательность въ травѣ зависитъ исключительно отъ условій почвы.

— «Значитъ, эти мѣста считаются киргизами хорошими?»

— Для тебеневки лошадей и овецъ они очень хороши; тогда скотъ копытитъ кормъ и нѣтъ надобности въ водѣ, которой здѣсь недостатокъ. Лѣтомъ киргизы кочуютъ у всѣхъ колодцевъ здѣшней степи. Если колодцы на урочищѣ Базарбай были не заняты, то потому, что киргизы, сидѣвшіе при нихъ, узнавъ

про движеніе какихъ-то чиновниковъ въ этомъ направленіи, откочевали отсюда, чтобы спастись отъ властей, которыхъ они крѣпко не любятъ и опасаются. Впрочемъ, есть и огромный недостатокъ въ здѣшней мѣстности, даже какъ зимового стойбища. Степь здѣсь такъ ровна, что малѣйшій вѣтеръ обращается въ сильный и продолжительный буранъ, разгоняющій табуны и стада. Тамъ, гдѣ находятся впадины и бугры, напримѣръ въ пескахъ, скотъ прикрывается чѣмъ-нибудь отъ вѣтра и останавливается, здѣсь же лошади идутъ и идутъ по вѣтру, не находя нигдѣ прикрытія. Потомъ рогатый скотъ зимовать здѣсь не можетъ. Потому большинство киргизъ, кочующихъ въ этихъ мѣстахъ содержатъ скотъ либо у рѣки Илека, гдѣ есть луговыя мѣста, либо на казачьихъ земляхъ, по ту сторону Урала, платя по двадцати копѣекъ серебромъ акцизу съ головы. Если съ осени травъ тутъ нѣтъ, то и лошадей перегоняютъ за Уралъ. Весною, съ началомъ кочевокъ, стада сходятся гдѣ-нибудь въ степи. Во время лѣтнихъ кочевокъ мы двигаемся всюду однако не по произволу, а согласно пространству лѣтовокъ, опредѣленныхъ обычаемъ для нашего рода, семародцевъ. Передъ движеніемъ узнаемъ о состояніи травъ тѣхъ мѣстъ, куда направляемся, по разспросамъ. Вслѣдствіе страсти ко всякаго рода новостямъ, киргизы смежныхъ мѣстностей знаютъ очень хорошо о томъ, гдѣ потравлена трава и чьими кочевьями.

Изъ этого разсказа слѣдуетъ весьма важное заключеніе: есть мѣста въ киргизской степи, которыя могутъ быть полезны людямъ въ настоящемъ ихъ видѣ только при кочевомъ образѣ жизни. Я не знаю, въ какой степени возможно здѣсь добыть воду артезіанскими колодцами. Если это возможно, то видъ здѣшней степи можетъ совершенно измѣниться.

По мѣрѣ движенія на юго-востокъ, трава чуть замѣтно улучшалась. Говорятъ, что въ такой же степени

она ухудшается по направленію къ Каспійскому морю. Все-таки степь была совершенно ровна. Если случались самыя незначительныя впадины, то трава сгущалась уже въ нихъ, вслѣдствіе большого, сравнительно, застоя весенней и дождевой воды. Слѣдовательно, ровность степи принадлежитъ къ одной изъ причинъ, производящихъ скудность.

Видъ степи до такой степени однообразенъ по всему пути отъ Урала, что можно оріентироваться только по солнцу, да по могиламъ. Эти могилы, обыкновенно аляповатый монументъ изъ необожженной глины, видны на очень далекое разстояніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ не болѣе трехъ—пяти футъ высоты. Онѣ-то и разнообразятъ мѣстность, служа пунктами для оріентированія. Въ сферѣ почти каждаго горизонта видно нѣсколько могилъ. Опытный баши, проводникъ, знаетъ, что онъ долженъ оставить одну могилу далеко вправо, напримѣръ, идти правѣе же другой, чуть видной на горизонтѣ; и онъ никогда не ошибется. Кромѣ того, киргизы владѣютъ еще замѣчательнымъ инстинктомъ мѣстности. Все непримѣтное для насъ указываетъ ему путь. Скелетъ лошади, мѣсто зимовки, пукъ бурьяна, поросшій на слоѣ скотскаго помета, чуть замѣтная впадина, — и онъ ведетъ свою лошадь ровно и прямо въ принятомъ направленіи, будто по ниткѣ. Много разъ я имѣлъ случай убѣждаться, что онъ никогда не сдѣлаетъ лишняго круга тамъ, гдѣ европеецъ непремѣнно колесилъ бы во всѣ стороны. Кто ѣзжалъ верхомъ, тотъ знаетъ, какъ трудно вести свою лошадь совершенно прямо по открытому полю тамъ, гдѣ лошадь не понимаетъ, куда ей идти.

Около полудня впереди показались пасущіеся верблюды, а потомъ юрты, разбросанныя у колодцевъ Бичей-Кудукъ. Мы взошли въ одну юрту, чтобы напиться чаю, но вода колодцевъ оказалась мутною и

солонцеватою, такъ что мы отказались отъ своего намѣренія.

Здѣсь въ юртѣ мнѣ пришлось убѣдиться въ циническомъ обращеніи киргизовъ со стариками, чего собственно и слѣдовало ожидать. Около всякаго хлама, войлоковъ, тряпокъ, сундуковъ, толстыхъ пуковъ тесемъ лежалъ, покрытый джебагой, голый, чуть живой и едва видящій старикъ. Онъ былъ владѣтель юрты и довольно большого табуна лошадей, не менѣе ста, ходившаго около. Его дѣти уѣхали на Уилъ, на сѣнокосъ. Въ юртѣ копошилась молоденькая женщина въ грязныхъ лохмотьяхъ, сноха старика. Послѣдній пояснилъ намъ, что ему восемьдесятъ семь лѣтъ, что ему уже тяжело жить и умолялъ насъ дать ему лекарства, чтобы скорѣе умереть. Киргизы, набившіеся въ юрту, въ томъ числѣ и сноха, начали смѣяться надъ старикомъ, худое тѣло котораго, полуприподнятое съ постели, гнойные, ничего не видящіе и безпрерывно моргавшіе глаза и дряблость лица дѣлали отвратительнымъ, можетъ быть, но никакъ не смѣшнымъ. Въ странахъ неразвитыхъ умъ измѣряется количествомъ опыта. Чѣмъ болѣе видѣлъ человѣкъ, тѣмъ онъ и умнѣе, чѣмъ сѣдѣе борода, тѣмъ, слѣдовательно, и болѣе уваженія онъ долженъ заслуживать отъ всѣхъ за свой умъ. Тамъ, гдѣ умъ можетъ обогащаться фактами, практически собираемыми, такое мнѣніе совершенно вѣрно. Но отсюда вытекаетъ рядъ безобразнѣйшихъ послѣдствій. Если умъ пріобрѣтается лишь à la longue и à posteriori, то онъ можетъ складываться только въ ретроградномъ направленіи, т. е. чисто старческомъ. Отсюда, мнѣ кажется, происходитъ эта упрямая закоснѣлость всѣхъ народовъ, управляемыхъ патріархальнымъ манеромъ. Это же, полагаю, влечетъ дробленіе на роды, живущіе особнякомъ, въ разладѣ съ другими, развитіе родового начала во всемъ и безобразный деспотизмъ родоначальниковъ въ смыслѣ, оста-

навливающемъ всякое развитіе. Но какъ только старикъ теряетъ свои силы, онъ изъ идеала, изъ обожаемаго лица, котораго всѣ должны слушать, становится общимъ посмѣшищемъ; такое возмутительное обращеніе со стариками есть естественное послѣдствіе воспитанія, которое они даютъ молодежи въ духѣ рабскаго почитанія авторитета, т. е. силы.

Изъ Бичей-Кудука мы поѣхали пить чай къ Джаманъ-Кара-Кудуку, расположенному недалеко отъ перваго и имѣющему хорошую воду. Здѣсь тоже стояли аулы. Кругомъ бродило много верблюдовъ. Киргизы говорили намъ, что ихъ случаютъ въ декабрѣ, что самка носитъ дѣтеныша двѣнадцать мѣсяцевъ и что такъ какъ она принимаетъ плодъ не сейчасъ же, то онѣ котятся около марта или конца февраля. Болѣе всего верблюдовъ въ Средней части Оренбургской степи.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Бичей-Кудука вдали показались пески Быйрюкъ. Издалека были видны холмы желтаго безплоднаго песку, нанесенные безпорядочно одинъ на другой. Казаки и верблюды, двигавшіеся у подножія ихъ, шли будто въ водѣ и казались непомѣрно большими отъ марева, охватившаго ихъ. Не видя песковъ въ степяхъ, я воображалъ себѣ ихъ безплодными и негодными для киргизовъ, но едва взойдя въ районъ Быйрюка, я убѣдился въ противномъ. Пески нагромождены холмами, между которыми пролегаютъ впадины и прогалины, иногда довольно глубокія. При вѣтрѣ кочуетъ только часть песковъ, которая и перелетаетъ съ холма на холмъ, только частью засыпая прогалины. Нужно очень большую бурю, чтобы измѣнить видъ большихъ песковъ. Между тѣмъ сырость и вода проходятъ сквозь пески и накопляются у ихъ основанія, такъ что колодцы, напримѣръ въ Быйрюкѣ, находятся на небольшой глубинѣ. Присутствіе влажности обозначается растительностью, которая пробивается сквозь песокъ во всѣхъ

впадинахъ и основаніяхъ холмовъ. Она весьма разнообразна. Тутъ есть и кипцы, и аржанникъ, и овсянка, и чій, даже полынь, — слѣдовательно, всѣ сорта травъ, нужныхъ киргизу для стадъ. Едва выпадаетъ дождь, какъ черезъ нѣсколько дней появляется изъ-подъ песка свѣжая трава, — это тоже очень важно. Оттого пески должны быть любимымъ мѣстомъ пребыванія киргизовъ, даже лѣтомъ, въ особенности тѣхъ, у кого мало стадъ (это потому, что растительности на пескахъ будетъ мало для большого количества скота). Впрочемъ, мнѣ сегодня говорили, что въ Букеевской ордѣ, въ Рынъ-пескахъ, есть долины между барханами (песчаными холмами), покрытыя густою и прекрасною зеленью.

Зимою пески служатъ мѣстомъ любимыхъ стоянокъ у киргизовъ. Гололедица невозможна, вслѣдствіе того, что вода безпрерывно проходитъ сквозь песокъ. Во впадинахъ скотъ находитъ себѣ натуральныя стойла, спасающія его, равно какъ и хозяевъ скота, отъ бурановъ. На основаніи всего сказаннаго пески посѣщаются киргизами весьма часто. Зимою ихъ тутъ много, если съ осени шли дожди и показалась свѣжая трава, или, вообще, если передъ выпадшимъ снѣгомъ травъ было довольно. Раннею весною они тоже кочуютъ на пескахъ, потому что всѣ впадины покрываются тогда зеленью, вслѣдствіе обилія влажности и свойства песка скоро нагрѣваться.

Едва мы проѣхали нѣсколько сотъ шаговъ по пескамъ, какъ замѣтили присутствіе среди нихъ большого количества ауловъ. Кромѣ общихъ свойствъ песковъ, тому была и другая причина. Среди Быйрюка, недалеко отъ рѣки Уила находится озеро и, кромѣ того, обширная поляна заливается ежегодно рѣкою, отчего она покрыта круглый годъ отличною зеленью. На этой полянѣ стояло много юртъ. Около бродилъ рогатый скотъ и овцы, а по окраинамъ и по барханамъ виднѣлись верблюды;

такимъ образомъ песчаная почва, орошаемая водою, даетъ пищу для всякаго рода скота и эта пища, по отзывамъ киргизъ, полезнѣе для скота обыкновенной степной.

Переправившись черезъ Уилъ вбродъ, мы остановились на другой сторонѣ рѣки, на обширной луговинѣ, замкнутой на югѣ песками Тайсуйгалъ, а на сѣверѣ Быйрюкомъ. Недалеко отъ мѣста нашего ночлега находится могила Матенъ-Ходжи. Кругомъ все было оживлено. Юрты виднѣлись во всѣхъ направленіяхъ. Всюду ходилъ скотъ. Сильный запахъ дыма отъ кизяка слышался въ воздухѣ. Погода была прохладная. Изрѣдка накрапывалъ дождикъ. Мы расположились пить чай на воздухѣ. Воду брали изъ колодцевъ, расположенныхъ близъ Уила, вода котораго солоновата.

Рѣка здѣсь весьма нешироka и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съуживается такъ, что, несмотря на раннее лѣто, уже пересыхаетъ мѣстами. Въ другихъ мѣстахъ глубина была до сажени. Слѣдовательно, рѣка образуетъ лѣтомъ омуты. По берегамъ нѣтъ камышей. Дикой птицы тоже нѣтъ, равно какъ комаровъ, мухъ и другихъ насѣкомыхъ.

26-го іюня. Ночь была довольно прохладна. Утромъ у насъ пило чай нѣсколько почетныхъ людей вмѣстѣ со старшиною того аула, на территоріи котораго мы ночевали. Около аула простирается низменная долина, ежегодно заливаемая Уиломъ, отчего съ нея получается отличное сѣно. При разлитіи юрты переходятъ на сосѣдніе песчаные барханы. На лугу растетъ трава, удобоѣдомая рогатымъ скотомъ и лошадьми. Немного выше, по окраинамъ бархановъ, растетъ чій и полынь для верблюдовъ и овецъ. Мнѣ говорили здѣсь, что въ маѣ полынь бываетъ такъ горька, что ея не ѣдятъ даже овцы.

Сѣнокосъ производился при насъ; вообще же онъ

въ здѣшней степи производится всегда въ іюнѣ и началѣ іюля, иногда же и въ маѣ, однимъ словомъ, тогда, когда трава достигала возможно большаго развитія, обусловливаемаго количествомъ дождей, и передъ тѣмъ, когда она начнетъ скоро сохнуть отъ вліянія степныхъ жаровъ.

Такъ какъ вода въ Уилѣ горьковато-солоноватая, то въ ближайшихъ барханахъ выкопаны колодцы. Благодаря хорошимъ условіямъ стойбища, жители аула не кочуютъ; а для того, чтобы никто не занялъ драгоцѣннаго уголка, остаются на немъ и лѣто, и зиму. Пространство, которымъ владѣютъ жители аула, приблизительно будетъ равняться девяти квадратнымъ верстамъ. По окраинамъ долины построены землянки изъ дерна и нежженнаго кирпича, напоминающія своею архитектурою и узенькими отверстіями, замѣняющими окна, какіе-то блокгаузы. Зимою скотъ сгоняется къ этимъ землянкамъ въ загоны, дѣлаемые изъ чіевыхъ матовъ, которыми забирается нѣкоторое пространство земли между юртами, переносимыми въ окрестность зимовокъ, и самыми землянками. Теперь же скотъ пасется на скошенныхъ лугахъ. Старшина говорилъ, что на тридцать одну юрту въ аулѣ состоитъ скота около тридцати верблюдовъ, полуторы тысячи барановъ, до полусотни лошадей и столько же рогатыхъ головъ. При такой бѣдности аула, земля, занимаемая имъ, въ состояніи прокормить весь скотъ въ теченіе цѣлаго года, если бы не безпрерывныя потравы.

Разные роды, перекочевывающіе съ юго-востока къ Уилу, располагаются на лугахъ, принадлежащихъ аулу, и травятъ ихъ. Противъ такого насилія нѣтъ никакихъ средствъ. Если спорить, ссориться, доказывать свое право, выйдетъ драка, которая можетъ окончиться убійствомъ. Несмотря на то, что настоящее мѣсто отведено аулу султаномъ-правителемъ, мѣстные начальники и пра-

вители не могутъ остановить насилія. Ихъ не слушаютъ, да и само начальство, чувствуя свое безсиліе, не обращаетъ вниманія на просьбы о потравахъ и кончаетъ ихъ въ нѣсколько лѣтъ.

Аульный старшина и Табулгинъ доказывали, что власть султановъ-правителей не уважается въ степи, и что она слаба. Когда въ прошломъ году временнымъ правителемъ Западной части былъ назначенъ чиновникъ Батыршинъ и готовился выѣхать въ степь, киргизы, будто въ насмѣшку надъ татариномъ (Батыршинъ — татаринъ), отогнали у отряда Батыршина лошадей. Теперь Сейдалинъ двигался отъ рѣки Уленты къ Уилу для того, чтобы встрѣтить насъ; но не далеко отъ намѣченнаго имъ пути, у луговъ озера Кускуля, которые давно принадлежатъ Танинскому роду, черкесовцы хотѣли отнять сѣнокосы и затѣяли драку, въ которой убито нѣсколько человѣкъ. Сейдалинъ долженъ былъ повернуть къ Кускулю, чтобы остановить ссору двухъ знаменитыхъ родовъ.

Вообще говоря, степь Оренбургскаго вѣдомства фактически не принадлежитъ непосредственно Россіи, а составляетъ какъ-бы вассальное владѣніе. Прежде въ этой степи царили деспоты, производившіе себя отъ Чингизъ-Хана. Какъ ни безобразна была ихъ тиранія со стороны, но въ сущности она неслась народомъ свободно, потому что власть деспотовъ вытекала изъ народа и изъ степени его развитія. Послѣ того, какъ степями овладѣли русскіе, выработался съ легкой руки Генса, Сухтелена и Перовскаго правительственный взглядъ въ Оренбургѣ на степь, взглядъ чисто-пограничный. Правителями киргизовъбыли поставлены люди, увѣрявшіе въ своей преданности Россіи, впрочемъ, весьма сомнительной. Ихъ деспотизмъ поддерживался уже не народомъ, а русскою властью. Чтобы подчинить нашему вліянію другіе роды и подраздѣленія киргизовъ, стали подкупать подарками вліятельныхъ

лицъ народа, а своевольство кочевниковъ, а грабежъ, а безпорядки оканчивали *умиротвореніемъ*; это любимая фраза всѣхъ высшихъ властей Оренбурга, начиная съ Генса. Какъ только правительство стало на эту пограничную точку зрѣнія, оно стало поддерживать деспотизмъ цѣною русскихъ денегъ и угодливости, вовсе недостигавшей своей цѣли. Поддерживая, въ сущности, однихъ султановъ-правителей, правительство не дало никакой поддержки управляющимъ родами. Давши первымъ полторасто казаковъ во время объѣздовъ ихъ для конвоя, подчинивъ русскаго офицера, командира отряда, унизительной обязанности ежедневно рапортовать халатнику-султану и ставить у его юрты часовыхъ, правительство не дало никакой исполнительной силы управляющимъ родами. Султаны-правители, съ своей стороны, не имѣли причинъ прислушиваться къ нуждамъ народа, потому что имъ нужно было только угождать сильнымъ и вліятельнымъ людямъ; чтобы ихъ вліяніемъ держаться у начальства и у народа хотя бы только по наружности. Если второстепенныя власти созданы искусственно, если въ нихъ нѣтъ дѣйствительной надобности, а имъ дана высшимъ правительствомъ абсолютная власть, въ подчиненной массѣ народонаселенія развивается страсть къ ябедничеству и произволъ богатыхъ.

Это случилось особенно рельефно въ степи Оренбургскаго вѣдомства. Самовольство богатыхъ, по словамъ Табулгина, переходитъ всякія границы. Если какой-нибудь изъ киргизскихъ чиновниковъ начиналъ дѣйствовать безпристрастно, на него сочиняли богатые люди рядъ ябедныхъ прошеній, которыя принимались правительствомъ за выраженіе народнаго желанія (по числу купленныхъ подписей) и которыя султаны-правители преднамѣренно выставляли за общественное киргизское мнѣніе. Вслѣдствіе всего сказаннаго, султанскій и денежный элементы стали безконтрольно давить бѣд-

ныхъ. Султаны же сочинили несправедливую подать съ чагарака; истребили отличное учрежденіе суда біевъ, замѣнивъ его административными распоряженіями чиновниковъ изъ киргизовъ. Однимъ словомъ, они старались привить все, что дурно въ Россіи, но что могло поддерживать ихъ значеніе. Послѣ того султаны стали учиться молчать, казаться задумчивыми, умными; казаться защитникомъ передъ русскою властью-притѣснительницею. Важность ихъ дошла до того, что они стали вспоминать доброе, старое время и опять учились бросать кости въ рты телленгутовъ и плевать черезъ всю юрту къ дверямъ мимо носовъ почтенныхъ своихъ обожателей.

Результаты этой неурядицы сказались въ общемъ неустройствѣ. Первобытный видъ гражданскаго устройства—право поземельное находится еще въ хаотическомъ состояніи. Роды дерутся еще за каждый сѣнокосъ, за каждый клочекъ выгодной земли и русская власть, дѣйствующая черезъ султановъ, должна ограничиваться палліативными мѣрами и опять-таки умиротвореніемъ. Раздорамъ родовъ содѣйствуетъ особенно пустынность Оренбургской степи. Надѣлавшіе насилій и безпорядковъ уклоняются къ Сагизу, а оттуда уходятъ на Усть-Уртъ. Тамъ, по словамъ Табулгина, бывшаго на Усть-Уртѣ, существуетъ много искусственно пробуравленныхъ колодцевъ. Ихъ строили, по преданіямъ киргизовъ, ногайцы. Колодцы узки, до двухъ, трехъ футъ въ діаметрѣ, а глубиною до десяти саженъ. Колодцы выложены камнемъ, вода въ нихъ хороша; мѣста не посѣщаются русскими. Въ этихъ мѣстахъ кочуетъ до десяти тысячъ кибитокъ сильнаго Адаевскаго рода, который представляетъ прототипъ среднеазіатцевъ, хитрыхъ, вѣроломныхъ, любящихъ грабежъ, разбой, своеволіе. Большая часть ссоръ, дракъ и поземельныхъ затрудненій въ Западной части начинается обыкновенно съ толчка, да-

ваемаго адаевцами, которые находятся къ Россіи въ отношеніяхъ весьма неустановившихся. На нихъ намъ всѣ жаловались, потому что, не желая имѣть постоянныхъ лѣтовокъ и кичась своею многочисленностью, они бродятъ, гдѣ хотятъ, вытравливая зимовки и лѣтовки другихъ родовъ. Султаны-правители не могутъ съ ними сладить, русская власть, опирающаяся на нихъ, тоже оказывается безсильною. Въ настоящемъ году, какъ въ большей части годовъ, адаевцы съ весною двинулись на лѣтовки къ Уилу, но услыхавъ о поѣздкѣ въ степь Баллюзека и о намѣреніи его спуститься на Уилъ и узнавъ, что мы приближаемся съ другой стороны (такъ говорили намъ киргизы), они пріостановились и лѣтуютъ большею частью на Иргизѣ, гдѣ травы должны быть хороши, благодаря обилію дождей въ настоящемъ году.

Подобный порядокъ вещей производитъ общее замѣшательство и не безъ основанія заставляетъ разные роды здѣшней степи измѣрять свое значеніе и старшинство количествомъ кибитокъ и возможностью удрать отъ русскихъ. Въ настоящемъ же году Черкессовскій родъ, поссорившійся въ прошломъ году съ адаевцами, боится идти къ югу на свои постоянныя лѣтовки на Уилъ, потому что здѣсь можетъ встрѣтиться съ ними, т. е. подвергнуться барантѣ и грабежу, безъ возможности оградить себя законнымъ образомъ.

Нѣтъ! Сибирская степь далеко ушла впередъ относительно Оренбургской. Честь и хвала генію Сперанскаго, умѣвшаго сломить тамъ самовластіе хановъ и султановъ и подчинить ихъ закону.

Факты, приведенные здѣсь, разсказаны мнѣ знатоками дѣла, Г—мъ, Табулгинымъ, Бигуловымъ. Ихъ точка зрѣнія подходитъ, какъ мнѣ кажется, къ моей, выраженной здѣсь. Сужденіе о здѣшней администраціи было вызвано хозяиномъ аула, въ которомъ мы находились, жаловавшимся на постоянныя потравы и невозможность

защищаться. Теперь, напримѣръ, на земляхъ аула расположились киргизы Бершаго рода и не хотѣли уходить, несмотря ни на какіе резоны.

Этотъ хозяинъ, ходжа по происхожденію, т. е. потомокъ Фатимы, дочери Магомета. Ходжей довольно много въ киргизской степи. На мой вопросъ, нѣтъ ли между ходжами преданія о времени, когда они поселились среди киргизовъ, ходжа отвѣтилъ, что нѣтъ, но что всѣ они знаютъ о томъ, что вышли для проповѣданія религіи ихъ предки изъ Средней Азіи, т. е. Хивы, Самарканда и другихъ городовъ. Съ тѣхъ поръ они и остались среди киргизовъ.

Выѣзжая уже изъ аула ходжи, мы взошли въ одну юрту. Хозяйка ея оказалась довольно благоприличная вдова. Вмѣстѣ съ нами усѣлась цѣлая куча киргизовъ, въ томъ числѣ одинъ мѣстный начальникъ, кончившій курсъ въ корпусѣ. Мы разспрашивали хозяйку про ея хозяйство. Она состоянія немного ниже посредственнаго. Верблюды доставляютъ ей значительный доходъ, потому что средней величины верблюдъ даетъ до десяти фунтовъ шерсти. За фунтъ шерсти даютъ аршинъ ситца средней доброты или аршинъ нанки и бязи. Верблюжья шерсть стоитъ въ Оренбургѣ около двадцати копѣекъ аршинъ, слѣдовательно купцы берутъ сто процентовъ на сто. Ходжа, старшина аула, между прочимъ прибавилъ, что у нихъ находятся кутеремщики [1]) купцовъ, живущихъ на линіи. Они, по приказанію послѣднихъ, почти никогда не даютъ въ долгъ. Если бы киргизъ успѣлъ получить товаръ въ кредитъ, то въ случаѣ неисправности въ уплатѣ обязывается заплатить въ слѣдующемъ году барана съ ягненкомъ.

Во время нашихъ разговоровъ киргизская знать, набравшаяся въ юрту, посмѣивалась тихонько себѣ въ бо-

[1]) Родъ приказчиковъ.

роду; по ихъ мнѣнію, нужно бы было, вѣроятно, разспрашивать о важныхъ людяхъ, о родословной султанскихъ родовъ, а мы говоримъ, Аллахъ знаетъ что,— про краску шерсти, про доеніе овецъ и коровъ, про то, что стоитъ платье, надѣтое на дѣтяхъ.

Выѣхали довольно поздно. Мы ѣхали по лѣвому берегу Уила. Правѣе насъ поднимались песчаные барханы обширныхъ песковъ Тайсуйганъ, которые мѣстами и пересѣкались нами. Среди песчаныхъ холмовъ попадались хорошія мѣста. Мѣстами отъ песковъ до Уила шли ровныя пространства, поросшія порядочною растительностью. Ауловъ вездѣ было очень много и большая часть ихъ стояла по барханамъ.

Едва мы сдѣлали около двадцати верстъ, какъ нашъ баши, проводникъ, вернулся къ намъ и объявилъ, что ауловъ долго не будетъ, и что если мы хотимъ расположиться близъ нихъ, то необходимо сдѣлать подъ угломъ, почти назадъ, версты три, гдѣ въ пескахъ расположенъ аулъ. Мы направились туда и прибыли на урочище Кургякъ. Верстахъ въ трехъ оттуда находится могила Аппака. Аулы расположены у колодцевъ, лежащихъ въ двухъ или немного болѣе верстахъ.

Насъ встрѣтилъ мѣстный начальникъ и ввелъ въ свою юрту, куда мы взошли, чтобы напиться чаю, въ ожиданіи, пока разобьютъ наши джуламейки. Въ юрту нашло скоро много гостей. Табулгинъ отрекомендовалъ между ними одного толстяка, своего соплеменника, пріѣхавшаго для кибиточнаго сбора и его контроля.

Во время чая начались безконечныя жалобы на потравы луговыхъ и стойбищныхъ мѣстъ, принадлежащихъ аулу, въ которомъ мы были. Говорили, что адаевцы, черкессовцы и другіе роды, зимующіе у Каспійскаго моря, проходя на свои лѣтовки, близъ рѣки Уила, пересѣкаютъ Быйрюкъ и травятъ всѣ удобныя мѣста. Такъ какъ начальство не можетъ сдѣлать ничего про-

тивъ такихъ злоупотребленій, то тѣ, которымъ выпала доля кормить проходящія мимо кочевья, принуждены молчать.

Дистаночный начальникъ, присланный для контроля кибиточнаго сбора, тоже разговаривалъ съ нами. Онъ разсказывалъ, что года три тому назадъ чиновникъ Батаршинъ открылъ значительное количество кибитокъ, не плативших ъ податей, и получилъ полъ штрафной суммы (двойной кибиточный сборъ). То же было съ Кикинымъ, помощникомъ султана-правителя Средней части, и султаномъ Сулейманомъ Джангировымъ. Послѣ того было послано разомъ много чиновниковъ для контролированія сбора и открыто много же злоупотребленій, но никто изъ нихъ не получилъ никакого вознагражденія. Нынѣ посылаемые киргизскіе чиновники для контроля должны ѣхать на своей лошади и не получаютъ не только никакого вознагражденія, но даже прогонныхъ и порціонныхъ денегъ.

Было очень жарко, когда мы подъѣхали къ своей джуламейкѣ, и я проспалъ самое знойное время. Послѣ обѣда, когда уже стемнѣло, мы удивляли киргизовъ, зажигая проволоку магнія. Сулейманъ, какой-то правитель степныхъ киргизовъ, высланный намъ навстрѣчу Сейдалиномъ и болѣвшій все время отъ Калмыковской станицы до аула, въ которомъ мы теперь находились, человѣкъ богатый и, слѣдовательно, очень важный. Онъ не выразилъ удивленія ни однимъ словомъ, хотя глаза его, уставленные на магній, готовы были выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ отъ недоумѣнія.

Послѣ я вписывалъ въ эту книгу. Тѣмъ временемъ Г—ій разспрашивалъ старшину аула, Джубу Намазова, онъ же и мѣстный начальникъ Иссыковскаго рода Кайдыргулова отдѣленія. Вотъ его замѣтка. На урочищѣ курганъ кочуетъ сто шестьдесятъ кибитокъ родовичей. Зимовки по Уилу принадлежатъ Намазову по наслѣд-

ству отъ отца; онъ пользуется ими со своими родовичами. Въ недавнее время всю зимовку, имѣющую протяженіе около пятнадцати верстъ въ длину и десяти въ ширину, раздѣлили на три части. На каждой изъ этихъ частей помѣщаются ближайшіе родственники. Каждое семейство имѣетъ свой особенный въ семействѣ участокъ. Если послѣ смерти отца останется нѣсколько сыновей, то имъ дается надѣлъ не изъ отцовской зимовки, а съ общаго согласія родовичей дѣлается перемежовка всей зимовки и передѣлъ всѣхъ трехъ главныхъ участковъ. Постороннихъ киргизовъ принято двѣ или три кибитки съ общаго согласія всѣхъ родовичей. Въ случаѣ споровъ между родовичами, они прекращаются общимъ совѣтомъ или передѣломъ всѣхъ участковъ.

Такъ какъ мѣсто, гдѣ былъ расположенъ аулъ, зимою даетъ хорошіе корма, то, чтобы охранить зимовку отъ потравъ, жители кочуютъ круглый годъ по колодцамъ около зимовокъ, не удаляясь отъ нихъ далѣе трехъ или четырехъ верстъ. Намазовъ говоритъ, что въ пескахъ Быйрюкъ такъ же, какъ и онъ, сидятъ многіе киргизы на одномъ мѣстѣ, и причиною того хорошія зимовыя мѣста и боязнь потерять ихъ, либо дать на потраву другимъ.

Къ позднему вечеру у нашей юрты появился часовой и на мой вопросъ, зачѣмъ это, мнѣ отвѣчали, что въ степяхъ, находясь такъ далеко отъ линіи, нужно принимать мѣры предосторожности. У лошадей нашихъ поставленъ тоже пикетъ въ три казака.

Табунщики сосѣдняго аула пѣли что-то очень дикое цѣлую ночь. Въ тиши ночи было странно и дико это пѣніе, слышное на очень далекое разстояніе. По временамъ къ этому пѣнію присоединяется далекій или близкій лай, тяжелое храпѣніе верблюдовъ да мѣрные шаги часового. Въ юрту, гдѣ я дописываю сегодняшній

день, набралось множество маленькихъ жесткокрылыхъ букашекъ, которыя то и дѣло хлопаются по бумагѣ. Спать сильно хочется.

Позабылъ сказать, что Кургякъ лежитъ на лѣвомъ берегу Уила, и что, чтобы попасть въ аулъ, въ которомъ теперь находимся, намъ нужно было переправиться вбродъ черезъ рѣку. Уилъ здѣсь еще мельче и уже. Дно илистое, кое-гдѣ тинистое. Вода очень солона.

27-го іюня. Утромъ проснулся рано, благодаря большому количеству жучковъ, залѣзавшихъ подъ одѣяло и щекотавшихъ все тѣло.

Дорога отъ урочища Кургякъ пролегала сначала по песчанымъ барханамъ, между которыми мѣстами росла хорошая зелень; ауловъ было въ виду всегда много. Вскорѣ мы выѣхали изъ Быйрюка и вступили опять въ степь прежняго характера. Та же глинисто-песчаная почва, тотъ же тощій кокпекъ (перекати-поле) и полынь, та же гладь и ширь. Только на сѣверѣ и югѣ желтѣли песчаные барханы, на которыхъ играло марево.

Казаки, ѣхавшіе впереди насъ, были въ маревѣ, хотя разстояніе, раздѣлявшее насъ, было очень невелико. Ноги ихъ лошадей будто пропали. Пики казались очень высокими, а сами всадники съ лошадьми, вытянувшись кверху, казались какими-то гигантами.

Несмотря на тождественность этой части степи съ тою, которую мы оставили между Базарбаевскими колодцами и Ураломъ, здѣсь было очень много ауловъ. Причина тому заключается въ большомъ количествѣ колодцевъ, находящихся между Быйрюкомъ, уходящимъ къ сѣверу, и Уиломъ, текущимъ восточнѣе нашего пути. Киргизскій скотъ неприхотливъ, онъ ѣстъ все, что только можетъ переварить его желудокъ, а для барановъ и верблюдовъ пустыни, покрытыя мелкою

полынью и перекати-поле, даже находка. Затрудненіе же киргизамъ въ ихъ кочевкахъ состоитъ въ отсутствіи воды. Если есть колодцы, хотя бы съ мутною, невкусною водою, но такою, которую пьетъ скотъ, киргизъ прикочевываетъ къ нимъ и съ истинно-дикимъ стоицизмомъ станетъ пить глинистую кашу, лишь бы скотъ былъ благополученъ. Въ этомъ его счастье и спокойствіе. Понятно, слѣдовательно, почему пространство, по которому мы теперь ѣхали, какъ богатое колодцами, было усѣяно аулами.

Здѣсь у мѣста замѣтить, что одна изъ причинъ бѣдности этой части степи заключается въ ровности поверхности. Вода, не стекая никуда, орошаетъ ее одинаково мало, потому что одинаково сильно испаряется. Тамъ же, гдѣ существуютъ небольшія впадины, можетъ быть въ три или болѣе фута глубины, въ нихъ долѣе удерживается весенняя и дождевая вода, а отъ этого растительность имѣетъ значительно большее развитіе. Въ подобныхъ прогалинахъ и вода находится ближе подъ поверхностью, потому онѣ всегда почти заняты аулами, хотя и составляютъ чуть замѣтное пониженіе почвы.

Въ одномъ изъ попутныхъ ауловъ мы остановились у татарина-купца, пріѣхавшаго сюда съ товарами изъ станицы Калмыковской. Онъ жилъ въ кошѣ, около котораго стояло нѣсколько нагруженныхъ телѣгъ; мы его разспрашивали про торговлю; его отвѣты убѣдили въ вѣрности разсказа Кадыкина. Онъ прибавилъ, что даетъ въ долгъ послѣ того, какъ обнаружится свойство зимы и нѣтъ причины ожидать джута. За неисправный платежъ кредитующійся платитъ барана съ ягненкомъ. Теперь, въ пору сбора ясака, требуютъ очень многіе денегъ, такъ что купецъ роздалъ все, что́ имѣлъ. Онъ завѣрялъ, что киргизы, даже адаевцы, обидъ не дѣлаютъ, а про обиды говорятъ тѣ приказчики, которые

сами обворовываютъ своихъ хозяевъ и сваливаютъ вину на ограбленіе и разбой.

Отъ купца мы ѣхали берегомъ сухого русла, наполняющагося водою весною, при большихъ разлитіяхъ Уила. Недалеко оттуда показалось много ауловъ, расположенныхъ длинною линіей въ направленіи съ востока на западъ. Тутъ же стояло много стоговъ скошеннаго сѣна; по довольно богатому лугу, тянущемуся версты на три къ востоку, бродили большія стада. Много скота толпилось у колодцевъ. Нѣсколько голыхъ до пояса мальчишекъ таскали воду и выливали въ корыта, окруженныя животными. Эта плодоносная прогалина идетъ отъ двухъ небольшихъ озеръ, лежащихъ на концѣ луга и въ свою очередь соединяющихся съ Уиломъ рядомъ другихъ озеръ. Весною, когда рѣка выступаетъ, эти озера соединяются и текутъ на западъ къ урочищу Кургякъ, гдѣ вода протока опять соединяется съ Уиломъ. Въ годы, богатые дождями и снѣгами, какъ нынѣшній, протокъ разливается широко по степи и, высохнувъ, оставляетъ богатые сѣнокосные луга. Мимо этого-то луга мы и ѣхали.

Въ это время къ намъ подъѣхалъ нашъ проводникъ и объявилъ, что получено свѣдѣніе, что султана-правителя Сейдалина нѣтъ около могилы Казбека, что тамъ нѣтъ ни ауловъ, ни корму, и что, наконецъ, онъ совѣтуетъ, въ ожиданіи извѣстій отъ султана, остановиться тутъ. Мы выбрали мѣсто около озера или лужи Куздигара и рѣшились послушаться его совѣта.

Пока разбивали джуламейки, мы взошли въ сосѣднюю юрту, весьма неказистую по виду. Дѣйствительно, оказалось, что семейство юрты, состоящее изъ двухъ старухъ, женатаго молодого человѣка и холостого парня, владѣетъ всего двумя коровами и верблюдомъ. Прежде они кочевали у Гурьева городка, теперь же, послѣ разграниченія земель, прикочевали сюда. Суще-

ствовать на имѣемый скотъ и платить кибиточный сборъ, конечно, невозможно, потому всѣ члены семейства работаютъ какъ-нибудь. Молодица работала у казаковъ Гурьева городка; ея мужъ занимается маклерствомъ тамъ же и до сихъ поръ.

Тамъ же въ Гурьевѣ есть и другія средства прокармливаться. Изъ Астрахани возятъ въ Гурьевъ хлѣбъ, имѣется складочный магазинъ, однако на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Бѣдняки-киргизы нанимаются таскать кули съ суденъ въ магазинъ. Другой молодой байгутъ работаетъ у киргизовъ по людямъ. Старухи (обѣ жены почтеннаго покойника, давшаго свѣту двухъ байгушей) прядутъ шерсть, — вотъ и всѣ средства пропитанія. Лѣтомъ живутъ молокомъ двухъ своихъ коровъ.

Внутренность юрты была крайне бѣдна. Нѣсколько какихъ-то незамкнутыхъ сундучковъ съ грязными обрывками въ серединѣ; растрепанныя кошмы, перемѣшанныя на полу съ сальными тряпками и хламомъ неопредѣленнаго назначенія, да ведро воды, да назакъ съ айраномъ, вотъ все, что было въ дырявой, вонючей юртѣ. Къ величайшему удивленію почетныхъ киргизовъ, сопровождавшихъ насъ, которые, кромѣ Табулгина, даже и не зашли съ нами въ юрту, мы попросили у бѣдняковъ позволенія выпить въ ихъ юртѣ чай. По окончаніи этого чрезвычайно полезнаго и пріятнаго въ жары занятія, мы передали чайникъ бѣднякамъ. Выразительная бѣдность этихъ паріевъ была такъ велика и такъ отталкивающа, что наша прислуга не хотѣла просто служить бѣднякамъ, ни разослать подъ ихъ чай какую-нибудь салфетку. Объ этакое, молъ, свинство все испачкается. Нужно было видѣть восторгъ нищихъ, когда мы имъ дали денегъ и подарили барана. Они стали поглядывать на насъ съ какимъ-то глупымъ, но благодарнымъ недоумѣніемъ и торжественно повели барана въ стадо, объ-

являя, что, Богъ дастъ, у нихъ явится приплодъ и они поправятся съ нашей легкой руки.

Здѣсь кстати замѣтить, что образъ жизни, взглядъ, привычки, потребности здѣшнихъ киргизовъ ничѣмъ не отличаются отъ сибирскихъ. Начиная съ внутренней обстановки юрты до манеръ важныхъ людей, неважныхъ и нищихъ, до поговорокъ, ухватокъ, все здѣсь совершенно какъ тамъ. Только здѣсь богатые какъ-то еще важнѣе и нахальнѣе, а бѣдные еще мрачнѣе и недовѣрчивѣе. Верблюдовъ и барановъ здѣсь больше и это зависитъ отъ свойствъ здѣшней почвы; за то, какъ кажется, гораздо меньше рогатой скотины и лошадей. Вообще же здѣшніе киргизы, кажется, бѣднѣе сибирскихъ.

Когда мы расположились въ своей джуламейкѣ, урядникъ принесъ между стеблями двухъ крѣпкихъ растеній огромнаго тарантула. Мы опустили его въ водку. Отвратительное насѣкомое, послѣ усилій выбиться изъ банки, вцѣпилось въ трупъ жука, тутъ же плавающаго, и охвативъ его лапами, нѣсколько разъ продолжительно кусало.

Согласно заранѣе заключенному условію, мы заплатили уряднику за тарантула. Не прошло и часу, какъ казаки тащили уже ихъ съ разныхъ сторонъ. Я тоже отправился на ловлю. Отыскавъ гнѣздо тарантула, будто проткнутое пальцемъ въ тѣстѣ, казаки начинали туда лить воду. Насѣкомое поднималось до отверстія гнѣзда, но здѣсь, увидѣвъ людей, оно и оставалось; тогда казаки вытаскивали насѣкомое пикою на поверхность земли и, придерживая его къ землѣ, затягивали на двухъ лапахъ одну мертвую петлю. Животное дѣлало всевозможныя усилія, чтобы обороняться. Когда его дразнили лезвіемъ пики, тарантулъ собирался на заду, будто становился на дыбы, и быстро ворочался во всѣ стороны, обращая свое смертоносное оружіе противъ опасности. Дырочки

тарантуловъ находились въ большомъ количествѣ по берегамъ озера Куздигара, у котораго мы расположились. Гнѣзда эти находились на возвышенной, сравнительно лишенной растительности, солонцеватой почвѣ. Это, какъ мнѣ пояснили, причина, почему киргизы никогда не ставятъ юртъ на сухомъ мѣстѣ, если около есть какое-нибудь пониженіе мѣстности или ямка. Любопытно было видѣть нашихъ бородачей-казаковъ, которые бродили по солонцамъ, съ нанизанными на веревочкахъ тарантулами, барахтавшимися, чтобы вырвать свои лапки изъ петлей. Одинъ изъ казаковъ ходилъ босой.

— Ты чего ходишь босой? хочешь проваляться съ мѣсяцъ? спросилъ я его.

— «Нужно подъ ноги смотрѣть, коли сапогъ жалко оббивать объ солонцы», отвѣчалъ онъ.

Мы вернулись съ добычею къ джуламейкѣ. Пока, сидя на камнѣ, я топилъ двумя пинцетами тарантуловъ въ спирту, а другіе ожидали своей участи, привязанные къ обухамъ пикъ, двое успѣли перегрызть свои оковы и побѣжали. Нужно замѣтить, что они были связаны лесою отъ удочки, за добротность которой ручалось то, что она была куплена въ англійскомъ магазинѣ. Я никакъ не хотѣлъ дозволить, чтобы ихъ убили и, охотясь за бѣглецами, имѣлъ случай убѣдиться, какъ наперекоръ существующему мнѣнію, они скоро бѣгаютъ по кошмамъ. Какъ только я приближалъ къ тарантулу пинцетъ, онъ убѣгалъ, прячась за всякое прикрытіе. Одинъ даже залѣзъ въ калошу.

Сегодня я испытывалъ самую высокую температуру, такую, выше которой я не помню. Воздухъ около полудня сталъ просто горячъ, несмотря на вѣтерокъ, охлаждавшій зной. Въ третьемъ часу термометръ, вывѣшенный на солнечной сторонѣ, показывалъ 40°; висѣвшій же въ тѣни стоялъ на $29^1/_2$°. Въ три съ поло-

виною часа ртуть поднялась на солнцѣ до 44°; въ четыре часа до 46°. Несмотря на эти ужасныя цифры, я страдалъ меньше, чѣмъ въ Петербургѣ при температурѣ 25 или 26 градусовъ. Я это объясняю сухостью степного воздуха, поглощающаго безпрерывно испаренія и тѣмъ охлаждающаго тѣло. Вечеромъ вѣтеръ подулъ прямо съ востока, т. е. съ нераскаленныхъ песковъ и температура стала быстро падать. Часовъ въ девять термометръ показывалъ 22°. Вѣроятно вслѣдствіе большой разности съ температурой, бывшею въ четыре часа, мнѣ сдѣлалось холодно. Недовѣряя себѣ, я посмотрѣлъ на костюмъ другихъ и увидѣлъ часового казака, ходившаго около ружей въ толстой, сѣрой шинели.

Сегодня меня нѣсколько разъ поражали киргизы своимъ нахальствомъ. Положимъ, что естественъ отвѣтъ продавца барановъ, который запросилъ баснословную цѣну за тохтушекъ и кургашекъ и на нашъ вопросъ отвѣтилъ, что мы-де люди состоятельные; но странно было слышать безпрерывныя просьбы, напримѣръ стеариновыхъ свѣчей, со стороны Сулеймана, очень богатаго киргиза, приставленнаго къ намъ Сейдалиномъ для охраны нашихъ интересовъ и сопровожденія насъ. Ничего подобнаго не случалось видѣть въ Сибирскомъ вѣдомствѣ, гдѣ почетные люди ведутъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Требовательность киргизовъ и нахальное выманиваніе ими подарковъ объясняется опять-таки пограничною точкою зрѣнія Оренбургскаго начальства. Управляя киргизами посредствомъ старшинъ-султановъ и поставя ихъ только въ вассальныя отношенія къ Россіи, мы должны были дѣйствовать такъ, какъ должны дѣйствовать дипломаты для увеличенія вѣса какой-либо страны въ Азіи, т. е. путемъ подарковъ. Генералъ Катенинъ въ одну свою поѣздку въ степь израсходовалъ на подарки болѣе десяти тысячъ руб. сер., чтобы привлечь,

якобы, къ Россіи вліятельныхъ киргизовъ. Онъ же, Катенинъ, былъ послѣдователенъ, когда, встрѣчая какого-то разбойника, принесшаго повинную, онъ одѣлся въ полную парадную форму. Вслѣдствіе этого киргизы смотрятъ на каждаго исключительнаго проѣзжаго, какъ на свою жертву. Большой человѣкъ — подарки дастъ, говорятъ они.

До тѣхъ поръ не будутъ наши власти знать степей, покуда онѣ не будутъ жить въ степяхъ; покуда проведеніе путей сообщеній, обезпеченіе степей, развитіе естественныхъ богатствъ страны, обрусѣніе ея и цивилизація киргизовъ не станетъ вопросомъ, близко касающимся генералъ-губернатора. До тѣхъ поръ имъ выгодно играть роль охранителей нашихъ границъ, до тѣхъ поръ имъ выгодно приносить въ жертву своимъ интересамъ пользу всей Россіи и нѣсколькихъ милліоновъ подчиненнаго намъ народа, покуда граница Россіи не перенесется впередъ, на настоящіе наши предѣлы и покуда генералъ-губернаторы не станутъ сами дышать степнымъ воздухомъ и поневолѣ изучатъ киргизъ, живя среди нихъ.

28-го іюня. Спалъ очень хорошо. У нашей джуламейки верхъ былъ снятъ, а ночь была теплая и мягкая. Утромъ получено свѣдѣніе, что Сейдалинъ двигается отъ рѣки Джаксыбай къ Уилу, на наше rendez-vous къ могилѣ Казбека, а сегодня еще мы послали къ нему киргиза съ извѣстіемъ, гдѣ мы находимся. Если получимъ подтвержденіе полученнаго свѣдѣнія отъ посланнаго, выступимъ завтра къ могилѣ Казбека.

Было у насъ нѣсколько почетныхъ киргизскихъ біевъ. Между ними Юлдусъ Кубяшаровъ, отличающійся, по словамъ Бигулова, большимъ умомъ. Мы разспрашивали его про судъ и юридическіе пріемы Оренбургской степи. Вотъ сводъ его отвѣтовъ.

Если случится какой-нибудь сцоръ между киргизами одной дистанціи или рода, состоящаго въ вѣдѣніи одного лица, споръ можетъ рѣшиться либо начальникомъ, либо судомъ біевъ. Въ первомъ случаѣ при разборѣ дѣла присутствуетъ нѣсколько біевъ въ качествѣ депутатовъ. При рѣшеніи судомъ біевъ, истецъ и отвѣтчикъ выбираютъ себѣ біевъ и тяжущіеся даютъ подписку въ томъ, что они подчинятся рѣшенію ихъ. Однако бываетъ такъ, что потерявшая споръ сторона не только не подчиняется рѣшенію біевъ, но входитъ съ новой жалобой либо къ султану-правителю, либо въ областное правленіе. Впрочемъ, Кубяшаровъ сознался, что судъ біевъ почти не существуетъ и что султаны-правители содѣйствовали сосредоточенію юрисдикціи въ рукахъ дистаночныхъ начальниковъ и другихъ чиновниковъ. Съ другой стороны, областное начальство всегда принимало жалобы по просьбамъ, уже рѣшеннымъ судомъ біевъ. Такимъ образомъ, судъ перемѣшался съ администраціей и потеря прекраснаго киргизскаго учрежденія стала предметомъ общаго сожалѣнія. Поземельныя ссоры между разными родами невозможно рѣшать. Приказаніямъ дистаночныхъ не даютъ никакой цѣны, да и султановъ-правителей не слушаютъ. Пока областное начальство разбираетъ эти споры, проходитъ очень много времени, такъ что предметъ спора иногда успѣваетъ терять уже свою первоначальную важность. На этомъ основаніи дистаночные начальники не принимаютъ споровъ по потравамъ и по владѣнію землею. Существующими постановленіями опредѣлено, что за кражу свыше пятидесяти рублей, разбой, баранту и т. д. судитъ правительство, которое и ведетъ эти дѣла довольно хорошо; по другимъ же дѣламъ, имѣющимъ, согласно киргизскому обычному праву, огромную важность, напримѣръ кража засватанной дѣвушки (дѣвка, какъ говорятъ киргизы) киргизами другого рода, дозволено тягаться по обыч-

ному праву. При отсутствіи всякой организаціи у суда это значитъ не имѣть возможности найти расправы.

Табулгинъ говорилъ, что рѣшаютъ важнѣйшія дѣла такъ: дистаночный начальникъ истца пишетъ дистаночному начальнику отвѣтчика, чтобы онъ понудилъ послѣдняго къ удовлетворенію претензіи. Тотъ призываетъ отвѣтчика, разбираетъ дѣло и понуждаетъ, если нужно, къ удовлетворенію или пересылаетъ на рѣшеніе къ султану-правителю, который когда-нибудь да рѣшитъ дѣло.

Вообще же Кубяшаровъ и Табулгинъ сказали единогласно, хотя они оба дистаночные, что при произволѣ киргизскихъ чиновниковъ и при смѣшеніи администраціи съ судомъ, равно какъ безконтрольности старшихъ султановъ и упрямой поддержкѣ, даваемой имъ со стороны правительства, обычное киргизское право попирается и суда біевъ не существуетъ. Такъ что, строго говоря, суда здѣсь нѣтъ, а есть административныя и, конечно, своевольныя распоряженія; оттого при всякомъ сложномъ вопросѣ юрисдикція Оренбургской степи оказывается безсильною, а дѣла нерѣшенными. Надъ всею этой ерундой тяготѣютъ сепаратныя приказанія и распоряженія генералъ-губернаторовъ, областного правленія и султановъ-правителей, распоряженія, можетъ быть, и разумныя, но разнообразныя, въ которыхъ выражается добрая воля субъективно; личный взглядъ, не стѣсненный законами.

Были и бѣдные киргизы. Между ними есть и выселившіеся вслѣдствіе разграниченія съ линіи. Они горько жаловались на свою судьбу.

Дерево на арчаки, деревянные остовы юртъ и прочія подѣлки получаютъ они съ Уральской линіи. Изъ колодъ дѣлаются вещи уже самими киргизами. Сѣдла дѣлаютъ тоже сами. Серебряники и оружейники есть тоже между ними. Лучшій мастеръ Исыковскаго рода находится въ Уразовомъ отдѣленіи.

Передъ самымъ закатомъ я отправился съ казакомъ Чеботаревымъ на охоту къ ближайшему озеру, составляющему продолженіе Куздигары. Несмотря на пустынное положеніе озера, дичи почти не было. Единственная утка сорвалась издалека при нашемъ приближеніи. Вообще говоря, отъ самаго Урала дичи совершенно не видно. Такимъ образомъ на Уилѣ я не видалъ до сихъ поръ, что называется, ни пуха, ни пера. Вѣроятно, тому причиною отсутствіе на рѣкѣ камышей. Говорятъ, что сайгаки не переходятъ Эмбу и не показываются въ мѣстахъ, гдѣ мы теперь ѣхали, потому что эти мѣста будто бы уже очень людны. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ киргизы.

29-го іюня. Вчера поздно вечеромъ къ намъ явился посланный отъ Сейдалина, хорунжій Сагибъ-Гирей-Кусябчалѣевъ. Онъ одинъ изъ прямыхъ потомковъ Абулхаирке, хана Малой Орды, подчинившагося Россіи. Онъ кончилъ курсъ въ Оренбургской школѣ для киргизовъ и смотритъ весьма порядочно. Одѣтъ онъ былъ въ офицерское платье. Сагибъ-Гирей привезъ отъ Сейдалина извѣстіе, что онъ въ назначенный срокъ не могъ быть у могилы Казбека по случаю серьезной ссоры между танинцами и черкессовцами и что онъ предлагаетъ намъ встрѣтиться на Уилѣ же у устьевъ Кіила.

Насъ не мало удивило это извѣстіе, полученное отъ Сейдалина. Ссора, на которую онъ ссылался, не могла быть серьезна, между тѣмъ какъ назначеніе коммисіи—видоизмѣнить всѣ условія степной жизни. У насъ нѣтъ времени, чтобы ожидать окончанія ссоры, а между тѣмъ поговорить съ Сейдалиномъ намъ было нужно. Ясно, что Сейдалинъ не ѣхалъ для пущей важности передъ новыми своими подчиненными. Мы высказали наше неудовольствіе Гирею и удивились тому обстоятельству, что султанъ-правитель послалъ къ намъ на встрѣчу,

вѣроятно, какъ помощника для работъ, Сулеймана, дикаго и невоспитаннаго киргиза. Потомъ, послѣ взаимнаго совѣта, рѣшились послать къ Сейдалину извѣстіе, что мы будемъ его ждать у устьевъ Кіила.

Во время этого разговора, происходившаго часовъ въ одиннадцать вечера, время очень позднее для киргиза, въ нашу юрту вошла одна киргизка съ молодою недурненькою дѣвушкою, какъ я узналъ впослѣдствіи— ея дочерью, и усѣлась на кошмахъ. Меня вчужѣ бросило въ краску. Дѣло въ томъ, что вчера, угощая и обдаривая киргизовъ, мы говорили съ ними цѣлый день. Преимущество на полученіе подарка принадлежало, конечно, большею частью бѣднымъ. Одна зажиточная киргизка, не говорившая съ нами ни слова, слѣдовательно еще безполезная для насъ, увлеклась складнымъ зеркаломъ и настойчиво стала просить его. Настоянія были настолько нахальны, что зеркало было взято у нея и отдано тутъ же бѣдной киргизкѣ за то, что она цѣлый день намъ служила. Дѣйствительно, она таскала прислугѣ воду, доила коровъ и дѣлала прочія услуги. Наши слова были иначе поняты. Теперь, чтобы тоже получить зеркало, мать привела намъ «на служеніе» свою дочь. При отсутствіи у киргизовъ элементарнаго понятія о томъ, что называется честью, такой поступокъ здѣсь не рѣдкость. Женщины не имѣютъ стыда, а мужья, большею частью, далеко не разсердятся на женъ, какимъ бы то ни было образомъ зарабатывающихъ деньги. Если бы не крайнее безобразіе киргизокъ, увеличивающееся непомѣрною, ни съ чѣмъ не сравнимою неопрятностью, всякій проѣзжій долженъ бы былъ стараться быть Іосифомъ, чтобы не оставить свое здоровье въ многочисленныхъ объятіяхъ женъ степныхъ Пентефріевъ.

Рано утромъ Сулейманъ пришелъ проститься съ нами. Онъ былъ видимо недоволенъ нашею о немъ аттестаціей. Ему приказано было ѣхать къ султану-правителю,

провожать же насъ далѣе долженъ былъ Сагибъ-Гирей. Послѣдняго мы пригласили постоянно обѣдать съ нами. Онъ нѣсколько слишкомъ развязенъ.

Утромъ рано мы выѣхали далѣе. Вскорѣ влѣво отъ насъ показалась зимовка одного киргиза, расположенная близъ высохшей, но наполняющейся весною разливами Уила впадины. Этотъ разливъ называется тоже Куздигаромъ. Вся зимовка занимала хорошій лугъ. Близъ юртъ стояли скошенные стога сѣна. Вѣрно зимовка очень хороша, потому что владѣлецъ, чтобы опереться, вѣроятно, на совершившійся фактъ, обнесъ все свое владѣніе рвомъ, достаточнымъ для охраны отъ потравъ скота. Ровъ охватывалъ нѣсколько десятинъ. У мѣста, гдѣ въ качествѣ воротъ не было сдѣлано рва, стояли юрты. На зимовкѣ, сѣно которой было уже скошено, пасся скотъ владѣльцевъ. Все это вмѣстѣ показываетъ, что киргизы не прочь работать тамъ, гдѣ земля хороша и гдѣ они разсчитываютъ на выигрышъ, и что тамъ они становятся полуосѣдлыми, для охраны дорогихъ участковъ.

Степь отъ Куздигаровъ гораздо лучше предыдущей. Трава гуще и разнообразнѣе; колодцевъ больше и близъ нихъ расположено много ауловъ. Большинство ихъ по цвѣту юртъ, бѣлыхъ и крѣпкихъ, обнаруживаетъ достатокъ киргизовъ, стада которыхъ бродили во всѣхъ направленіяхъ степи. Болѣе всего, кажется, виднѣлось верблюдовъ. Рогатаго скота и лошадей гораздо меньше. Стада барановъ были многочисленны.

На привалъ остановились въ юртѣ у правителя одного изъ подраздѣленій Черкессовскаго рода. Онъ хотѣлъ, какъ видно, принять насъ какъ большихъ людей, для чего и разбилъ около юрты хорошую ташкентскую палатку; но, къ его, кажется, огорченію, мы просили его снять палатку, объявивъ, что останавливаемся на минуту, и вошли въ юрту. Видъ ея обнаруживалъ до-

статокъ. Она была крыта бѣлыми кошмами и состояла изъ шести канатовъ. На киречахъ висѣли узды и оружіе. Противъ входа стояло много тяжеловѣсныхъ сундуковъ и кибеже. На землѣ лежали исправные тикеметы и одѣяла. «Очень уважаемый и почтенный бій», рекомендовалъ намъ хозяина Сагибъ-Гирей. Кумысъ оказался очень вкусенъ. Хозяинъ былъ шокированъ, что мы пили свой чай, а хозяйка угощала другихъ приготовленнымъ для насъ чаемъ.

Здѣсь я взялъ изъ-за кирече пукъ травъ, который тамъ сушился. Это лѣкарство киргизовъ отъ накожныхъ болѣзней и безплодія. Въ ваннѣ на этихъ же травахъ купаютъ слабыхъ новорожденныхъ. Я не знаю названія этой травы и потому выпросилъ у хозяина весь пукъ.

Выше я привелъ рекомендацію Сагибъ-Гирея. Здѣсь можно замѣтить, что всякаго новопріѣзжающаго въ степи поражаетъ эквивалентность словъ: хорошій человѣкъ, богатый человѣкъ и вліятельный. Въ Сибирской степи про богатыхъ людей говорятъ хотя только: хорошіе, почетные; тутъ же еще прибавляютъ: вліятельные. Такая нелѣпость происходитъ столько же отъ родовыхъ началъ, которыми проникнута киргизская жизнь, сколько и отъ отсутствія здѣсь всякой правительственной силы. Такъ какъ султаны-правители могутъ дѣйствовать только посредствомъ сильныхъ людей на роды и такъ какъ послѣдніе не видятъ другой власти, кромѣ своихъ крезовъ, то, конечно, послѣдніе должны быть вліятельны. Они вліяютъ и на русскую администрацію помощью подкуповъ. Слѣдовательно, деньги даютъ тутъ право на вліяніе, и, наоборотъ, вліяніе дастъ право на поземельныя выгоды, устраиваемыя вліятельными султанами, и на нѣкоторую стрижку своего стада. Титулъ «почетный, хорошій человѣкъ», придаваемый богатымъ, созданъ совокупными усиліями киргизовъ, уважающихъ богатыхъ, киргизскихъ властей, угождающихъ послѣд-

нимъ, русскихъ чиновниковъ, находящихся въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними, и честною администраціей, создавшею понятіе о значеніи богатыхъ по общему хору панегириковъ, воздаваемыхъ имъ. Въ родахъ только богатые, т. е. сильные люди, могутъ быть вліятельны и, наоборотъ, вліятельные, т. е. люди съ большимъ произволомъ, богаты. Разбогатѣть иначе, какъ по наслѣдству, здѣсь трудно, хотя обѣднѣть можно въ одну дурную зиму.

Сколько я наблюдалъ, хорошіе киргизскіе люди играютъ въ своемъ кругу роль отцовъ, иногда помогающихъ своимъ кліентамъ изъ родовичей, вообще же давящихъ всѣхъ хуже любого отца. Независимо отъ того они—алтарь нелѣпаго консерватизма и неуваженія ко всему, непохожему на старое. Чувствуя себя хорошо, они религіозны иногда до фанатизма, упрямо держатся за старое, играютъ роль защитниковъ передъ администраціей, подкупаютъ ее для своихъ личныхъ выгодъ и гласно выражаютъ презрѣніе къ чиновникамъ, а въ то же время дѣлаются безапелляціонными притѣснителями своихъ собратій и становятся фактическою властью, опираясь на администрацію и свое вліяніе. Кто хочетъ пріобрѣсти среди киргизовъ популярность, тотъ долженъ искать въ этихъ людяхъ, потому что забитые байгуши и джетаки считаютъ мнѣніе богатыхъ окончательно вѣрнымъ и повторяютъ мнѣніе своихъ патроновъ съ преувеличеніемъ и рѣшимостью, подобающей нахлѣбникамъ.

Хозяинъ юрты, у котораго мы теперь были, такого типа. Замѣтивъ, что мы собираемся въ дорогу, онъ предлагалъ остаться ночевать у него въ аулѣ, преважно прибавивъ такъ, что слышали всѣ оборванцы, сидѣвшіе въ юртѣ: «я бы зарѣзалъ вамъ кургашку и угостилъ бы, какъ слѣдуетъ, дорогихъ гостей». Мы отказались и поѣхали. Насъ сопровождалъ и хозяинъ въ сопровожде-

ніи прислужника, который былъ подпоясанъ кривою саблею персидскаго образца. Вообще же я не видѣлъ въ Оренбургской степи ни одной юрты, сколько-нибудь достаточной, въ которой не было бы ружья, сабли или, по крайней мѣрѣ, пики; въ Сибирской же степи я увидѣлъ первое оружіе въ Большой Ордѣ. Если извѣстный народъ или его часть имѣетъ нужду въ оружіи, онъ недостаточно обезпеченъ; и дѣйствительно, въ Оренбургской степи, гдѣ не установились еще поземельныя отношенія, гдѣ нужно защищаться или нападать ради обезпеченія своихъ стадъ, оружіе совершенно необходимо. Далѣе, благодаря Усть-Урту, адаевцамъ, безсилію властей, баранта здѣсь въ полномъ ходу; слѣдовательно, оружіе опять-таки необходимо; наконецъ, вслѣдствіе большихъ разстояній, пустынности степи и разрозненности родовъ, воровство очень обыкновенная вещь,— оружіе опять-таки нужно. Обиліе оружія въ здѣшней степи находится въ зависимости отъ отсутствія покоя. Отъ послѣдней же причины зависитъ замѣченная здѣсь раздѣльность родовъ.

На ночлегъ мы остановились въ виду могилы Иралы, оставивъ немного сзади могилы Казбека, почти противъ устьевъ рѣки Джарнчиканъ, названной на десяти верстной картѣ почему-то Джангильды. Кругомъ видны были богатые аулы съ юртами изъ бѣлыхъ кошмъ и съ многочисленными стадами скота, бродившаго кругомъ. Всѣ они стояли на колодцахъ.

Пока разбили джуламейку, мы зашли въ самую ближнюю и самую грязную юрту. Хозяева оказались ичинчи, т. е. хлѣбопашцы. Прежде они кочевали у Гурьева городка, но послѣ разграниченія ушли сюда къ своимъ единоплеменникамъ, черкессовцамъ. Такъ какъ, вслѣдствіе далекой перекочевки, у нихъ осталось всего три коровы и одинъ верблюженокъ, то аулъ, къ которому пристали бѣдняки, нанялъ ихъ засѣять просо. За

работу, полотье и охрану поля работникъ, хозяинъ юрты, получилъ право засѣять чашку проса и получитъ еще неопредѣленное вознагражденіе по окончаніи сбора. Съ засѣянной чашки ичинчи думаетъ собрать шесть—семь пудовъ. Такихъ ичинчей близъ мѣста, гдѣ мы остановились, много. Всѣ они караулятъ довольно большія пашни, засѣянныя по правому берегу Уила. Посѣвъ производится безъ помощи поливки на илѣ, оставляемомъ разлитіемъ рѣки, которая, слѣдовательно, заливаетъ огромное пространство, потому что правый берегъ высокъ (сажени двѣ).

Передъ обѣдомъ ходили къ Уилу, протекающему близъ мѣста, выбраннаго подъ ночлегъ, на разстояніи двухъ добрыхъ верстъ. Проходили почти все время пашнями, засѣянными просомъ. Позабылъ сказать, что онѣ подняты не сохою, а мотыгою, т. е. трудъ, какъ и подобаетъ работѣ дикарей, удесятеренъ. На Уилѣ казаки бредили рыбу и при насъ поймали огромнаго сазана, фунтовъ въ десять вѣсу. Мы купались. Обѣдали на открытомъ полѣ. Степь, богатая въ этомъ мѣстѣ травами, благоухала полынью. Вечеръ былъ прохладный и ясный. Стада возвращались къ ауламъ. Киргизы доили овецъ, коровъ и верблюдовъ у юртъ. Когда же наконецъ кургашки были пущены къ своимъ матерямъ, оба стада смѣшались, съ выраженіемъ радости оглашая всю степь громкимъ блеяньемъ. Самки верблюдовъ и ихъ жеребята бродили кругомъ, отыскивая своихъ родныхъ съ протяжнымъ ревомъ. Кстати о верблюдахъ: киргизы говорятъ, что, если издохнетъ жеребенокъ, то верблюдица непрерывно реветъ и стонетъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

30-го іюня. Выѣхали часовъ въ семь утра. Нѣкоторое время ѣхали по берегу Уила. На той сторонѣ рѣки мѣстами виднѣлось множество стоговъ сѣна, накошен-

наго киргизами. Вообще, несмотря на то, что видъ рѣки пустыненъ, что по берегамъ не растетъ камышей, что около нѣтъ ни одного деревца, а это все, вмѣстѣ съ песчаными обрывистыми или пологими песчаными берегами, дѣлаетъ рѣку чрезвычайно унылою, Уилъ кормитъ много киргизовъ. Не будь его, многіе киргизы не знали бы, какъ имъ прокормить скотъ лѣтомъ. Въ особенности богаты мѣста, заливаемыя имъ весною. Большая часть такихъ заливныхъ луговъ занята зимовками, съ которыхъ владѣльцы скашиваютъ сѣно.

Переправившись черезъ глубокій и вязкій протокъ Уила Тентекъ-Кара-Су вбродъ, причемъ моя лошадь чуть совсѣмъ не завязла, мы сдѣлали привалъ въ аулѣ Черкессовскаго рода. Приближаясь къ нему, мы увидѣли, какъ народъ сталъ разбѣгаться и разъѣзжаться изъ него во всѣ стороны. Такой побѣгъ объясняется страхомъ, внушаемымъ киргизамъ всякими отрядами. Русскіе появляются въ степяхъ здѣшняго вѣдомства либо въ свитѣ султана-правителя, либо чтобы наказывать, либо ловить преступниковъ. Все это сопровождается, какъ говорятъ, грабежемъ и насиліемъ всякаго рода. Это намъ большой стыдъ; но это же объясняетъ причину паники, произведенной нами. Чтобы успокоить киргизовъ на нашъ счетъ, мы принуждены были разослать киргизовъ, насъ сопровождающихъ, во всѣ стороны. Однако многіе не хотѣли ни за что вернуться. Въ этомъ аулѣ происходили поминки, оттого было много народу. Мы выпили чай въ одной юртѣ. Сюда же внесли огромную сабу кумыса, которымъ по пути встрѣтилъ насъ, еще не доѣзжая до аула, одинъ почетный киргизъ.

Мы здѣсь ѣздимъ съ помпою, которая приводитъ меня въ отчаяніе. Присутствіе потомка Абулхаира, Сагибъ-Гирея, въ нашемъ конвоѣ придало намъ въ глазахъ киргизовъ особенное значеніе. Оттого, кто потру-

сливѣе и подичѣе, тотъ спасается, кто же похитрѣе, выѣзжаетъ навстрѣчу съ выраженіемъ якобы уваженія. Наконецъ еще есть такіе, которые присоединяются къ намъ изъ любопытства или съ порученіемъ отъ своихъ аульниковъ узнать, кто мы такіе, зачѣмъ ѣдемъ и нѣтъ ли чего опаснаго для киргизовъ. Оттого въ нашей свитѣ то неожиданно появится какой-нибудь босоногій парень верхомъ на жеребенкѣ, съ головою, повязанною платкомъ, то сѣдобородый старикъ, который выслѣживая пропавшую у него лошадь, ѣдетъ за нею по слѣду вмѣстѣ съ нами, то какой-нибудь киргизъ, вооруженный пикою и саблею. Все это разспрашиваетъ всѣхъ сопровождающихъ насъ, всматривается въ лицо «дженерала», ловитъ каждое наше слово. Оттого я стѣсненъ, какъ нельзя болѣе; оттого мнѣ по временамъ становится противенъ дженералъ и вся хитро обставленная азіатами помпа поѣздки нашей. Наши вопросы контролируются; на отвѣчающихъ болѣе или менѣе добросовѣстно смотрятъ со всѣхъ сторонъ съ выраженіемъ далеко не симпатичнымъ.

Въ юртѣ, гдѣ мы дѣлали привалъ, я замѣтилъ на кіречe шкуру бараньей головы, набитую полынью. На мои вопросы, что это означаетъ, мнѣ пояснили, что это средство, употребляемое киргизами противъ падежа скота, нѣчто среднее между симпатическимъ леченіемъ, заговоромъ и колдовствомъ; съ тою же цѣлью кладутъ за кіречe кусокъ тезеку. Вообще противъ падежа скота, имѣющаго такое вліяніе на судьбу киргиза въ степяхъ, по словамъ Табулгина, существуетъ множество симпатическихъ средствъ.

Далѣе нашъ путь лежалъ по разнообразной по производительности мѣстности. Мѣстами степь казалась богатою и покрытою довольно густою растительностью; мѣстами же она была совершенно голодною. На первыхъ мѣстахъ кое-гдѣ виднѣлись пашни, засѣянныя

просомъ. Впрочемъ, здѣсь говорятъ, что посѣвъ производится тутъ совершенно не съ тою цѣлью, чтобы собрать жатву. Пашни поднимаются обыкновенно въ двухъ, четырехъ, даже пяти верстахъ отъ Уила; такимъ образомъ владѣлецъ засѣяннаго поля имѣетъ право не пускать чужія стада между рѣкою и хлѣбомъ подъ опасеніемъ потравы. Оттого всегда между пашнями и рѣкою намъ попадалась большая и очень хорошая нетравленная трава, которая и будетъ служить стадамъ владѣльца пашни, какъ хорошій кормъ зимою. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ видѣнныя нами пашни сами киргизы.

Степь всю дорогу шла разнообразно. Хорошія мѣста смѣняются другими, едва покрытыми растительностью. Переправившись еще разъ черезъ рукавъ Тентекъ-Кара-Су, мы стали приближаться къ аулу. Оказалось, что онъ принадлежитъ Адаевскому роду Мугалова отдѣленія Баембетева подраздѣленія.

По принятому обычаю, въ ожиданіи того времени, когда намъ поставятъ джуламейку, мы вошли въ ближайшую юрту. Тамъ копошился въ углу по поясъ голый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ, казалось, былъ очень удивленъ нашимъ появленіемъ; на наше привѣтствіе онъ не отвѣчалъ ни слова и безмолвно, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, разослалъ подъ насъ кошму. Мы закурили трубки и начали говорить съ едва отвѣчающимъ дикаремъ. Тѣмъ временемъ я увидѣлъ, какъ баба суетливо привязала къ юртѣ кургашку въ качествѣ кунъ-агасы и какъ нѣсколько лицъ съ недоумѣніемъ разглядывали насъ снаружи. Потомъ вошли двѣ бабы и еще нѣсколько смѣлыхъ ордынцевъ. На вопросы, переводимые имъ нашимъ переводчикомъ, они отвѣчали, выдерживая и обдумывая каждое слово. Видно было, что они опасались оговориться. Побившись съ ними, мы пошли домой, пригласивъ къ себѣ бабъ на чай. Часа черезъ два онѣ дѣйствительно явились къ намъ и

робко влѣзли въ юрту. Мы говорили общія мѣста, а потомъ подарили имъ каленкору, складное зеркальце и бусы; послѣ этого началось питье чаю, продолжавшееся около двухъ часовъ. Сначала пили бабы, потомъ мужчины и дѣти, облегшіе снаружи всю нашу юрту.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на этихъ дикарей. Прежде всего меня поразило, что лица адаевцевъ представляли смѣсь всевозможныхъ кровей. Чистокровныя монгольскія безбородыя лица виднѣлись рядомъ съ правильными и красивыми лицами. Черты, напоминающія персіанъ, и, около, лица бронзоваго цвѣта съ крупными чертами, похожими на индѣйскіе типы. Нѣсколько бабъ было довольно красивыхъ. Ситцы ихъ рубахъ были русскіе и только на нѣкоторыхъ виднѣлись азіатскія матеріи (полушелковыя). Бабы жаловались на туркменъ, которые не пускаютъ къ адаевцамъ купцовъ изъ Хивы. Головы мужчинъ были покрыты платками, связанными на подобіе тюрбановъ. Платки и рубахи мужчинъ русской фабрикаціи.

Адаевцы—многочисленное и самое дикое киргизское племя. Въ немъ считается до десяти тысячъ юртъ, т. е. по меньшей мѣрѣ до сорока тысячъ душъ. Они зимуютъ на полуостровѣ Мангышлакѣ, а лѣтуютъ по Сагизу, Эмбѣ и Уилу. На зимовыхъ стойбищахъ трава очень скудная, большею частью рѣдкая полынь, которую, однако, ѣстъ весь скотъ, даже лошади. Впрочемъ, кобылицы адаевцевъ не даютъ, благодаря полыни, много молока, такъ что бѣдные люди никогда не могутъ пить кумысу.

Большая часть скота у адаевцевъ состоитъ изъ верблюдовъ, барановъ и только небольшая часть рогатой скотины. Послѣдняя имѣется только у очень богатыхъ людей, за то верблюдовъ и овецъ очень много у людей даже посредственнаго состоянія. Питаются большую часть года верблюжьимъ молокомъ, такъ какъ верблю-

дицы доятся цѣлый годъ. На сугумъ рѣжутъ верблюдовъ и барановъ, какъ говорили адаевцы, около пяти лошадей и десяти барановъ на юрту средняго состоянія. Мясо солятъ, провяливаютъ и возятъ потомъ на вьюкахъ; несмотря на это неудобство, колятъ на сугумъ разомъ, а не постепенно, и осенью, когда животныя жирны. Осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, покупаютъ въ Александровскомъ фортѣ муку отъ купцовъ, привозящихъ ее изъ Астрахани.

Зимою кочуютъ по колодцамъ, которые съ давнихъ поръ распредѣлены между адаевскими родами. Останавливаются на конѣ, т. е. на кругѣ изъ помета животныхъ, оставшемся отъ прошлаго года. Это дѣлаютъ, чтобы охранить скотъ отъ стужи. По скудности корма зимою нельзя останавливаться болѣе десяти дней на одномъ мѣстѣ. Колодцы, у которыхъ зимуютъ, очень глубоки, саженъ до двадцати пяти и болѣе. Отверстіе колодцевъ узкое; въ самое широкое устье едва можетъ влѣзть человѣкъ. Колодцы обложены камнемъ. Сооруженіе этихъ колодцевъ приписываютъ ногайцамъ.

Въ серединѣ марта адаевцы начинаютъ подвигаться на сѣверъ къ Сагизу. Тогда снѣгъ, выпадающій на Мангышлакѣ и Усть-Уртѣ, не толще, какъ на четверть, начинаетъ таять и скотъ пользуется талою водою. На зимовкахъ или близъ нихъ, въ вырытыхъ ямахъ, оставляются тяжелыя кошмы, которыя служатъ для заборовъ въ загонахъ, и всѣ тяжелыя вещи. На Сагизѣ останавливаются долго или мало, смотря по многимъ причинамъ. Если здѣсь травы хороши, то на Сагизѣ остаются до тѣхъ поръ, покуда не вытравятъ ихъ. Хотя въ Сагизѣ вода солоновата и невкусна, но это не имѣетъ никакого значенія для адаевцевъ. Они такъ привыкли къ дурной водѣ, что не умѣютъ опредѣлить, которая вода солонцевата, которая прѣсна. Въ этомъ мы убѣдились, разспрашивая про вкусъ болота Тен-

текъ-Кара-Су, близъ котораго мы остановились, и про воду въ Уилѣ.

Другая причина, которая можетъ заставить не подниматься лѣтовками выше Сагиза, политическая. Если адаевцы въ ссорѣ съ родами, которые кочуютъ близъ Уила, то, опасаясь расчетовъ и баранты, они держатся на Сагизѣ все лѣто, иногда только поднимаясь къ колодцамъ, находящимся между Сагизомъ и Уиломъ. То же самое бываетъ, если адаевцы не заплатили ясака или напроказили что-нибудь. Тогда они не поднимаются далеко къ сѣверу. Зато если на Сагизѣ травъ мало, а адаевцамъ нѣтъ причинъ опасаться администраціи или другихъ киргизскихъ племенъ, они откочевываютъ не только до Уила, но даже до вершинъ Илека.

Какъ народъ вполнѣ кочующій, они травятъ по пути луга, зимовки и производятъ обыкновенно рядъ безпорядковъ. Правитель въ это время можетъ быть и далеко, слѣдовательно далеко и отрядъ. Убѣдить или урезонить адаевцевъ нѣтъ никакой возможности безъ силы. Владѣльцы вытравленныхъ луговъ бросаются на луга, принадлежащіе другимъ родамъ, и результатомъ этой путаницы, произведенной адаевцами, бываютъ драки, а иногда и убійства.

Въ прошломъ году адаевцы оставались на Сагизѣ; вотъ какъ разсказывали намъ причины этого. Адаевцы раздѣляются на шесть отдѣленій, управляемыхъ вліятельными между ними лицами. Едва ли не болѣе всѣхъ вліятельны Бай-Мугаметъ и Минбай. Бай-Мугаметъ, или сокращенно Баембетъ, управляетъ адаевцами Мугалова отдѣленія Баембетова подраздѣленія. Минбай бій Тобычева отдѣленія, Минбаева подраздѣленія. Послѣдній въ 1862 или 1863 году напалъ на туркменъ родовъ Ходжа, Абдалъ, Егдеръ, кочующихъ близъ Мангышлака и платящихъ дань Россіи, отнялъ весь скотъ, имущество, женщинъ, даже забралъ въ плѣнъ самихъ туркменцевъ.

Эти послѣдніе жаловались коменданту Александровскаго форта и генералъ-губернаторъ приказалъ возвратить все награбленное. Комендантъ поручилъ исполнить волю высшаго начальства Баембету. Онъ явился къ Минбаю съ приказаніемъ, но послѣдній не только не исполнилъ того, что слѣдовало, но даже возилъ Баембета за собою болѣе пяти дней въ оковахъ. Баембетъ освободился при помощи почетныхъ киргизскихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе Минбай отдалъ назадъ только часть ограбленнаго туркменами.

Около того же времени исыковцы угнали за что-то барантою скотъ у адаевцевъ Минбаева подраздѣленія. Старикъ Минбай послалъ къ Уилу, гдѣ тогда кочевали исыковцы, своего сына. У песковъ Баркинъ начались переговоры, перешедшіе весьма скоро въ ссору, кончившуюся убійствомъ сына Минбаева. Отецъ собралъ свое подраздѣленіе и напалъ на исыковцевъ, кочевавшихъ тогда у вершинъ Кіила, отнялъ у нихъ много скота и убилъ человѣка. По всѣмъ этимъ дѣламъ нѣсколько адаевцевъ было арестовано, а Минбай вызванъ въ Оренбургъ, гдѣ ему было объявлено прощеніе. Но раньше этого прощенія адаевцы, опасаясь правительства и исыковцевъ, не прикочевывали выше Сагиза и Минбаево отдѣленіе оставалось совсѣмъ около Усть-Урта. Эту зиму, вѣроятно вслѣдствіе дурныхъ лѣтнихъ кормовъ, произошелъ большой джутъ, истребившій много скота. Адаевцы принуждены были съ весною выразить покорность. Они выслали къ правителю бія Баембета, а сами подкочевали къ Уилу, опустошая по пути зимовки черкессовцевъ, тазовцевъ и другихъ родовъ.

Въ сентябрѣ адаевцы начинаютъ откочевывать къ югу; всѣ роды идутъ тогда единовременно, какъ бы въ боевомъ порядкѣ изъ опасенія нападеній со стороны туркменъ. Мы спрашивали отчего они не уладятъ спорныхъ дѣлъ съ туркменами мирнымъ путемъ. Адаевцы

отвѣчали, что много разъ попытки мировыхъ сдѣлокъ дѣлались, но эти попытки оказывались безполезными, вслѣдствіе вѣроломства и безчестности туркменъ, никогда не держащихъ свое слово. Потому всегда существуютъ счеты между сосѣдями, которые кончаются барантою. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что движеніе къ зимовкамъ въ сосѣдство къ туркменамъ дѣлается всегда съ осторожностью.

Придя на Мангышлакъ и Усть-Уртъ, адаевцы распредѣляются по родовымъ колодцамъ и конамъ. Скотъ на сугумъ закалываютъ по пути, большею частью на Сагизѣ и Эмбѣ. Кочуютъ всю зиму, какъ сказано выше. Приготовляясь на баранту противъ туркменовъ, адаевцы, подойдя къ ихъ землямъ, раздѣваются почти донага и оставляютъ одежду вмѣстѣ съ товарищемъ, у котораго дурная лошадь, въ какомъ-нибудь оврагѣ.

Родами управляютъ родоначальники, безусловные владыки своихъ родовичей. Ихъ приговоръ окончателенъ и исполняется немедленно. Адаевцы разсказывали намъ, что старшій братъ убилъ младшаго за то, что онъ не хотѣлъ исполнять приказанія Баембета. Они же говорили, что у ихъ сосѣдей, туркменцевъ, скота много. Лошадей же они не держатъ въ табунахъ, а, какъ арабы, привязываютъ къ юртамъ жеребца и кобылу. Ходятъ за лошадьми внимательно. Нѣкоторые сѣютъ ячмень и особенную траву, которую они называютъ *джумурчка*. Осенью на концѣ стебелька образовываются сѣмена, которыя и собираются для посѣвовъ слѣдующаго года. Отъ постоянной вражды туркменъ съ адаевцами у однихъ и другихъ много плѣнныхъ, обращаемыхъ въ рабство. Эти рабы отдаются чаще всего вмѣстѣ съ приданымъ за дочерьми. Иногда адаевцы, какъ они намъ говорили, перекупаютъ рабовъ и у туркменъ. Въ управленіе степью генераломъ Катенинымъ, въ видахъ умиротворенія, было приказано возвратить туркменамъ всѣхъ

плѣнныхъ. Адаевцы отдали половину и требовали своихъ; туркмены обманули и адаевцы начали отыскивать свое право барантою.

Благодаря чаю и подаркамъ, мы сдружились съ бабами адаевцевъ. Они разспрашивали и разсматривали все попадающееся имъ на глаза. Мужчины пришли въ восторгъ отъ револьвера и возможности сдѣлать пять выстрѣловъ подъ рядъ. Вѣроятно, каждый изъ нихъ пожелалъ владѣть подобнымъ оружіемъ для своихъ разбойническихъ цѣлей. Желѣзныя кровати, складные стулья и кресло обращали особенное вниманіе женщинъ.

— Ты и въ своей странѣ спишь на такой постели со своею женою?—спросила меня одна баба.

— «Нѣтъ; я холостой».

Это ихъ, кажется, весьма удивило.

Изъ числа пяти женщинъ, сидѣвшихъ въ нашей юртѣ, двѣ были вдовы. Ихъ мужья были убиты въ борьбѣ съ туркменами.

Когда мы хотѣли дать бабамъ бусъ, одна изъ нихъ пошла къ себѣ въ юрту, нарядилась въ салкуле и явилась съ тѣмъ, чтобы ей нацѣпили бусъ. Другая явилась также въ салкуле. Работа чудовищнаго головного убора обнаруживала нѣкоторое искусство. Салкуле, видѣнный нами, стоитъ двадцать верблюдовъ. Узнавши, что бусы не изъ чистаго серебра, матроны выразили большое негодованіе и уваженіе къ чистому серебру. Вообще любовь къ портативнымъ цѣнностямъ, камнямъ, благороднымъ металламъ присуща адаевцамъ, какъ всѣмъ народностямъ, существующимъ разбоями. Женщины говорили намъ, будто къ нимъ на кочевья, зимнія и лѣтнія, пріѣзжаетъ много купцовъ, большею частью изъ астраханскихъ татаръ, и что они, адаевцы, не дѣлаютъ имъ никакого зла. Онѣ же разсказывали, что по берегамъ текущихъ ключей, которые въ небольшомъ количествѣ имѣются на Мангышлакѣ (текутъ съ Усть-Урта), ада-

евцы сѣютъ просо и поливаютъ пашни водой изъ ключей.

Всѣ эти свѣдѣнія собраны съ большимъ трудомъ. Какъ только какая-нибудь баба начинала много растабарывать, къ ней присѣдалъ мужчина и начиналъ отвѣчать вмѣсто нея, а иногда такая баба попросту и прогонялась домой. Несмотря на всѣ наши усилія сойтись, адаевцы смотрѣли волками и отвѣчали крайне уклончиво.

Обѣдали на открытомъ воздухѣ. Погода была очень хорошая. Изъ глубины степей двигались огромныя стада верблюдовъ, которыхъ кучи, съ ихъ длинными ногами и странною профилью, рисовались на яркомъ западѣ рельефнымъ образомъ и своею особенностью напоминали, что мы забрались въ такой уголъ, гдѣ вся жизнь складывается оригинальнымъ образомъ, непохожимъ на все, что мы видѣли съ нашего малолѣтства. Ночлегъ нашъ приходился у могилы Самай-Ходжи.

Вообще всѣ памятники древнихъ обитателей кайсацкой степи приписываются нынѣшними обитателями ея ногайцамъ. «*Ногай-земоида* — во время ногайцевъ» — обыкновенный отвѣтъ, если спросите о времени построенія могилы, памятника, колодца, о древней пашнѣ и проч. Изрѣдка говорятъ они о калмыкахъ. Я полагаю, что надобно отличать въ памятникахъ или могилахъ степныхъ слѣдующіе разряды:

1) Могилы собственно киргизскія, въ видѣ небольшихъ насыпей, побольше нашихъ могилъ, или въ видѣ земляныхъ и глиняныхъ, битыхъ, цилиндрическихъ возвышеній, съ вершинами въ видѣ полушарія. Есть также кайсацкія могилы изъ нежженаго кирпича, со входомъ и покойчикомъ.

2) Могилы, вѣроятно, калмыцкія, со временъ владычества зюнгарцевъ; на нихъ сохранились доселѣ каменные истуканы съ монгольскими рожами, изобража-

ющіе, большею частью, шахая-муни, держащаго въ правой рукѣ, противъ груди, чашу.

3) Памятники, вѣроятно, временъ ногайскихъ; они носятъ на себѣ, какъ и всѣ работы этого народа, печать прочности и въ нѣкоторой степени искусства. Это небольшія зданія изъ жженаго, чрезвычайно твердаго и прочнаго кирпича, сложенныя въ видѣ четыреугольной башни, со сводомъ и десятигранною острою вершиною. Одна стѣна башни, главная или передняя, отколѣ входъ, выше прочихъ и прикрываетъ часть вершины. Подобный памятникъ стоитъ также на восточномъ берегу рѣки Карача или Тургая, неподалеку отъ древняго городища, обнесеннаго четыреугольнымъ валомъ. Къ тѣмъ же временамъ, думаю, относить должно холмообразные курганы.

4) Наконецъ, есть еще по всей степи, между Ураломъ и Тоболомъ, древнія могилы, отличающіяся видомъ своимъ отъ прочихъ. Это курганы, насыпи, которые всѣ устроены съ углубленіемъ на вершинѣ ихъ, въ видѣ воронки. Величина кургановъ этихъ весьма различная; иные едва возвышаются надъ поверхностью земли, другіе такъ велики, что одно только тщательное изслѣдованіе ихъ можетъ увѣрить васъ въ томъ, что это дѣйствительно дѣло рукъ человѣческихъ. Нерѣдко малые окружаютъ одинъ большой, который самъ стоитъ въ небольшомъ углубленіи, окруженный плоскою канавой, отколѣ, повидимому, взята земля для насыпи. Курганы въ южной Россіи этого признака не имѣютъ; они стоятъ всегда на ровномъ мѣстѣ и вершина ихъ выведена и округлена сполна. Слѣдовательно, тѣ и другіе курганы принадлежатъ различнымъ народамъ. Эти курганы, безъ сомнѣнія, самые древніе и принадлежатъ народу, кочевавшему здѣсь прежде калмыковъ и прежде ногайцевъ. Если вѣрить кайсакамъ, то они находили въ могилахъ этихъ много серебра, въ видѣ сосудовъ и

денегъ. Жаль, что доселѣ никому изъ образованныхъ людей не удавалось изслѣдовать эти памятники древности.

Развалины и признаки городищъ находятся во многихъ мѣстахъ въ степи, но уже въ такомъ состояніи, что нельзя почти никакого по нимъ сдѣлать заключенія. Это остатки валовъ и рвовъ; битые кирпичи и черепицы. Напримѣръ, около горы Улу-тау находятся такія развалины, извѣстныя подъ именемъ *Джанъ-ана*.

На Усть-Уртѣ есть, между прочимъ, развалины *Бягулы-ата*, замка, носящаго названіе святого соорудителя своего. Это зданіе изъ огромныхъ, гладко-отдѣланныхъ камней, темно-сѣраго цвѣта; въ немъ четверо воротъ, подъ кирпичными сводами. Среди развалинъ видна еще четыреугольная площадь, по сторонамъ саженъ въ двадцать; она окружена комнатами, служившими, вѣроятно, медрессомъ, училищемъ. При немъ есть глубокій колодезь, саженей въ тридцать. Разсказываютъ, что отселѣ въ ясные дни видны оба моря; а преданіе гласитъ, что суда, ходившія въ древности по Каспію, выгружались противъ этого замка, товары шли волокомъ на Аральское море и водою были доставляемы далѣе по рѣкамъ Аму и Сыру.

1-го іюля. Сегодня, переправившись черезъ рукавъ Тентекъ-Кара-Су, мы направились на пески Сарытюбе (т. е. холмы желтаго песку). Растительность степи вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, очень хороша Мѣстами щетки кипца были довольно густы, а кое-гдѣ виднѣлся и ковыль. Переправившись черезъ ручей Улянды, мы приблизились къ прѣсному озеру Сары-Куль.

Около него виднѣются стоги накошеннаго сѣна, котораго, какъ видно, здѣсь довольно много. Тутъ же около зимовокъ тянется много пашенъ, засѣянныхъ просомъ, и видны слѣды старыхъ пашенъ. Трава на неско-

шенныхъ и невытравленныхъ лугахъ очень богата. За озеромъ кое-гдѣ появляются холмики желтаго песку, что, впрочемъ, не мѣшаетъ всей мѣстности вообще оставаться довольно плодородной. На десятиверстной картѣ пески Сарытюбе показаны какою-то Сахарою; въ сущности же они весьма богаты растительностью и, слѣдовательно, хороши для кочевокъ.

Отъ Сарытюбе мы выѣхали въ районъ болѣе разнообразной мѣстности. Вдали виднѣлись подъемы, мы сами ѣхали по увалам и спускались въ глубокія, теперь, впрочемъ, высохшія долины, оставленныя весенними водами. Отъѣхавъ верстъ двадцать пять отъ могилы Самай-Ходжи, мы остановились пить чай въ одномъ глубокомъ оврагѣ, называемомъ, кажется, Акъ-булакъ. Весною при таяніи снѣговъ здѣсь протекаетъ глубокій потокъ, теперь же все русло сухо. По бокамъ ложа поднимаются крутые берега, почти отвѣсно промытые водой въ глинѣ. Кругомъ довольно пустынно. На самомъ днѣ русла выкопано нѣсколько колодцевъ, въ которыхъ есть очень хорошая вода. Жара была удушливая. Я не могъ утерпѣть, чтобы, не стѣсняясь присутствіемъ конвоя и попутныхъ киргизовъ (джалаучи), не раздѣться и не вылить на себя нѣсколько ведеръ воды изъ колодца. Послѣ того полегчало.

Отъ привала мы шли, направляясь на урочище Джамуркалы, славящееся въ окрестности своимъ плодородіемъ. Впереди поднимались невысокія известковыя или мѣловыя горы, Джаксы-Урундукъ. Всѣ онѣ были охвачены маревомъ. Ихъ бѣловатый мерцающій видъ, вмѣстѣ съ неопредѣленными струями марева и палящимъ зноемъ, давалъ особенный характеръ этому переходу. Неподвижный горячій воздухъ обжигалъ все лицо, шею, руки; когда поднимался вѣтерокъ, вы чувствовали, будто пахнуло изъ печки, и, вмѣсто облегченія, вѣтеръ усиливалъ тяжелое чувство. Высокая температура, безпре-

рывно отнимая испаренія, развивала болѣзненную и неутолимую жажду. Слизь, покрывающая полость рта, стала густа, губы сохли и трудно было собрать во рту сколько-нибудь слюны. Клейкая и густая слизь будто слѣпила весь ротъ. Мѣрный шагъ лошади и качанье на сѣдлѣ навѣвали тяжелую дрему. Потъ струился по лицу, рукамъ и тѣлу; впереди, по бокамъ и сзади переливался обманчивый воздухъ, утомляя зрѣніе видомъ марева; а между тѣмъ качаешься по необходимости на сѣдлѣ цѣлые десятки верстъ. Потомъ, пріѣхавши на ночлегъ, начинаешь вознаграждать потерянное чаемъ и пьешь его стакановъ десять или двѣнадцать безо всякаго обремененія, а, наоборотъ, съ величайшимъ наслажденіемъ.

Какъ ни непріятна ѣзда лѣтомъ въ степи, тѣмъ не менѣе утѣшаешься тѣмъ, что эта ѣзда неизбѣжно необходима; зато какая беретъ злость, когда, по ошибкѣ провожатаго, придется сдѣлать съ десятокъ верстъ лишнихъ. Такъ случилось сегодня. Сначала мы шли по направленію на озеро Джумартъ-Куль, около котораго было разбросано много стоговъ сѣна; но проводникъ, доѣхавши до него, круто повернулъ съ сѣверо-восточнаго направленія на югъ. Послѣ онъ мотивировалъ это тѣмъ, что надъ озеромъ, когда онъ подъѣхалъ, носилась цѣлая туча слѣпней и оводовъ, которые не дали бы покоя нашимъ животнымъ. Какъ бы то ни было, мы сдѣлали болѣе десяти верстъ лишнихъ и остановились на ночлегъ недалеко отъ горы Джаксы-Урундукъ, въ одномъ аулѣ, стоявшемъ близъ кудуковъ, колодцевъ, богатыхъ довольно хорошею водою. Кормъ лошадямъ хорошъ. А то намъ приходилось дѣлать большіе крюки еще вслѣдствіе того, что киргизы попутныхъ ауловъ отводятъ отъ себя отрядъ, говорятъ, что впереди или въ боку есть хорошіе аулы, которыхъ тамъ никогда не бывало. Придя на указанное мѣсто, нужно либо во-

рочаться назадъ, либо идти далѣе и искать другихъ ауловъ.

Сегодня Сагибъ-Гиреевъ и Табулгинъ разсказывали много разныхъ разностей про степь. Ихъ разсказы до того характеристичны и до того удивили меня, что считаю полезнымъ привести ихъ въ своей книгѣ.

Послѣднимъ ханомъ Малой Орды былъ Джантюре, внукъ Абулхаира. Джантюре былъ сынъ Айчувака, сына Абулхаира. Его соперникъ, султанъ Каратай, жилъ среди баюлинцевъ. Для поясненія нужно прибавить, что три главнѣйшихъ сына Абулхаира, Нуралли, Анчувакъ и Ералли, распредѣлились въ народѣ слѣдующимъ образомъ: потомки Нуралли поселились среди баюлинцевъ; потомки Анчувака жили съ семиродцами; потомки же Ералли удалились въ Восточную часть. По смерти Ширгазы-хана, Джантюре и Каратай были оба приглашены въ Оренбургъ и оба надѣялись быть ханами. Назначили Джантюре и сейчасъ же баюлинцы, сопровождавшіе Каратая, отвалили въ глубь степи. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ непримиримымъ врагомъ хана. Въ 1811 году ханъ находился близъ линіи, почти противъ поста Горячен-скаго. До него дошли слухи, что Каратай собираетъ шайку, но онъ не обратилъ на это вниманія, тѣмъ болѣе, что при немъ состоялъ конвой изъ башкировъ. Вечеромъ, наканунѣ убійства, біи совѣтовали хану уѣхать и приводили доказательства, что Каратай съ шайкою недалеко. Джантюре не слушалъ. У хана были поставлены двѣ ставки. Едва онъ вышелъ изъ той, въ которой разсуждали біи, чтобы лечь въ другой спать, какъ она была окружена партіей Каратая. Послѣ розысковъ они убѣдились, что султана нѣтъ, какъ вдругъ изъ другой юрты раздался выстрѣлъ, сдѣланный Джантюре. Тогда шайка бросилась туда и убила хана. Убійцы его не были наказаны. Этотъ случай не требуетъ комментарій. Онъ краснорѣчивъ по своему безобразію.

Сынъ Джантюре, Арасланъ, султанъ-правитель Средней части, былъ тоже убитъ чеклинцами. Это весьма сильный родъ, занимающій лучшія мѣста въ Средней части. Довольство и слабость правительства развили въ нихъ удалые инстинкты. Одинъ изъ вліятельныхъ чеклинцевъ, Кутебаръ, весьма долгое время производилъ съ родовичами грабежи у своихъ сосѣдей и всѣ они сошли безнаказанно. Сынъ его, Исеть Кутебаровъ, оказался достойнымъ преемникомъ своего отца. Особенно сильны были его грабежи въ 1850-хъ годахъ. Въ 1855 году султанъ-правитель Арасланъ назначилъ отправить изъ Чеклинскаго рода до ста верблюдовъ на Сыръ-дарью въ какое-то укрѣпленіе. Кутебаровъ не хотѣлъ его слушать и началъ волновать степь; тогда Арасланъ рѣшился захватить Кутебарова, тѣмъ болѣе, что областное правленіе требовало арестованія Исетя по многимъ на него жалобамъ. Арасланъ выступилъ съ отрядомъ въ степь и сталъ приближаться къ кочевьямъ чеклинцевъ. При султанѣ было нѣсколько біевъ. Одинъ изъ нихъ совѣтовалъ султану обратить вниманіе на слухи, распространившіеся въ степи, будто бы Исеть Кутебаровъ замышляетъ что-то недоброе; по крайней мѣрѣ совѣтовалъ поставить часовыхъ у юрты или приблизить отрядъ, расположенный въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Султанъ не согласился. Ночью Кутебаровъ приблизился къ ставкѣ султана съ шайкою головорѣзовъ и окружилъ юрту. Султанъ вышелъ къ чеклинцамъ навстрѣчу съ вопросомъ, что́ имъ нужно. Они отвѣтили: тебя, и бросились на него. Султанъ скрылся въ юрту, но не успѣлъ снять висѣвшее на кирече ружье, какъ былъ пораженъ пикою. Послѣ того всѣ біи, присутствовавшіе на сторонѣ султана, были также убиты, равно какъ и прислуга. Было убито одиннадцать человѣкъ. Тѣмъ временемъ отрядъ окружилъ себя телѣгами и ждалъ нападенія, не дѣлая шагу, чтобы разогнать мошенниковъ.

Послѣ убійства Кутебаровъ удалился въ степь съ чеклинцами и нѣсколько лѣтъ волновалъ степь. Для поимки его двинулись отряды со всѣхъ сторонъ. Всѣ они, въ особенности отряды Яковлева и Кузьминскаго, покрыли себя славою грабителей и барантачей, но Кутебарова не поймали.

1855 и 1856 года памятны киргизамъ. Въ теченіе перваго года произошли волненія, произведенныя Кутебаровымъ; съ 1855-го на 56-й годъ былъ неслыханный джутъ, а въ 1856 году русскіе отряды, ловившіе, но не поймавшіе Кутебарова съ товарищами, грабили встрѣчныхъ и поперечныхъ. Генералъ Катенинъ, видя безполезность поисковъ, вошелъ въ сдѣлку съ Кутебаровымъ: ему обѣщано было прощеніе подъ условіемъ, что онъ явится въ Оренбургъ. Такъ и произошло. Теперь Кутебаровъ считается отличнымъ и уважаемымъ человѣкомъ и состоитъ правителемъ одной части Чеклинскаго рода въ Средней части.

Третій случай, разсказанный мнѣ, еще болѣе курьезенъ. Киргизы Тазовскаго рода убили Самай-Ходжу у рукава Уила, называемаго Тентекъ-Кара-Су, почти близъ того мѣста, гдѣ мы вчера ночевали. Султанъ-правитель Западной части рѣшился захватить убійцъ и двинулся на тазовцевъ, въ сопровожденіи отряда и баюлинцевъ. Близъ рѣки Сагиза онъ сталъ нагонять ихъ и, бросая тяжести, нагналъ ихъ у рѣки съ пятидесятью казаками и частью баюлинцевъ. Казаковъ было пятьдесятъ человѣкъ. Тазовцы, которыхъ было болѣе тысячи человѣкъ, подпустивъ султана, бросились на него, выдержали залпъ и пошли въ пики. Баюлинцы убѣжали. Султанъ съ отрядомъ, потерявши убитыми одного казака и двухъ киргизовъ, вѣроятно, тоже. На слѣдующій годъ начальникъ области, генералъ Ладыженскій, послалъ *уладить* это дѣло отца Сагибъ-Гирея. Оно и уладилось. Не уладилось одно: правительство осрамилось и подчи-

нило свою волю произволу дикарей; убійство Самай-Ходжи не только не было наказано, но увеличилось еще безнаказаннымъ же убійствомъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного русскаго, за котораго, какъ за другихъ, не было заплачено куна.

Экое срамное поведеніе! И все оттого, что наша администрація въ здѣшней степи никакъ не можетъ стать выше партій и вмѣстѣ съ назначеніемъ правителя должна примыкать къ одной партіи, обыкновенно слабѣйшей, потому что султаны-правители назначаются обыкновенно изъ неуважаемыхъ потомковъ султана Абулхаира.

2-го іюля. Утромъ выѣхали въ путь далѣе. Впереди бѣлѣли мѣловыя горы Акчатъ-тау. Мы держались сначала прямо на нихъ. Отъ нашего пути шла постепенно понижающаяся покатость къ самому Уилу, по берегамъ котораго тянулись большіе луга. На нихъ стояло много стоговъ накошеннаго киргизами сѣна. За кряжемъ на сѣверо-западъ лежало озеро Джумартъ-Куль, берега котораго тоже уставлены стогами. Вообще близъ урочища Джамурткалы мѣстность способна подъ поселеніе. Въ горахъ Акчатъ можно найти много строительнаго матеріала, камней, мѣлу и извести; луговъ много; большаго же требовать тутъ нельзя. Правда, вода Уила немного солонцевата, но ее можно употреблять въ пищу или же вырыть колодцы. Зато въ Уилѣ много рыбы. А было бы очень полезно имѣть на Уилѣ русское поселеніе.

Отъѣхавъ верстъ восемнадцать, мы переправились вбродъ черезъ Уилъ и заѣхали въ аулъ на привалъ. Аулъ оказался принадлежащимъ семейству одного султана, потомка Каратая. Самого султана не было дома. Его жена, женщина съ правильными чертами лица, встрѣтила насъ весьма дружелюбно. Въ особенности она

обрадовалась Сагибъ-Гирею, потомку, какъ и ея мужъ, Абулхаира. Она была съ нами любезна по-киргизски, но въ обращеніи съ Сагибъ-Гиреемъ проглядывала у нея та симпатичность, которою у киргизовъ такъ же, какъ и у насъ, встрѣчаютъ желанныхъ гостей равнаго или высшаго круга.

Аулъ султана стоялъ на зимовкѣ, отведенной ему бывшимъ султаномъ-правителемъ Тяфкинымъ. Зимовка занимала пространство въ значительномъ изгибѣ Уила. Травы здѣсь были очень хорошія. Зимовка эта дана султану на томъ основаніи, что его прежняя, находящаяся на рѣкѣ Илекѣ, оказалась тѣсною для султанскаго семейства. Для султанскихъ родовъ земля находится, а для бѣдняковъ ея нѣтъ!

Отсюда мы ѣхали берегомъ Уила; кое-гдѣ виднѣлись стоги накошеннаго сѣна; близъ старицъ и озеръ, оставляемыхъ разлитіемъ рѣки, стояли аулы. Около паслись стада. Растительность части степи, удаленной отъ воды, представляетъ характеръ довольно однообразный: полынь разныхъ сортовъ, кое-гдѣ кипецъ и безполезныя травы. У одного изъ попутныхъ ауловъ намъ сказали, что султанъ-правитель прибылъ уже на Кіилъ и ожидаетъ насъ, а верстахъ въ двадцати не доѣзжая до него насъ встрѣтили почетные люди, высланные правителемъ.

Мы рѣшились остановиться, не доѣзжая до Кіила верстъ на десять по двумъ причинамъ. Во-первыхъ и люди, и лошади порядкомъ устали, а во-вторыхъ, Г—ій, вѣроятно, вслѣдствіе своего знанія азіатъ, сталъ вдругъ средне-вѣковымъ азіатомъ. Было несовмѣстно съ нашимъ достоинствомъ придти на кочевку къ султану и нужно было заставить его пріѣхать первому къ намъ. Съ этою цѣлью мы послали присланныхъ къ намъ біевъ обратно къ султану, прося его пріѣхать къ намъ. Мы расположились на самомъ берегу Уила во впадинѣ, образованной скопленіемъ весеннихъ водъ. Здѣсь былъ хорошій

кормъ для лошадей. Въ ожиданіи пріѣзда султана, мы вынули сюртуки, а пока отправились къ рѣкѣ смотрѣть на неудачное уженіе и бреженіе рыбы. Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, подулъ вѣтеръ съ Каспійскаго моря и въ то же время стали находить тучи. Вскорѣ сталъ накрапывать дождикъ. Въ это время пріѣхалъ Сейдалинъ, сопровождаемый нѣсколькими почетными біями.

Правитель Западной части, Али-Магометъ-Сейдалинъ, штабъ-ротмистръ нашей службы, воспитывался въ Неплюевскомъ училищѣ. Онъ довольно грамотный и начитанный человѣкъ. Говоритъ довольно складно по-русски. Назначенъ онъ генераломъ Крыжановскимъ на мѣсто правителя Тяфкина, оказавшагося большимъ взяточникомъ. Сейдалинъ происходитъ отъ Абулхаира, потому долженъ сожалѣть о счастливыхъ временахъ, когда ханы могли рѣзать своихъ подданныхъ и другъ друга. Можетъ быть, потому мнѣ онъ показался чистокровнымъ азіатомъ, несмотря на небритую голову, приличную наружность и чистое бѣлье. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый халатъ, подъ которымъ виднѣлся шелковый же бешметъ. На головѣ была бобровая шапка.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ, Сейдалинъ началъ говорить словами либераловъ 1857 и т. д. годовъ, нападать на нѣкоторыя распоряженія, бранить чиновниковъ и во всемъ выгораживать киргизовъ. Онъ бранилъ только Тяфкина, своего предшественника, и превозносилъ до небесъ Николая Андреевича Крыжановскаго. Мнѣ хотѣлось сказать ему, что коммисія не подчинена Крыжановскому, съ тѣмъ, чтобы онъ умѣрилъ свой жаръ, и во всякомъ случаѣ взяло зло на азіата, который, видя передъ собой членовъ законодательной коммисіи, чуть не бранилъ правительство. Правительство дѣйствительно не сдѣлало всего, что оно могло сдѣлать; главная же его ошибка состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ поддерживало фамилію Абулхаира, даже въ

томъ случаѣ, когда бывали недостойные ханы и правители изъ этой фамиліи. Сейдалина бросило отъ этой высказанной мною мысли въ краску, а простые киргизы, сидѣвшіе тутъ, въ томъ числѣ и Табулгинъ, засмѣялись. Султанъ сталъ спорить со мною, бранить Мейера за его «пасквиль» на султановъ, заключающійся въ его матеріалахъ для статистики, и пр. и пр. Однако, мы въ результатѣ остановились на слѣдующей мысли: абулхаирцевъ нельзя не уважать, такъ какъ Абулхаиръ поддался изъ своихъ расчетовъ Россіи; но приносить народъ въ жертву одной фамиліи нельзя.

— Я читалъ вашу статью о киргизскихъ степяхъ [1]), прибавилъ Сейдалинъ. Разсказывая выборы старшаго султана Атбассаровскаго округа, вы нападаете на султановъ.

Говоря это, султанъ плевалъ черезъ головы сидящихъ въ юртѣ киргизовъ къ дверямъ и бросалъ такимъ же образомъ окурки папиросъ. Г—ій съ нимъ давно знакомъ.

— Султанъ! зачѣмъ вы усвоиваете привычки степныхъ аристократовъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Сейдалину.

Султанъ представилъ намъ нѣсколькихъ почетныхъ біевъ. Всѣ они, какъ подобаетъ азіатскимъ мудрецамъ, упорно молчали и обтирали потъ, который струился по ихъ лицамъ и отъ удушливой атмосферы, и отъ питья чаю. Мы попугали только адаевскаго родоначальника Маембетя тѣмъ, что правительство можетъ, если его родичи не уймутся, либо запереть имъ выходъ изъ Усть-Урта къ Сагизу на лѣтовки, безъ чего они существовать не могутъ, либо построить у нихъ крѣпость. Старику наши замѣчанія, кажется, не понравились. Мы просили Маембетя передать наши слова адаевцамъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ самый вліятельный родоначальникъ

[1]) Выдержки изъ дневника 1865 года, помѣщеннаго въ первомъ томѣ трудовъ А. К. Гейнса, печатались въ Военномъ Сборникѣ за 1866 годъ.—*Ред.*

между ними, можетъ присоединить къ нашимъ словамъ еще свой совѣтъ.

Когда вышли біи, въ юртѣ остались съ султаномъ Сагибъ-Гирей, султанъ Саматовъ, Табулгинъ и всѣ воспитывавшіеся въ нашихъ заведеніяхъ. Рѣчь зашла про новое разграниченіе уральцевъ съ киргизами. Сейдалинъ бранилъ Длотовскаго, говорилъ, что членъ отъ областного правленія, Батыршинъ, разсказывалъ ему про него какъ про самодура, не позволявшаго говорить ему ни слова, наконецъ, какъ человѣка, который пріѣхалъ съ заранѣе предвзятою мыслью обобрать киргизовъ, что онъ и выражалъ будто-бы раньше выѣзда изъ Уральска. По словамъ Сейдалина, отъ этого разграниченія пострадало до пятидесяти тысячъ кибитокъ, что будто бы разграниченіе произведено по невѣрнымъ картамъ и что, когда киргизы не хотѣли прикладывать свои печати къ раздѣльному акту, то ихъ грозили разстрѣлять. Вообще говоря, Сейдалинъ до нѣкоторой степени правъ. Разграниченіе произведено легкомысленно и съ полнымъ незнаніемъ дѣла и большое количество киргизовъ обратится, вѣроятно, очень скоро въ состояніе башкировъ. Г—ій, служившій въ послѣднее время въ Оренбургѣ, разсказывалъ мнѣ такимъ образомъ происхожденіе этой тяжбы.

Безакъ, въ послѣдній годъ своего управленія, надписалъ на одной изъ бумагъ наказного атамана уральцевъ Толстого, что киргизы правы по одному поземельному спору и что надо же быть безпристрастнымъ и къ нимъ. Вслѣдствіе этого замѣчанія Толстой или, лучше сказать, Безъяновъ написалъ Безаку толстѣйшее сочиненіе, въ которомъ излагались права уральцевъ на весь лѣвый берегъ. Тѣмъ временемъ Безакъ былъ смѣненъ и возбужденное дѣло перешло къ Крыжановскому; не желая вмѣшиваться въ это двусмысленное дѣло, онъ просилъ о назначеніи по Высочайшему повелѣнію ком-

мисіи, а такъ какъ въ то же время былъ смѣненъ и уральскій атаманъ, то онъ назначилъ исправлять эту должность состоящаго при немъ полковника Романовскаго. Послѣдній имѣлъ въ Петербургѣ большія связи и, какъ полагаютъ, пользовался у военнаго министра вѣсомъ. Желая выиграть въ мнѣніи уральцевъ, онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы дать коммисіи взглядъ, благопріятный для казаковъ.

Рѣшеніе коммисіи едва ли уничтожитъ, какъ предполагали, причины безпокойства на Уралѣ. Правительство сдѣлало очевидную уступку. Уральцы будутъ еще настойчивѣе, если дѣло дойдетъ до ихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ прерогативъ. Сагибъ-Гирей разсказывалъ, что зимовки рода, которымъ онъ управляетъ, охватываютъ богатое рыбою озеро Челкаръ. Уральскіе казаки постоянно ловятъ тамъ рыбу, даже требуютъ при проѣздѣ туда съ линіи законнаго содѣйствія. Теперь Сагибъ-Гирей затѣялъ съ ними процессъ, требуя уплаты арендныхъ денегъ. Казаки сейчасъ же обратились къ какимъ-то грамотамъ давно-умершихъ царей, доказывая свои права на Челкаръ. Дѣло началось только въ этомъ году, слѣдовательно по окончаніи разграниченія; а озеро отстоитъ отъ Урала на шестьдесятъ пять верстъ и соединяется съ Ураломъ протокомъ, который наполняется только при таяніи большихъ снѣговъ.

Съ самаго выѣзда въ эту степь, рядомъ съ недоумѣніемъ, возбужденнымъ во мнѣ безалаберностью здѣшняго управленія, я удивлялся большому количеству приличныхъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ корпусѣ. Они не отличаются, конечно, Богъ знаетъ какими свѣдѣніями, но важно то, что они почувствовали уже на себѣ неотразимое вліяніе цивилизаціи. Фанатиками они быть не могутъ, восторгаться искренно славою монголовъ едва ли можно для людей, знающихъ, что на свѣтѣ есть Англія, Америка, Франція, что есть

другое могущество, другая сила и слава, болѣе прочная. Въ Сибири почти нѣтъ людей, кончившихъ курсъ въ среднихъ русскихъ заведеніяхъ; но, по свойству учрежденій Сперанскаго, тамъ старшій султанъ округа долженъ вести себя умно; здѣсь султаны-правители должны придерживаться пріемовъ хановъ, т. е. стараться дѣйствовать какъ можно глупѣе. Тамъ каждое правительственное лицо изъ киргизовъ, поставленное между контролемъ правительства и народа, должно дѣйствовать въ духѣ прогресса, возможнаго только для киргизскаго народа; здѣсь султаны-правители, какъ бы они умны ни были, какое бы воспитаніе ни получили, должны держаться консервативныхъ началъ. Тамъ образованіе для старшихъ султановъ было бы крайне желательно; здѣсь оно для султановъ-правителей совершенно безполезно; вѣроятно, потому въ Сибири оно не существуетъ, а здѣсь довольно много офицеровъ, кончившихъ курсъ въ корпусѣ и въ киргизскомъ училищѣ.

Сидя въ юртѣ, мы говорили съ Сейдалиномъ про разныя разности, про подати, администрацію, судъ, поземельное право, про невозможность управлять такою большою частью, какова Западная, и про многое другое. Рѣчь шла также о необходимости открыть внутри степи рынки и базары, о пользѣ путей сообщенія, артезіанскихъ колодцевъ и прочаго.

Сейдалинъ разсуждалъ, какъ казалось, по человѣчески, напирая только на одно, а именно на то, что областное начальство, по незнанію степи, должно дѣлать въ управленіи тысячи глупостей.

— Недавно, сказалъ онъ, Николай Андреевичъ, не довѣряя уму, знаніямъ и способностямъ областного управленія, передалъ намъ на заключеніе одно предположеніе, которое оказалось совершенно неудобнымъ по примѣненію къ киргизской степи.

Меня даже зло взяло на этотъ безтактный посту-

покъ генералъ-губернатора. Онъ могъ пригласить компетентныхъ людей, разспросить ихъ и рѣшить его согласно здравому смыслу, а не пересылать дѣло на контроль лицамъ, которыя дѣлаютъ изъ этого цѣлую побѣду киргизовъ надъ русскою непрактичностью и безтолковостью.

Султанъ обѣдалъ съ нами. Ночью шелъ дождикъ съ грозой. Завтра утромъ мы должны, согласно условію съ султаномъ, перейти къ рѣкѣ Кіилу, гдѣ стоитъ его ставка. Намъ тамъ очищено мѣсто.

3-го іюля. Сегодня мы тронулись къ Кіилу, отстоявшему отъ мѣста нашей стоянки на Уилѣ около четырнадцати верстъ. Характеръ степи, лежащей на лѣвомъ берегу Уила, на который мы переправились у мѣста ночлега, прежній. Тамъ, гдѣ попадались озера, оставленныя весеннимъ разливомъ рѣки, растительность богата и густа; въ другихъ же мѣстахъ, отдаленныхъ отъ воды, растительность довольно скудна.

Подъѣзжая къ берегу Кіила, мы могли разсмотрѣть цѣлый большой аулъ, раскинувшійся близъ ставки султана. Сейдалинъ съ Саматовымъ встрѣтили насъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди юрты, хотя въ то время накрапывалъ дождь. Юрта султана совершенно такая же, какъ у другихъ киргизовъ, только внутри она опрятна; складная желѣзная постель подъ кисейнымъ пологомъ, въ углу чистый самоваръ, на кирече нѣсколько чистыхъ полотенецъ и прочіе атрибуты quasi-европейскаго домашняго скарба.

Едва мы усѣлись, какъ въ юрту вошелъ командиръ казачьей уральской сотни, состоящей при султанѣ, съ рапортомъ къ Г—му. Во время лѣтнихъ объѣздовъ султановъ-правителей, въ его распоряженіе командируется полторы сотни казаковъ. Назначеніе ихъ—поддержаніе власти. У юрты султана становится часовой, который

дѣлаетъ халатнику на караулъ. Командиръ казачьяго отряда рапортуетъ ему же ежедневно, какъ начальнику. Въ этомъ году Сейдалинъ просилъ у Крыжановскаго, неизвѣстно по какой причинѣ, еще и артиллерію; въ этомъ ему отказали, но дали два ракетныхъ станка. Отрядъ служитъ въ рукахъ старшихъ султановъ источникомъ постоянныхъ угрозъ и на него, конечно, не могутъ смотрѣть киргизы съ симпатіей; въ то же время, унизительное положеніе офицера, отданнаго въ распоряженіе султана, безобразное отношеніе русскаго отряда, поставленнаго подъ контроль киргиза, могущаго щеголять передъ подчиненными строгостью въ пресѣченіи обидъ, чинимыхъ казаками киргизамъ, все это дико и странно для свѣжаго человѣка. Изъ разговоровъ съ сотникомъ мы узнали, что у казаковъ нѣтъ денегъ на продовольствіе.

— Я просилъ, сказалъ онъ, султана дать мнѣ заимообразно до присылки изъ интендантства необходимую сумму изъ кибиточнаго сбора, онъ отказываетъ; а между тѣмъ казакамъ же нужно питаться чѣмъ-нибудь.

На всѣ наши убѣжденія исполнить просьбу сотника, Сейдалинъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Въ концѣ концовъ, однако, мы его убѣдили приказать давать барановъ подъ росписки.

По уходѣ офицера мы говорили съ султаномъ про дѣла. По поземельному вопросу онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, доказывающихъ, что будетъ очень трудно закрѣпить землю въ собственность по ауламъ, потому что тогда старшій станетъ помѣщикомъ другихъ. Особенно важно, что здѣсь пользуются зимовками большею частью покибиточно. Вопросъ о податяхъ не представляетъ затрудненій. Въ административномъ отношеніи онъ совѣтовалъ раздѣлить Западную часть на три части; доказывая, что иначе, при 73.000 кибиткахъ, здѣсь находящихся, невозможно управлять одному султану. Въ

Средней части считается всего 23.000, а въ Восточной 43.000 кибитокъ. По дѣламъ судебнымъ онъ сознается въ необходимости возстановить судъ біевъ, который въ послѣднее время былъ поглощенъ администраціей. Я стараюсь возстановить его всѣми зависящими отъ меня силами. Впрочемъ, при этомъ разговорѣ оказалось, что достопочтенный султанъ весьма плохо понимаетъ, что значитъ независимость суда. По его мнѣнію, онъ возстановилъ судъ біевъ, когда сталъ разбирать дѣла не единолично, а въ обществѣ біевъ.

Такъ какъ въ началѣ этого года я получилъ письмо отъ Муссы Чормановича съ просьбой объяснить ему распространившійся въ Сибири слухъ о томъ, что назначеніе коммисіи состоитъ въ обращеніи киргизовъ въ православіе, то теперь я почелъ долгомъ предупредить Сейдалина. Онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно этотъ слухъ существуетъ, но что послѣ резоновъ, которые я ему представилъ, онъ перестаетъ ему вѣрить. Послѣ того, съ легкостью маркизовъ конца XVIII столѣтія, мы стали глумиться надъ фанатизмомъ всякаго рода, причемъ Сейдалинъ разсказалъ слѣдующій фактъ.

— На дняхъ ко мнѣ явилась одна киргизка, объявляя, что она христіанка и желаетъ отправиться въ Россію. Я пригласилъ начальника отряда, г. Селезнева, и при немъ сталъ снимать съ нея допросъ. На мой вопросъ: обратилась ли она *по убѣжденію* (вотъ какъ?!), киргизка отвѣтила: нѣтъ, а что она обратилась послѣ смерти своего мужа, чтобы избавиться отъ необходимости выйти замужъ, согласно киргизскому обычаю, за мужнина брата. Послѣ допроса я оставилъ киргизку при своей джуламейкѣ. Ночью киргизка бѣжала. Я разослалъ гонцовъ во всѣ стороны и помощью денежной награды успѣлъ поймать ее и вскорѣ отправилъ на линію съ чабаромъ (гонцомъ). Черезъ нѣсколько времени мнѣ дали знать, что при проѣздѣ къ линіи на чабара было сдѣлано на-

паденіе неизвѣстными людьми, которые привязали его къ дереву, а самую киргизку похитили.

— Вотъ что значитъ обращеніе, прибавилъ вольтеріанецъ-султанъ; это вызываетъ народъ всегда на противодѣйствіе.

— Знаемъ-съ это не хуже васъ! Нельзя смотрѣть безъ омерзенія на равнодушіе и индифферентизмъ нашего духовенства, оставляющаго христіанъ безъ всякой поддержки посреди мусульманъ.

Старшіе султаны объѣзжаютъ свои территоріи для возстановленія порядка и правды. Эти поѣздки совершаются съ извѣстною помпою. Едва султанъ тронулся въ степь, какъ всѣ роды посылаютъ къ нему своихъ представителей бить челомъ «хану», какъ тутъ называютъ султана-правителя. Родъ, не приславшій своего представителя, кажется уже подозрительнымъ. Съ своей стороны султанъ-правитель разсылаетъ еще приглашеніе разнымъ вліятельнымъ лицамъ и предлагаетъ имъ ѣхать у него въ свитѣ. Это считается почетомъ, а между тѣмъ увеличиваетъ блескъ султанскаго поѣзда и даетъ извѣстный авторитетъ его распоряженіямъ. Туда, гдѣ разбивается ставка султана, являются просители съ окрестныхъ мѣстъ; правитель тутъ же творитъ судъ и расправу. Отсюда же онъ посылаетъ довѣренныхъ лицъ за кибиточнымъ сборомъ, отправляетъ вліятельныхъ біевъ для примиренія ссорящихся племенъ, для окончанія споровъ, для производства разслѣдованій и т. д. Установившійся обычай требуетъ, чтобы богатые люди, находящіеся въ свитѣ султана, гоняли бы за собою кобылицъ для доенія и полученія кумыса. Каждый бій, султанъ, челобитчикъ, являясь къ правителю, ставитъ въ сосѣдствѣ его ставки свой кошъ или джуламейку. Оттого вмѣстѣ съ лагеремъ казаковъ всѣ эти джуламейки составляютъ цѣлый лагерь. Мнѣ говорили, что иногда близъ султана набирается болѣе пятисотъ человѣкъ хо-

рошихъ киргизовъ. Прежніе султаны, во время своего объѣзда, получали отъ народа подарки, кунъ-агасы. Сейдалинъ не только ихъ не беретъ, но даже платитъ, и весьма дорого, за барановъ, которыхъ онъ покупаетъ себѣ на обѣдъ. Это довольно хорошій шагъ. Впрочемъ и предшественникъ Сейдалина, Тяфкинъ, тоже воспитывался въ корпусѣ, тоже не глупый человѣкъ, тоже былъ честенъ и дѣятеленъ сначала, а потомъ сталъ мошенникомъ.

Меня не разъ уже приводила въ отчаяніе добродѣтельность нашей администраціи тамъ, гдѣ это вредно. Вмѣсто того, чтобы назначить русскихъ людей во главѣ киргизовъ, правительство назначаетъ султановъ, которые, по свойству степной жизни, суть главы извѣстныхъ родовъ, враждебныхъ другимъ родамъ. Самимъ назначеніемъ, слѣдовательно, правительство вмѣшивается въ дрязги и дѣлаетъ одну партію правительственнымъ органомъ. До сихъ поръ случалось именно такъ, что выбираемые доселѣ султаны имѣли слабую партію и разыгрывали роль лисы во всѣ стороны. Послѣ такихъ комментарій станетъ понятно, почему, послѣ назначенія новаго султана, первый лозунгъ Оренбургскаго правительства—спокойствіе, почему султаны хлопочутъ объ этомъ болѣе всего, почему правительство оказывается миротворцемъ тамъ, гдѣ нужно показать зубы, и почему султаны приносятъ въ жертву покою и правдѣ и выгоды Россіи, и достоинство своего званія. Для водворенія спокойствія имъ нужно смотрѣть сквозь пальцы на произволъ родоначальниковъ или нужно стараться о слабости русскаго вліянія, о statu quo во всѣхъ степяхъ. При этихъ условіяхъ непосредственное подчиненіе киргизовъ Россіи немыслимо.

Вечеромъ султанъ, Сагибъ-Гирей, Табулгинъ и казачій есаулъ обѣдали у насъ. Изъ разговоровъ за обѣдомъ я могъ замѣтить, что каждое слово, сказанное

нами во время дороги, передано Сейдалину съ самою пунктуальною точностью. Самъ султанъ говорилъ, что киргизы удивляются, какъ онъ не окружилъ насъ до сихъ поръ лазутчиками, которые, какъ это всегда прежде водилось, должны бы были передавать ему каждое наше слово.

Разговаривали сегодня только въ присутствіи переводчика Бигулова съ адаевскимъ старшиной Баембетемъ. Онъ былъ гораздо откровеннѣе и подтвердилъ, въ формѣ отвѣтовъ, всѣ свѣдѣнія, собранныя мною объ адаевцахъ и записанныя выше. На мой вопросъ, что правительство можетъ сдѣлать, чтобы дать его соплеменникамъ возможность жить покойно, Баембеть отвѣчалъ, что нужно отправить къ туркменамъ посольство, которое должно сказать имъ, что если они не перестанутъ грабить адаевцевъ, то противъ нихъ выступятъ русскія войска со всѣми адаевцами. Это ихъ очень должно испугать. Туркмены боятся русскихъ и испугаются, что адаевцы, поддержанные войсками, ограбятъ ихъ до тла.

— Правительство развѣ можетъ поручиться, что адаевцы тоже не будутъ грабить туркменовъ? спросилъ я.

— Нѣтъ! до тѣхъ поръ, покуда вы намъ не дадите властей, отвѣчалъ Баембеть, насъ шесть родоначальниковъ у адаевцевъ. Всѣ мы хотимъ дѣлать по-своему и были бы рады, еслибы надъ нами была бы какая-нибудь власть. До султана-правителя далеко. Лѣтомъ, когда мы прикочевываемъ къ Сагизу и выше, адаевцы и боятся его, а послѣ дѣлаютъ, что хотятъ. Пусть около Гурьева городка или въ немъ самомъ живетъ вашъ чиновникъ, русскій ли или султанъ—это все равно, тогда адаевцы станутъ тише. Идя на зимовки, они будутъ знать, что за шалости они останутся не безнаказанны, потому что въ тылу у нихъ будетъ находиться власть; для полнаго же

спокойствія необходимо, чтобы насъ охраняли бы отъ туркменъ.

Слова старика очень умны. Черкессовскій и въ особенности Чеклинскій родъ находился къ намъ въ такомъ же точно отношеніи, какъ теперь адаевцы, но послѣ построенія Эмбинскаго поста и укрѣпленій на Сырѣ, они притихли. Опять-таки, русскія колоніи совершенно необходимы для порядка въ степи и для ихъ преуспѣванія.

4-го іюля. Сегодня останемся на мѣстѣ, чтобы окончить съ вопросами, которые предлагаются Сейдалину для оффиціальныхъ отвѣтовъ. Часа въ два онъ пришелъ къ намъ. Я просилъ разсказать про убійство Араслана-Джантюрина. Вотъ его разсказъ.

Въ 1853 году Перовскій, идя противъ Акъ-Мечети, приказалъ разнымъ киргизскимъ родамъ поставить верблюдовъ для войска. Между прочимъ и чеклинцамъ было приказано выгнать тристо или четыресто верблюдовъ. Чеклинцы находились тогда въ полузависимомъ отношеніи къ Россіи и считали себя не подданными. Ихъ родоначальникъ, Исеть Кутебаровъ, который разбойничалъ до тѣхъ поръ безпрепятственно, не могъ бояться русскихъ, потому что они не могли унять его. Чеклинцы не обратили вниманія на требованіе Араслана дать верблюдовъ и султанъ былъ принужденъ разложить скотъ, потребованный Перовскимъ съ чеклинцевъ, на другіе роды. Перовскій, узнавъ про это отъ коменданта Уральскаго укрѣпленія, приказалъ Джантюрину собрать съ чеклинцевъ верблюдовъ съ тѣмъ, чтобы они были готовы къ обратному движенію, былъ недоволенъ на султана, отнялъ у него отрядъ и поручилъ его какому-то другому киргизу. Послѣдній двинулся на чеклинцевъ, но возвратился безъ верблюдовъ и результатовъ. На возвратномъ пути верблюдовъ отъ чеклин-

цевъ Перовскій не получилъ. Мало того, Кутебаровъ началъ грабить всѣхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, даже отбилъ русскій транспортъ, шедшій на Сыръдарью. Все это заставило Перовскаго приказать Джантюрину смирить чеклинцевъ или отвѣчать самому. Тогда уже султанъ-правитель двинулся въ середину чеклинскихъ кочевьевъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ строгое предписаніе схватить во что бы то ни стало самого Кутебарова. Не видя другой возможности спастись отъ наступающаго Джантюрина иначе, какъ лихимъ набѣгомъ, Кутебаровъ бросился на ставку султана и убилъ его, какъ сказано было выше.

Послѣ у насъ съ султаномъ зашла рѣчь о томъ, какимъ образомъ онъ хочетъ насъ отправить далѣе. Оказалось, что Сейдалинъ думалъ, будто бы мы должны купить по крайней мѣрѣ двухъ верховыхъ лошадей на томъ основаніи, что онъ взялъ ихъ у хозяевъ подъ условіемъ купли. Мы полюбопытствовали во что оцѣнены лошади. Оказалось, что за двѣ плохія клячи, на которыхъ ѣхали Г—ій и я, требовалось сто двадцать рублей серебромъ—цѣна неслыханная въ киргизскихъ степяхъ за лошадей даже высокаго сорта. Когда мы выразили недоумѣніе, Сейдалинъ старался сначала доказать, что эта цѣна невысока, но когда мы ему доказали, что на Таинчикульской ярмаркѣ покупаются лучшія лошади за восемнадцать рублей серебромъ голова, онъ объяснилъ намъ слѣдующимъ образомъ высокую цѣну нашихъ лошадей. Прежде подъ проѣздъ чиновниковъ брались лошади съ тѣмъ, что стоимость ихъ выплачивалась владѣльцамъ полностью изъ общественныхъ суммъ (чегына); бывшій султанъ Тяфкинъ, не жалѣя общества, бралъ негодныхъ лошадей у близкихъ себѣ людей и, отдавая ихъ подъ проѣздъ, уплачивалъ огромныя суммы на счетъ чегына. Это пріучило требовать большія суммы.—Я насилу уговорилъ владѣльцевъ ло-

шадей, на которыхъ вы ѣдете, уступить ихъ, а то они просили за обѣихъ двѣсти рублей, закончилъ султанъ. Впрочемъ, мы остались при своемъ и покупать лошадей не намѣрены, а требуемъ перевозочныхъ средствъ и джуламейки. Султанъ притворялся, будто это ставитъ его въ затруднительное положеніе и выразилъ много цинизма, торгуясь съ нами.

Передъ закатомъ солнца у ставки султана собрались всѣ почетные біи, которые, подъ предсѣдательствомъ Сейдалина, должны были заняться разбирательствомъ. Подъ султаномъ былъ постланъ бухарскій коверъ. Онъ самъ въ щегольской тюбетейкѣ и шелковомъ бешметѣ возсѣдалъ на стулѣ съ папироской въ рукахъ. Я пошелъ къ мѣсту судилища. Разобрали при мнѣ нѣсколько дѣлъ на основаніи обычнаго права. Пріемы тѣ же, какъ и въ Сибирской степи, къ которымъ примѣшано, впрочемъ, много чиновническихъ и султанскихъ ухватокъ. Біи, въ случаѣ жалобъ на побои, осматривали знаки, оставленные на тѣлѣ, съ видомъ знатоковъ; видно, что имъ приходилось самимъ участвовать въ свалкахъ. Сейдалинъ, желая возстановить судъ біевъ, конечно, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, предоставилъ судьямъ право на байлыкъ, что, впрочемъ, не такъ глупо, какъ кажется съ перваго раза, потому что безъ вознагражденія нельзя было бы найти порядочныхъ судей. Сейдалинъ и біи занимались очень долго. Онъ отказался отъ обѣда и все время слышался его голосъ. Часовъ въ десять мы легли спать; засыпая, я могъ слышать голоса біевъ, жалобы, произносимыя сдержаннымъ, но страннымъ голосомъ, и вообще весь тотъ шумъ, который производитъ толпа въ присутствіи важнаго лица.

Сегодня слыхалъ про новый безобразный образчикъ того, въ какомъ состояніи находится здѣсь значеніе правительства. Адаевцы не такъ давно отогнали у Бершевскаго рода, у киргизъ, состоящихъ въ вѣдѣніи

Адиль-Гирея, брата Сагибъ-Гирея, скотъ барантою. При отгонѣ произошла драка, которая кончилась пораненіемъ нѣсколькихъ лицъ и убійствомъ двухъ бершевцевъ. Послѣдніе погнались за адаевцами, отбили часть скота и убили при этомъ одного человѣка. Независимо отъ того, они подали прошеніе на адаевцевъ и требовали возвращенія скота. Началось слѣдствіе, которое, конечно, безъ пользы для дѣла будетъ тянуться безъ конца. Адаевцы подали прошеніе о томъ, чтобы дѣло предоставить кончить по киргизскому обычаю, но скотъ до сихъ поръ не возвратили, исходя, вѣроятно, изъ того практическаго правила, что тотъ богатъ, у кого деньги въ рукахъ. Сагибъ-Гирей, разсказывавшій мнѣ это, прибавилъ, что и бершевцы были бы не прочь отъ рѣшенія спора по обычному праву, потому что не видятъ конца дѣлу. Отчего это русская юрисдикція и русскіе чиновники такъ роняютъ правительственное достоинство и силу?!

5-го іюля. Послѣ полудня пришелъ Сейдалинъ со свитою и сидѣлъ, къ моей досадѣ весьма долго. Разговоръ шелъ о пустякахъ. Сейдалинъ настаивалъ только на необходимости уменьшить районъ, подчиненный его вѣдѣнію. Остальное мы пережевывали старое. Сегодня рѣшено, что Сейдалинъ пойдетъ своимъ путемъ, т. е. на сѣверо-востокъ, мы же почти прямо на востокъ къ мѣсту впаденія рѣки Куянды въ Уилъ.

День стоитъ довольно пасмурный; дуетъ весьма прохладный, по сравненію со вчерашней температурой (28^0 по Реомюру) западный вѣтеръ. На той сторонѣ Кіила, верстахъ въ пяти отсюда, горитъ степь. Къ востоку стелется дымъ на большомъ протяженіи, а два высокихъ столба доказываютъ, что тамъ либо горитъ сѣно, либо зимовка. Поджегъ нечаянно купецъ, не затушивъ огня отъ костра. Купецъ этотъ проѣзжаетъ степи съ

товарами. Его схватили киргизы и привели къ Сейдалину, который отпустилъ его, такъ какъ пожаръ произведенъ неумышленно. Султанъ, по нашему совѣту, сдѣлалъ распоряженіе о гашеніи напольнаго огня киргизами сосѣднихъ ауловъ.

Около обѣда пришелъ Саматовъ съ неожиданнымъ приглашеніемъ идти слушать судъ біевъ. Привыкнувъ уже видѣть въ каждомъ приглашеніи азіата заднюю мысль, я отказался, тѣмъ болѣе, что было и некогда. Г—ій сдѣлалъ то же. Вскорѣ, однако, онъ пошелъ, потому что увидѣлъ въ кругу біевъ нашего казака. Оказалось, что этотъ казакъ жаловался султану-правителю на покражу у него киргизами еще осенью прошлаго года шести лошадей, составляющихъ все его имущество. Когда султанъ началъ свой лѣтній объѣздъ, казакъ, разсчитывая на обѣщанный ему строгій разборъ дѣла, бросилъ все свое хозяйство и присоединился къ свитѣ правителя. Сейдалинъ посылалъ бія произвести слѣдствіе, которое открыло вора и доказало, что претензія казака не преувеличена. Теперь пришла очередь разбора этого дѣла. Выслушавъ оправданія вора, судъ біевъ съ султаномъ-правителемъ во главѣ положилъ: 1) украденныя лошади возвращаются казаку; 2) такъ какъ послѣдній не могъ въ теченіе почти года ни участвовать на ловляхъ, ни производить земледѣльческія работы, то воръ или его родовичи, какъ причина этого, платятъ ему штрафу: трехъ лошадей и полтораста рублей и 3) въ качествѣ же штрафа воръ или его родичи платятъ біямъ бійлыку три быка. Казакъ поблагодарилъ судъ за справедливое рѣшеніе и объявилъ, что онъ никакихъ претензій не имѣетъ. Жалко только, что Сейдалинъ подсылалъ Саматова звать насъ и желалъ убѣдить въ своей непартіальности и строгой справедливости.

Передъ вечеромъ разспрашивали одного туркменца,

пріѣхавшаго къ Сейдалину съ жалобой на адаевцевъ. Имя его Кулгара Балкановъ (сынъ Балкана). Это чистокровный брюнетъ съ бронзовою кожею и блестящими, довольно большими и правильно разрѣзанными плутоватыми глазами. Несмотря на смиренный и униженный видъ, который онъ себѣ придалъ, Балкановъ смотрѣлъ разбойникомъ, чему не мало способствовала шапка на персидскій образецъ, изъ грубой овчины, надвинутая на самые глаза. На ногахъ у него были кожаныя галоши, привязанныя какою-то кромкою къ икрамъ. Остальныя части костюма, какъ у киргизовъ. Лицо туркменца изобличало помѣсь съ персидскою кровью.

Туркмены вытѣснены были лѣтъ за триста изъ Мауренгара (или Мавералнагаръ, страна между рѣками Сыръ и Аму) узбеками, отъ Хорасана—персіанами, подвергались жестокимъ гоненіямъ хивинцевъ, а въ 1810 году кайсаки Адаевскаго рода снова потѣснили ихъ на югъ отъ Усть-Урта; нынѣ туркмены занимаютъ пространство по нижней оконечности восточнаго берега Каспія, около пятисотъ верстъ длины и не менѣе того ширины, между Хорасаномъ, Хивою и адаевцами, т. е. Чинкомъ. Почва земли здѣсь вся песчаная, низменная и частью болотистая; городовъ или даже постоянныхъ селеній нѣтъ вовсе, значительной рѣки также, кочуютъ большею частью при кудукахъ, т. е. колодцахъ. Подданство ихъ Хивѣ состоитъ въ томъ, что, прикочевывая къ ханству, коего грани отнюдь не опредѣлены, на разстояніе, въ которомъ уже не считаютъ себя въ безопасности отъ насилій ханства, прибѣгаютъ къ нему съ повинною, кланяются и даютъ зякетъ, т. е. положенную кораномъ сороковину подати. По долинѣ Аму-дарьи кочуютъ до пятидесяти тысячъ кибитокъ туркменъ и платятъ обыкновенно зякетъ бухарцамъ; но при разрывѣ Бухары съ Хивой нерѣдко переходятъ на сторону послѣдней.

Туркмены, равно какъ и каракалпаки, извѣстные также вблизи Аральскаго моря подъ именемъ аральцевъ, давно уже своихъ хановъ не имѣютъ: они истребили родъ ихъ во время мятежей, впослѣдствіи же стали призывать на ханство къ себѣ султановъ кайсацкихъ; такъ напримѣръ Пряли-султанъ, сынъ кайсацкаго Нурали-хана, былъ ханомъ туркменскимъ или носилъ званіе это. Нынѣ каракалпаки и туркмены своихъ вдадѣльцевъ не имѣютъ вовсе. Народъ этотъ разсыпался въ настоящее время даже частью въ Хорасанѣ, Бальхѣ, такъ что караванный путь изъ Бухары до Герата иногда отъ нихъ не безопасенъ.

Туркмены, отправляясь по распоряженію хивинцевъ на грабежъ въ персидскіе предѣлы, за плѣнниками, вооружаются легко, съ однѣми саблями, навьючиваютъ продовольствіе на коней своихъ, идутъ шесть, восемь переходовъ пѣши, чтобы беречь коней своихъ и зарываютъ продовольствіе себѣ и конямъ, каждый свою долю, въ землю, для возвратнаго пути. Облегчившись такимъ образомъ, подходятъ въ рабочее время на два перехода къ границамъ и ждутъ удобнаго времени. Потомъ нападаютъ, берутъ плѣнниковъ и бьютъ ихъ по головѣ, чтобы оглушить; послѣ этого везутъ на рысяхъ перехода два, а затѣмъ уже ведутъ пѣшими.

Кулгара Балкановъ, племени Іомутъ, рода или подраздѣленія Магометъ, кочуетъ на урочищѣ Кызъ-Джагазы, къ западу отъ хивинскихъ владѣній. Родовичи Балканова сидятъ всѣ на одномъ мѣстѣ. Тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ снѣгу не бываетъ, да и тотъ небольшой. Въ обыкновенные годы снѣгъ падаетъ (т. е. бываетъ зима) отъ полутора до двухъ мѣсяцевъ. Лошадей кормятъ травами, джумурчкою и джугарою, которыя сѣютъ. Прочій скотъ, какъ и въ киргизской степи, питается подножнымъ кормомъ. Туркмены, соотечественники Балкана, сѣютъ также хлѣбъ всякаго рода, ячмень, просо,

пшеницу, сарачинское пшено и хлопчатую бумагу. Посѣвы поливные. Прежде они получали воду изъ ручьевъ, которые въ настоящее время хивинскій ханъ отвелъ въ свои владѣнія; поэтому теперь соплеменники Балканова поливаютъ поля изъ озера, имѣющагося въ урочищѣ Кызъ-Джагарѣ. Управляетъ ими туркменскій ханъ Атамъ-Ратъ, которому подчинены десять тысячъ человѣкъ іомутцевъ; остальные же сорокъ тысячъ человѣкъ племени іомутъ остаются покорными хивинскому хану. Независимыми іомутами управляютъ старшины, назначаемые ханомъ. Атамъ-Ратъ разбираетъ спорныя и судныя дѣла либо самъ, либо поручаетъ ихъ своимъ родственникамъ. Дѣла разбираются большею частью по шаріату, а отчасти и по обычаямъ. Ахуны образовываются частью въ Бухарѣ, частью въ собственныхъ медрессе, существующихъ у туркменовъ. Зякетъ своему хану платятъ всѣ. Съ десяти лошадей платится одна; съ сорока барановъ одинъ, съ десяти верблюдовъ тоже одинъ. Съ товаровъ никакихъ пошлинъ не берется.

Балкановъ имѣлъ съ собою бязь, пряденную бумагу и халаты, когда поѣхалъ къ адаевцамъ для торговли. Всего у него было товару на три тысячи. Онъ шелъ отъ Кызъ-Джагара на Мангышлакъ. Разстояніе между ними двадцать дней ходу. Адаевцы, не допустивши его еще до Мангышлака, напали въ числѣ тридцати человѣкъ на караванъ и разграбили его. Узнавъ, что грабители Баембетевскаго подраздѣленія, онъ обратился съ жалобой къ бію Кобену, который и содѣйствовалъ тому, что воровство было открыто. Въ счетъ трехъ тысячъ рублей, потерянныхъ и разграбленныхъ караваномъ, Балкановъ получилъ уже тридцать семь лошадей; чтобы получить остальную сумму, слѣдуемую ему, онъ теперь пріѣхалъ просить султана-правителя понудить баембетевцевъ къ отдачѣ.

Товаръ, бывшій при Балкановѣ, привезенъ изъ Хивы

купцами туркменскими и хивинскими. Туркмены ежегодно возятъ къ адаевцамъ товару на тысячи верблюдахъ.

6-го іюля. Я очень озябъ ночью. Термометръ упалъ ниже десяти градусовъ. Благодаря разности въ температурѣ, я не могъ спать (вечеромъ былъ двадцать одинъ градусъ).

Въ ожиданіи того времени, когда наши люди окончатъ вьюченіе, мы сидѣли въ ставкѣ Сейдалина и говорили про разныя разности. Изъ словъ султана можно было вывести такое заключеніе: безъ посредства киргизскихъ властей русскіе не могутъ управлять киргизами, которые дичатся насъ и боятся. Такъ какъ до сихъ поръ все, что дѣлалось въ степи, предпринималось не только по совѣтамъ, но и по настояніямъ султановъ-правителей, старающихся, какъ теперь Сейдалинъ, доказать свою необходимость въ дѣлѣ управленія киргизами, то изъ словъ его нужно вывести заключеніе, противное тому, какое желалъ султанъ, чтобы мы сдѣлали.

Подали лошадей. Султанъ хотѣлъ насъ провожать. Едва мы тронулись, какъ за нами двинулась цѣлая толпа почетныхъ киргизовъ, состоящихъ въ свитѣ султана. Странно было видѣть Сейдалина въ чистыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, въ мѣховой шапкѣ, шелковомъ бешметѣ, сидящимъ на высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ; еще страннѣе казалась мнѣ шеренга киргизскихъ біевъ, въ разнообразныхъ мѣховыхъ шапкахъ и въ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ костюмахъ. Они двигались на своихъ маленькихъ конькахъ съ тѣмъ чувствомъ, ясно виднымъ на ихъ лицахъ, съ какимъ рисуется адъютантъ за генераломъ; они старались казаться почтительными и важными въ одно и то же время, относя первое выраженіе къ особѣ султана-правителя, второе къ себѣ, своему вліянію, опыту, нахожденію въ обществѣ большихъ людей.

По пути Сейдалинъ разспрашивалъ болѣе про политическія новости и про важныя матеріи и лица; его слушали киргизы. Поднялся сзади вѣтеръ; пыль отъ свиты полетѣла на насъ; султанъ-правитель махнулъ въ сторону нагайкой и всѣ отъѣхали. Скоро ли излѣчишься ты, родина Тамерлана, отъ язвы деспотизма и родового начала, отъ лукавства, лжи, мракобѣсія и закоснѣлости!

У устья Кіила, т. е. верстахъ въ трехъ отъ ночлега, мы разстались. Послѣ взаимныхъ пожеланій султанъ съ біями остался на правомъ берегу Кіила, мы же переправились черезъ рѣку вбродъ. Еще поклонъ и пестрая толпа двинулась обратно, поднимая по степи далеко видную пыль. Султанъ хотѣлъ двинуться сегодня же къ истокамъ рѣкъ, впадающихъ справа въ Уилъ; тамъ въ это время года находится обыкновенно много ауловъ. Я, впрочемъ, повторяя то, что слыхалъ отъ многихъ, предупредилъ его, что, вѣроятно, услышавъ объ его приближеніи, они откочуютъ въ сторону, въ особенности, если эти аулы принадлежатъ тѣмъ одичалымъ киргизамъ, которые зимуютъ на берегахъ Каспійскаго моря, т. е. считаютъ себя полунезависимыми.

Нашъ путь шелъ по хордѣ между устьями Кіила и Куянды. Уилъ изгибался прихотливо влѣво отъ насъ. Тамъ вездѣ стояли стоги накошеннаго сѣна и виднѣлись зимовки. Оттого видъ степи былъ оживленный. Растительность въ окрестности довольно сносная, чему, вѣроятно, не мало содѣйствовали разнообразные протоки, впадины и озера, наполняемые весеннею водой Уила. У этихъ протоковъ тоже сѣно было скошено. День былъ пасмурный. Вѣтеръ продолжалъ дуть съ Каспійскаго моря, отчего вся окрестность была затянута тучами, изъ которыхъ шли косыя полосы дождя. Нѣсколько разъ дождь набѣгалъ и на насъ, но мы не надѣвали верхняго платья, зная, что изсушающее дѣйствіе

степного воздуха такъ велико, что въ секунду, двѣ, три, едва выглянетъ солнце, все опять сохнетъ.

Сдѣлавъ верстъ двадцать пять, мы подъѣхали къ полянѣ, на которой въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны юрты. Поляна эта имѣетъ видъ впадины, отчего мы увидали аулы, только приблизившись къ нимъ. Юрты были черныя, закоптѣлыя, истасканныя; нѣкоторыя не были покрыты войлоками по чіевымъ матамъ. Между тѣмъ кругомъ ходило множество скота: верблюдовъ, барановъ, лошадей. Дѣло скоро разъяснилось: мы пріѣхали къ адаевцамъ, прототипу среднеазіатскихъ дикарей. Кизяевцы, которыхъ мы видѣли въ прошломъ году въ Семирѣченскомъ краѣ, тоже располагаются во впадинахъ,—это обыкновенная привычка разбойниковъ, чтобы аулы были скрыты. Ихъ юрты тоже были истасканы, неопрятны и черны—признакъ продолжительныхъ и частыхъ кочевокъ. Внутренность юртъ у нихъ тоже неопрятна,—доказательство низшей степени развитія по сравненію съ нашими киргизами. Ихъ лица тоже болѣе осмыслены звѣрскою отвагою; ихъ глаза также блестятъ по-волчьему; ихъ движенія такъ же, какъ и у адаевцевъ, болѣе смѣлы и развязны, чѣмъ у киргизовъ, воля которыхъ уже сжата правительствомъ; но все-таки кизяевцы по сравненію съ адаевцами народъ болѣе цивилизованный, болѣе мягкій, болѣе похожій на людей.

Мы хотѣли напиться чаю и сдѣлать привалъ у адаевцевъ, о чемъ и сказали проводнику. Онъ поѣхалъ впередъ и долго переѣзжалъ отъ одной юрты къ другой, наконецъ мы догнали его и вошли слѣдомъ за нимъ въ одну изъ нихъ. Проводникъ кричалъ что-то на голаго мужчину лѣтъ двадцати пяти, который неподвижно сидѣлъ посерединѣ юрты. Оказалось, что онъ не хотѣлъ насъ впускать; дѣло чуть не уголовной важности по киргизскому обычаю. Выходить намъ не приходилось, но парень не шевелился и смотрѣлъ на насъ болѣе,

чѣмъ недружелюбно. Мы стояли въ ожиданіи, пока проводникъ кончитъ свою торговлю. Г—ій сѣлъ около голаго парня; мнѣ осталось тоже небольшое мѣсто. Между тѣмъ у входа въ юрту собралось нѣсколько молодыхъ людей адаевцевъ. Всѣ они смотрѣли на насъ пристально, какъ бы вызывая на бой. Нужно прибавить, что нашъ конвой отсталъ на нѣсколько верстъ и это придавало смѣлости адаевцамъ. Одинъ изъ нихъ прошелъ мимо меня такъ, что чуть не задѣлъ моего носа и сталъ на порожнее мѣсто на кошмѣ. Открытый вызовъ былъ сдѣланъ. Я взялъ его за грудь и, несмотря на молніи, которыя бросали его глаза, столкнулъ его съ мѣста и сѣлъ на кошму, отпихнувъ голыя ноги сидящаго парня. Въ юрту вошли нѣсколько молодыхъ людей и усѣлись безмолвно противъ насъ, смотря на насъ наглымъ образомъ въ упоръ. Около юрты начали шумѣть. Я подумывалъ уже о револьверѣ, оставленномъ въ сѣдлѣ, какъ шумъ стихъ; въ виду аула показался нашъ конвой. Тогда къ намъ присѣлъ немолодой уже адаевецъ и спросилъ, зачѣмъ сюда идутъ казаки, что ихъ бабы, дѣвки и дѣти могутъ перепугаться и что которая-нибудь изъ первыхъ можетъ выкинуть. Мы не отвѣчали, но дерзкіе взгляды прекратились.

Намъ подали чай. Выпивши его, мы предложили остающійся въ чайникѣ адаевцамъ. Они принимали сахаръ и чай будто со стыдомъ, какъ-бы конфузясь своимъ поступкомъ. Старшій изъ присутствовавшихъ сказалъ переводчику:—наши отцы не ѣли русскаго сахару и не пили русскаго чаю и намъ это запретили,—впрочемъ, это ему не помѣшало выпить нѣсколько чашекъ. Новиковъ, по словамъ казаковъ, знающихъ киргизскій языкъ, передалъ мнѣ, что и послѣ прибытія конвоя адаевцы совѣтовались у юрты и думали послать за стариками въ окрестные аулы, чтобы тѣ рѣшили, какъ поступить съ нами. Питье чаю смягчило адаевцевъ, хотя были и

такіе, которые съ видомъ презрѣнія бросали другимъ даваемые имъ сухари и сахаръ. Тогда я спросилъ, какое они имѣли право принять такимъ враждебнымъ образомъ проѣзжихъ, когда гостепріимство обязательно относительно джалаучи, путешествующихъ, для каждаго киргиза. Молодежь опять стала смотрѣть свирѣпо, а тотъ, кто постарше, объяснилъ, что глупая молодежь испугалась русскихъ, которыхъ никогда не видала.

— Русскіе, отвѣтилъ я, никогда не нападаютъ сзади. Если бы мы явились къ вамъ врагами, что могло быть только тогда, когда вы сдѣлали бы какое-нибудь преступленіе, мы бы не взошли въ юрту пить чай. Мы бы тогда требовали все, что нужно, а не просили.

У молодежи опять засверкали глаза. Вообще же враждебность адаевцевъ проявлялась въ каждомъ движеніи. Я погладилъ одного ребенка, ползавшаго около.

Его сейчасъ же схватили и вытащили вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ юрты такимъ образомъ, что не оставалось сомнѣнія, почему ихъ вытащили. A propos, я показалъ адаевцамъ револьверъ, который для этой цѣли приказалъ внести. Онъ, кажется, очень ихъ поразилъ. Несмотря на войну взглядовъ, всѣ полѣзли смотрѣть его, а одинъ сталъ упрямо просить продать ему револьверъ.

— Для баранты противъ туркменовъ?—спросилъ я его.

Переводчикъ перевелъ. Всѣ засмѣялись.

— «Эге!»—отвѣтилъ адаевецъ, утвердительно мотнувъ головой.

— Будь мы одни, невооруженные и безъ конвоя, конечно, мы были бы не только ограблены, но и перепроданы либо въ Хиву, либо туркменцамъ. Я прочелъ это ясно въ плотоядныхъ взглядахъ, кидаемыхъ на насъ адаевцами. То же повторили не только Г—ій и переводчикъ, но и Табулгинъ, долженствующій, по наряду

Сейдалина, проводить насъ до Эмбинскаго поста. Табулгинъ сказалъ, что онъ былъ среди адаевцевъ теперь четвертый разъ и настоящій пріемъ самый лучшій.

Только вмѣшательство знакомыхъ вліятельныхъ адаевцевъ же, впрочемъ послѣ строгаго осмотра всего, что при немъ находилось, давало ему возможность возвратить имущество и лошадь, которыя сейчасъ отбирались всѣ три раза по пріѣздѣ къ адаевцамъ. Прислуга наша разсказывала, что, несмотря на присутствіе казаковъ, у нихъ чуть не отобрали за юртою сахаръ.

И достаетъ послѣ этого у генералъ-губернаторовъ смѣлости увѣрять, что въ степи совершенно покойно и что киргизы благоденствуютъ. Бѣдная Россія! Всѣ то ее обманываютъ, развѣ кромѣ лѣниваго! Хороши будутъ идеи Г. о необходимости введенія въ степи гражданскихъ порядковъ. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Здѣсь, какъ на западной окраинѣ, первоначально нужна дѣятельность военной власти. Тутъ будетъ уважаться только самая крутая сила.

Долго послѣ того, какъ мы уѣхали, на насъ смотрѣла толпа адаевцевъ, вѣроятно, сожалѣя о невозможности ограбить. Когда мы совсѣмъ уходили, старшій адаевецъ, видя наши и отрядные верблюды, сказалъ:—«а мы не разсматривали вашихъ товаровъ».—Сколько разбойничьей жадности въ этихъ словахъ.—Некогда!—Хошъ!

Отъ адаевцевъ, принявшихъ насъ такъ недружелюбно, мы проѣзжали все время другими аулами того же рода. Когда мы подъѣзжали, аулъ пустѣлъ; но эта безлюдность была только кажущеюся. Стоило только взглянуть на чіи, необложенные войлоками, чтобы увидѣть, сколько глазъ слѣдило за нами изъ каждой юрты. Да и глаза-то блестѣли какъ-то по волчьи. Юрты были ободраны и истасканы; но стада многочисленны, особенно бараньи. Какъ только мы проѣзжали, мужчины выпол-

зали изъ юртъ и слѣдили за нами глазами. Эта боязнь проѣзжихъ, особенно вооруженныхъ, естественна для людей, признающихъ только право силы. Такъ же естественъ страхъ волка передъ медвѣдемъ, а послѣдняго передъ человѣкомъ.

Адаевцы не могутъ забыть русскихъ по слѣдующему дѣлу. Въ 1836 году была на Эмбѣ партія топографовъ подъ прикрытіемъ двухсотъ уральцевъ. Несмотря на то, адаевцы рѣшились сдѣлать открытое вооруженное нападеніе на русскихъ съ цѣлью грабежа. Въ первый же моментъ стычки они потеряли нѣсколько человѣкъ, а при преслѣдованіи едва успѣли спастись въ дикомъ бѣгствѣ, оставивъ, однако, въ степи сорокъ труповъ. Съ тѣхъ поръ они говорятъ про русскихъ, какъ про сильныхъ людей, и боятся ихъ. Если бы безпрерывное нарушеніе ими спокойствія было бы наказано еще разъ, они, пожалуй, стали бы уважать насъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ Сейдалинъ, Саматовъ, Табулгинъ и всѣ киргизы не адаевскихъ родовъ.

Около трехъ часовъ пополудни пріѣхали къ устью рѣченки Куянды и расположились въ углу между Уиломъ и Куяндой. Первая рѣка выше впаденія Кіила носитъ названіе Большого Уила. Не знаю откуда появилось такое громкое названіе. Тутъ, какъ выше и ниже, онъ вездѣ переходимъ вбродъ. Мѣстами есть омуты весьма глубокіе. Куянды въ настоящее время года незначительный ручеекъ, который едва струится по чистому песчаному дну. Вода его прѣсная и вкусная. Уилъ солонъ и тутъ настолько, что на пескѣ, который весною заливался, теперь мѣстами виднѣлась окристализовавшаяся соль. Обѣ рѣки текутъ въ песчаныхъ пустынныхъ берегахъ. Но степь еще пустыннѣе, такъ что необычайный видъ рѣки безъ камышей по берегамъ, безъ деревьевъ, безъ жилья, посреди песчаныхъ яровъ, кажется уже живописнымъ по сравненію съ далекою гладью.

Едва разбили джуламейки, я пошелъ съ казаками, отправившимися бредить рыбу. Сначала уловъ шелъ неудачно, но послѣ съ каждымъ разомъ вытаскивали много всякой рыбы. Для насъ поймали великолѣпнаго золотистаго сазана, фунтовъ въ десять вѣсу; и все-таки казаки были не безусловно довольны. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что когда они шли къ намъ въ Калмыковскую отъ султана-правителя, то въ одной рѣкѣ, кажется, Караганты, нашли множество рыбы. Это небольшая рѣченка, текущая омутами. «Въ тѣхъ омутахъ рыба стоитъ: сомы, сазаны, щуки, словно бараны. Кто посмѣлѣе изъ насъ, тотъ нырнетъ, да рыбицу и вытащитъ въ рукѣ».

Передъ закатомъ пошелъ дождь и очень похолодѣло.

7-го іюля. Вѣроятно благодаря холоду и теплому одѣялу спалъ очень хорошо. Я очень люблю прислушиваться къ крикамъ дикихъ водяныхъ птицъ. Не знаю, отчего мнѣ это нравится. Инстинкты ли это охотника, или любовь къ безлюдью и къ нетронутой природѣ, или привязанность къ хриплымъ и свистящимъ звукамъ, которые всѣ вмѣстѣ чрезвычайно гармоничны съ пустынною мѣстностью и какъ-то чутко отдаются вечеромъ въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ. Сегодня всю ночь съ Уила раздавались рѣзкіе крики птицъ. Среди тишины ночи вдругъ что-то возмутитъ ихъ покой и разомъ подымется концертъ рѣзкихъ, хриплыхъ, свистящихъ и хрипящихъ звуковъ; проснешься и послушаешь, и заснешь еще пріятнѣе, будто подъ шумъ водопада. Можетъ спится хорошо и по другой причинѣ: ложась, мы снимаемъ верхъ юрты. Лежишь себѣ подъ кисейнымъ пологомъ въ спокойномъ убѣжденіи, что ни тарантулъ, ни комаръ, ни мошка не обезпокоятъ тебя, и смотришь на чистое звѣздное небо. Свѣжій вѣтерокъ

шевелитъ пологъ и вливается въ легкіе успокоительнымъ образомъ.

Выѣхали въ половинѣ седьмого. Около была расположена зимовка; мы заѣхали туда. Зимовки, которыя я видѣлъ до сихъ поръ въ здѣшней степи, довольно однообразны. Самые бѣдные киргизы дѣлаютъ только загонъ для скота. Загоны выкапываются въ землѣ пропорціонально количеству имѣемаго скота, съ узкимъ спускомъ внизъ. Сверху яма прикрывается канатами, сплетенными изъ соломы или камыша на крестъ, и поверхъ засыпается пометомъ. Верблюдовъ ставятъ въ ямы задомъ, потому что по тѣснотѣ и неловкости этихъ животныхъ они не съумѣютъ повернуться, чтобы вылѣзть. Сверхъ ямъ, для овецъ и верблюдовъ на каждой зимовкѣ ставятъ стогъ или болѣе сѣна, накошеннаго въ окрестности. Сѣно обрывается глубокими ровиками въ предохраненіе отъ скотины. Засимъ, если владѣлецъ зимовки бѣденъ, онъ ставитъ около ямъ и сѣна свою юрту, обкладывая ея низъ снѣгомъ, чтобы не дуло, и укутывая ея стѣны всякимъ тряпьемъ. У болѣе состоятельныхъ недалеко отъ загоновъ строится землянка объ одну или нѣсколько комнатъ изъ сырцоваго кирпича или тезеку. Въ землянкѣ продѣлываютъ окна. Болѣе трехъ (безъ рамъ и стеколъ, конечно) оконъ я не видѣлъ. Входъ низкій и зимою, вѣроятно, завѣшивается кошмой. Внутри печей нѣтъ. Топятъ на землѣ, а дымъ выходитъ въ трубу. Позабылъ сказать, что съ осени у каждой зимовки заготовляются женщинами цѣлыя горы тезеку. Подъ зимовки выбираются здѣсь исключительно либо луговыя мѣста, либо очень плодоносные пески. Тѣ расчеты, которые имѣютъ мѣсто въ Сибирской степи, здѣсь немыслимы. Тамъ горы, холмы, направленія ихъ, вѣтры, господствующіе зимою и сдувающіе съ покатостей снѣгъ, лѣса, камыши—все имѣетъ цѣну, выведенную изъ опыта. Здѣсь въ безлѣсныхъ и однооб-

разныхъ мѣстахъ одинъ расчетъ: накосить побольше сѣна и дать время травѣ опять подняться для зимняго подножнаго корма. Еще лучше зимовка, если около хорошая степь съ ковылемъ и кипцемъ, для тебеневки лошадей.

Послѣ того понятно, какой вредъ наносятъ адаевцы киргизамъ, зимующимъ по Уилу, когда они, лѣтуя здѣсь, не хотятъ знать собственности и травятъ все сплошь. И та зимовка, которую мы смотрѣли сегодня, потравлена ими, какъ и всѣ предыдущія.

Нашъ путь пролегалъ сегодня по правому берегу Уила, довольно плодородному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Какъ доказательство того—повсемѣстно виднѣлось много дичи. Дрохвы ходили по степи цѣлыми стадами; въ разныхъ мѣстахъ кричали кроншнепы, поднимая изъ травы свои загнутые книзу клювы. Полевые пѣтушки бѣгали большими стадами по солонцеватымъ, мало поросшимъ травою мѣстамъ. Это еще въ первый разъ въ настоящемъ году я видѣлъ такую оживленную степь. Вѣроятно, почва стала плодороднѣе отъ того, что въ разныхъ мѣстахъ поднимались довольно значительные увалы. Двигаясь прямо къ устью рѣки Бабатая, мы въѣзжали на нихъ.

На высокихъ мѣстахъ, по киргизскому обычаю, находились кладбища. Могилки были сложены изъ песчанниковъ, плитъ, изъ которыхъ, вѣроятно, и состоятъ эти увалы. Оттуда на многія версты разстилалась однообразная степь, кажущаяся разноцвѣтною и дѣйствительно мѣняющая свой цвѣтъ отъ желто-сѣраго солончака, до темной зелени заливныхъ луговъ. Далеко за лѣвымъ берегомъ Уила поднимались тоже значительные холмы. Рѣка извивалась посреди желтыхъ песчаныхъ береговъ, уставленныхъ аулами и отдѣльно отброшенными юртами. Въ разныхъ мѣстахъ бродилъ скотъ, кажущійся издалека кучками темныхъ каменьевъ, разсыпанныхъ на од-

номъ мѣстѣ. Кое-откуда поднимался маленькій дымокъ, издалека слышались крики людей и лай... Нѣтъ! потеряла для меня уже прелесть степь, окостенѣвшая въ своей дикости, и равнодушно смотришь теперь на ея своеобразныя красоты и сонно окидываешь взглядомъ первобытную страну, обитаемую первобытнымъ народомъ. Смотришь и не смотришь, потому что впечатлѣнія не остры уже и не сильны. А можетъ быть тому причиной утомленіе ѣзды верхомъ, жара, горячій вѣтеръ, придавливающій все существо человѣка. Поглядишь на высокій смерчъ пыли и песку, поднятый съ береговъ Уила и полудремля отвернешься и останется этотъ смерчъ, клубящійся воронкою и двигающійся на мѣстѣ, въ воспоминаніи, точно видѣнный во снѣ. Помнишь только, что тогда было тихо и жарко; что чуть замѣтный вѣтерокъ, не освѣжая, дулъ съ запада и что, слѣдовательно, не было, повидимому, причины быть смерчу. Ухъ! какая удушливая, несносная, давящая и подавляющая жара!..

За однимъ изъ уваловъ, про которые я говорилъ выше, мы въѣхали въ низменную солонцеватую долину. Дождикъ, шедшій наканунѣ, размочилъ всю почву. Воздухъ, благодаря недавно кочевавшимъ здѣсь многочисленнымъ ауламъ, былъ чрезвычайно спертый. Тутъ же, вѣроятно, вслѣдствіе обилія свѣжаго навоза, находилось и множество мухъ, безпокоившихъ нашихъ лошадей такъ, что онѣ едва могли идти.

Дѣлали мы привалъ въ аулѣ джетаковъ или, какъ ихъ тутъ называютъ, байгушей. Это можно было замѣтить издалека, потому что, кромѣ небольшого количества овецъ, весь скотъ, пасшійся въ окрестности аула, былъ рогатый. Пристрастіе джетаковъ къ рогатому скоту бросилось мнѣ въ глаза еще въ Сибирской степи. Это совершенно понятно. Будучи, сравнительно съ другимъ скотомъ, самымъ дешевымъ, потому что не мо-

жетъ тебеневать и чрезвычайно чувствителенъ къ джуту; рогатая скотина даетъ едва-ли не болѣе другихъ животныхъ пользы. Джетакамъ, владѣющимъ одною, двумя или тремя головами, всегда представляется возможность накосить сѣна, т. е. обезпечить ихъ существованіе, и питаться полгода молокомъ и вобще всѣми скопами, даваемыми коровою.

Въ юртѣ, въ которую мы вошли, старикъ хозяинъ былъ занятъ дѣланіемъ сапогъ. Онъ принялъ насъ радушно, впрочемъ, продолжалъ, не обращая вниманія, работать. Вошли другіе жители аула и усѣлись около насъ. Мы попросили надоить намъ молока; наше желаніе было исполнено. Покуда мы пили чай, я разсматривалъ какъ можно внимательнѣе лица, окружающія насъ. Эти физіономіи, правда, не выражали энергіи адаевцевъ и глаза у нихъ не свѣтились, какъ у тѣхъ, за то эти лица были неизмѣримо человѣчнѣе, я бы сказалъ, цивилизованнѣе, если бы подобное слово шло сюда. Несмотря на то, что бѣднѣйшій изъ адаевцевъ, у которыхъ мы вчера были, могъ бы едва-ли не купить весь аулъ джетаковъ, бѣлье послѣднихъ и одежда были опрятнѣе. На войлокахъ и прочей рухляди лежало нѣсколько концовъ хорошо сотканной армячины: это дѣлала хозяйка юрты. Вообще видно было, что джетаки дѣлали что-либо, чтобы выбиться изъ своего положенія.

Джетаки разсказывали намъ, что вслѣдствіе того, что они постоянно сидятъ на мѣстахъ, оберегая покосы, занимаемые ими, джалунчи, проѣзжіе, а въ особенности киргизскіе чиновники, останавливаются у нихъ, какъ на станціи, и требуютъ кунъ-агасы, что очень разорительно. Чегыну они платятъ по барану въ годъ, т. е. по три рубля, не считая кибиточнаго сбора. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ Областного Правленія, чегынъ не превышаетъ одного рубля на чагаракъ. Сей-

далинъ говорилъ, что съ бѣдныхъ онъ запретилъ брать чегынъ. И все это лжетъ наперерывъ, лишь бы только доказать, какъ заботятся о благѣ народа. Вообще же нужно замѣтить, что Областное Правленіе совершенно не знаетъ киргизской степи, а при случаѣ принимаетъ на себя роль защитника киргизовъ. Такимъ образомъ оно ревниво выговариваетъ начальнику Эмбинскаго поста каждый разъ, когда онъ захочетъ возстановить порядокъ у сосѣднихъ киргизовъ! Экіе мудрецы!

Сидя въ юртѣ джетаковъ, я выразилъ Табулгину мысль, что киргизская степь образуется джетаками. Онъ некстати засмѣялся, думая, что я шучу, и былъ очень оскандализированъ, когда я пояснилъ, что не вижу другихъ элементовъ въ киргизскомъ народѣ, способныхъ быть когда нибудь проводниками цивилизаціи, кромѣ джетаковъ. Нужда, безо всякаго сомнѣнія, есть величайшій двигатель цивилизаціи. Начиная съ развитія самого человѣка, благодаря, между прочимъ, недостатку естественныхъ средствъ обороны и нападенія, всякое совершенствованіе производится подъ давленіемъ нужды. Здѣсь, въ киргизской степи, тотъ, у кого много скота, тотъ, кто можетъ кочевать, имѣетъ право не работать, т. е. тупѣть и не нуждаться въ развитіи, потому что трудъ не нуженъ для того, чтобы размножались его стада. Единственный классъ киргизовъ, нуждающійся въ трудѣ, джетаки; и вотъ они нанимаются у казаковъ въ работники, занимаются кое какими ремеслами (Петропавловскъ), однимъ словомъ, должны постоянно трудиться, чтобы не умереть съ голоду. На этомъ основаніи я думаю, что придетъ когда-нибудь время, когда они станутъ трудиться надъ производствомъ предметовъ киргизскаго потребленія и будутъ продавать ихъ. Это уже есть кое-гдѣ и теперь. Какъ только это явленіе станетъ повсемѣстнымъ, богатые владѣтели стадъ очутятся у нихъ въ рукахъ, т. е. осѣдлое населеніе естественнымъ

путемъ поставитъ кочевое отъ себя въ зависимость. Это важный шагъ для цивилизаціи.

Отъ джетаковъ мы переѣхали черезъ чистый источникъ прѣсной воды и продолжали нашъ путь по косогору, идущему недалеко отъ праваго берега Уила. Съ тѣхъ поръ какъ мы ѣдемъ волнистою мѣстностью, луговыхъ мѣстъ меньше, за то тамъ, гдѣ они есть, сѣно хорошаго качества. На скошенныхъ мѣстахъ щетка частая.

Часа въ три пополудни, не доѣзжая четырехъ верстъ до устьевъ Бабатая, мы остановились на ночлегъ близъ озера Талдыгара. Къ сѣверу отъ него раскинулось множество ауловъ у колодцевъ и небольшихъ озеръ. Между послѣдними и Талдыгаромъ вперемежку тянулись то солонцоватыя пространства, то хорошіе луга, на которыхъ стояли стоги накошеннаго сѣна. По солончакамъ и лугамъ ходило множество верблюдовъ, овецъ, рогатой скотины. Лошадей, вообще говоря, не такъ много въ проѣханной части киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. Когда мы подъѣзжали къ Талдыгара, къ нему гнали на водопой большое стадо верблюдовъ. Они шли медленно, издавая по временамъ продолжительный, хриплый ревъ, выражающій какъ бы меланхолическую и сосредоточенную тоску. Казаки говорили, что это матери, зовущія своихъ дѣтей, и наоборотъ.

Озеро Талдыгара очень не широко (средняя ширина шаговъ пятьдесятъ), но длиною версты три или двѣ. Оно не показано на десяти верстной картѣ, хотя содержитъ вкусную прѣсную воду. Вѣроятно, оно весною сливается съ Уиломъ. По берегамъ растетъ осока. Все пространство озера было покрыто семействами утокъ съ маленькими, еще не вполнѣ развившимися дѣтенышами. По отмелямъ бѣгали кулики самыхъ разнообразныхъ величинъ и формъ. Я пошелъ на охоту съ казакомъ Чеботаревымъ. Часа въ два набили двадцать шесть боль-

шихъ и малыхъ утокъ и нѣсколько большихъ куликовъ. Послѣднихъ, на высокихъ, красныхъ ножкахъ съ черными крыльями, казаки называли морскими и увѣряли, что они прилетѣли съ Каспійскаго моря; величина этихъ куликовъ—съ голубя. Сегодня я видѣлъ въ первый разъ отаекъ, красныхъ утокъ, величиною съ гуся. Ихъ крикъ особенно характеристиченъ и слышенъ очень далеко. Они весьма часто ходятъ по степи и издалека замѣтны по красному цвѣту. Къ несчастью, я не убилъ, а ранилъ только одну. Изъ сосѣдняго аула пріѣхали къ намъ гости Тазовскаго рода. Гости на наши вопросы пояснили намъ, что у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, отъ Гурьева городка до туркменовъ, зимуютъ, начиная съ сѣвера: иссыковцы, черкессовцы, тазовцы, кетинцы и адаевцы, т. е. большая часть киргизовъ Западной части. Лѣтуютъ они всѣ въ серединѣ Западной части, по преимуществу на Уилѣ. На послѣдней рѣкѣ цѣлый годъ остаются байгуши или джетаки, которые косятъ сѣно и тѣмъ содержатъ свой скотъ. Впрочемъ, байгуши адаевцевъ большею частью остаются невдалекѣ отъ Александровскаго форта по ключамъ, текущимъ по Мангышлаку съ Усть-Урта. Всѣ пять поименованныхъ родовъ останавливаются на кзеу близъ Сагиза у колодцевъ, а въ самой рѣкѣ моютъ овецъ на стрижку. Вода въ Сагизѣ не очень солона. Впрочемъ, я имѣлъ уже случай замѣтить, что люди, пьющіе часто воду съ примѣсью разныхъ солей, теряютъ способность распознавать воду, если она только не особенно хороша или не очень дурна.

Ночь была очень хороша. Яркая луна освѣщала поверхность воды. Противоположный яръ отбрасывалъ на озеро темную тѣнь. Несмотря на сегодняшнюю пальбу, утки плавали подъ самымъ берегомъ. Попискивая, какъ цыплята, утеныши плескались въ водѣ, собираясь немедленно по кваканью матери. У ауловъ шумѣлъ народъ;

къ озеру поочереди подходили на водопой то огромныя стада барановъ, то рогатой скотины, то верблюдовъ. Скотина мутила воду, шлепалась въ ней; заднія поднимали пыль съ песчаныхъ береговъ, подгоняемыя оборванными верховыми пастухами. Потомъ стада уходили къ ауламъ, оглашая спокойный вечерній воздухъ далеко слышными звуками, навѣвающими какое то покойное ощущеніе.

8-го іюля. Когда пришлось выходить, Новиковъ объявилъ, что двое изъ нашихъ верблюдовъ очень слабы и, вѣроятно, не дойдутъ, оттого, что у нихъ сбились спины и нѣтъ сѣделъ. Съ верблюдами и вообще нашими перевозочными средствами была длинная исторія. Первоначально султанъ-правитель чуть не требовалъ, чтобы мы купили лошадей, предлагая ихъ намъ по баснословной цѣнѣ. Потомъ, когда мы выразили протестъ такому насилію, онъ согласился, чтобы мы двое заплатили за нашихъ лошадей двойные прогоны, за лошадей, идущихъ подъ людьми, ординарные, а за пять верблюдовъ, данныхъ подъ наши вьюки, по десяти рублей за каждаго въ мѣсяцъ. Одно послѣднее обстоятельство было уже для насъ достаточно краснорѣчиво. Въ то время, какъ мы принуждены были платить десять рублей въ мѣсяцъ, верблюды, шедшіе подъ отрядомъ, были наняты за пятнадцать рублей на цѣлое лѣто. Кромѣ того, эти верблюды были изъ рукъ вонъ какъ плохи и не имѣли чомовъ, вьючныхъ сѣделъ, что при продолжительномъ походѣ кончается обыкновенно порчею животныхъ. Наемная плата была такая, что мы просили Сейдалина дать намъ чомы. Онъ разрѣшилъ Табулгину, командированному для сопровожденія насъ, купить чомы на счетъ прогонныхъ денегъ, но онъ не покупалъ ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему придется отвѣчать за растрату денегъ передъ хозяевами верблюдовъ. Мы,

однако, настояли сегодня на своемъ, тѣмъ болѣе, что изъ словъ Табулгина замѣтили, что хозяевамъ верблюдовъ было бы выгодно, чтобы они пали и были бы замѣнены другими, на нашъ счетъ. Это чисто азіатское безстыдство, а если бы мы вооружились всѣмъ оффиціальнымъ полномочіемъ, которое мы имѣемъ, да прикрикнули, все явилось бы духомъ; даже служащій киргизскій людъ былъ бы радъ угодить, какъ теперь онъ радуется затрудненіямъ, встрѣчаемымъ въ степи русскими чиновниками. Только, молъ, мы и можемъ здѣсь ладить.

Когда садились уже на лошадей, чтобы ѣхать, изъ сосѣдняго аула понаѣхали киргизы съ какими-то претензіями. Оказалось, что слуга Табулгина, ради эротическихъ шалостей, ѣздилъ туда, но былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія, за что у него отнята тренога и обрѣзаны поводья. Мы заплатили за его безобразіе рубль, что совершенно удовлетворило киргизъ.

Выѣхали довольно поздно. Переправившись черезъ чистый Бабатай, поѣхали по направленію къ довольно высокой горѣ, поднимающейся на самомъ берегу Уила. По временамъ становилось очень жарко; иногда же набѣгали тучки и можно было перевести духъ. Испарина такая сильная, какая бываетъ въ сухой степи, благодѣтельная вещь при здѣшней высокой температурѣ. Потъ, испаряясь, долженъ отнимать у тѣла очень много теплорода. Можетъ быть, оттого страдаешь не такъ сильно при очень высокой температурѣ, можетъ быть, потому же чай, усиливая испарину, такъ облегчаетъ страданія отъ жары. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что въ странахъ, гдѣ температура представляетъ наибольшія крайности зимою и лѣтомъ, жители чрезвычайно пристрастны къ чаю и пьютъ его чрезвычайно много.

Во время нашего движенія къ горѣ мы нѣсколько разъ переходили черезъ старыя пашни. Судя по едва замѣтнымъ слѣдамъ ихъ, гораздо древнѣйшимъ, чѣмъ

тѣ, которыя мы видѣли въ Семирѣченскомъ краѣ, можно думать, что народъ, занимавшійся здѣсь земледѣліемъ, жилъ очень давно. Не торгоуты ли это, кочевавшіе здѣсь въ началѣ XVII столѣтія? У подножія горы, къ которой мы ѣхали, паслось очень много верблюдовъ. Обиліе ихъ доказываетъ, что владѣльцы верблюдовъ живутъ около Усть-Урта, гдѣ скудная растительность чрезвычайно удобна для ихъ содержанія.—«Это должно быть адаевское стадо», замѣтилъ Табулгинъ.

Поднявшись на вершину горы, мы увидѣли внизу Уилъ; горы отступаютъ въ этомъ мѣстѣ отъ праваго берега и образуютъ котловидную долину, которая была уставлена стогами накошеннаго сѣна и множествомъ юртъ. Между аулами стоялъ большой табунъ лошадей, плотно сбившихся въ кучу, отмахиваясь отъ полуденныхъ мухъ. По черному растрепанному виду юртъ и богатству скота мы заключили, что это адаевцы. Спустившись съ горы по крутому обрыву, мы очутились посрединѣ аула. Собаки, такія же дикія, какъ сами хозяева, съ поднятою шерстью, бросились на насъ со всѣхъ сторонъ. Между ними было нѣсколько превосходныхъ борзыхъ среднеазіатской породы. Бухарскія и хивинскія борзыя, «тазы», очень хороши и напоминаютъ своимъ складомъ англійскую породу, только уши и хвостъ у здѣшнихъ гораздо пушистѣе.

Къ намъ навстрѣчу вышелъ старичекъ, напомнившій мнѣ одного знакомаго, воспитывавшагося у іезуитовъ, человѣка весьма хитраго. Онъ отрекомендовался старшиною и управляющимъ туркменъ Адаевскаго отдѣленія адаевцевъ. Имя его Моатъ. Онъ повелъ насъ въ ближайшую юрту. Хозяинъ ея, полуслѣпой старикъ, какъ намъ передалъ переводчикъ, нѣсколько разъ кричалъ, чтобы не входили въ юрту. Когда же первымъ вошелъ Г—ій, онъ пригласилъ сѣсть, но въ рукѣ у старика былъ ножъ, который онъ и положилъ около

себя. На этотъ разъ я былъ съ револьверомъ и былъ покоенъ. Мы начали пить чай и предложили стаканъ Моату. Вѣроятно, извиняя себя, онъ обратился къ намъ со слѣдующею вольнодумною рѣчью:—мы всѣ одинаково дѣти Адама, русскіе такъ же, какъ и киргизы; слѣдовательно, намъ нечего дичиться другъ друга,—и онъ началъ пить чай. Потомъ Моатъ говорилъ, что онъ, по порученію начальства, управляетъ своимъ подраздѣленіемъ со времени Перовскаго и показывалъ намъ свою инвеституру—большой серебряный перстень.

Послѣ чаю, питаго всѣми, хотя съ ужимками и усмѣшками, которыя не скрылись отъ меня, рѣчь зашла съ Моатомъ про несправедливость кибиточнаго сбора. Моатъ говорилъ, что управляющіе родами не получаютъ содержанія отъ правительства и что они должны брать лошадей у богатыхъ, чтобы разъѣзжать по дѣламъ службы и помощью ихъ вліянія управлять своими подчиненными. Чтобы испытать его, мы сказали, что посланы въ степи съ тою цѣлью, чтобы устроить счастье киргизскаго народа, и онъ, какъ умный человѣкъ, долженъ сказать намъ по совѣсти, справедлива ли подать съ чагарака. Моатъ сконфузился, сталъ мяться; адаевцы, наполнявшіе юрту, какъ замѣтно небогатые, съ злобнымъ выраженіемъ уставились на него. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ сказалъ:—нельзя управлять народомъ, если брать съ богатыхъ подать со скота.—Присутствующіе щелкнули языками и переглянулись. Нѣкоторые покачали головами и стали перешептываться, поглядывая съ удивленіемъ на насъ. Замявшійся на секунду Моатъ повторилъ опять свои доводы и прибавилъ.

— Подать, налагаемая на насъ, даже по кибиткамъ велика. Третьяго года адай-туркмены платили за девятьсотъ кибитокъ; въ прошломъ году султанъ-правитель прибавилъ подати на тысячу двѣсти кибитокъ; въ настоящемъ году еще прибавлено и мы обязаны вносить

за тысячу четыреста кибитокъ. Я наложилъ подать даже на работниковъ и пастуховъ.

— «Вѣроятно, отвѣтили мы, адай-туркменовъ больше, чѣмъ они платятъ податей; оттого султаны-правители и набавляютъ».

— Мы бы, сказалъ Моатъ, готовы бы платить еще больше, если бы намъ дозволили кочевать всюду безпрепятственно. А то приходили сюда съ Усть-Урта и Мангышлака—здѣшніе киргизы не дозволяютъ пасти наши стада. Куда ни придемъ, все, говорятъ, зимовки. Точно мы не подданные царя и не имѣемъ права пользоваться землею, какъ и другіе.

Этотъ разговоръ представляетъ въ настоящемъ свѣтѣ порядокъ, въ которомъ находятся здѣсь поземельныя и податныя дѣла. Управляющіе подраздѣленіями и родами стали какими-то полувассальными владѣтелями. Моатъ, говоря про подати, толковалъ все про себя: «на меня наложили», «я плачу» и т. д. Родовое начало стало всесильнымъ, лучше бы оно осталось въ томъ же видѣ, въ какомъ было прежде въ Средней Азіи, когда, вмѣсто названія двухъ армій, говорили просто Рустемъ и Зорабъ; вмѣсто цѣлаго племени, упоминали имя вождя его. Адаевцевъ необходимо сдѣлать настоящими русскими подданными; безъ этого не будетъ порядка въ Западной части. Ихъ нужно наказать жестоко при малѣйшемъ неповиновеніи. До 1855 года чекменцы глумились надъ русскою властью, за то послѣ наказаній за смерть Араслана они стали шелковыми и сидятъ теперь тихо. Не гладить по головкѣ нужно и адаевцевъ, какъ это дѣлаютъ наши власти. Имъ нужно либо укрѣпленіе посреди зимовокъ, либо постоянно наряжаемый отрядъ и во всякомъ случаѣ хорошій урокъ. Медленными средствами можно бы было смирить ихъ, сломивши вліяніе ихъ старшинъ и устроивши подъ русскимъ руководствомъ народное правительство. Это и нужно сдѣлать;

до тѣхъ же поръ необходимо, чтобы хоть разъ надъ ихъ головою разразилась гроза.

Отъ адай-туркменовъ мы проѣхали поперекъ всю долину и поднялись опять на гору. По сѣверо-восточному пологому ея скату почва была песчаная, но поросшая хорошимъ кипцемъ. Табулгинъ нѣсколько разъ повторялъ, что здѣсь зимою хорошія мѣста подъ тебеневку. Вдали показались холмы краснаго песку Кизылъ-Кумъ. Немного ниже, по рѣкѣ Кумды, огибающей съ запада Кизымъ-Кумъ, виднѣлось много ауловъ. По покатостямъ уваловъ были разбросаны большія стада овецъ и верблюдовъ. Мы расположились на ночлегъ близъ того мѣста, гдѣ Кумды чистою струею пробирается по песчаному дну.

Позабылъ сказать, что горы, которыя проѣзжали сегодня, состоятъ изъ песчанника, могущаго, въ случаѣ нужды, служить строительнымъ матеріаломъ.

Вскорѣ по прибытіи казаки отправились ловить рыбу въ небольшомъ омутѣ Кумды, отстоявшемъ отъ нашего бивака шаговъ на двадцать. Омутъ былъ длиною шаговъ въ сто. Къ моему удивленію, въ какой-нибудь часъ они поймали около пуда крупной рыбы, по преимуществу щукъ. Омутъ, впрочемъ, былъ глубокъ. Едва казаки съ бреднемъ вошли въ воду, какъ изъ аула, расположеннаго невдалекѣ, прискакалъ какой-то киргизъ, размахивающій руками и кричащій что-то. Переводчикъ передалъ, что онъ требуетъ себѣ половины рыбы. Я отвѣтилъ, что его желаніе будетъ исполнено настолько, насколько онъ поможетъ ловить. Присутствующіе киргизы засмѣялись, потому что знали, что претендатель не полѣзетъ самъ въ воду.—Вѣрно адаевецъ?—Адай!—отвѣтилъ дикій всадникъ, похлопывая себя по груди.

9-го іюля. Утромъ киргизскія бабы рода Адай принесли кумысу. За такую любезность ихъ напоили чаемъ.

Это едва-ли не первое вниманіе со стороны адаевцевъ. За Табулгинымъ они почти ухаживаютъ по сравненію съ нами. Напримѣръ, вчера ему разбили полосатую бухарскую палатку и привели барана на кунъ-агасы; но къ намъ они сухи.

Во время чаю разговаривали съ адаевскими феями и ихъ мужьями, пріѣхавшими тоже сюда. Онѣ сознались, что туркменки красивѣе ихъ; что адаевцы увозятъ ихъ отъ туркменъ, иногда женятся на нихъ; но что, съ другой стороны, и туркмены крадутъ и отбиваютъ адаевскихъ дѣвокъ; что за благообразную женщину платится выкупу тридцать и болѣе червонцевъ. Возможность кровавыхъ стычекъ и маленькихъ войнъ за женщинъ доказываетъ большую неразвитость, потому что это не болѣе, не менѣе, какъ дарвинская борьба за самку. Значитъ адаевцы и туркмены живутъ еще въ томъ періодѣ, въ которомъ жили римляне во время Сабинской войны.

Между прочимъ, адаевскія женщины пояснили намъ, что онѣ останавливаются на кзеу у Сагиза и моютъ здѣсь барановъ; что сугумъ закалывается большой, но что это дѣлается на зимовкахъ; коптятъ мясо на саксаулѣ и караганникѣ. Значитъ топливо на Мангышлакѣ, а, можетъ быть, и на Усть-Уртѣ, существуетъ. Не мѣшаетъ замѣтить кстати, что у всѣхъ, видѣнныхъ мною до сихъ поръ женщинъ Адаевскаго рода навѣшено очень много серебра у рубашечнаго разрѣза. Киргизы обшиваютъ этотъ разрѣзъ галуномъ. На этомъ галунѣ у адаевокъ понашито прежде всего много серебряныхъ русскихъ монетъ. Г. Рейтернъ [1]), вотъ гдѣ много нашего серебра! Кромѣ того, тутъ же понавѣшены нѣчто въ родѣ нашихъ валдайскихъ таркунцовъ или большихъ дутыхъ серегъ съ еще болѣе длинными подвѣсками. Въ концы косъ богатыхъ дѣвушекъ тоже вплетены длин-

[1]) Министръ Финансовъ.

ныя серебряныя серьги, отчего движеніе адаевки хорошаго тона сопровождается бряцаніемъ и звономъ.

Несмотря на удушливую жару, я проѣхалъ бы, не замѣчая, сегодняшнюю станцію, если бы меня не будили неожиданно налетающіе вихри. Это явленіе мнѣ встрѣчалось только въ Оренбургской степи. Среди мертвой тишины и штиля вдругъ налетитъ полоса сильнаго вихря, крутя песокъ и камешки. Едва поддашься впередъ, чтобы устоять противу порыва, какъ онъ уже прошелъ, и только сзади видишь пыльный вихрь. Удушливая атмосфера, пропустивъ ураганъ, опять станетъ такъ же тиха и удушлива. А по временамъ задуетъ такой горячій воздухъ, будто изъ горна. Этотъ киргизскій самумъ, гарматтанъ или сирокко тоже сушитъ все тѣло. Послѣ него губы начнутъ слипаться, вся полость рта покроется густыми слизями и начнетъ сильно хотѣться пить. Къ счастью, я ни разу до сихъ поръ не испытывалъ большого горячаго вѣтра.

По пути отъ устья Кумды къ устьямъ же Чіилы мы два раза пересѣкли Уилъ, незначительный ручей въ этихъ мѣстахъ. По песчанымъ берегамъ бѣгали большія утки, кроншнепы. Подобные экземпляры я видѣлъ еще въ первый разъ. По сторонамъ Уила виднѣлись кое-гдѣ пашни проса, посѣяннаго безъ полива. Урожай весьма плохъ. А тутъ же, около этихъ пашенъ, виднѣются слѣды большихъ ирригаціонныхъ работъ. Еще можно разобрать глубокіе арыки и чуть замѣтныя побочныя канавки, которыми орошались когда-то пашни. Вѣроятно, это слѣды пребыванія здѣсь калмыковъ, народа чрезвычайно искуснаго въ ирригаціонныхъ работахъ. Наши колонисты, занявшіе Семирѣченскій край, нашли старые калмыцкіе арыки. Они ихъ расчистили только и получили пашни, орошаемыя водою. Отчего бы не сдѣлать того же и киргизамъ?

На окрестныхъ высотахъ мы нѣсколько разъ видѣли

ярко-блестѣвшія могилы, выкрашенныя бѣлою известью. Значитъ, она существуетъ въ окрестныхъ горахъ, которыхъ крутые спуски тоже бѣлѣлись.

Не доѣзжая версты двѣ до устья Чіила, мы заѣхали къ джетакамъ, которыхъ аулъ раскинулся при колодцахъ отъ Уила на довольно сносномъ луговомъ мѣстѣ. Въ ожиданіи, пока подойдутъ верблюды и разобьютъ джуламейку, мы пили здѣсь чай. Джетаки Чуреневскаго рода, подраздѣленія Джаманъ Чуреня. Они разсказывали, что недавно на ихъ мѣста прикочевали адаевцы, что джетаки защищали свои мѣста, но были побиты. Избивъ нѣсколько человѣкъ и одного такъ, что онъ лежитъ теперь при смерти, и потравивъ ихъ постоянныя мѣста, адаевцы откочевали. Часть джетаковъ поѣхала теперь съ жалобой къ султану-правителю. Хозяева юрты, въ которой мы были, жаловались, что, независимо отъ побоевъ, они потеряли половину травъ, потравленныхъ адаевцами. Джетаки пили съ нами чай, равно какъ и ихъ жены. Между ними мнѣ бросилась въ глаза совершенно не сформировавшаяся дѣвочка. Оказалось, что ей двѣнадцать лѣтъ, но что она уже нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ.

Тѣмъ временемъ намъ разставили джуламейку у самаго Уила. Онъ здѣсь ничтожный ручеекъ, но вода въ немъ очень хороша. Недалеко отъ бивака, впрочемъ, находился довольно глубокій омутъ, въ которомъ казаки тщетно ловили рыбу. Онъ былъ глубже двухъ ростовъ и ихъ бредень оказался безполезнымъ.

Между тѣмъ Табулгину съ проводниками разбили юрту около насъ. Потомъ я просилъ пригнать нѣсколько коровъ, чтобы надоить молока. Все это привлекло къ нашему биваку много киргизъ. Нѣкоторые изъ нихъ остановились верхами посередъ рѣки и, характеристично опершись локтями на переднюю луку, смотрѣли на нашего повара, на казаковъ, на то, какъ они приготовляли

себѣ ужинъ. Доеніе коровъ производилось уже нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ степи, и производится слѣдующимъ порядкомъ. Приглашается киргизка съ коровами. Ей тщательно трутъ мыломъ руки, потомъ конвоируютъ къ коровамъ, чтобы она по пути не сдѣлала бы какой пакости; далѣе она доитъ подъ присмотромъ, съ строгимъ запрещеніемъ плевать себѣ на руки во время доенія, что онѣ весьма любятъ дѣлать. Получая за молоко деньги, киргизка обыкновенно замѣчаетъ, что не будь этого случая, она не вымыла бы руки такимъ хорошимъ мыломъ. Доеніе возбуждаетъ всегда смѣхъ въ казакахъ и глазѣющихъ киргизахъ изъ ближайшихъ ауловъ.

10-го іюля. Путь пролегалъ по ровной голодной степи, только скудно поросшей небольшой полынью. Эта мѣстность едва-ли можетъ быть когда-нибудь полезна некочующему человѣчеству, развѣ если тутъ найдутся минеральныя богатства или если просверлятъ артезіанскій колодецъ, обильный водою. Вдали направо и налѣво поднимались пустынныя высоты, лишенныя всякой особенности и характеристичности.

Точь-въ-точь наши уѣздные города. Такихъ мѣстъ много въ степи. Только что проѣхалъ и смотрѣлъ по сторонамъ довольно внимательно, а уже ничего не помнишь изъ видѣннаго. Это и естественно, почти такіе же увалы были видны вчера и опять покажутся завтра.

На пустынѣ, по которой мы ѣхали, виднѣлись однако стада овецъ. Только киргизская овца можетъ находить достаточно пищи въ рѣдкихъ кустикахъ полыни, тамъ и сямъ вылѣзшихъ изъ потрескавшейся сухой глины. Слѣдовательно киргизъ можетъ жить со своею овцою тамъ, гдѣ едва-ли возможно развитіе на европейскій ладъ.

Мы все время направлялись на высокій курганъ съ киргизскою могилою наверху. Онъ называется Калмакарганъ, т. е. мѣсто побоища калмыковъ. Габулгинъ разсказывалъ слѣдующую легенду про этотъ курганъ. При побѣгѣ калмыковъ изъ Россіи часть ихъ пришла въ это мѣсто и разграбила киргизскіе аулы, стоящіе здѣсь. При извѣстіи о томъ, ближайшіе киргизы, собравшись, погнались за калмыками и истребили ихъ до послѣдняго человѣка въ окрестностяхъ бугра, впослѣдствіи названнаго Калмакарганомъ. Киргизская могила, находящаяся на немъ, новой постройки и состоитъ изъ кусковъ мѣлу. Темный цвѣтъ послѣдняго доказываетъ, что она простояла уже довольно долго. Во всякомъ случаѣ мѣлъ, какъ дурной проводникъ сырости, удобнѣе употреблять, чѣмъ сырцовый кирпичъ, отъ котораго почти всегда въ жилищахъ развивается сырость. Восточнѣе киргизской могилы видны старыя насыпи. Вѣроятно это калмыцкія могилы. Съ покатостей Калмакаргана на большое пространство видны отличные зеленые луга, образовавшіеся на мѣстѣ сазовъ. Впадина, окруженная со всѣхъ сторонъ возвышеніями, служитъ мѣстомъ стока всѣхъ дождевыхъ водъ окрестности. Весною, при таяніи снѣговъ, по главнымъ тальвегамъ саза течетъ рѣченка Джарлы, составляющая верховье рѣки Уила.

Низко-лежащіе берега Джарлы поросли богатыми луговыми травами. По лугамъ ходило огромное количество верблюжьихъ и бараньихъ стадъ. Въ ближайшемъ видномъ намъ косякѣ широко раскинувшихся верблюдовъ было не менѣе двухъ тысячъ животныхъ. По яркой зелени луга кое-гдѣ разбросаны юрты. Мѣстами сѣно было накошено и не убрано. Мѣстами стояли стога. Когда мы добрались до луговъ, то оказалось, что во впадинѣ расположены аулы адаевцевъ и чумышли табынцевъ. Пастухи при нашемъ приближеніи безмолвно заѣзжали около стадъ такъ, что отгоняли ихъ. Они не подъѣз-

жали къ намъ и не спрашивали новостей. Спрашиваніе на хабара имѣетъ большой смыслъ у киргизъ. Они допытываются до всего: кто проѣзжій, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, гдѣ ночевалъ и между тѣмъ высматриваются всѣ наружные признаки всадника и лошади. Если проѣзжій показалъ невѣрно, гдѣ онъ ночевалъ, то это будетъ скоро извѣстно во всей окрестности, благодаря страсти киргизовъ къ обмѣну новостей. Если проѣзжій угналъ лошадь или укралъ ее, его примѣты извѣстны, какъ и направленіе пути, по которому онъ ѣдетъ. По установившемуся обычаю должно отвѣтить обстоятельно на всѣ вопросы. Я замѣтилъ, что адаевцы и сосѣдне-зимующіе съ ними дикари не спрашиваютъ на хабара. Не оттого-ли, что имъ можетъ не нравиться этотъ обычай, замѣняющій у киргизъ полицію? Такъ какъ попадающіеся намъ пастухи были очень неразговорчивы, то Табулгинъ съ урядникомъ Кудряшевымъ поѣхали впередъ и отыскали мѣсто, удобное для нашего бивака. По ихъ указанію мы расположились у лужи шаговъ въ двадцать длины и пять или шесть ширины, оставшейся отъ весенняго теченія Джарлы. Такихъ озеръ очень много и всѣ они остались въ глубокихъ мѣстахъ русла Джарлы.

Какъ всегда, въ ожиданіи, пока разобьютъ джуламейку, мы зашли въ юрту сосѣдняго аула. Хозяинъ—киргизъ рода Алага, кузнецъ, оружейникъ и серебрянникъ по ремеслу, оставилъ свои родныя кочевья и поселился между адаевцами, съ которыми и кочуетъ уже нѣсколько лѣтъ. Какъ я сказалъ выше, адаевскія женщины всѣ носятъ разныя серебряныя побрякушки, далѣе, вслѣдствіе своихъ разбойническихъ свойствъ, они очень нуждаются въ оружіи; вѣроятно, оттого кузнецу, оружейнику и серебряныхъ дѣлъ мастеру выгодно кочевать съ ними. Инструменты кузнеца тѣ же, какъ и видѣнные мною въ Большой Ордѣ.

Образцы работъ, видѣнныхъ нами, показываютъ из-

вѣстную степень совершенства. За работу салкуле даютъ, по словамъ серебрянника, двухъ и болѣе верблюдовъ, при полномъ своемъ прикладѣ. Разговаривая со мною, многосторонній ремесленникъ разсматривалъ мою цѣпочку, шпоры, серебряный свистокъ, бывшій на мнѣ, однимъ словомъ, все металлическое. Видно, что лицамъ, подобнымъ ему, не попадались хорошіе образцы. Паятельную трубку замѣняла у него прямая деревянная дудка съ узкимъ отверстіемъ на концѣ. Серебро онъ расплавлялъ въ маленькихъ, глиняныхъ тигеляхъ на угольяхъ, полученныхъ изъ толстыхъ стволовъ перекати-поля.

Пока мы толковали у кузнеца, наши казаки вздумали бредить въ тѣхъ лужахъ, около которыхъ мы остановились. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Менѣе чѣмъ въ часъ было наловлено болѣе двухъ пудовъ жирныхъ карасей. Даже киргизы были удивлены, узнавши, что въ грязныхъ лужахъ, изъ которыхъ даже они не рискуютъ пить, такъ много вкусной рыбы.

Смотря на бреженіе, я отошелъ довольно далеко отъ своей джуламейки и возвращаясь къ ней прямою дорогою, пошелъ сквозь аулы. Въ одномъ изъ нихъ бабы стали манить и звать меня; я пошелъ къ нимъ, онѣ разбѣжались, спустя нѣкоторое время одна молоденькая бабенка выглянула изъ-за юрты, стала хихикать и что-то разсказывать. Она звала меня въ юрту. Я пошелъ за нею. Грязная, хотя и смазливая незнакомка приглашала меня сѣсть. Предполагая по ея разгорѣвшимся глазамъ что-то не очень пріятное для себя и имѣя къ тому же въ виду, что въ юртѣ, кромѣ насъ двухъ, никого не было, я не садился. Она стала предлагать айранъ, бурду изъ молока всевозможныхъ животныхъ, я отказался и вышелъ вонъ. Меня сейчасъ же окружила цѣлая толпа бабъ и начали ощупывать платье, цѣпочку, часы, сапоги, шпоры и т. д. Видно было, что

мужчины ушли куда-то; ушелъ и я, передавъ имъ мимикой, чтобы онѣ приходили ко мнѣ въ джуламейку пить чай.

На мѣстѣ, гдѣ мы сегодня остановились, опять происходила драка за право пользованія лугами. Дрались ажраевцы съ чуреневцами. Результатъ драки заключался въ нѣсколькихъ пораненыхъ; одному даже разрублена рука саблею. До сихъ поръ не встрѣчалось въ киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства клочка сносной земли, за которую бы не происходили въ этомъ году драки. Значитъ такое явленіе не исключительно, тѣмъ болѣе, что Сейдалинъ гораздо энергичнѣе бывшаго султана-правителя.

Воду на пищу мы брали не въ самой лужѣ, а въ колодцѣ, вырытомъ вблизи. Несмотря на то, она была изъ рукъ вонъ какъ нехороша; пахла рыбою и глиною въ одно и то же время.

Передъ вечеромъ подулъ юго-западный порывистый вѣтеръ, не перестающій со времени выѣзда съ устья Кіила и нагналъ дождевыя тучи. Когда позднимъ вечеромъ съ луговъ стали возвращаться къ ауламъ стада, я увидѣлъ, что адаевцы, которымъ принадлежали окрестные аулы, гораздо богаче, чѣмъ я предполагалъ прежде. Стада верблюдовъ и барановъ были очень велики. Около насъ стояли три грязныя юрты. Верблюды, пригнанные къ нимъ, составили стада по меньшей мѣрѣ въ триста штукъ.

— Это все верблюды этихъ трехъ юртъ? спросилъ я у одного адаевца.

Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— Отчего же вы такіе оборванные, а ваши юрты такія грязныя?

— «У насъ есть хорошія юрты, но мы ихъ оставили сзади на кудукахъ (колодцахъ) вмѣстѣ съ табунами и рогатою скотиною».

Эти колодцы, какъ оказалось по неопредѣленнымъ отвѣтамъ, лежатъ между Уиломъ и Сагизомъ; кормъ тамъ кипецъ и ковыль.

Дамы, которыхъ я приглашалъ къ чаю, явились. Я имъ подарилъ каленкору на джавлуки и мы разстались друзьями.

Послѣ заката верблюды, принадлежащіе тремъ сосѣднимъ юртамъ, пили изъ лужи, лежащей около нашей джуламейки. Они пьютъ очень много и чрезвычайно медленно. Табулгинъ сказалъ, что у киргизъ есть такая поговорка: «скорѣе чортъ возьметъ бабушку, чѣмъ верблюдъ напьется».

11-го іюля. Ночь спалъ очень дурно. Въ аулахъ все время шелъ гвалтъ. Сначала повидимому устанавливалась тишина. Только кое-гдѣ побрехивала лѣниво собака, будто для очищенія совѣсти или тоже засыпая.

Вдругъ гдѣ-то вдалекѣ рѣзко и громко закричитъ табунщикъ какимъ-то особеннымъ крикомъ, похожимъ на свистъ, настолько же продолжительнымъ, насколько дикимъ и неожиданнымъ. Собаки ближайшаго аула бѣшено залаютъ заливнымъ лаемъ; вслѣдъ затѣмъ подхватятъ видно дремавшіе табунщики и начнутъ вытягивать свое «слушай». Собаки завоютъ и залаютъ на всѣ голоса и продолжается этотъ концертъ безъ конца. Куда тутъ спать! А то упрямо и настойчиво начнетъ гдѣ-то пищать ребенокъ и опять-таки нельзя спать, хотя и благословляешь память царя Ирода.

Утромъ, пока мы глотали отвратительный настой изъ чаю и глины, къ намъ подсѣлъ киргизъ, опрятнѣе другихъ одѣтый, у котораго для пущей важности были пристегнуты воротнички изъ малиноваго бархата, вышитые золотомъ. Этотъ клокъ поповской ризы былъ чрезвычайно страненъ на полосатомъ халатѣ. Онъ былъ чумышлы-табинецъ и пришелъ будто бы за тѣмъ, чтобы

предложить намъ свѣжихъ лошадей. Нужно замѣтить, что наши лошади были уже осѣдланы, поэтому можно думать, что ему просто хотѣлось чаю и подарка. Чаю мы дали и выступили далѣе.

Мы стали съ ночлега подниматься на высокій увалъ, ограничивающій съ этой стороны долину Джарлы. Песчаная покатость поросла не частымъ, но хорошимъ кипцемъ и ковылемъ. Сзади тянулась къ востоку длинная долина, зеленѣющая отличными травами, уставленная аулами, усѣянная стадами. Этотъ клокъ земли весьма богатъ.

Когда мы взобрались на самый верхъ увала, мимо насъ прошелъ большой табунъ лошадей, не менѣе, какъ въ шестьсотъ головъ, отбиваясь и отмахиваясь отъ мухъ. Табунъ шелъ косяками, направляясь къ аулу чумышлы-табынцевъ, въ которомъ жилъ обладатель лошадей. Каждый стдѣльно бѣгущій косякъ состоялъ изъ жеребца и однолѣтокъ-кобылъ. Лошади были въ дурныхъ тѣлахъ. Жеребята, которыхъ при табунѣ было очень много, бѣгали чрезвычайно быстро во всѣ стороны, поднявъ свой безволосый хвостикъ и оглашая воздухъ тоненькимъ ржаніемъ. Табулгинъ сказалъ, что молодые жеребята бѣгаютъ быстрѣе лучшихъ скакуновъ. Когда мы спросили пастуховъ, которые съ длинными укрючинами въ рукахъ гнали табунъ, отчего лошади такъ худы, они сказали, что тому причиной дурной кормъ. Немного далѣе оттуда, кипцы прекращаются и наступаетъ голодная степь, покрытая тою растительностью, которая можетъ содержать только киргизскую овцу и верблюда.

Дорога наша почти все время шла по пустыннымъ увалам, бѣднымъ растительностью, по покатостямъ которыхъ были разбросаны куски песчаника. Такія же плиты въ разныхъ мѣстахъ торчали изъ-подъ поверхности. Могилы, мимо которыхъ мы проѣзжали, были

тоже сложены изъ песчаника. У самаго Темира, рѣки, къ которой мы направлялись, съ правой стороны осталось нѣсколько могилъ старой киргизской конструкціи. Онѣ не были открыты сверху, какъ того требуетъ коранъ, и были неизмѣримо красивѣе тѣхъ уродливыхъ четыреугольниковъ съ глиняными шишками по угламъ, которые служатъ общею формулою здѣшнихъ монументовъ. Смотря на куполы, я подумалъ, что глиняный памятникъ не можетъ имѣть порядочнаго и хотя сколько нибудь согласнаго съ вкусомъ окончанія, какъ куполъ. Не оттого-ли куполовидныя постройки вмѣсто крышъ явились на востокѣ, гдѣ нѣтъ дерева, и первобытныя постройки дѣлались изъ глины? Могила называется кутень.

Переправившись у этихъ могилъ черезъ рѣку Темиръ, мы вступили въ предѣлы Средней части степи Оренбургскаго вѣдомства. Въ ожиданіи нашихъ отставшихъ верблюдовъ, мы вошли въ ближайшую юрту. Хозяинъ оказался далеко не дикимъ человѣкомъ. Онъ бывалъ на линіи и видывалъ свѣтъ. Онъ чеклинецъ Кабановскаго рода, слѣдовательно, принадлежитъ къ роду, смиренному нашими отрядами. На нашъ вопросъ, гдѣ богатые его роды, онъ сказалъ, что въ это время всѣ они находятся въ урочищѣ Кара-Камышъ, ниже по Темиру, что при большомъ количествѣ скота нужны большія пастбища и что потому богатые люди владѣютъ тамъ очень хорошими мѣстами. Отчего же ему не владѣть землею Кара-Камышъ? Оттого что онъ бѣденъ. Богатые не позволятъ.—Вотъ еще образчикъ права при разверстаніи угодій. Когда мы сказали хозяину, что замѣчаемъ, что богатые прижимаютъ бѣдныхъ, всѣ присутствующіе согласились съ этимъ и выразили большое удовольствіе.

По берегамъ Темира очень много дичи: казаки по пути убили двѣ дрохвы и кроншнепа. Теперь по бере-

гамъ Темира перелетывали цѣлыя стада всевозможнаго вида куликовъ. Вода здѣсь прѣсная и вкусная. Темиръ никогда не пересыхаетъ. Передъ вечеромъ казаки купали своихъ лошадей въ глубокомъ и довольно длинномъ омутѣ, около котораго мы стояли. Омутовъ, впрочемъ, мало. Большею же частью рѣка очень мелка и течетъ по ровному песчаному дну.

Сегодня по той сторонѣ Темира двигалось множество верблюдовъ. Это были киргизы, отправляющіеся въ Оренбургъ на мѣновой дворъ. Вслѣдствіе отсутствія въ степи русскихъ колоній и того, что торговля, вообще говоря, почти не существуетъ, киргизы всѣхъ тѣхъ родовъ, которые зимуютъ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и до нашихъ границъ, иначе Западной и Средней частей, закупаютъ все нужное въ Оренбургѣ. Для этого, какъ только они дойдутъ поближе къ Оренбургу своими лѣтовками, какъ снаряжаютъ туда караванъ. На мѣновой дворъ они посылаютъ кошмы, овчины, мерлушки, верблюжью шерсть, армячину, все, что имѣетъ цѣну, и пріобрѣтаютъ за это все имъ нужное. Если бы имъ понадобилось что зимою, тогда остается ѣхать либо въ Гурьевъ, либо въ Илецкій городокъ. Вслѣдствіе такого порядка торговли цѣна двойного фрахта по степи должна оставаться въ рукахъ киргизовъ. Не оттого ли такъ дорогъ здѣсь баранъ? Киргизскіе роды Восточной части закупаютъ тѣмъ же порядкомъ все нужное въ Троицкѣ. Слѣдовательно, Оренбургъ и Троицкъ всего два торговые пункта, въ которыхъ киргизы соприкасаются съ русскими.

Со времени выѣзда съ устья Кіила дуетъ одинъ и тотъ же юго-западный вѣтеръ. Обыкновенно съ утра и до полудня онъ едва замѣтенъ, потомъ начинаетъ усиливаться, временами переходитъ въ порывистые шквалы и кончается къ ночи. Это повторяется совершенно регулярно каждый Божій день.

12-го іюля. Сегодня предположенъ очень длинный переходъ. Выступили въ половинѣ пятаго. Дорога пролегала опять-таки по увaламъ, которыхъ уже теперь не могу припомнить, т. е. вечеромъ того дня, когда ихъ видѣлъ. Эти не-типичныя, безхарактерныя неровности мѣстности, однообразно поднимающіяся и опускающіяся, производятъ безотрадное, тяжелое чувство. Утомленное зрѣніе скользитъ по нимъ и передаетъ мозгу одно только впечатлѣніе: вся эта картина пуста и безлюдна и общее чувство, охватывающее васъ, подстраивается подъ ладъ общихъ свойствъ степи; и внутри становится какъ-то пусто, безотрадно, угрюмо. Пустыня, которую мы пересѣкли сегодня, такъ же безплодна, какъ и вчерашняя; только во впадинахъ и тальвегахъ весеннихъ водъ существуютъ кое-какіе намеки на растительность. На одной изъ бѣдныхъ растительностью покатостей пасся довольно значительный табунъ. Что онъ тутъ ѣстъ? Богъ его знаетъ.

Въ одномъ мѣстѣ только окрестность стала болѣе характерною. Увалы исчезли и мѣстность со всѣхъ сторонъ пошла книзу, къ степной впадинѣ, съ выгорѣвшею на днѣ ея травою. Впереди поднималась довольно крутая гора, взобравшись на которую можно далеко видѣть во всѣ стороны. Шедшій за нами въ восьми или болѣе верстахъ караванъ нашихъ верблюдовъ былъ виденъ совершенно отчетливо. Гора находится по крайней мѣрѣ въ двадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Здѣсь нужно было сдѣлать привалъ. Кое-какъ отыскали въ прогалинѣ колодецъ, впрочемъ, очень хорошей воды.

Отъ колодцевъ мы двигались опять-таки по пустыннымъ увaламъ безъ характера и опредѣленности. Впереди синѣли охваченныя маревомъ болѣе значительныя возвышенія, чѣмъ тѣ, по которымъ мы ѣхали до сихъ поръ. Но всѣ эти высоты, намекающія на близость Му-

годжарскихъ горъ, совершенно ничтожны и едва-ли достигнутъ нѣсколькихъ сотъ футовъ высоты.

Въ одномъ мѣстѣ ко мнѣ подъѣхалъ состоящій при насъ, въ качествѣ постояннаго вѣстового, казакъ Чеботаревъ и, указывая на нѣсколько далекихъ движущихся точекъ, сказалъ, что это стадо сайгаковъ. Завидѣвъ насъ, животныя исчезли. Табулгинъ сказалъ, что за Эмбою они водятся въ большомъ количествѣ и ходятъ стадами въ нѣсколько тысячъ головъ. По пути казаки пріобрѣли одного сайгака, не сдѣлавъ выстрѣла. Издали мы видѣли пять всадниковъ, которые вскорѣ исчезли. Какъ слѣдуетъ думать, это были киргизы-охотники, которые испугались нашего отряда и ускакали, оставивъ на мѣстѣ трупъ самки сайги. Казаки его подобрали. Вскорѣ стало показываться болѣе и болѣе сайгачьихъ стадъ. Одинъ сайгакъ какъ-то подпустилъ насъ близко. Онъ прыгнулъ съ мѣста по крайней мѣрѣ на сажень кверху и, опустивъ голову книзу, понесся по степи съ чрезвычайною быстротою. Эта манера бѣжать носомъ къ землѣ напомнила вообще бѣгущую овцу. Да и морда сайгака, видѣннаго мною у казаковъ, чрезвычайно похожа на овечью. Не праотцы ли это нашихъ ручныхъ и смирныхъ животныхъ? Во всякомъ случаѣ пребываніе въ этихъ пустынныхъ и почти-лишенныхъ растительности мѣстахъ обширныхъ стадъ дикаго скота указываетъ на естественность содержанія тутъ же большого количества овецъ. Трава, растущая здѣсь, не отличается ли, какъ говорятъ киргизы, особенно питательными элементами? Бѣлковинныхъ веществъ въ растеніяхъ, потребляемыхъ овцою и верблюдомъ, очень мало, но тогда какъ же можетъ поддерживать свое огромное тѣло съ жирными горбами верблюдъ? Какъ же можетъ нагуливаться овца до того, что въ курдюкахъ оказывается иногда до двадцати фунтовъ чистаго жира? Пусть рѣшатъ мнѣ эти вопросы химики и физіологи.

Мы переправились черезъ вязкую рѣку Караганды съ прѣсною вкусною водой и опять поднялись на высокій увалъ. Потомъ спустились съ довольно крутой горы въ пространную низину, ограничивающую въ этомъ мѣстѣ теченіе Кубелей-Темира и остановились на ночлегъ на берегу ея. Вода въ Кубелеѣ вкусная и хорошая, несмотря на то, что берега ея подернуты красною ржавчиною. Темиръ—значитъ желѣзо. Хотя на вкусъ я не могъ различить присутствія этого металла, тѣмъ не менѣе ржавчина доказываетъ, равно какъ и названіе рѣки, что въ водѣ должно быть много желѣза. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, находилась зимовка джетаковъ, живущихъ сѣномъ, которое они накашиваютъ по долинѣ рѣки, и пашнями. Просо въ настоящемъ году довольно хорошо, несмотря на то, что вообще тутъ жалуются на сухость лѣта. Пашни не поливныя.

13-го іюля. Утромъ, чуть взошло солнце, вы слышите уже кругомъ джуламейки шумъ и возню. Верблюды ревутъ; казаки шумятъ, прислуга шумитъ, унимая ихъ. Съ трудомъ открываешь слипшіеся свои глаза, умоешься, и затѣмъ ломаютъ джуламейку. Чтобы пить мутный настой, который наша прислуга важно называетъ чаемъ, садишься на потникъ. Около песокъ, пыль, поднимаемая утреннимъ вѣтеркомъ, навозъ. На потникъ же кладутся сухари. Сначала выловишь изъ стакана выплывшую наверхъ грязь, потомъ начинаешь черезъ силу пить и ѣсть размоченные въ чаѣ сухари.

Возня на мѣстѣ бивака усиливается вмѣстѣ съ бранью. «Чокъ! чокъ! чокъ!» кричатъ казаки, дергая верблюдовъ за веревку, продѣтую сквозь носъ. Съ ревомъ, обрызгивая окружающихъ зеленою жвачкою, опускается верблюдъ послѣ долгихъ хлопотъ на землю. Сперва онъ становится на колѣни переднихъ ногъ, потомъ на су-

ставы заднихъ, а потомъ уже тяжело опускается всѣмъ животомъ. Его вьючатъ. Каждый суетящійся около него казакъ, проходя мимо его морды, возбуждаетъ, должно быть, его омерзеніе. По крайней мѣрѣ съ такимъ выраженіемъ отворачиваетъ онъ свою морду, издавая короткія, глухія ноты. Вьюки затягиваются веревками; верблюды опять ревутъ и сопровождаютъ ревомъ же тотъ актъ, когда казаки, уравновѣшивая вьюки, вѣшаются на одну сторону, чтобы перетянуть тяжесть, слишкомъ свѣсившуюся на противоположную сторону.

— «Готовы верблюды?»

— Готовы.

— «Трогай!» командуетъ Г—ій.

Девять верблюдовъ отряда и пять нашихъ вытягиваются въ нитку и мѣрно трогаются въ путь. Сзади нихъ ѣдетъ нѣсколько казаковъ съ длинными пиками на лошадкахъ, кажущихся очень маленькими по сравненію съ верблюдами. Багажъ остановился: одинъ верблюдъ, оторвавъ веревку, которою онъ прикрѣпленъ къ идущему впереди, спасаясь отъ казака, хотѣвшаго поймать болтавшуюся веревку, повернулъ назадъ и завернулъ остальныхъ верблюдовъ въ тѣсную спираль. Раздается ревъ остальныхъ верблюдовъ, которые вытянули головы и шеи за веревками, и которыхъ все-таки тянутъ больно за носъ. Или какой-нибудь верблюдъ, развязавшись и спереди и сзади, некстати развеселится и, задравъ хвостъ кверху, пустится съ кладью на спинѣ по степи нескладною иноходью. Казаки поскачутъ за нимъ. Заревѣлъ—значитъ поймали веревку.

— «Верховыя лошади приведены?»

— Готовы-съ, крикнетъ кто-либо изъ казаковъ.

Садимся. Мы оба одѣты въ блузы, въ фетровыхъ шляпахъ и широкихъ поясахъ. Трогаемся. Ѣхать приходится шагомъ. Впереди, и по сторонамъ, и сзади поднимаются и опускаются однообразные пустынные увалы,

на которыхъ не видно ни души. Скудная, чахлая растительность рѣдкою щеткою покрываетъ землю, оставляя видѣть либо сухую потрескавшуюся глину, либо мелкій пылеобразный песокъ. Въ первомъ случаѣ будетъ господствовать надъ всѣми родами растительности полынь, въ послѣднемъ преимущество останется за кипцемъ, перемѣшаннымъ съ ковылемъ.

Подъ ногами лошадей бѣгаютъ пестрыя ящерицы или торопливо юркнетъ маленькая полевая мышь, или судорожно начнетъ свиваться и развиваться змѣя, или запрыгаетъ на заднихъ лапкахъ, глядя съ недоумѣніемъ на проѣзжающихъ, пепельнаго цвѣта съ бѣлымъ брюшкомъ тушканчикъ. Онъ не убѣгаетъ, онъ разсматриваетъ. Солнце поднимается выше. Около лошадей появляются мухи, которыя безпокоятъ ихъ. Лошади бьются, брыкаются, отмахиваются головою и хвостомъ; если вѣтеръ дуетъ сзади, мухи собираются впереди ихъ мордъ, отчего лошади норовятъ безпрерывно повернуться противъ вѣтра. Вообще же ходъ лошади становится въ высшей степени безпокоенъ. По мѣрѣ того, какъ идетъ время, становится душнѣе. Жара тяготитъ и давитъ васъ; лучи прожигаютъ платье и вы чувствуете на тѣлѣ впечатлѣніе обжога. По временамъ налетитъ струя горячаго вѣтра, поднимая и закручивая по пути пыль и песокъ и обдавая васъ тяжелою струею накаленнаго, душнаго воздуха. Жара усиливается, а съ нею тупѣютъ всѣ чувства. Зрѣніе утомляется; смотришь, — видишь и не видишь. Впереди и по бокамъ марево охватываетъ всѣ малѣйшія неровности.

Марево само по себѣ уже утомляетъ своимъ постояннымъ движеніемъ, слоистыми переливами воздуха и неопредѣленною подвижностью какихъ-то темныхъ предметовъ. Ѣдешь, опустя голову книзу, чтобы избавиться отъ ослѣпительнаго блеска солнца. Сидишь на сѣдлѣ и будто спишь. Думать нельзя ни о чемъ; если,

сдѣлавъ надъ собою наибольшее усиліе, вы начнете умственную работу, артеріи на вискахъ раздуются и вы начинаете чувствовать ужасную ломоту.

Вдругъ лошадь дѣлаетъ отчаянный скачекъ въ бокъ, изъ-подъ ея ногъ выпорхнула пара совъ, притаившихся въ ямкѣ отъ жары и свѣта. Это даетъ вамъ развлеченіе на секунду. Будто ободришься и начнешь смотрѣть по сторонамъ.

Обстановка степи та же, что была вчера, третьяго дни, что была часъ тому назадъ, что будетъ черезъ часъ, черезъ два дня, пожалуй, черезъ недѣлю. Вашъ привычный глазъ различаетъ вдали по покатости нѣсколько темныхъ точекъ, это бараны.

— Смотри, братцы, заговорятъ казаки, никакъ скотъ ходитъ. Аулъ, должно, тамъ есть какой, и всѣ смотрятъ туда. Черезъ секунду опять молчаніе, только попархиваетъ горячій вѣтерокъ, да фыркаютъ медленно идущія лошади. Разговоры, которые вы слыхали въ началѣ дороги, прекратились и даже какой-то разсказчикъ, долго повѣствовавшій что-то сзади васъ тихимъ сдержаннымъ тономъ, и тотъ умолкъ. Съ которой нибудь стороны появляется на возвышенномъ мѣстѣ могила знатнаго киргиза, сложенная изъ камней или аляповато сдѣланная изъ глины. Однообразіе мѣстности такъ велико, что эту могилу замѣтятъ сразу всѣ. Догоняемъ верблюдовъ, вышедшихъ раньше насъ. Киргизъ-вожакъ, надѣвъ на голову халатъ отъ солнца, мѣрно качается на небольшой лошадкѣ, держа въ рукѣ поводъ отъ перваго верблюда, которые медленно выносятъ впередъ свои мясистыя мозолистыя ступни съ двумя ногтями и медленно выставляютъ ихъ на землю, неуклюже наваливаясь на одну сторону. Походка ихъ медленна и они страдаютъ отъ палящаго жара. Вдругъ нѣсколько казаковъ поскакало въ бокъ, по свѣжей зелени между двумя покатостями; они догадались, что тамъ родникъ или колодезь.

— Есть вода? спрашиваешь, когда они вернутся.

— Есть, и вамъ подаютъ бутылку, зашитую въ войлокъ, изъ которой вы пьете вонючую грязь.

— Ваше скородіе, говоритъ вамъ казакъ, гляньте, сайгаковъ сколько.

Вдали чуть замѣтно различишь черныя двигающіяся точки. Чуткія животныя, завидѣвъ людей, станутъ осторожнѣе. Можетъ быть, они и подпустятъ на два штуцерныхъ выстрѣла, потомъ передній козелъ дастъ вертикальный скачекъ и все стадо понесется, какъ вѣтеръ, подъ крикъ и вопли казаковъ.

А то подъѣдетъ киргизъ, высматривающій мѣста подъ кочевки или слѣдящій украденный скотъ, или пастухъ залегшаго въ прогалинѣ стада, или чабаръ, чиновникъ, значитъ, посланный съ бумагами.

— Ни хабаръ? Проводникъ начнетъ говорить съ нимъ.

— Правитель теперь тамъ-то, скажетъ послѣдній намъ такую важную новость. Аулъ не такъ далеко, гдѣ намъ привалъ дѣлать, пояснитъ онъ потомъ.

Вотъ это хорошо. Но еще много безплодныхъ долинъ, много лишенныхъ растительности покатостей придется сдѣлать раньше, чѣмъ увидишь вдали желанный аулъ. Прежде всего замѣтишь стада овецъ и верблюдовъ; ихъ можно держать очень далеко отъ воды, на мѣстности, совершенно безплодной, лишь бы была полынь. Потомъ замѣтишь гдѣ-либо всадника, ѣдущаго къ аулу или отъ него. Наконецъ завидишь верхушки юртъ. Кругомъ движенье. Стоитъ рогатый скотъ, бѣгаютъ дѣти, грызутся волкообразныя собаки. Изъ юрты въ юрту шныряютъ бабы съ головами, повязанными грязнымъ тряпьемъ. Слава Богу. Чаю! скорѣе чаю!

Такимъ-то образомъ мы проводимъ не менѣе восьми часовъ въ день. Пріѣдешь на ночлегъ усталый и разбитый. Едва разобьютъ джуламейку, протянешься на

постель и опять чай. Какая же тутъ пойдетъ въ голову работа. Энергія разбита. Хочется только совершенно пассивно просуществовать день, чтобы дождаться другого.

Сегодня мы выступили часовъ въ семь утра, потому что предполагали сдѣлать небольшой переходъ. Переправившись черезъ Кубелей-Темиръ, мы поѣхали опять-таки по всхолмленной пустой степи. Увалы и горы становились выше. Верстахъ въ десяти отъ ночлега мы вступили въ такой безплодный районъ, какого еще не встрѣчалось. Растительности здѣсь почти не было. Весеннія воды оставили глубокія промоины въ почвѣ, которая, послѣ того, какъ становила лошадь свою ногу, оказывалась чистѣйшею пылью черноватаго цвѣта. Даже полыни здѣсь почти не было, а какое-то прилегшее къ землѣ растеніе, похожее по наружному виду на лишаи, покрывающіе кору березы.

Видъ степи, однако, измѣнился по мѣрѣ движенія впередъ. Верстахъ въ десяти отъ пыльной почвы мы очутились на прекрасномъ лугу, на которомъ стояла добрая сотня стоговъ накошеннаго сѣна. Около стояли двѣ, три юрты бѣдняковъ, вѣроятно, нанятыхъ косить. На мѣстѣ луга, какъ намъ пояснили, весною бываетъ довольно большое озеро. Лугъ составляетъ чуть замѣтную впадину въ предѣлахъ совершенно ровнаго горизонта.

На сѣверо-востокъ эта равнина замыкается верстахъ въ пяти отъ луга значительнымъ подъемомъ мѣстности. Это гора Уркачъ. Озеро, слѣдовательно, образуется стокомъ весенней воды.

Съ того времени, какъ мы отдалились отъ истоковъ Уила, цѣлью нашего пути было урочище Уркачъ, на которомъ на десятиверстной картѣ показанъ значительный лѣсъ. Отъ луга мы продолжали двигаться прямо къ горѣ. Здѣсь было нѣсколько юртъ. Хозяинъ ея

Чеклинскаго рода, подраздѣленія Кабакъ. При перекочевкѣ его рода отъ песковъ Барсуки къ рѣкѣ Илеку онъ остался здѣсь, на хорошихъ травахъ Уркача, чтобы дать отдыхъ и полечить верблюдовъ, которые у него опаршивѣли. Лечатъ ихъ смазываніемъ паршей дегтемъ, который киргизы гонятъ изъ кизяка, преимущественно верблюжьяго. Пріемы гонки дегтя тѣ же, какъ у насъ. Своего правителя, батыря Исетя Кудебарова (убійца Араслана), хозяинъ очень хвалилъ.

Около юрты, въ которой мы остановились, стояла другая юрта, вдовы брата киргиза, у котораго мы стояли. Изъ разговоровъ узнано слѣдующее: братъ киргиза умеръ почти въ одно время съ его женою. По киргизскому или, вѣрнѣе, монгольскому обычаю, жена умершаго брата переходитъ къ живому вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ и дѣтьми. Между тѣмъ нашъ хозяинъ женился на молоденькой бабенкѣ, которая присутствовала здѣсь же и которая, кажется, не дозволяетъ ему жениться на вдовѣ брата. Послѣдняя тоже женщина еще молодая. Братъ ея мужа на ней не женится, а выходить за другого, согласно обычаю, ей не дозволятъ. Если она захочетъ выйти, несмотря на это, то, согласно шаріату, должна будетъ оставить дѣтей и имущество у брата, опекуна малолѣтнихъ, и получитъ ничтожную долю прежняго состоянія. Это весьма безалаберный законъ [1]). Правомъ опеки надъ племянникомъ братъ умершаго становится всегда господиномъ оставшейся семьи и вдовы.

Нельзя ли будетъ устроить опеку у киргизъ на болѣе здравыхъ началахъ. Вопросъ у киргизъ не въ томъ, чтобы не промотать состоянія (это чаще всего бываетъ при нынѣшней опекѣ, когда дядя можетъ присвоить себѣ имущество покойнаго), а въ томъ, чтобы

[1]) Въ настоящее время этотъ обычай отмѣненъ у киргизъ Зайсанскаго и Устькаменогорскаго уѣздовъ.—*Ред.*

дѣти, по совершеннолѣтіи, не были обдѣлены (промотать съ намѣреніемъ едва-ли возможно при киргизскомъ складѣ жизни). Нельзя-ли будетъ устроить такъ, чтобы по смерти каждаго киргиза, его родичи въ присутствіи, напримѣръ, цѣлаго аула и за подписью всѣхъ жителей аула, составляли бы опись всему имуществу и чтобы опекуномъ дѣтей оставалась мать, свободная выходить за кого ей угодно замужъ? Затѣмъ родичи суть естественные контролеры будущности малолѣтнихъ. Если скотъ сохранился къ ихъ совершеннолѣтію или извѣстно, что у матери или ея мужа есть безбѣдное состояніе, однимъ словомъ, если до совершеннолѣтія сиротъ не было джута въ ихъ стадахъ, то родичи имѣютъ право требовать выдачу законно слѣдуемой имъ части.

Изъ аула мы поѣхали къ предполагаемымъ нами лѣсамъ. Переваливъ черезъ гору, мы очутились въ мѣстности, кое-гдѣ поросшей частымъ кустарникомъ березняка и осинника фута въ полтора высотою. Это-то и было то, что на картахъ показано лѣсами. Вскорѣ мы въѣхали на высокій остроконечный холмъ, на вершинѣ котораго насыпанъ курганъ. Чья это могила?—Аба,—отвѣтилъ киргизъ; такъ называютъ они всѣ старыя насыпи, подъ которыми погребены люди не киргизскаго племени. Должно быть, это калмыцкая могила.

Урочище Уркачъ стоитъ того, чтобы сказать про него подробнѣе. Съ горы Уркачъ, на покатости которой мы пили чай и дѣлали привалъ, открывается почти вся низина, извѣстная у киргизовъ подъ именемъ Уркачъ. Съ запада и востока она замкнута пустынными песчаными холмами непріятнаго, грустнаго вида. Низина шириною версты въ четыре и вся покрыта либо хорошею травою, либо луговыми травами, либо кустарниками березняка и осины. Этотъ кустарникъ очень густъ, но невысокъ. То обстоятельство, что онъ можетъ рости, несмотря на истребленія, производимыя киргизами, не-

смотря на то, что молодые побѣги поѣдаются рогатымъ скотомъ и верблюдами, особенно зимою, доказываетъ большую способность почвы къ лѣсоводству. Если мѣста, покрытыя кустарникомъ, окопать, лѣсъ долженъ непремѣнно пойти въ ростъ, а если устроить стражу, которой приказать не дозволять киргизамъ рубить кустарникъ, Уркачъ будетъ покрытъ лѣсомъ въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ. Близъ Омска кустарникъ, росшій на степи, никакъ не могъ подняться въ ростъ. Купецъ Кузнецовъ оградилъ часть этого кустарника, росшаго на землѣ, принадлежащей его винному заводу, рвомъ, не переходимымъ для скотины, и въ десять лѣтъ выростилъ порядочный лѣсокъ. На Уркачѣ я самъ видѣлъ довольно толстые пни дюйма въ два съ половиною срубленныхъ березокъ, отъ которыхъ теперь пошли молодые побѣги. Возможность вырости такому лѣсу зависѣла отъ того, что въ окрестностяхъ Уркуча происходили баранты и безпорядки, производимые чеклинцами. Теперь, когда они смирены, поселившіеся здѣсь на зимовки джетаки и кочующіе мимо киргизы истребляютъ безмилосердно кусты.

Посрединѣ Уркачской низины, несмотря на засуху этого года, есть озеро, окруженное камышемъ. Нѣсколько другихъ озеръ раскидано невдалекѣ. По берегамъ ихъ растетъ сочная луговая трава. Кое-гдѣ виднѣлись зимовки, которыхъ тутъ много, съ накошенными около стогами сѣна. Впрочемъ, большое количество травъ не было скошено. Уркачская низина тянется въ длину верстъ на шесть. Слѣдовательно, луговыхъ мѣстъ очень много и сѣна должно быть тоже много, не считая луга, лежащаго верстахъ въ шести, не доходя горы Уркачъ, гдѣ, какъ я упомянулъ вчера, киргизы косили сѣно при нашемъ проѣздѣ.

Воды и воды прѣсной вездѣ много. Низкое положеніе долины даетъ возможность имѣть вездѣ хорошую

колодезную воду на незначительной глубинѣ. Гора Уркачъ съ окрестными высотами покрыта обломками песчаника, удобнаго на постройки. Недалеко отсюда, въ одномъ логу, мы нашли кусокъ известковаго камня. Топлива, т. е. камыша, очень много. Караванный путь изъ Казалы, огибая Барсуки, идетъ къ пониженію Мугоджарскихъ горъ и продолжается мимо верховьевъ Илека въ Оренбургъ, слѣдовательно, проходитъ недалеко отъ Уркача. Все это вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что здѣсь удобно могло бы развиться русское поселеніе, тѣмъ болѣе, что по сѣверной сторонѣ Уркача очень много киргизскихъ пашенъ, на которыхъ родится посѣвъ безъ поливки. Вслѣдствіе присутствія хорошихъ кормовъ и воды въ большомъ количествѣ здѣсь могла бы существовать ярмарка. Это первое удобное для поселенія мѣсто, видѣнное мною въ здѣшней степи.

Около береговъ озера по обоимъ берегамъ тянулись зимовки джетаковъ. Изгороди для сѣна и скотскихъ загоновъ сплетены изъ сучьевъ. Сколько должно было пойти молодыхъ березокъ для одной такой зимовки?

Мы дошли до берега небольшого озера, лежащаго на сѣверномъ концѣ Уркача, но оно оказалось торфянымъ, такъ что вода очень пахла землею и навозомъ, поэтому мы передвинулись немного къ сѣверу къ колодцамъ тоже скверной, но все же лучшей воды, около которыхъ былъ расположенъ аулъ.

14-го іюля. Ближайшая юрта нашего сосѣда принадлежитъ ичинчи изъ рода Чеклинскаго, подраздѣленія Киргызъ. Хозяинъ юрты хлѣбопашецъ и мастеръ на всѣ руки: плотникъ, кузнецъ, значитъ серебряникъ и оружейникъ.

Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ съ поклономъ богатый бій Чеклинскаго рода, Киргызова отдѣленія, Бекечъ Балтаевъ, съ двумя сыновьями. Вотъ сводъ его отвѣ-

товъ: Киргызово отдѣленіе зимуетъ въ пескахъ Барсуки. Ихъ зимовки хороши въ особенности для барановъ и лошадей, для которыхъ въ пескахъ много корму. Верблюдовъ же и коровъ они держатъ меньше, потому что первые плохо выдерживаютъ холодъ и бураны, свирѣпствующіе въ Барсукахъ, а для вторыхъ, т. е. коровъ, мало съѣдомыхъ луговыхъ травъ. Тѣхъ же верблюдовъ, которыхъ они имѣютъ, укутываютъ въ кошмы отъ холода, ставятъ въ закрытыхъ мѣстахъ для охраны отъ бурановъ и разгребаютъ подъ ними снѣгъ или же для нихъ накладываютъ кизяку. Не могутъ оставаться цѣлую зиму на мѣстѣ, потому что въ сосѣдство прикочевываютъ другіе киргизы, вытравливающіе кормъ; тогда приходится перекочевывать далѣе. Загоны для скота дѣлаютъ изъ кошемъ и чіевыхъ матовъ. На топливо заготовляется кій и кизякъ. Есть, впрочемъ, мѣстами талъ и караганникъ. Лѣтомъ они кочуютъ къ сѣверу до тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся въ настоящее время. Во время кочевокъ встрѣчаютъ очень много затрудненій отъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ зимовокъ; между тѣмъ, по словамъ Балтаева, киргизъ тѣмъ богаче, чѣмъ шире онъ можетъ кочевать. Когда его спросили, не будетъ ли выгодно для удобства лѣтняго кочеванія отвести всѣмъ киргизамъ, сидящимъ на пути, зимовки въ Барсукахъ, Балтаевъ отвѣтилъ, что это было бы хорошо, но что необходимо возстановить общій порядокъ въ кочеваніи.

При Балтаевѣ находились два сына, очень красивыхъ молодца, живущихъ своимъ хозяйствомъ, т. е. уже отдѣленные отъ отца. На нашъ вопросъ, какой порядокъ наслѣдства зимовокъ, бій отвѣтилъ слѣдующее: когда старшій сынъ подростетъ, онъ ищетъ себѣ особенную зимовку, и т. д. до тѣхъ поръ, покуда останется младшій, который наслѣдуетъ зимовку отца.

Кочевали въ этомъ году благополучно, только ло-

шади очень худы, оттого, что трава, за сухостью лѣта, очень суха. Отсюда начнутъ двигаться къ зимовкамъ послѣ того, какъ вытравятъ кормъ. Кзеу у чеклинцевъ Киргызова подраздѣленія въ Мугоджарскихъ горахъ. Послѣднія неудобны для зимовокъ, потому что немного травъ на покатостяхъ и потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно нѣтъ снѣга, въ другихъ же, прогалинахъ, слишкомъ его много. Здѣсь нужно и останавливаться, а очень мететъ уже снѣгъ. Поэтому въ Мугоджарскихъ горахъ зимуютъ только бѣдняки.

Про подати и несправедливости кибиточнаго сбора толстякъ отыгрался и не сказалъ рѣшительно своего мнѣнія, хотя прибавилъ: «я всею душою желаю добра бѣднымъ». Чегынъ существуетъ, нельзя только добиться цифры его. Богатый киргизъ не считаетъ кунъ-агасы въ счетъ чегына. Говорили, что въ этомъ году сбирали на киргизскую гимназію по барану на двѣ юрты. Сборъ производили поровну и съ бѣдныхъ и съ богатыхъ. Муллы есть свои. Въ аулахъ существуютъ джуламейки, которыя замѣняютъ мечети; въ нихъ же мулла учитъ дѣтей. Муллъ изъ хивинскихъ и бухарскихъ подданныхъ нѣтъ послѣ указа объ изгнаніи ихъ. Дѣти, выучивающіяся грамотѣ у муллъ, послѣ сами становятся муллами.

При спорахъ и ссорахъ тяжущіяся стороны приглашаютъ разобрать ихъ дѣло біевъ, уважаемыхъ людей. Впрочемъ, если первые не будутъ довольны ихъ рѣшеніемъ, то обращаются съ жалобою къ управителю, который назначаетъ біевъ отъ себя. Бійлыкъ и ханлыкъ существуютъ и взыскиваются съ виновныхъ. Всѣ важные споры стараются кончить домашнимъ судомъ, не прибѣгая съ жалобой къ султану-правителю.

Балтаевъ говорилъ также, что туркмены иногда грабятъ зимовки въ Барсукахъ и чеклинцы не имѣютъ охраны. Такъ, въ этомъ году первые угнали много

скота; хотя чеклинцы и гнались за разбойниками, но не осмѣлились напасть, потому что не было достаточно народу. Я не хорошо понимаю, какъ могутъ туркмены заходить въ большомъ числѣ на правый берегъ Сыръ-дарьи.

Балтаевъ привезъ съ собой двѣ сабы кумысу и двухъ кургашекъ, кунъ-агасы, какъ онъ говорилъ, при проѣздѣ мимо кочевьевъ Чеклинскаго рода. Мы, какъ всегда, отказались, ссылаясь на нашъ обычай, запрещающій брать подарки отъ незнакомыхъ или мало-знакомыхъ людей. Но въ подаркахъ Балтаева «былъ другой умыселъ». Онъ пріѣхалъ къ намъ съ просьбою на султана-правителя. Мы отклонили и просьбу, сказавъ, что это не наше дѣло. Тогда Балтаевъ, вѣроятно изъ приличія, сталъ настаивать на томъ, чтобы мы приняли кургашекъ. Мы отрѣзали ему большой кусокъ ситцу, стоющій гораздо больше, взяли кургашекъ и отдали ихъ казакамъ. Балтаевъ зардѣлся отъ удовольствія и объявилъ, что подарокъ принимаетъ, потому что это все равно, что царскій подарокъ (!), однако, согласно этикету, существующему для важнаго азіата и не взглянулъ на ситецъ, а съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ какъ бы отбросилъ его къ своему слугѣ, приказавъ взять съ собой домой.

— Вотъ я былъ у васъ, это знаютъ мои родичи, пріѣду домой, они начнутъ разспрашивать. Что имъ сказать?

— «Скажите, что Государь, заботясь обо всей Россіи, рѣшился устроить степи на счастье киргизскаго народа. Онъ послалъ насъ съ тѣмъ, чтобы, изучивши на мѣстѣ, какъ живутъ киргизы, мы доложили ему объ этомъ черезъ высшихъ чиновниковъ и Государь послѣ устроитъ степь такъ, чтобы сильный какъ можно меньше обижалъ слабаго, чтобы власти могли дѣйствовать только по закону, чтобы судъ у васъ былъ справедливъ и чтобы вездѣ было покойно».

Азіатъ, выслушавъ насъ, усмѣхнулся.

Табулгинъ поѣхалъ сегодня къ свояченицѣ, живущей недалеко и обязанъ нами пригласить въ Эмбинскій постъ помощника старшаго султана. Такъ какъ верблюды и лошади наняты нами всего до этого поста, то нужно подумать, чтобы намъ доставили средства на дальнѣйшій путь.

15-го іюля. Вчера мы дневали, чтобы дать отдыхъ людямъ и животнымъ. Сегодня въ половинѣ седьмого тронулись въ путь по направленію къ Эмбѣ. Переходъ не представлялъ ничего интереснаго. Мы обошли съ восточной стороны пески Уркачъ и поднялись на какой-то увалъ, съ вершины котораго открылась синяя линія небольшихъ Мугоджарскихъ горъ. Отдѣльныя вершины, поднимающіяся на возвышеніи, казались издалека какими-то волнами. Несмотря на незначительную высоту горъ, все-таки глазъ отдыхаетъ, все-таки степь разнообразится и становится легче на душѣ. Верстахъ въ десяти отъ ночлега вся окрестная часть степи, по крайней мѣрѣ, какъ кажется, начинаетъ понижаться къ сторонѣ Мугоджарскихъ горъ, т. е. лучше сказать къ руслу Эмбы.

Степь мѣстами довольно удобна для лошадей, потому что покрыта сноснымъ кипцемъ, только вся трава отъ сухого лѣта совершенно выгорѣла и кажется бурожелтаго цвѣта. Отъ излишней сухости травы, какъ намъ говорили киргизы, лошади худѣютъ. Значитъ здѣшнія лошади не поправлялись бы такъ быстро послѣ зимы, когда онѣ существуютъ впроголодь, еслибы круглый годъ ѣли сѣно. Иначе, сѣно не такъ питательно, какъ степная трава. Очень жалѣю, что я не химикъ и не могу разложить этихъ травъ.

Между нѣкоторыми увалами, во впадинахъ, гдѣ существуютъ колодцы, показывались аулы со своею оригинальною обстановкой. По косогорамъ носились косяки

коней, точно учащіеся эскадроны, поднимая облака далеко видной пыли. Густо сбившись въ тѣсную кучу пасется въ другой сторонѣ стадо барановъ. Около ауловъ на болѣе сочной травѣ бродитъ рогатый скотъ, а по сухимъ, повидимому, безплоднымъ мѣстамъ выступаютъ верблюды, далеко разбросавшіеся во всѣ стороны. Проѣзжая аулами, слышишь запахъ навоза и еще собственный аульный запахъ, происходящій, вѣроятно, отъ дыма кизяка. Когда проѣдешь, изъ юртъ высыпетъ цѣлая куча совершенно голыхъ дѣтей и уставится, подъ предводительствомъ своей матери, съ тупымъ вниманіемъ на проѣзжихъ. Стороною поскачетъ всадникъ, вѣроятно, съ «хабаромъ», въ ближайшій аулъ. Около будто заигрывая съ нашими усталыми лошадьми, долго бѣжитъ косякъ изъ аула или верблюдъ, покуда ихъ не прогонятъ домой казаки; а потомъ опять пустыня, жаръ, несносное однообразіе, тоска, отъ которой не знаешь куда дѣться.

Сегодня опять видѣли много сайгаковъ. Они подпускали гораздо ближе, напримѣръ шаговъ на триста, четыреста. По степи попархивали большія стада степныхъ рябчиковъ такого же точно рода, какихъ я убилъ въ прошломъ году на рѣкѣ Лепсѣ. Тѣ же характеристическіе, далеко слышные крики, та же быстрота полета и тотъ же трескъ, съ которымъ они срывались. Я сдѣлалъ по нимъ два промаха. Смотря на этихъ рябчиковъ, я вспомнилъ другое, гораздо болѣе веселое и лучшее время, проведенное близъ Лепсы.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались далѣе, Мугоджарскія горы становились видны яснѣе. По покатостямъ ихъ можно было разсмотрѣть желтовато-сѣрыя пространства, лишенныя растительности. Пустынный подъемъ мѣстности, покрытый скудною растительностью, шелъ къ нимъ вверхъ отъ долины Эмбы. Безотрадна и грустна вся эта картина!

На ночлегъ мы остановились на берегу Эмбы въ аулѣ киргизовъ Чеклинскаго рода. Въ аулѣ этомъ былъ одинъ только мужчина, всѣ же остальные уѣхали въ Оренбургъ на «базарчи», мѣновой дворъ. Киргизы Оренбургскаго вѣдомства ѣздятъ за всѣмъ имъ необходимымъ на линію. Киргизы Западной и Средней части ѣздятъ для этихъ закупокъ въ Оренбургъ, Восточной—въ Троицкъ. Для поѣздокъ они выбираютъ время, когда лѣтовки ихъ рода находятся въ ближайшемъ разстояніи отъ сказанныхъ пунктовъ. Тогда родичи отдаютъ ѣдущимъ кошмы, шерсть баранью и верблюжью, армячину, мерлушки, кожи и всѣ предметы киргизскаго производства, также скотъ, поручая имъ купить на мѣновомъ дворѣ все нужное.

Отсутствіе поселеній внутри степей должно вести къ тому, что сами киргизы пріѣзжаютъ на линію за всѣмъ имъ нужнымъ. Недостатокъ безопасности не дозволяетъ купцамъ, которые въ Сибири живутъ въ колоніяхъ, находящихся въ степи, рисковать своимъ капиталомъ. Все это, вмѣстѣ съ недостаткомъ путей сообщенія, должно было сдѣлать господами цѣнъ киргизовъ; купцы же, которые въ небольшомъ числѣ рискуютъ ѣздить въ степь, должны брать страховую премію за рискъ и никакъ не могутъ сбить цѣны.

Хотя, впрочемъ, эта непосредственная мѣна русскихъ съ кайсаками бывала чрезвычайно прибыльна и купцы наживались этимъ промысломъ въ самое короткое время, если умѣли взяться за дѣло. Кайсаки не привыкли имѣть дѣло съ честными купцами и на прямыхъ чистыхъ оборотахъ, которые они сами въ состояніи разсчитать по пальцамъ, барышъ съ ними невеликъ. Надобно всегда отпускать имъ товаръ впередъ, на сроки, дѣлать условія на случай неустойки, пользоваться ею, торговаться всегда только на ягнятъ и оставлять ихъ до осени для паствы у нихъ же и получать осенью, когда приходитъ время

отправлять гурты, вмѣсто ягнятъ, жирныхъ барановъ. Этотъ простой расчетъ всегда удавался и барышники наши весьма нерѣдко получали рубль на рубль.

Далѣе, киргизы, пріѣзжая въ Оренбургъ или Троицкъ, берутъ тамъ только тѣ товары, которые имъ нужны. Оттого ихъ потребности не могутъ расширяться; они не станутъ въ зависимость отъ русскихъ купповъ и не будутъ покупать произведенія лишнія на русскомъ рынкѣ. А если желать развитія нашей торговли со степью, то только для того, чтобы русскія фабрики имѣли вѣрный сбытъ своимъ негоднымъ произведеніямъ. Вслѣдствіе продолжительныхъ усилій необразованнаго и непонимающаго нашего начальства въ Оренбургѣ, наша торговля со степью поставлена въ пассивное положеніе. Искусственно здѣсь произвели то, что къ величайшему нашему вреду съ нами дѣлаютъ англичане въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Они привозятъ къ намъ все, что имъ ненужно и берутъ все, что имъ необходимо, т. е. ведутъ активную торговлю и къ купеческимъ доходамъ присоединяютъ фрахтовую цѣну. Любопытно то, что Перовскій смотрѣлъ на киргизскую степь, какъ на русскій скотный дворъ и не устраивалъ колоній въ степи ради пользы Россіи, т. е., чтобы не стѣснять скотоводства! Скоро ли наши власти будутъ догадливѣе?

16-го іюля. Цѣлый день шли по берегу Эмбы, которая извивалась узкою ленточкою по широкому песчаному руслу. Берега, ограничивающіе это русло, большею частью состоятъ изъ песку и довольно обрывисты. Мы поднимались и опускались по пустыннымъ щебенистымъ увалamъ, почти совершенно лишеннымъ растительности. На правомъ берегу, по которому мы шли, мѣстность тоже стала всхалмливаться. Верстахъ въ десяти или пятнадцати отъ ночлега, на правой рукѣ, осталась высокая гора, съ обрывистыми странными покатостями, точно

это были контрфорсы большой разрушенной, заброшенной и обезлюдѣвшей крѣпости. Кое-гдѣ по холмамъ сидѣли большіе орлы-стервятки. Распустивъ крылья, раскрывъ клювъ и присѣвъ къ землѣ, они тяжело дышали отъ утомительнаго, палящаго зноя. Стада степныхъ рябчиковъ бѣгали по пустынѣ или барахтались въ пыли солончаковъ, будто какіе-то пыльные комья. Кое-гдѣ виднѣлись убѣгающіе сайгаки. Несмотря на то, окрестность смотрѣла уныло и навѣвала тоску. Одряхлѣвшая природа Азіи сказывалась здѣсь во всемъ своемъ старческомъ безобразіи.

Къ довершенію тоски, съ юго-востока началъ дуть горячій вѣтеръ. Впечатлѣніе, имъ производимое, похоже на то, которое испытываешь, стоя у устья шахтной печи. Не знаешь, куда дѣть лицо и самого себя и какъ усѣсться на сѣдлѣ, чтобы жгучій вѣтеръ производилъ бы поменьше страданія. Лошадь нужно было вести на строгомъ поводу, чтобы заставить идти впередъ, а то за каждымъ шагомъ она норовила повернуться назадъ. Я обернулся. Весь конвой наклонилъ голову противу палящаго вѣтра, чтобы скрыть отъ него лицо и ротъ. Вѣтеръ усиливался весьма быстро и обратился въ цѣлую горячую бурю. Мы съ трудомъ подвигались впередъ. Я началъ весьма сильно страдать отъ жажды. Мѣстами не видно было свѣта Божія: горячій вѣтеръ, срывая песокъ съ береговъ и отмелей Эмбы, несъ его по степи, застилая имъ далекое пространство степи. Видъ аула, раскинувшагося впереди на берегу Эмбы, произвелъ магическое дѣйствіе: и лошади, и люди ободрились.

Мы дѣлали привалъ на лѣвомъ берегу рѣки, такъ какъ въ части аула, расположенной на правомъ, насъ встрѣтили далеко не гостепріимно. По обычаю мы начали разспрашивать хозяина и набравшихся въ его юрту другихъ киргизовъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ; но такъ какъ хозяинъ оказался очень состоятельнымъ человѣ-

комъ, то, вѣроятно, по чувству консерватизма, сталъ лгать на каждомъ словѣ. Мы привыкли ужъ къ тому, что богатые киргизы не говорятъ ни слова правды русскимъ, поэтому побились немного и бросили. Впрочемъ, какъ самъ хозяинъ, такъ и его гости усердно пили нашъ чай и осушили его цѣлый чайникъ.

Послѣ привала мы отправились далѣе. Горячій вѣтеръ не унимался, но теперь, какъ мы, такъ и всѣ казаки были налиты большимъ количествомъ воды и шли бодрѣе. Лошадямъ только приходилось круто. Поить ихъ нельзя было на привалѣ, а тутъ на каждомъ шагу нужно было спускаться въ глубокія промоины и подниматься изъ нихъ. Эти промоины шли отъ высотъ, тянущихся правѣе насъ къ Эмбѣ.

Вскорѣ мое вниманіе занялъ вотъ какой фактъ: сильный вѣтеръ дулъ съ юго-востока, между тѣмъ черныя тучи надвигались съ юга и косой ливень на горизонтѣ шелъ навстрѣчу къ сильному вѣтру. И я, и Г—ій обратили на это вниманіе и стали слѣдить за надвигающеюся грозой. Когда гроза охватила уже почти четверть горизонта, подвигаясь прямо на востокъ, дождь, шедшій изъ тучи, перемѣнилъ свое направленіе тамъ, гдѣ пришелъ въ соприкосновеніе съ горячимъ вѣтромъ и пошелъ будто навстрѣчу другому дождю, наклонному подъ вліяніемъ южнаго вѣтра. Изъ самой середины тучи дождь падалъ вертикально. Впрочемъ, можно было замѣтить, что вѣтеръ, надвигавшій тучу, былъ очень силенъ, потому что дождь, падавшій подъ его вліяніемъ, шелъ меньше, чѣмъ подъ угломъ въ 40 градусовъ, тогда какъ тотъ, который падалъ съ восточной окраины тучи, шелъ гораздо тупѣе. Туча все надвигалась съ юга, охватывая весь горизонтъ, между тѣмъ какъ юго-восточный горячій порывистый вѣтеръ продолжалъ дуть съ прежнею силою. Вдругъ наступила тишина и повѣяло прохладой, потомъ совершенно неожиданно

рванулъ холодный сравнительно юго-восточный вѣтеръ и песокъ понесся въ другую сторону. Гроза надвигалась очень быстро.

Мы остановились близъ одного аула, гдѣ давно уже ожидали насъ верблюды. Люди наши поторопились разбить джуламейку. Едва они окончили свою работу, какъ нѣсколько крупныхъ капель дождя застучало по войлоку, а молнія прорѣзала тучу. Къ счастью, что джуламейка была разбита подъ самою горою такъ, что прикрывалась ею отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, иначе ее бы снесло. Когда дождикъ прошелъ, воздухъ до того сталъ свѣжъ, что я надѣлъ лисій бешметъ, а между тѣмъ часа три тому назадъ было не менѣе 50 градусовъ жары. Зато теперь степь будто оживилась. Вѣтеръ доносилъ издалека тонкій ароматъ отъ выдыханій разнаго рода степныхъ травъ. Я долго ходилъ около юрты, хотя солнце начало уже садиться.

Нашъ ночлегъ былъ недалеко отъ могилы киргиза Тлеумбетя. Около былъ расположенъ аулъ какого-то султана, близъ котораго ходилъ большой табунъ очень хорошихъ и сытыхъ лошадей. Вечеромъ къ тому же аулу пригнали очень большое стадо овецъ для доенія. Видно, что хозяинъ человѣкъ богатый. Хотя изъ этого аула Бигулову привозили кумысъ, однако самъ владѣтель аула не сдѣлалъ намъ чести своимъ высокостепеннымъ султанскимъ посѣщеніемъ.

17-го іюля. Выѣхали въ половинѣ восьмого по направленію къ Эмбинскому посту. Сначала дорога была такъ же пустынна, какъ и вчера, но послѣ долина Эмбы стала смотрѣть веселѣе. Около русла ея стала появляться зеленая трава; кое-гдѣ въ логахъ попадались мѣста, удобныя для сѣнокосовъ. По лѣвому берегу въ одномъ мѣстѣ поднялась довольно высокая гора. Проѣхавъ верстъ

десять, мы заѣхали на привалъ въ аулъ, лежащій на правомъ берегу Эмбы.

Хозяинъ юрты, въ которую мы вошли, Чеклинскаго рода Джикѣева отдѣленія. Онъ уже давно сидитъ на одномъ мѣстѣ, оберегая луга, на которыхъ находится его зимовка. Кочуетъ только кругомъ нея, и въ теченіе сорока лѣтъ постоянной жизни на одномъ и томъ же мѣстѣ отвыкъ, какъ говорилъ, отъ дальнихъ кочевокъ. При томъ же находитъ, что кочевать на далекое разстояніе сопряжено со многими невыгодами.

Послѣ чаю мы поѣхали рысью. Дорога пролегала сначала по пескамъ, заросшимъ, впрочемъ, хорошею травою, въ особенности чіемъ, любимымъ кормомъ верблюдовъ. Немного далѣе растительность становится гуще, разнообразнѣе и выше. Кое гдѣ виднѣлись зимовки киргизовъ со стогами скошеннаго сѣна, сложеннаго невдалекѣ. Стадъ намъ попадалось мало; трава не была потравлена; вѣроятно, всѣ эти мѣста сохранены для зимы. Мы все время ѣхали рысью. Изъ густыхъ кустовъ чія безпрерывно вспархивали совы и мышеловы. Обогнавъ своихъ верблюдовъ, мы продолжали ѣхать рысью. Налѣво, гдѣ осталась Эмба, тянулось ровное возвышеніе, которое начало подниматься выше и разбиваться оврагами на отдѣльныя возвышенія. Здѣсь недалеко отъ рѣки мы увидѣли большую «молла», могилу, построенную надъ прахомъ одного богатаго киргиза. Куполъ сдѣланъ изъ обожженнаго кирпича и довольно значителенъ. Памятникъ оштукатуренъ. Этотъ памятникъ, какъ намъ говорили, сдѣланъ рабочими, нарочно для того выписанными изъ среднеазіатскихъ Аѳинъ—Бухары.

Когда мы проѣхали верстъ девять или десять отъ мѣста привала, то вдали, на очень большой сравнительно съ окружающею мѣстностью высотѣ, показались зданія Эмбинскаго поста. Онъ виденъ издалека. Про-

ѣхавъ сперва довольно хорошими луговыми мѣстами и, по переѣздѣ черезъ Эмбу, поднявшись на высокій лѣвый берегъ, наконецъ проѣхавъ мимо значительныхъ высотъ, отступающихъ вблизи поста отъ рѣки, мы очутились подъ высокимъ холмомъ, на которомъ построено укрѣпленіе. Подъ нимъ паслось много верблюдовъ среди синихъ цвѣтовъ тамаръ-баяу. Мы съ намѣреніемъ стали карабкаться на гору не по колесной дорогѣ, которая огибала гору, а прямо по тропинкѣ. Гора здѣсь такъ крута, что лошади едва шли и сѣдло съѣзжало на хвостъ. Взобравшись на самый верхъ, мы неожиданно увидѣли передъ собою валъ и ровъ почти долговременныхъ профилей. Изъ-за вала выглядывали плоскія крыши казармъ и зданій укрѣпленія. Перейдя съ трудомъ по зыбкимъ помосткамъ черезъ глубокій ровъ, мы очутились на площадкѣ, обстрѣливаемой съ вала, черезъ который смотрѣли двѣ пушки. Мы взошли въ самое укрѣпленіе. У входа въ него къ намъ, лучше сказать къ Г-му, подошли съ рапортомъ одинъ за другимъ два офицера, оба въ войлочныхъ шляпахъ, но въ мундирахъ. Одинъ, капитанъ, комендантъ, былъ пьянѣе водки; другой — начальникъ пѣшей команды — болѣе благообразенъ. Они указали намъ квартиру въ ставкѣ султана-правителя. Мы расположились на отдыхъ. Обѣдали у начальника пѣшей команды, поручика Сусанина, выслужившагося изъ рядовыхъ. Онъ самъ и семейство его—люди простые и добрые.

18-го іюля. Сегодня рано утромъ ѣздили съ Сусанинымъ на огороды укрѣпленія. Они расположены недалеко отъ изгиба Эмбы подъ покатостью, изъ которой бьетъ нѣсколько родниковъ холодной и чистой воды. Тутъ же отличный сѣнокосъ. На огородахъ посѣяны всякіе овощи, арбузы и дыни. Овощи, какъ говорилъ Сусанинъ, очень хороши. Впрочемъ, въ этомъ я могъ

убѣдиться вчера за обѣдомъ. Урожай при помощи поливки изъ родниковъ всегда очень хорошъ. Сѣнокосъ тоже хорошъ. Въ этомъ году, несмотря на очень сухое лѣто, надѣются накосить десять тысячъ пудовъ сѣна; въ прошломъ же сложили въ стога тридцать тысячъ. Сѣнокосныя мѣста идутъ длинною полосою подъ увалomъ, изъ котораго бьютъ ключи. Они шириною шаговъ въ двѣсти, а длиною въ семь верстъ, но на этомъ пространствѣ попадаются киргизскія зимовки, расположенныя здѣсь весьма часто, почти на каждой верстѣ. Противъ зимовокъ оставляютъ некошеннымъ необходимое для хозяина количество травъ. Зимою же киргизскій скотъ тебенюетъ по всему луговому мѣсту. Женатые нижніе чины, равно какъ всѣ офицеры, имѣютъ въ огородахъ особенные участки. У огородовъ есть землянки, въ которыхъ живутъ сторожа. Пространство между горою, на которой стоитъ укрѣпленіе и огородами ровно. Грунтъ земли твердый и не солонцеватый. Эмба и всѣ угодья подъ руками.

Теперь является вопросъ: отчего укрѣпленіе, если только оно нужно, не поставлено тутъ, а на Голгофѣ? Эта гора, какъ сказано выше, очень крута. Мертвый уголъ величиною въ дальній батарейный выстрѣлъ; слѣдовательно, гора, даже съ чисто военной стороны, только должна была пугать, но не содѣйствовать приближенію непріятеля, если бы онъ только могъ взяться откуда-нибудь. Съ восточной стороны приближаться къ укрѣпленію удобно. Воды въ укрѣпленіи нѣтъ, а ее берутъ либо въ Эмбѣ, либо за три версты въ родникахъ, что близъ огородовъ (въ Эмбѣ вода немного солоновата). Колодцы, которые рыли при заложеніи укрѣпленія, въ 1862 году, у подножія горы не дали воды, хотя вырыли саженъ семь. Если укрѣпленіе строилось въ чаяніи нападенія сильнаго непріятеля, какъ оно видно по постройкѣ, то отчего полковникъ генераль-

наго штаба Дандевиль, выбиравшій мѣсто подъ укрѣпленіе и пользовавшійся репутаціей знатока киргизской степи, не позаботился о водѣ? Если же укрѣпленіе не имѣло исключительно военной цѣли, то зачѣмъ было его громоздить на гору? И противъ кого? Киргизы-ли такъ опасны, что противъ нихъ понадобились долговременныя профили и гора въ тридцать девять саженъ высотою, или хивинцы? И тѣ, и другіе, какъ воины, болѣе чѣмъ безопасны. Сотня Сѣрова подъ Иканомъ оборонялась противъ четырнадцати тысячъ кокандскихъ сарбазовъ и могла обороняться, слѣдовательно, противъ ста тысячъ киргизовъ и иррегулярныхъ туранцевъ. Чего же было Дандевилю, нынѣ генералу, проникаться оборонительными мыслями? На горѣ въ тридцать девять саженъ высотою, гдѣ построено укрѣпленіе, лѣтомъ свирѣпствуютъ бури, бросающія въ окна гальки и щебень; когда пойдетъ дождь, солонцоватая почва распускается и подъемъ на гору едва возможенъ. Зимою свирѣпствуютъ постоянные бураны, когда внизу совершенно тихо. По цѣлымъ недѣлямъ, какъ намъ тутъ разсказывали, бываетъ невидно свѣта Божія. Часовые, разставляемые у стоговъ сѣна и бунтовъ хлѣба, расположенные въ сотнѣ шаговъ отъ вала, идя туда, блудили, такъ что они оріентировались на непрерывный звонъ колокольчика, находящагося въ укрѣпленіи. За то на горѣ очень много тарантуловъ, скорпіоновъ и фалангъ.

Сусанинъ разсказывалъ намъ, что осенью онъ ежегодно ѣздитъ на мѣсто бывшаго укрѣпленія Эмбинскаго, построеннаго при походѣ Перовскаго и разрушеннаго при отступленіи русскихъ. Тамъ очень много кабановъ и рыбы. Кабаны на ночь приходятъ въ луга, а съ разсвѣтомъ уходятъ въ барханы. Тамъ ихъ ловили верхами, кололи пиками и стрѣляли. Рыбы черной у того мѣста тоже очень много въ рѣкѣ Якши-Яте (Аты-

Джаксы), впадающей въ Эмбу. Рѣка эта мѣстами очень глубока, будетъ саженъ въ пять. Сусанинъ говорилъ, что мѣсто, гдѣ Перовскимъ была выстроена крѣпость, благодатное. Огромные покосы тянутся на большое разстояніе. Трава чисто луговая. Камышей на топливо пропасть. Рыбы и звѣря много. Мѣстъ подъ огороды много и они подъ бокомъ. Отчего же Дандевиль не выбралъ этого мѣста?

Эмбинскій постъ построенъ для охраны ставки султана-правителя. По инструкціи, данной коменданту, онъ на этомъ основаніи совершенно ему подчиненъ. Только на 1862 годъ, когда султанъ долженъ былъ еще зимовать въ Изобильной станицѣ, власть коменданта была расширена. Но и это расширеніе власти ему предоставлено подъ нелѣпыми условіями: «въ случаѣ какихъ-либо покушеній со стороны хищническихъ шаекъ разрѣшается вамъ дѣйствовать силою оружія, но только въ крайнемъ случаѣ и отнюдь не наступательно, а оборонительно» (предписаніе начальнику предполагаемаго Эмбинскаго поста 14 мая 1862 года № 1490). Что значитъ дѣйствовать оборонительно, но отнюдь не наступательно противъ дикой орды? Блажени миротворцы, яко тіи глупцами нарекутся! Съ того же времени, какъ укрѣпленіе создается, комендантъ долженъ былъ только исполнять приказаніе ордынскихъ властей, самъ же лично не имѣлъ права поддерживать честь и значеніе русскаго имени.

Изъ любопытной инструкціи коменданта и разсказовъ какъ самого коменданта, такъ и Сусанина, видно, что: во 1) оренбургскія власти преувеличиваютъ значеніе и силу киргизъ; во 2) русскія власти тщательно выгорожены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла киргизъ и въ 3) добросовѣстность султана-правителя поставлена внѣ всякаго контроля.

Первое обстоятельство легко объясняется. Это за-

стывшій надолго страхъ неудачи Перовскаго. Результатомъ этого похода была ложно-сознанная необходимость управлять киргизами помощью довѣренныхъ лицъ изъ ордынцевъ же. Такъ какъ послѣдніе, какъ искусственныя созданія, которыя и боялись, и не получали русскую фактическую помощь, были предоставлены себѣ, то, конечно, они не могли имѣть ни силы, ни значенія. Постоянные безпорядки въ ордѣ принимались не за результатъ дурной организаціи, а за условіе sine qua non существованія киргизовъ. Въ случаяхъ дерзости, выходящей изъ ряда обыкновенныхъ, посылались отряды, выданные головою трусливому, необразованному и обыкновенно бездарному дикарю, который либо терпѣлъ неудачи, либо намѣренно, либо чистосердечно преувеличивалъ опасности, возводя ссоры въ своемъ муравейникѣ въ государственныя дѣла. Между тѣмъ, исходя съ точки зрѣнія Перовскаго и его преемниковъ, наши генералъ-губернаторы, чтобы не раздражить ордынскихъ властей, не посылали въ степь русскихъ чиновниковъ. Наконецъ и самая посылка ихъ шла бы въ разладъ съ принятою здѣсь системою управленія. Въ результатѣ власти наши должны были вѣрить всей лжи ордынскихъ властей и идти у нихъ на поводу. Отъ одного этого и отъ того еще, что киргизы не могли видѣть и познакомиться съ русскою властью, они должны были стать дѣйствительно дерзкими и не стѣснялись существовать, какъ прежде, разбойничьими традиціями. Не измѣняя системы управленія, генералъ-губернаторы должны были затрудняться и не находить средствъ къ погашенію безпорядковъ. Оттого здѣсь возможно существованіе политическихъ привидѣній, въ дѣйствительности не существующихъ. Оттого же, вмѣсто русскихъ колоній въ степи, строятъ чуть не крѣпости, воздвигнутыя во вкусѣ Кенигштейна. Можетъ быть оттого же самъ гарнизонъ, повинуясь импульсіи свыше, тоже говоритъ

про возможность какихъ-то нападеній со стороны киргизовъ или хивинцевъ, не знаю уже.

Второе обстоятельство есть слѣдствіе перваго. Какъ только система управленія посредствомъ султановъ-правителей признана была необходимою, логически было освободить ихъ отъ вмѣшательства въ ордынскія дѣла русскихъ чиновниковъ. Боясь столкновеній и насилія со стороны русскихъ и преимущественно военныхъ, Оренбургское правительство довело дѣло до позорной крайности и подчинило ихъ всецѣло ордынцамъ. Этимъ правительство отняло у себя всякую надежную опору и освободило султановъ отъ всякаго контроля. Послѣ того выгоды султана требовали, чтобы, обвиняя русскихъ во всемъ дурномъ, что дѣлали первые, стараться ревниво охранять свою власть.

Вслѣдствіе всего сказаннаго степь Оренбургскаго вѣдомства, какъ вѣрно, но наивно, говорилъ въ Петербургѣ, прощаясь съ нами, нынѣшній генералъ-губернаторъ, Крыжановскій, для русскихъ—terra incognita. Оттого, вѣроятно, происходитъ убѣжденіе въ томъ, что колонизація степи невозможна. Послѣ того какъ нельзя болѣе логично придавать русскимъ колоніямъ характеръ чисто военныхъ укрѣпленій, будто мѣстность, среди которой они построены, населена чеченцами или апахами. Укрѣпленія эти, будучи выгорожены отъ участія въ успокоеніи степи и не будучи въ состояніи служить пунктами, гдѣ русское населеніе сближалось бы съ киргизскимъ, ни по характеру мѣстности, на которой они построены, ни по духу и направленію гарнизона, не приносятъ никакой пользы, рѣшительно ни малѣйшей пользы, несмотря на огромныя суммы, потраченныя на ихъ сооруженія.

Сегодня обѣдали у Сусанина. Я весь обѣдъ подсмѣивался надъ комендантомъ укрѣпленія, Заборовскимъ, по поводу его Гибралтара и спрашивалъ, что онъ будетъ дѣлать, если хивинская артиллерія, разгромивъ

стѣны его укрѣпленій и подойдя ко рву правильной осадой, отрѣжетъ у него Эмбу. Всѣ смѣялись, даже пріѣхавшій сюда іеромонахъ, который разсуждалъ о значеніи Эмбинскаго поста, конечно, гораздо лучше творца его, полковника Дандевиля.

19—20-го іюля. Либо нужно, чтобы въ степи не было и духа русскаго, либо необходимо, чтобы русскій человѣкъ имѣлъ значеніе. Это положеніе тѣмъ болѣе вѣрно, что чѣмъ больше будутъ бояться и уважать каждаго русскаго въ отдѣльности, тѣмъ сильнѣе будетъ правительство и тѣмъ больше оно будетъ имѣть значенія. Какъ нельзя болѣе противоестественна система, ставящая здѣсь русскихъ въ фальшивое положеніе. Уваженіе къ русскому имени явится сейчасъ же, какъ только въ разныхъ пунктахъ явятся поселенія не укрѣпленныя, но способныя служить базисами нашимъ отрядамъ, которые бы энергически поддерживали въ степи покой. Тогда же разовьется и торговля. Только одинъ участокъ мѣстности потребуетъ пока образованія одного или двухъ пунктовъ, въ которыхъ должны будутъ стоять войска, но едва ли здѣсь возможно будетъ устроить постоянное укрѣпленіе—это пространство между устьемъ Эмбы и сѣверо-восточнымъ угломъ Аральскаго моря. Но здѣсь укрѣпленіе необходимо, иначе Западная часть не будетъ успокоена. Кромѣ укрѣпленія для поддержанія страха между киргизами, зимующими тамъ, всѣ остальныя русскія поселенія могутъ и должны имѣть характеръ поселеній, способныхъ охранять сами себя, но назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть опорные пункты въ степи для развитія торговли и военныхъ цѣлей.

Если допустить, что, согласно нашей (моей и Г—го) запискѣ, поданной военному министру, вся киргизская степь будетъ раздѣлена на губерніи и округа, то въ Западной части придется образовать до пяти поселеній,

въ которыхъ могли бы жить окружные начальники и стоять по сотнѣ казаковъ. Пункты могутъ быть выбраны на слѣдующихъ мѣстахъ, которыя сами киргизы признаютъ способными для осѣдлой жизни по богатству и производительности мѣстности: верхній Илекъ, Большая Хобда, Ушва, Калдагайты, озеро Челкаръ, Уилъ, близъ урочища Джумуткалы, постъ Эмбинскій (считая восточную границу Уральской губерніи по Мугоджарскимъ горамъ), бывшее укрѣпленіе Чушка-Кульское, мѣсто бывшаго укрѣпленія Эмбинскаго, у устья рѣки Аты-Джакеве (сорокъ верстъ отъ Эмбинскаго поста), рѣка Чеганъ. Для полноты недостаетъ только пункта у низовьевъ Эмбы, гдѣ-нибудь около низовьевъ Тентякъ-Сора. Выборъ довольно великъ; слѣдовательно, администрація можетъ быть здѣсь твердо поставлена.

Все-таки однако поселенія должны служить соединительнымъ звеномъ между Россіей и правительствомъ съ одной стороны и киргизами съ другой. Здѣсь, судя по Эмбинскому посту, другой взглядъ на то, какой характеръ должны имѣть русскія колоніи въ степи. Дѣло доходитъ даже до смѣшного. Ни одного киргиза не пускаютъ дальше высокой вѣхи, поставленной шагахъ въ трехстахъ отъ крѣпости, по направленію на юго-востокъ. Здѣсь киргизъ долженъ привязать свою лошадь и идти въ крѣпость пѣшкомъ: боятся, изволите видѣть, сибирской язвы. Этакіе скотолюбцы! А людей и русскихъ не боятся морить. Женамъ солдатъ прежній комендантъ не дозволялъ брать воду, привозимую въ крѣпость на двухъ парахъ воловъ, имѣющихся въ крѣпости. Онѣ принуждены были таскать воду на себѣ. Фельдшеръ говорилъ намъ, что этому обстоятельству онъ приписываетъ то, что изъ десяти младенцевъ, родившихся въ крѣпости въ 1866 году, два младенца родились мертвыми, а четыре умерли сейчасъ послѣ родовъ. Бывшій же комендантъ приказалъ женамъ помѣ-

щаться въ общей казармѣ и только инспектировавшій въ прошломъ году постъ инженеръ подполковникъ Шлейферъ приказалъ перевести ихъ во флигеля, назначенные подъ канцелярію султана-правителя и для пріѣзжихъ киргизовъ. А то до тѣхъ поръ тѣ женатые, которые не могли построить своихъ хатокъ (для чего имъ отведена западная покатость Голгофы), должны были тѣсниться въ общихъ казармахъ. Мы были въ двухъ хаткахъ женатыхъ. Лѣпятся онѣ кое-какъ на крутомъ спускѣ. Жалуются бабы, что далеко до огородовъ и воды. Имѣютъ кое-какую скотинку и куръ.

Какъ я говорилъ выше, Эмбинскій постъ долженъ охранять ставку султана-правителя. Она, эта ставка, и выстроена вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ четыре года тому назадъ. Резиденція султана пространна. Зданіе, какъ всѣ здѣшнія постройки, выстроено изъ сырцоваго кирпича. Восемь просторныхъ комнатъ и двѣ прихожія. Около зданія построены канцелярія султана, домъ для пріѣзжихъ киргизовъ, конюшня и еще два какихъ-то дома. Въ сложности все это стоило около десяти тысячъ рублей. Хотя лѣсъ для постройки (какъ и для всего укрѣпленія) возился изъ Оренбурга, однако цифра эта слишкомъ велика. Между тѣмъ, султанъ-правитель не живетъ здѣсь; да и былъ то въ Эмбинскомъ посту всего разъ. Къ чему же эти траты? Развѣ можетъ пригодиться для другой администраціи.

Творецъ укрѣпленія, Дандевиль, писалъ, выбравши мѣсто, что хозяйство укрѣпленія, луга и огороды будутъ, такъ сказать, подъ глазами укрѣпленія. Оно и вѣрно. Съ этой каланчи видны огороды и луга; глазъ видитъ, да зубъ нейметъ, такъ что же съ того проку. Въ 1864 году, кажется, Адаевскаго рода киргизъ Бутень угналъ сорокъ пять лошадей, пасшихся въ виду укрѣпленія, т. е. въ трехъ верстахъ, а эти лошади принадлежали казакамъ. Бутеня не наказали, а султанъ-прави-

тель Средней части, чтобы погасить непріятное дѣло, уговорилъ одного богача киргиза подарить казакамъ лошадей взамѣнъ украденныхъ. Такъ и сдѣлалось. Бутень, конечно, сталъ смѣлѣе и нападалъ на табунъ казаковъ, охранявшихъ топографа Зеленина, дѣлавшаго съемку немного ниже отъ Эмбинскаго укрѣпленія по Эмбѣ же. Но тутъ ему не посчастливилось. Казаки сѣли на вьючныхъ верблюдовъ и въ то время, какъ разбойники, попавши въ топи, не могли найти выхода, нагнали послѣднихъ. Въ свалкѣ, происшедшей тутъ, начальникъ шайки былъ убитъ. Вотъ этотъ-то случай напугалъ адаевцевъ, такъ что они пугаютъ теперь своихъ дѣтей именемъ русскаго. Казаки отняли всѣхъ своихъ лошадей, а киргизы, составлявшіе шайку Бутеня, разбѣжались.

Фельдшеръ принесъ сегодня нѣсколько окаменѣлостей, найденныхъ имъ на горѣ, на которой построено укрѣпленіе. Онѣ мнѣ показались очень интересными.

Доставленіе на постъ съ линіи писемъ производится помощью почтаря. Когда ѣздятъ офицеры, имъ назначается конвой. Это должно воспитывать въ киргизахъ хищническіе инстинкты и, если въ самомъ дѣлѣ кто рискнетъ поѣхать безъ конвоя, ихъ, вѣроятно, станетъ подмывать ограбить смѣльчака, тѣмъ болѣе, что здѣшніе киргизы вовсе не обузданы. Никакой власти надъ ними нѣтъ. Еще счастье, что, благодаря своему обычному праву и приверженности къ нему, киргизы успѣваютъ гасить мелкія ссоры, возникающія между ними. Русскихъ проѣзжихъ, какъ намъ пояснили, здѣсь не бываетъ; на насъ они посмотрѣли, какъ на жертву, которую можно эксплоатировать безнаказанно; оттого, благодаря несуществованію здѣсь властей, мы были у нихъ въ рукахъ. Впрочемъ, это случается, какъ намъ здѣсь разсказывали, со всѣми проѣзжими, которыхъ судьба забрасываетъ сюда. Намъ говорилъ Сусанинъ, что въ прошломъ году изъ областного правленія въ

постъ былъ посланъ эсаулъ султанъ Арунъ-Газы, изъ киргизовъ, для заключенія торговъ на поставку кокъпека [1]). Дорогу сюда онъ сдѣлалъ частью пѣшкомъ, а частью на верблюдѣ, по невозможности нанять лошадь. При торгахъ присутствовалъ управляющій. Вмѣсто того, чтобы облегчить правительство, онъ подговорилъ держать высокія цѣны съ тѣмъ, чтобы подрядъ оставить за собой. Однако одинъ киргизъ спустилъ цѣну. Это до того разсердило почтеннаго сардаря, что, по окончаніи торговъ, въ присутствіи коменданта и Арунъ-Газы, на квартирѣ послѣдняго, киргизъ, облеченный властью отъ нашего правительства, сталъ бить нагайкой киргиза, перебившаго у него подрядъ. Однако, чтобы отправить Арунъ-Газы на линію, онъ утащилъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ киргизамъ, изъ числа пріѣхавшихъ на торги. Послѣдніе не потерялись; схватились за нагайки и отбили своихъ лошадей. Подобныхъ безобразныхъ случаевъ насчитываютъ много.

Съ 1856 года въ здѣшнихъ мѣстахъ былъ извѣстенъ своими смѣлыми разбоями и грабежами киргизъ Чеклинскаго рода Каныбеть Четовъ, зимовавшій прежде у озера Талдыгара, гдѣ мы были. Въ 1859 году онъ угналъ даже съ линіи у Илецкихъ казаковъ пятьдесятъ лошадей, но былъ схваченъ и представленъ Тяфкину, правителю Западной части. Несмотря на репутацію Каныбетя, Тяфкинъ, вѣроятно за деньги, передалъ его на поручительство какому-то сардарю, который далъ ему возможность бѣжать. Послѣ того Каныбеть сталъ разбойничать уже такъ, что заслужилъ уваженіе киргизовъ и обратилъ на себя вниманіе Оренбурга. Онъ поселился на Усть-Уртѣ, завелъ связи съ Хивой и оттуда грабилъ середину нашей степи. Въ 1861 году султаны-правители Западной и Средней частей, Тяфкинъ и Бай-

[1]) Родъ топлива.—*Ред.*

Мугаметовъ, по приказанію изъ Оренбурга, двинулись съ отрядами на Усть-Уртъ. Султаны сошлись вмѣстѣ и дошли до горы Джиль-Тау, у подножія Усть-Урта. Здѣсь остановился Тяфкинъ. Бай-Мугаметовъ продолжалъ двигаться далѣе и дошелъ со своимъ отрядомъ до озера Асматай-Матай. Остановившись недалеко отъ него у обильнаго колодца, онъ послалъ еще далѣе впередъ шестьдесять казаковъ. Все это видимое усердіе оказалось, конечно, безплоднымъ. Султаны вернулись безъ успѣха. Въ 1864 году Каныбеть появился грабить въ окрестностяхъ Эмбинскаго поста, но здѣсь былъ схваченъ ограбленными имъ киргизами и представленъ коменданту. По конфирмаціи генерала Левенгофа, исправлявшаго тогда должность генералъ-губернатора, онъ и разстрѣлянъ гарнизономъ Эмбинскаго поста. Согласно обѣщанію, опубликованному въ степяхъ, поймавшимъ Каныбетя было выдано триста рублей. Они были этимъ недовольны. По разсказу коменданта и Сусанина, султанъ-правитель Бай-Мугаметовъ, еще подполковникъ нашей службы, призвалъ къ себѣ главнаго поимщика, трепалъ его за бороду и спрашивалъ, какъ онъ смѣлъ выдать Каныбетя русскимъ (?). И подобнымъ господамъ поручаются наши отряды!

Сегодня утромъ солдаты понатащили мнѣ цѣлую кучу отлично сохранившихся окаменѣлостей. При этомъ комендантъ объявилъ, что у него въ Оренбургѣ остался найденный имъ близъ Аральскаго моря окаменѣлый грибъ, а фельдшеръ, что онъ нашелъ у Иссенъ-Берды отлично сохранившуюся окаменѣлую ящерицу.

Послѣ обѣда Бійрюкъ началъ жаловаться на то, что адаевцы давно уже угнали у него лошадь, и что, несмотря на нѣсколько разъ повторенныя просьбы султанамъ-правителямъ, онъ не можетъ возвратить ея. При этомъ онъ разсказалъ, что въ давніе годы у табынцевъ, кочующихъ близъ линіи, къ которымъ принадлежитъ

и Бійрюкъ, чеклинцы угнали много скота. Табынцы жаловались всевозможнымъ властямъ и, не получивъ никакого удовлетворенія, начали барантовать скотъ у чеклинцевъ. Онъ, Бійрюкъ, участвовалъ въ барантахъ еще молодымъ человѣкомъ, оттого ему такъ хорошо и извѣстна дорога, по которой онъ насъ велъ до сихъ поръ. Бійрюкъ прибавилъ, что адаевцевъ, которые не даютъ никому покою, необходимо смирить. Это возбудило интересный разговоръ.

Адаевцы, какъ разсказывалъ Бійрюкъ, зимуютъ на Отрау, т. е. по берегу Каспійскаго моря отъ Иссенъ-Берды до Александровскаго порта и частью на Мангышлакѣ и Усть-Уртѣ. Почти по всему Усть-Урту есть разбросанные колодцы, выкладенные, по крайней мѣрѣ, по верхнему обводу, камнемъ. Киргизы говорятъ, что ихъ рыли ногаи. Глубина колодцевъ, по словамъ нѣкоторыхъ, очень велика—до сорока, пятидесяти саженъ. Впрочемъ на такія показанія нельзя полагаться; болѣе вѣроятія заслуживаютъ тѣ, которыя полагаютъ глубину колодцевъ Усть-Урта отъ пятнадцати до двадцати восьми саженъ. Воду изъ нихъ таскаютъ обыкновенно въ сабахъ, кожаныхъ мѣшкахъ, при посредствѣ верблюдовъ и лошадей. При колодцахъ имѣются каменныя колоды для водопоевъ. Двѣ тысячи головъ скота можно напоить, таская воду съ ранняго утра до полуночи. Восточнѣе адаевцевъ на Усть-Уртѣ зимуютъ чумышъ-табынцы. Оба рода имѣютъ свои пути при движеніи на лѣтовки. Адаевцы переходятъ Эмбу между Тентекъ-Соромъ и урочищемъ Кандараломъ. Подняться выше, западнѣе они не могутъ, потому что все пространство между Тентекъ-Соромъ и Каспійскимъ моремъ состоитъ изъ безплодной и весной непроходимо топкой солонцеватой пустыни. Восточнѣе Тентекъ-Сора есть цѣлая группа прѣсныхъ озеръ выше Иссенъ-Берды; самая Иссенъ-Берды очень богата луговыми мѣстами, но тамъ нельзя найти

хорошей воды и много оводовъ, слѣпней и комаровъ, дѣлающихъ содержаніе здѣсь скота затруднительнымъ. У сѣверной окраины Усть-Урта, въ трехъ верстахъ отъ вершины горы Джиль-Тау, гдѣ водится большое количество лисицъ и змѣй, есть большой резервуаръ прѣсной воды (кажется, Кара-Сай), въ семнадцать верстъ длиною. Табулгинъ, бывшій въ тѣхъ мѣстахъ съ Тяфкинымъ въ 1861 году, говоритъ, что вода очень вкусна и глубока. Бійрюкъ думаетъ, что возвести укрѣпленія можно въ обоихъ этихъ пунктахъ. Онъ говоритъ также, что до поздней зимы отрядъ нашихъ войскъ можетъ стоять у урочища Кандарала. Вода въ Эмбѣ въ этомъ мѣстѣ удобна для употребленія до поздняго лѣта. Если же не дозволить съ весны травить окрестную траву и рубить камышъ, то ключи, находящіеся у Кандарала, не пересохнутъ осенью, отчего даже эмбинская вода будетъ прѣсною. При существованіи отрядовъ близъ Тентекъ-Сора, Джиль-Тау или Кандарала, положеніе адаевцевъ, по мнѣнію Бійрюка, будетъ безвыходнымъ. Только нужно, какъ онъ говоритъ, дать имъ сначала перейти на лѣтовки черезъ Эмбу, а потомъ уже занять эти пункты или одинъ изъ нихъ, иначе они могутъ съ крайнею, правда, нуждою пролѣтовать въ пескахъ Каракумъ, гдѣ находится очень много колодцевъ, хотя и съ нехорошей, затхлой водою, и быть внѣ контроля нашихъ отрядовъ. Все это очень любопытно и полезно знать. Значитъ есть пункты для выбора мѣстопребыванія окружному начальнику того округа, который необходимо учредить на югѣ будущей Уральской губерніи. Значитъ адаевцы досягаемы и степь можетъ быть замкнута со стороны Усть-Урта, откуда исходятъ всѣ безпорядки.

21-го іюля. Часовъ въ восемь утра явились верховыя лошади и верблюды. Попрощавшись со всею публикою,

мы отправились въ путь, и, слава Богу, потому что зажились въ этомъ медвѣжьемъ углу. Комендантъ, начальники пѣхоты и кавалеріи и вся эмбинская сила провожали насъ. Спустившись съ восточной части горы, на которой расположено укрѣпленіе, смотрящее грозно до смѣшного для киргизовъ, комендантъ попрощался съ нами, предложивъ офицерамъ проводить насъ какъ можно далѣе. Сусанинъ и казачій эсаулъ дѣйствительно продолжали ѣхать съ нами. Дорога лежала по берегу Эмбы. Въ глубокихъ мѣстахъ, которыхъ вообще очень мало, виднѣлась крупная рыба. Было очень жарко.

Сайгакамъ, стада которыхъ безпрерывно носились въ виду нашемъ, время было идти на водопой. Сопровождавшіе насъ офицеры сдѣлали нѣсколько опытовъ охотничать за сайгаками и каждый разъ неудачно. Разъ нѣсколькимъ молодымъ сайгакамъ было дѣйствительно отрѣзано отступленіе отъ Эмбы, гдѣ они ходили. Казаки обскакали ихъ со всѣхъ сторонъ; только самый дальній не успѣлъ запереть имъ выходъ около Эмбы. Тутъ-то нужно было видѣть, какова ихъ быстрота. Давъ нѣсколько вертикальныхъ скачковъ и опустивъ морды чуть не до земли, сайгаки полетѣли, какъ пули, въ незанятое пространство и успѣли выскочить въ степь, несмотря на то, что казаки были далеко впереди ихъ.

Въ Эмбинскомъ посту, когда ѣздили на огороды, я замѣтилъ небольшую вырытую канавку, шедшую къ рѣкѣ, и полюбопытствовалъ узнать, зачѣмъ она вырыта. Вотъ что мнѣ разсказали: киргизы выкапываютъ двѣ небольшія канавки въ футъ или и того меньше глубиною, которыя сходятся подъ острымъ угломъ. Гдѣ канавки сближаются, ставятъ крѣпкіе камыши или колья, остріями наклонивши ихъ впередъ. Киргизы загоняютъ между канавокъ большое стадо сайгаковъ, заходящихъ иногда къ Эмбѣ разомъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ, и гонятъ ихъ впередъ. По странному свойству,

сайгакъ ни за что не перескочитъ черезъ искусственно-выкопанную канавку. Убѣгая отъ преслѣдованія во всю скачь, сайгакъ натыкается на штурмфалы, а эти животныя настолько нѣжны, что не могутъ бѣжать, какъ только видятъ на себѣ кровь.

Отъѣхавъ отъ поста верстъ десять, мы пили чай на берегу Эмбы, у одного прѣснаго озера. На привалѣ мы по пріятельски болтали съ офицерами, а потомъ, пожелавъ имъ всякаго успѣха, поѣхали своею дорогою. Съ какими только людьми ни приходится встрѣчаться во время этой командировки!

Путь лежалъ параллельно дорогѣ, сдѣланной отъ послѣдняго ночлега, не доѣзжая Эмбинскаго поста. По пути намъ попалось каменное зданіе изъ жженаго кирпича, выстроенное близъ Эмбы. Такое рѣдкостное явленіе возбудило наше вниманіе. Зданіе было покрыто камышемъ и окопано ровикомъ, вѣроятно, для стока воды. Внутри оказалось цѣлое стадо овецъ и козъ, спасающихся отъ жары. Проводникъ сказалъ, что это мечеть и вмѣстѣ съ тѣмъ школа, построенная однимъ киргизомъ Казаровскаго рода. Зимою въ зданіи живетъ мулла съ дѣтьми, которыхъ онъ учитъ, и тутъ же производятся молитвы. Несмотря на назначеніе дома, онъ имѣетъ видъ простого домика о трехъ окнахъ, безо всякаго купола и другихъ украшеній мечети. Такъ какъ кругомъ очень много зимовокъ, то зданіе, и какъ мечеть, и какъ училище, кажется, достигаетъ своей цѣли.

Остановились мы на ночлегъ близъ устья рѣки Джаманъ-Уркачъ. Покуда подошли наши верблюды, чай пился въ сосѣднемъ аулѣ, расположенномъ на той сторонѣ Эмбы. Распорядителями въ аулѣ оказались бабы, которыхъ мужья были по сосѣдству на покосѣ. Главная между ними, конечно, старуха, несмотря на недовѣріе къ намъ, которое выражается у киргизовъ желаніемъ скрыть свое состояніе, пояснила, что у нихъ состояніе

достаточное, что они, однако, кочуютъ здѣсь около своихъ зимовокъ, оберегая ихъ отъ потравъ.

Замѣчательный фактъ: въ Оренбургской степи очень много весьма достаточныхъ джетаковъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ двухъ причинъ: 1) киргизы, завладѣвшіе хорошими мѣстами, дорожатъ ими, какъ такими, которыя не находятся часто въ пустыняхъ здѣшней степи. При неурядицѣ, существующей тутъ, если бы кто изъ сильныхъ киргизовъ занялъ бы пустую, хотя и принадлежащую другому зимовку, съ нимъ нельзя было бы сладить болѣе слабому и 2) если зимовку не оберегать, она будетъ потравлена лѣтующими киргизами, такъ какъ въ Оренбургской степи не установилось еще въ народномъ сознаніи право на владѣніе зимовками.

Передъ закатомъ солнца ходилъ на охоту внизъ по Эмбѣ. Дичи по берегамъ множество. Дрохвы гуляли цѣлыми стадами на открытыхъ песчаныхъ берегахъ рѣки; впрочемъ, онѣ были очень осторожны. У киргизовъ, въ числѣ прочихъ свойствъ дикарей, существуетъ презрѣніе къ маленькому куску пищи. Хоть они и рѣжутъ баранину на дробныя части передъ тѣмъ, чтобы ѣсть ее, однако киргизы довольны сознаніемъ, что баранъ великъ. Краснокожіе Америки ѣдятъ бизоновъ и презираютъ все, что меньше. Дикихъ же индѣекъ, отличающихся самымъ нѣжнымъ вкусомъ, они стрѣляютъ только для европейскихъ путешественниковъ, сходящихся съ ними. Баранъ меньше бизона; вѣроятно, потому и киргизы очень охотно бьютъ дрохвъ—причина пугливости послѣднихъ. Говоря, что киргизы любятъ крупные куски, я не хочу этимъ сказать, чтобы они не съѣли маленькаго кусочка сухаря, но лишь бы послѣдній самъ попалъ имъ какимъ-нибудь образомъ въ ротъ.

Охотясь, я видѣлъ и даже неудачно стрѣлялъ по куликамъ-сорокамъ. Они на короткихъ красныхъ ногахъ; носъ красный, длинный; тѣло какъ у сороки. Эти ку-

лики сидятъ серьезно, неподвижно, будто думаютъ; точь-въ-точь киргизскіе мудрые аксакалы. Ихъ бы лучше назвать аксакалами, чѣмъ сороками, потому что не видѣвшій ихъ можетъ предположить въ нихъ сорочье вертопрашество.

22-го іюля. Выступили рано. Вдали синѣли Муго-джарскія горы, малая высота которыхъ, впрочемъ, была уже теперь замѣтная. По пути стали попадаться увалы, лищенные растительности; между скудною травою, рѣдкими кучками росшею по нимъ, были разсыпаны въ большомъ количествѣ мелкіе голыши, разноцвѣтные и весьма красивые. Этотъ каменистый песокъ (впрочемъ, состоящій изъ камешковъ въ четверть дюйма въ діаметрѣ), пестрѣющій кирпичнымъ желтымъ, краснымъ, бѣлымъ и чернымъ цвѣтами, вѣроятно, покупался бы очень хорошо въ Петербургѣ для посыпки дорожекъ въ паркахъ. Мѣстность, если исключить то, что она пустынна и усѣяна красивыми голышами, до того однообразна и лишена типичности, что отъ нея не осталось ничего больше въ воспоминаніяхъ.

Пили чай изъ какой-то лужи. Такихъ лужъ много въ окрестности и всѣ онѣ соединены между собою логомъ разнообразной глубины, свидѣтельствующимъ, что здѣсь когда-то протекала рѣка. Да и киргизы называютъ высохшее русло рѣкою Караганды, которая, впрочемъ, никогда не течетъ. Какая причина, что въ степяхъ встрѣчается столько руселъ высохшихъ рѣкъ? Дряхлость и старость ли это материка Азіи, дозволившая водамъ просочиться сквозь почву и течь на нѣкоторой глубинѣ или образовывать тамъ обширныя озера? или поднятіе середины Азіи, отчего сбѣжали на окраины всѣ рѣки, не имѣвшія источниковъ, обильныхъ водой?

Впрочемъ, и подобныя лужи разливаютъ кругомъ жизнь. Въ окрестностяхъ ихъ лежитъ очень много

помету всякаго рода четвероногихъ и птицъ. Вдали показывались стада сайгаковъ, ожидающихъ, вѣроятно, того времени, когда отъ лужи уйдутъ люди, чтобы придти къ ней на водопой. По берегамъ перепархивали птички; одну изъ нихъ чуть не схватилъ около насъ голодный ястребъ, прилетѣвшій тоже сюда за добычею.

Догадываясь о причинахъ оскудѣнія водъ въ Средней Азіи, я забылъ упомянуть про то, что здѣсь истребляются лѣса, тамъ, гдѣ они есть, и косятся по берегамъ камыши. По словамъ киргизовъ, стоитъ только лѣтомъ скосить камыши и съ одной стороны изсякаютъ ключи, находящіеся по берегамъ рѣкъ, а съ другой вода дѣлается соленою, не отъ того ли, что камыши для роста поглощаютъ много соли, какъ я гдѣ то читалъ? Во всякомъ случаѣ, это замѣчаніе важно.

Съ привала мы двинулись прямо на Мугоджарскія горы, которыя теперь виднѣлись довольно ясно и казались довольно красивыми. До нихъ шла ровная степь, все-таки совершенно безплодная и покрытая разноцвѣтнымъ щебнемъ. По сторонамъ мелькали убѣгающія сайгачьи стада, на которыхъ по проложеннымъ ими путямъ (тропинкамъ) киргизы ставятъ капканы. Почва у самыхъ горъ поднимается въ нѣсколько пологихъ сопокъ, увѣнчанныхъ каменными гребнями. Въ долинахъ между ними зеленѣла трава и ходило много скота. Это урочище называется Тасъ-Булакъ. Здѣсь мы и остановились ночевать, послѣ того какъ перешли очень топкій ручей прѣсной воды.

Аулъ, стоящій здѣсь, принадлежалъ роду Карабашевцевъ, родоначальникомъ которыхъ Исетъ Кутебаровъ, убійца Араслана, а нынѣ дистаночный начальникъ. Въ его дистанцію входятъ карабашевцы и кабаковцы. Съ первыми Исеть производилъ свои грабежи.

Мы вошли въ лучшую юрту. Карабашевцы кочуютъ,

кажется, въ Барсукахъ; во всякомъ случаѣ, хозяева юрты, въ которой мы были, хотѣли остаться на зимовку тутъ, у Тасъ-Булака. Узнавъ, кто мы такіе, киргизы стали просить дать имъ бумагу на право владѣнія Тасъ-Булакомъ и какъ мы ни отказывались, говоря, что это не наше дѣло, они безпрерывно повторяли свою просьбу. Кто такой у нихъ Государь, кто генералъ-губернаторъ и губернаторъ, карабашевцы не знали. Зато своего атамана Исетя они превозносили до небесъ. Вся ихъ политика вращалась около отношеній султана-правителя къ Исетю. Перваго они хвалили, потому что онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ ихъ дистаночнымъ. Согласію Бай-Магомета съ Исетемъ они придавали большое значеніе, такое же, какое Европа придавала Священному союзу.

Карабашевцы стоятъ на Тасъ-Булакѣ съ ранней весны и хвалятъ это мѣсто. Признаюсь, я иначе понялъ похвалы Тасъ-Булака.

Когда мы кончили пить чай, къ аулу стала подходить длинная нить нагруженныхъ верблюдовъ. Это шелъ купеческій караванъ изъ Оренбурга въ фортъ № 1 или, какъ его называютъ киргизы, въ Казалу. Слѣдовательно, мимо Тасъ-Булака лежитъ караванная дорога изъ Оренбурга на Сыръ-дарью. Не разбойничьи ли намѣренія руководили кутебаровцами, когда они просили права на занятіе Тасъ-Булака. Здѣсь славно слѣдить за тѣмъ, кого нужно ограбить. А на проходящій мимо караванъ карабашевцы бросали волчьи взгляды и, конечно, вспоминали съ сожалѣніемъ то время, когда грабили встрѣчнаго и поперечнаго со своимъ Исетемъ, котораго Мейеръ въ своей статистикѣ поднялъ изъ простого разбойника въ послѣдняго борца за киргизскую народность.

Въ этомъ аулѣ я имѣлъ случай наблюдать за порядкомъ прихода стадъ съ поля. Передъ тѣмъ, какъ

пригоняются овечьи стада, сгоняютъ къ юртамъ тохтушекъ, ягнятъ, сосущихъ матерей. Ихъ и сосуновъ-козлятъ привязываютъ къ веревкамъ, которыя натягиваютъ между двумя прибитыми къ землѣ кольями. На этихъ веревкахъ, протянутыхъ параллельно другъ другу на разстояніи полутора аршина, навязано много другихъ веревочекъ, которыми и привязываются ягнята. Когда приближаются взрослыя овцы, начинается двойной концертъ, нѣжности съ одной стороны, желанія поѣсть съ другой. Ягнята порываются оторваться отъ веревокъ, матери стремятся къ веревкамъ; усилія первыхъ остаются безплодными, а вторыхъ отгоняютъ въ особенное стадо. Впрочемъ, нѣжное и громкое перекрикиваніе долго еще поддерживается съ первоначальнымъ жаромъ и силою, покуда обѣ стороны не начнуть засыпать, что бываетъ только послѣ совершеннаго заката солнца. Такъ и простоятъ цѣлую ночь; а на утро, чуть свѣтъ, матери будутъ выдоены и пущены на свиданіе съ отвязанными чадами. Любопытно видѣть киргизовъ во время привязыванія ягнятъ. Послѣдніе не идутъ къ веревкамъ, упираются. Ихъ подтаскиваютъ то за шею, то держа за бокъ, то прижавши между ногъ; а тутъ вдругъ ворвется между веревокъ нѣжная мать, осматривая ягнятъ и вызывая свое потомство громкими криками: киргизка подхватитъ овцу за курдюкъ да какъ то выкинетъ ее изъ строя ягнятъ. А сколько суеты, крику, бѣготни! Вдругъ которая-нибудь изъ женщинъ прикроетъ рукой глаза отъ заходящаго солнца и, смотря въ далекую степь, начнетъ кричать долго и упрямо: гей! гей! гей! протягивая безъ конца *е* и возвышая голосъ до самой сильной и рѣзкой грудной фистулы. Это она зоветъ кого-то.

23-го іюля. Утромъ, передъ отъѣздомъ, вошелъ одинъ молодой карабашевецъ и просилъ у меня пистоновъ.

— Зачѣмъ?

Онъ замялся отвѣтомъ. Я далъ ему пару.

— Только смотри, употреби на что-либо хорошее; напримѣръ бей сайгаковъ, но не смѣй употреблять пистоны, данные тебѣ, на что-либо безчестное:—на грабежъ или баранту или на что-либо подобное.

— «Нѣтъ. А противъ туркмена употребить можно»?

И при этомъ карабашевецъ сказалъ, что туркмены заѣзжаютъ къ нимъ въ Большіе Барсуки и грабятъ ихъ зимовки.

— Если нѣтъ другихъ средствъ обороняться противъ туркменовъ, какъ силою, то стрѣлять противъ грабителей можно.

Отъ Тасъ-Булака начинаются Мугоджарскія горы. Мы ѣхали нѣкоторое время поднимающеюся кверху степью, а потомъ вступили въ холмистую мѣстность. Она сначала начинается незначительными возвышеніями, которыхъ покатости были покрыты щебнемъ и гальками. Между ними пролегали долины, покрытыя очень хорошею и густою зеленью. По мягкости грунта и топкости его можно было заключить, что вода весьма близка. И дѣйствительно, кое-гдѣ виднѣлись колодцы съ водой. Проводникъ, впрочемъ, сказалъ, что большинство колодцевъ соленые. Но такъ какъ все-таки вода и кормъ есть, то я и обратился къ проводнику съ вопросомъ, почему здѣсь не кочуютъ киргизы.

Онъ отвѣтилъ слѣдующее: Мугоджарскія горы безполезны для зимовокъ. Зимнія бури сдуваютъ съ однѣхъ частей горъ рѣшительно весь снѣгъ, въ другихъ же мѣстахъ наваливаетъ его сугробами. Въ первыхъ мѣстахъ нѣтъ воды, во вторыхъ—корма. Для лѣтовокъ здѣсь мало бываетъ воды. Поэтому киргизы, зимующіе въ обоихъ Барсукахъ, останавливаются здѣсь на нѣкоторое время только весною и позднею осенью, до вытравки кормовъ. Тогда здѣсь много хорошей воды.

Недавно еще здѣсь были рощицы деревьевъ. Всѣ онѣ вырублены. Мы видѣли слѣды одного выкопаннаго корня—послѣдняго изъ могиканъ; а то нѣтъ и слѣда бывшихъ тутъ деревьевъ и кустиковъ.

Слѣва у насъ, изъ-за сосѣднихъ холмовъ, выглядывалъ двухвершинный Айрюкъ, гора, по имени которой киргизы называютъ всѣ Мугоджарскія горы. Айрюкъ много выше окрестныхъ горъ. Двѣ его вершины смотрѣли въ одно время какъ то и сумрачно, и живописно. Ближе шли разнообразные куполообразные холмы мрачной физіономіи. На вершинахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ глядѣли темныя каменныя глыбы, полузасыпанныя щебнемъ, частью поросшія скудною травою. По покатостямъ росла тощая трава и виднѣлись осыпи темнаго цвѣта.

Мы то шли по сочной луговой травѣ, росшей въ долинахъ между возвышенностей, то двигались на покатости по угловатымъ каменьямъ осыпи, то поднимались на верхъ какой-нибудь горы. Тогда открывался далекій видъ на синѣющія вершины, на двурогій Айрюкъ, на широкія равнины между холмами. Проводникъ нашъ часто въѣзжалъ на какую-нибудь сопку, чтобы по немъ оріентировались отставшіе верблюды съ нашимъ багажомъ, и «маячилъ» тамъ.

На привалъ мы остановились въ одной прогалинѣ у колодца прѣсной воды, которая была тутъ въ разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ поверхности земли. Когда подошли верблюды, мы двинулись далѣе. Но послѣ нѣсколькихъ же шаговъ, сдѣланныхъ проводникомъ, его лошадь провалилась во что-то по брюхо. То же случилось и съ переводчикомъ Бигуловымъ. Они закричали намъ, чтобы мы далѣе не ѣхали. Впереди на большое разстояніе простирался солонецъ страннаго образованія. Поверхность его была сильно ссохшаяся и потрескавшаяся, но подъ этою сухою корою лежала глубокая солонцеватая грязь грязно-желтаго цвѣта.

Сегодня мы не отошли отъ привала далеко, потому что проводникъ пояснилъ, что далѣе нѣтъ ни ауловъ, ни прѣсной воды, и остановились у вершины рѣки Чугулдака, которая на десятиверстной картѣ названа оврагомъ Талкенъ-Сай. И то правда: оврага отъ рѣки здѣсь не отличишь. Этотъ оврагъ лежитъ по самой срединѣ Мугоджарскаго хребта, верстахъ въ десяти или немногимъ болѣе восточнѣе Айрюка. Это самая красивая мѣстность въ Мугоджарскихъ горахъ. Глубокій оврагъ ограниченъ съ одной стороны отлогою высотою, а съ другой красивыми скалами разрушенныхъ каменныхъ породъ, которыхъ осыпи составляли покатости болѣе пологихъ частей кряжа.

Въ ожиданіи верблюдовъ мы заѣхали въ аулъ, принадлежащій киргизамъ Чеклинскаго рода Кабаковскаго отдѣленія. Разсказавъ имъ, кто мы и зачѣмъ посланы въ степь, мы стали разспрашивать ихъ про поземельныя отношенія, подати, администрацію и т. д. Какъ всѣ бѣдные люди, кабаковцы разговаривали съ нами откровенно. Они говорили, что ихъ зимовки находятся въ Большихъ Барсукахъ, что зимуютъ они въ юртахъ, что въ пескахъ есть покосы и хорошія мѣста для скота, что воды много. При этомъ они прибавили, что богатые люди обижаютъ бѣдныхъ и занимаютъ на зимовкахъ лучшія и обширныя мѣста. Лѣтуя, они уходятъ далеко далѣе бѣдныхъ къ сѣверу и такъ какъ власти преимущественно изъ богатыхъ, то въ среднихъ частяхъ степи люди бѣдные и посредственнаго состоянія остаются безо всякаго управленія. Это обстоятельство давно уже бросалось мнѣ въ глаза. Большія перекочевки съ юга на сѣверъ къ вершинамъ Илека, Ори и другихъ рѣкъ дѣлаются только богатыми, составляя какъ бы ихъ монополію. Люди менѣе состоятельные не уходятъ такъ далеко и остаются гораздо южнѣе, напримѣръ на Уилѣ, верховьяхъ Эмбы и Иргиза, находя

тутъ всѣ средства для продовольствія своего скота. Едва ли эти длинныя кочевки необходимы; во всякомъ случаѣ онѣ оставляютъ народъ безъ возможности находить судъ и расправу, потому что въ то время, какъ большая часть киргизовъ остается въ среднихъ частяхъ степи, богатые люди и киргизскія власти уходятъ на сѣверъ, гдѣ и видятся съ султанами-правителями, губернаторами и прочими сильными міра, разсказывая имъ про благоденствіе киргизовъ и мудрость властей.

Нельзя ли будетъ, имѣя въ виду эту неурядицу, устроить административное раздѣленіе киргизовъ не на основаніи родовъ, какъ это сдѣлано въ Сибири, а на основаніяхъ территоріальныхъ. Власть, которой подчинена извѣстная часть степи, можетъ вѣдать и всѣми киргизами, находящимися въ предѣлахъ подчиненной ей территоріи. Конечно, такая власть можетъ быть только русскою. Что же касается до волостныхъ, то, можетъ быть, къ нимъ можно назначать помощниковъ изъ джетаковъ, по выбору. Тогда въ извѣстной мѣстности всегда будутъ власти.

Кабаковцы также горько жаловались на несправедливость кибиточнаго сбора въ то время, когда богатые пользуются лучшими угодьями и другими прерогативами. Еще они говорили, что не знаютъ, почему ихъ подчинили разбойнику Исетю Кутебарову и просили, если можно, устроить такъ правленіе, чтобы они могли имѣть своего «сардаря». Султана-правителя они бранили и говорили, что онъ поддерживаетъ Исетя во всемъ, даже тогда, когда тотъ грабитъ и обижаетъ.

Верблюды пришли. Мы отправились къ разбитой для насъ джуламейкѣ. Вскорѣ я отправился съ ружьемъ осматривать окружающую мѣстность и пробродилъ до поздняго вечера. Я вскарабкался на одну изъ самыхъ высокихъ скалъ, ограждающихъ оврагъ съ сѣверо-востока. Оттуда далеко было видно во всѣ стороны. Къ

оврагу съ сѣверо-востока шли длинныя пологія впадины, раздѣлявшія холмы, которые поднимались между ними узкими заостренными наверху полосами. Вѣроятно, весною по этимъ впадинамъ стекаетъ талая вода. За нѣкоторымъ количествомъ узкихъ долинъ и гребней поднималась скала, крутая къ сторонѣ Чугулдака и пологая, покрытая осыпью къ сторонѣ долинъ и гребней. Русло Чугулдака или оврагъ Талкенъ-Сай состоитъ изъ ряда глубокихъ омутовъ, кое-гдѣ поросшихъ камышемъ. Между ними простирается долина, покрытая очень хорошею зеленью, по которой бродили киргизскіе бараны. На омутахъ плавало много утокъ. За Чугулдакомъ тянулись безплодные холмы, а на западѣ поднимался насупившійся Айрюкъ.

Я вездѣ искалъ по осыпямъ окаменѣлостей, но ихъ рѣшительно нигдѣ не оказалось. Вода въ омутахъ вкусная и чистая. Возвращаясь домой, я могъ замѣтить, что почти каждый омутъ имѣлъ свои родники, которые били чистою струйкою изъ-подъ каменьевъ. Я предполагаю по ихъ глубинѣ, что омуты эти должны имѣть и подземное теченіе, которымъ они соединяются другъ съ другомъ.

Вечеромъ стало опять холодно, даже сыро, благодаря тому, что наша юрта расположена на самомъ днѣ оврага, на берегу одного изъ омутовъ Чугулдака.

24-го іюля. Рано утромъ выступили далѣе по восточной покатости Мугоджарскихъ горъ. Мнѣ показалось, что эта покатость болѣе полога, по крайней мѣрѣ здѣсь не пришлось видѣть рѣзкихъ возвышенностей, а увалы смѣнялись длинными, едва всхолмленными равнинами. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ были покрыты солончаками и по нимъ были разбросаны стада верблюдовъ изъ окрестныхъ ауловъ, которые были здѣсь, несмотря на вчерашнее заявленіе проводника. Что это въ

самомъ дѣлѣ, за славное животное верблюдъ! Онъ служитъ кочевому человѣку и шерстью, и кожею, и мясомъ, и трудомъ. При этомъ верблюдъ воздержанъ, ѣстъ мало, пьетъ рѣдко, и питается такою травой, которая именно негодна никому. Какую бы пользу приносили эти солончаки, едва покрытые кара-джусаномъ, если бы они не были любимымъ пастбищнымъ мѣстомъ верблюдовъ? Если называть животное благороднымъ по количеству пользы, которую оно дѣлаетъ человѣку, то, конечно, верблюдъ одно изъ самыхъ благороднѣйшихъ животныхъ по отношенію къ степному человѣку.

На вершинахъ Мугоджарскихъ горъ, далеко видныхъ во всѣ стороны, разбросаны древнія могилы. Когда вы спросите о нихъ киргиза, онъ отвѣтитъ, что это «уба», старая могила, неизвѣстно какимъ народомъ насыпанная; «вѣроятно, калмыцкая», добавитъ онъ непремѣнно.

До привала мы ѣхали очень долго. Сдѣлавъ не менѣе тридцати верстъ, мы увидѣли въ одной прогалинѣ аулъ, который остался далеко сзади насъ по лѣвой рукѣ. Мы поѣхали туда. Большой табунъ лошадей, пасшихся около аула, изобличалъ достатокъ хозяевъ. Было около полудня—время доенія коровъ. У юртъ къ веревкамъ были привязаны телята и пригнаны коровы. Бабы доили ихъ. Одна юрта отличалась отъ другихъ какъ своею величиною, такъ и бѣлизной кошемъ. Она принадлежала бію и родоначальнику кабаковцевъ, Ніазу, человѣку извѣстному въ ордѣ. Онъ только что пріѣхалъ со съѣзда, бывшаго у Оренбургскаго укрѣпленія подъ предсѣдательствомъ Баллюзека, между біями Средней и Восточной части съ одной стороны и Сыръ-дарьинскими киргизами съ другой. Ніазъ зналъ, что мы ѣдемъ, видѣлъ насъ и выставилъ для насъ джуламейку около своей юрты.

Пока пили чай, мы говорили съ Ніазомъ про то,

что можно сдѣлать полезнаго въ законодательствахъ, касающихся до киргизовъ. Его отвѣты были категоричны: онъ предполагаетъ, что сардари должны быть выбираемы, что въ поземельномъ владѣніи зимовками нужно устроить какой-нибудь порядокъ, что нужно прекратить произволъ богатыхъ и сильныхъ и остановить безпорядки, производимые по временамъ ворами и грабителями. По вопросу о податяхъ онъ, однако, замялся и хотя желаетъ, чтобы ясакъ сбирался со скота, однако находилъ разныя затрудненія; при этомъ онъ говорилъ, что такъ какъ въ каждомъ аулѣ есть и теперь бѣдные и богатые, то послѣдніе весьма часто платятъ за своихъ бѣдныхъ родичей кибиточный сборъ. Противъ принципа, впрочемъ, онъ не сказалъ ни слова. Онъ съ насмѣшкой отзывался про то, «что начальство нашло теперь кому поручить управленіе чеклинцами». До безпорядковъ, произведенныхъ Кутебаровымъ, чеклинцами управлялъ отецъ Ніаза, Утарали. За Исетемъ вовсе не шли всѣ чеклинцы, а только карабашевцы и всякій бездомный сбродъ со всей киргизской степи. Чеклинцы, если исключить карабашевцевъ, не любятъ теперь Исетя. Послѣдній обираетъ подчиненный ему родъ и платитъ ежегодно Бай-Мугаметову, который преувеличиваетъ передъ начальствомъ значеніе Исетя, пугая популярностью и силою послѣдняго. Начальство вѣритъ. Исеть до сихъ поръ занимается грабежемъ, но не самъ непосредственно, а черезъ своихъ сподручниковъ, а Бай-Мугаметовъ молчитъ. Передъ убійствомъ султана Араслана Ніазъ былъ посланъ своимъ отцомъ предупредить объ опасности, грозящей ему, но онъ не повѣрилъ привезенной новости. Несмотря на убѣжденія Ніаза, Арасланъ не принялъ мѣръ къ обезпеченію себя, а только передъ самымъ убійствомъ отправилъ своего сына съ Ніазомъ изъ мѣста своего тогдашняго пребыванія. Они насилу спаслись. Въ убійствѣ Араслана дѣй-

ствительно принимала участіе большая часть чеклинцевъ, но по совершеніи его почти всѣ бросили Исетя и откочевали къ линіи. Ніазъ жаловался также, что Исеть прижимаетъ теперь его со всѣми родственниками за то, что они не были на его сторонѣ.

Послѣ привала мы поѣхали далѣе. По пути попадалось намъ множество полевого шпата. Изъ шпатовыхъ бѣлыхъ и красивыхъ глыбъ состояли цѣлые холмы. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ шпатъ былъ разрушенъ временемъ, представлялъ цѣлую гору отличной бѣлой и блестящей каолиновой глины, которая была обнажена на одной изъ покатостей. Было также мѣстами очень много слюды. Отъ привала мы шли опять очень долго, такъ что въ сложности, вѣроятно, сдѣлали не менѣе шестидесяти верстъ. На ночлегъ мы хотѣли остановиться близъ оврага, пролегающаго между дикими каменными горами, а потому въ ожиданіи того времени, когда подойдутъ верблюды, остановились въ близъ лежащемъ аулѣ. Этотъ аулъ, какъ большинство всѣхъ другихъ въ здѣшней степи, былъ такъ расположенъ во впадинѣ, что его можно было разсмотрѣть только, что называется, натолкнувшись носомъ на юрты. Манера чисто разбойничья. Старикъ, хозяинъ юрты, въ которую мы вошли, тоже Кара-Башевскаго рода, пояснилъ намъ, что онъ занялъ это мѣсто подъ зимовки, а что прежде онъ зимовалъ въ Кара-кумахъ, на неудобныхъ мѣстахъ. Это, прибавилъ онъ, случается весьма часто. Такими-то захватами зимовыхъ мѣстъ на перепутьи лѣтовокъ, безъ вѣдома родовъ, кочующихъ здѣсь, должно очень затрудниться самое кочеваніе. Вѣроятно, подобныя обстоятельства и доводятъ до безпрерывныхъ дракъ и ссоръ, случающихся въ Оренбургской степи во время лѣтнихъ кочевокъ. Мы спросили потомъ у старика, нашлись ли бы затрудненія, если бы предоставить всѣмъ киргизамъ, безъ различія состоянія, право голоса при внутренней

раскладкѣ податей по состоянію. Онъ отвѣтилъ, что это было бы большое счастье для киргизовъ; затрудненій же не предполагалъ никакихъ.

Когда верблюды стали подходить, мы отправились въ ущелье, тѣсное и довольно живописное. Проводникъ и люди, посланные впередъ, долго не могли отыскать мѣста для ночлега, такъ какъ въ окрестности весь кормъ былъ вытравленъ недавно кочевавшими здѣсь киргизами. Наконецъ остановились. Я вскарабкался на сосѣднюю высоту. Наверху пустынная могила изъ кучи набросанныхъ камней, полузаросшихъ травою. Вдали начинается уже равнина—мы пересѣкли всѣ Мугоджарскія горы. Онѣ до того пустынны, что могутъ служить лишь самымъ непродолжительнымъ мѣстопребываніемъ для кочевниковъ весною и осенью, т. е. когда степная природа богаче другого времени.

25-го іюля. Выступили съ ночлега рано. Вскорѣ разостлалась далекая степь, только кое-гдѣ всхолмленная незначительными возвышеніями. Сзади синѣли горы, которыя мы перешли. Здѣшняя часть степи едва ли еще не безплоднѣе той, которая тянется къ западу отъ Мугоджаръ. Во время пути я обратилъ вниманіе на то, что послѣ того, какъ глазъ привыкъ къ ширинѣ степного горизонта, безошибочно судишь о томъ, волнообразна ли степь или ровна, по ширинѣ горизонта. Напримѣръ, сегодня въ одномъ мѣстѣ вся степь поднималась кверху, но такъ незамѣтно и ровно, что я не зналъ, чѣмъ объяснить, что мнѣ кажется, будто нашъ путь не горизонтально ровенъ; только обративъ вниманіе на тѣсный горизонтъ, убѣдился, что чувства меня не обманываютъ.

Послѣ привала, проѣхавши еще хорошій кусокъ пустыни, мы, незадолго передъ заходомъ солнца, увидѣли цѣлый рядъ ауловъ на лѣвой рукѣ и направились туда.

Это были омуты, скопляющіеся въ оврагѣ, называемомъ Каниды. По той его сторонѣ поднималась значительная высота Косъ-чеку.

Въ ожиданіи верблюдовъ остановились сперва въ аулѣ дюртукалинцевъ. Недалеко отъ аула стояли накошенные стога сѣна и виднѣлись поливныя пашни. Мѣста, на которыхъ стояли дюртукалинцы, принадлежатъ чеклинскимъ джетакамъ; но такъ какъ они скосили уже сѣно и убрали просо, то не въ претензіи за то, что сюда прикочевали дюртукалинцы. Мы сказали хозяевамъ, что мы купцы и ѣдемъ съ товарами въ Казалу и стали разспрашивать про цѣны.

Люди наши, которымъ приказано было приготовить чай, возстали поголовно противъ воды, находящейся у дюртукалинцевъ, говоря, что ея нельзя пить; поэтому мы были принуждены проѣхать еще версты три и остановиться въ аулѣ Чеклинскаго рода Чеклинскаго отдѣленія, который стоялъ у хорошей воды.

Здѣшніе киргизы зимуютъ на Сыръ-дарьѣ, почему подчинены Туркестанскому губернатору. Сыръ-дарьинскими киргизами завѣдуетъ чиновникъ Груздь, у котораго помощникомъ башкиръ Богдановъ. Киргизы жаловались на то, что всѣ султаны, поставленные Груздемъ, берутъ безмилосердно взятки и что послѣдній не обращаетъ на ихъ жалобы никакого вниманія. Они очень хвалили чиновника Карлова, котораго, по ихъ словамъ, и смѣнили за честность со званія помощника Груздя. Кибиточный сборъ у нихъ взяли въ здѣшней части. Кромѣ того, собрали на гимназію по барану на двѣ юрты. Производившій сборъ султанъ Афіевъ взялъ еще для себя и для своей свиты тридцать пять кургашекъ на кунъ-агасы, халаты и прочее. Они намъ говорили все это со страхомъ, прося избавить ихъ, если можно, отъ этихъ насилій, за что и обѣщались молить за насъ Бога. При этомъ разсказали еще, что третьяго

или четвертаго года они жаловались на злоупотребленія чиновниковъ одному проѣзжему генералу, который ихъ прогналъ. По отъѣздѣ генерала всѣхъ приносившихъ жалобу пересѣкли. Экой срамъ! Вездѣ отличаются наши чиновники!

Хозяева аула стояли на мѣстахъ своихъ родственниковъ, чеклинскихъ джетаковъ, которые пустили ихъ сюда на время за три барана. Говорившіе съ нами киргизы хотѣли, впрочемъ, надуть своихъ пріятелей, потому что усиленно просили насъ дать имъ бумагу на право владѣнія мѣстомъ, на которое ихъ пустили. И не знаю, что имъ оно такъ понравилось. Правда, около отличное озеро прѣсной воды, поросшее кое-гдѣ камышемъ, зато кругомъ пустынная и пыльная степь, на которой почти нѣтъ растительности.

Вечеромъ разсчитывали съ Г—мъ можно ли назначить чиновникамъ, которые будутъ поставлены послѣ нашей реформы, большое содержаніе. Оказалось, что кромѣ того можно составить еще значительную экономію.

26-го іюля. Какъ утомительна эта пустыня, разстилающаяся кругомъ, однообразна, бѣдна, пустынна! Развѣ можетъ она возбудить человѣка на какую нибудь дѣятельность, выходящую изъ сферы заботъ о стадахъ? Нѣтъ. И если эти пустыни произвели Чингизъ-Хана и Тамерлана, то основною причиною этого была борьба за стада, была баранта, предпринятая въ обширныхъ размѣрахъ. Какъ ни странно, что баранъ или лошадь побудили монголовъ къ завоеваніямъ, однако это вѣрно, потому что споры за скотъ развили въ Чингизъ-Ханѣ страсть къ подчиненію всѣхъ окрестныхъ монголовъ, которые впослѣдствіи шли за своимъ вождемъ, какъ подобаетъ дикарю и азіату [1]).

[1]) У монголъ явился къ концу XXII вѣка завоеватель Тесукай, отецъ Дямуджина. Онъ кочевалъ по Онону или Амуру. При смерти его, подвластныя ему

Во время пути я думалъ о необходимости открыть на Усть-Уртѣ военный округъ, на подобіе Алатавскаго, раньше еще, чѣмъ будутъ окончены наши работы, чтобы смирить адаевцевъ. Иначе, при введеніи въ дѣйствіе

орды отложились отъ Дямуджина, который тщетно старался усмирить ихъ и бѣжалъ къ сосѣднему хану Кераитовъ Тогрулъ-Хану, кочевавшему съ татарскими племенами по Енисею. Здѣсь онъ обольстилъ народъ, возсталъ на Тогрулъ-Хана, который погибъ въ бѣгствѣ и какой-то святой или святоша изъ монгольской черни объявилъ въ 1206 г., на сборищѣ при вершинахъ Амура, что боги отдали землю во власть этого Дямуджина или Темуджина и потомковъ его; народъ прозвалъ его Джингисъ-Ханомъ, т. е. великимъ властелиномъ, и всѣ орды признали власть его.

Джингисъ или Чингисъ посвятилъ себя однимъ только завоеваніямъ. Въ двадцать лѣтъ достигъ онъ уже съ береговъ Амура до Днѣпра; власть его разливалась во всѣ стороны, какъ круговая волна на тихой водѣ отъ брошеннаго камня. Джингисъ обратился на сѣверный Китай, Мауеренгаръ — страну между рѣками Сыръ и Аму, Туркестанъ и Хорасанъ; сынъ его, Чучи, вторгся въ Кибчакъ, въ степь между Ураломъ и Волгою, землю половцевъ, и битва при Калкѣ 1224 года рѣшила участь южной Россіи. Другая орда потекла на Иранъ Персидскій, Дагестанъ и далѣе. Покушеніе на Индію Джингисъ оставилъ, какъ говорятъ потому, что сообщники отказались слѣдовать далѣе. Онъ обратился снова на остальную часть Китая, но умеръ, не успѣвъ принять во владѣніе вселенной.

Старшій его сынъ, Чучи, умеръ за полгода ранѣе. Октай былъ избранъ или, какъ говорятъ народы эти, поднятъ въ ханы. Монголы и татары, подъ предводительствомъ другихъ сыновей Джингиса, а именно Чагатая и Тулія, и внуковъ его, Батыя (сына Чучія), Каюка (сына Октаева) и Мангу (сына Тулія), и другихъ старшинъ, продолжали затоплять вселенную. Они черезъ Сибирь и Яикъ прошли Россію, Венгрію, Польшу и Силезію.

Октай умеръ въ 1241 году; жена его, Тараkина-Хатынъ, приняла временное правленіе и помогла сыну своему Каюку противъ воли завѣщателя пріобрѣсти верховную власть. Каюкъ умеръ въ 1248 г. Преемникомъ его былъ Мангу, который обще съ братьями своими, Чулаку и Кубкай, распространялъ завоеванія монголовъ. Онъ покорилъ себѣ весь Тибетъ, многія пограничныя Индіи земли, а Чулаку основалъ калифатство въ Багдадѣ.

Кублай принялъ правленіе послѣ Мангу, въ 1259 г., и владѣлъ до 1294 г. Онъ завоевалъ южный Китай; покушеніе его на Кохинхину, Тункинъ и Японію въ 1281 году не удалось. Замѣтимъ, что достоинство хана, какъ и понынѣ, у кочующихъ племенъ было наслѣдственно-избирательное: народъ, въ шумномъ и безтолковомъ собраніи, избиралъ и подымалъ, качалъ на рукахъ хана, изъ числа наслѣдниковъ. Кочевье хана называлось Золотою Ордою, т. е. ставкою, отъ золотой маковки шатра Всѣ ханы Средней Азіи, безчисленное множество султановъ кайсацкихъ, которые всѣ чтятъ себя въ достоинствѣ бѣлой кости, а слѣдовательно и въ числѣ кандидатовъ на ханское достоинство, всѣ они производятъ родъ свой отъ Джингиса, помня подробно и довольно вѣрно всю восходящую цѣпь предковъ своихъ до самаго Джингиса. Нѣкоторыхъ укоряютъ,

новыхъ началъ, возможны большіе безпорядки. Начальникъ отряда съ двумя сотнями казаковъ и четырьмя или двумя орудіями можетъ жить, гдѣ онъ хочетъ, но непремѣнно долженъ быть въ серединѣ адаевцевъ и

однакоже, въ подлогѣ: они происходятъ отъ вельможъ или пріемышей Джингиса, а не отъ него самого.

По смерти Каблая въ 1294 году единодержавіе монгольскаго ханства разрушилось и произошли:

1. Владычество монголовъ въ Китаѣ, подъ именемъ династіи Юэ, до 1363 г., въ каковое время монголы были вытѣснены новою китайскою династіею за ограду имперіи, за большую стѣну; тамъ соединились они съ оставшимися между Амуромъ и Селенгою соотчичами своими и приняли отъ рѣки Калкаса названіе монголовъ калкаскихъ. Они подданные Китая.

2. Гуличу, владѣвшій въ Персіи до 1264 года, основалъ династію и покорилъ еще области арабскія. Монголы здѣсь приняли языкъ и нравы Персовъ. Тимуръ покорилъ это государство, а по смерти его въ 1410 году завладѣли имъ туркмены.

3. *Чучи* основалъ между Ураломъ и Волгою извѣстное владѣніе Кибчакъ; преемникомъ Чучія былъ сынъ его Батый, владѣвшій до 1256 года. Береке, братъ и преемникъ Батыя, принялъ исламство. Ходжи-Гирей основалъ ханство Крымское, подпавши вскорѣ власти Османовъ. Около того же времени основались ханства: Казанское, Астраханское и Туранское, къ востоку отъ Урала.

4. Въ Бухаріи, Чагатай или Джагатай основалъ въ 1242 году государство, простиравшееся отъ Джигуна, т. е. Аму-дарьи, до Иртыша. Имя его присвоено южной части земель, коими онъ владѣлъ. Здѣсь-то монголы остались въ первобытномъ состояніи своемъ, они кочуютъ и презираютъ жизнь осѣдлую. Но турецкій языкъ вошелъ во всеобщее употребленіе, исламизмъ вытѣснилъ всякое иное исповѣданіе.

Упомянемъ о башкирской сказкѣ, съ которою, безъ сомнѣнія, связана какая-либо истина. Башкирцы почитаютъ себя единоплеменниками бурятовъ или братскихъ татаръ, народомъ монгольскимъ, и разсказываютъ по преданію, что молодому Джингису доставалось по наслѣдству управленіе башкирскаго народа, кочевавшаго тогда по рѣкѣ Тургаю. Джингисъ разссорился съ злобнымъ братомъ своимъ, ушелъ въ горы и подавалъ матери вѣсть о себѣ, пуская по рѣкѣ перья отъ убиваемыхъ имъ птицъ. Вскорѣ брата его убили; трое старшинъ, по разсказу матери Джингиса, отыскали его по перьямъ, сдѣлали телѣгу, привезли на себѣ Джингиса и провозгласили его ханомъ. Новый ханъ, принявъ правленіе, пожаловалъ трехъ старшинъ грамотами и прозваніями; одного изъ нихъ назвалъ Бикъ-бау; потомокъ его въ девятнадцатомъ или двадцатомъ колѣнѣ есть кантонный начальникъ башкирскій Кагерманъ-Барангуловъ, сынъ Барангула Куватова. У него, по общему преданію, грамота Джингиса хранится въ цѣлости. Народное преданіе, кромѣ этого, преисполнено чудесъ о Джингисѣ: онъ рожденъ дѣвственницею, зачатіе его совершилось отъ луча солнечнаго и прочее. Джингисъ есть первообразъ всѣхъ туранцевъ, сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей ихъ: только его потомки пользуются правомъ бѣлой кости, наравнѣ съ потомками Мохаммеда. Нѣтъ султановъ, нѣтъ хановъ, кромѣ изъ поколѣнія Джингиса и пр.

Турецкій историкъ Ходжи-Хальфъ производитъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ

жестоко наказать ихъ при малѣйшемъ неповиновеніи. Казармъ пока нѣтъ причинъ строить. Съ тѣхъ же адаевцевъ можно собрать юрты, въ которыхъ могутъ солдаты прозимовать. По моему, такая мѣра необходима.

Пили чай у прѣснаго озера (омутъ Читъ-Иргиза) въ аулѣ, принадлежащемъ богатому Кара-Кисеку. Онъ говорилъ, что до послѣдняго года зимовалъ въ Кара-кумахъ, но недовольный своей зимовкой, занялъ эту, не принадлежащую никому. Сѣномъ она не богата; скосилъ не болѣе двухъ стоговъ; но трава хороша, и хозяинъ разсчитываетъ прокормить свой скотъ зимою тебеневкою.

всѣ азіатцы, родословную Джингиса отъ Адама или по крайней мѣрѣ, отъ Ноя. У Ноя было три сына, у Іафета былъ сынъ Турнъ, который кочевалъ уже въ Дяште-Кибчакѣ, т. е. между Ураломъ и Волгою. У Турна былъ сынъ Алаиджа-Ханъ, а у этого двойни: Могулъ и Татаръ. У Татара было восемь сыновей, которые княжили послѣдовательно, а потомъ царство перешло въ руки дѣтей Могула, коихъ было четыре: Кара, Огузъ, Коръ и Уръ. Кара-Ханъ наслѣдовалъ отцу; властвовалъ въ Кара-кумѣ и былъ христіанинъ. Ему наслѣдовалъ Огузъ-Ханъ, мусульманинъ. Онъ владѣлъ шестьдесятъ семь лѣтъ и раздѣлилъ подданные народы на орды: Айгуръ, Канкали, Кибчакъ, Катай, Кунъ-родъ, Мангытъ, Карлымъ, Хандижъ и пр.

Между этими названіями встрѣчаемъ много знакомыхъ: Айгуръ или Уйгуръ; Канкали, отъ которыхъ производятъ родъ свой башкиры девятаго кантона, Кибчакъ, волость башкирская и древній Кибчакъ; также Узбеки Міанкальской области раздѣляются на Кибчакъ и Котай; родъ нынѣшнихъ Бухарскихъ хановъ или Узбековъ Мангытскихъ, родъ Хивинскихъ или Кунградскихъ. Но все это такъ перемѣшано со сказками, что правды дознаться почти невозможно. Далѣе, у Огузъ-Хана было шесть сыновей, отъ нихъ же происходятъ Джингисъ и Сельджуки. Послѣ Огуза владѣли сыновья его, падишахи: Ай, потомъ Кунъ, тамъ Юкдуръ, тамъ владѣлъ Мянгли, сынъ Юкдура, потомъ Иль-Ханъ, сынъ Джингиза. Потомки ихъ владѣли до Тура, сына Феридука, отъ коего имя Турана и Туркестана. У Мянгли былъ опять сынъ Юкдузъ и его-то дочь Алангу играетъ значительное лицо во многихъ сказкахъ и преданіяхъ Средней Азіи. Она владѣла всѣмъ Могулистаномъ, ей наслѣдовалъ сынъ ея Будаиджисъ. У этого были сыновья: Кайду, Бука, Байсанкаръ, Тюмянъ, Кайлы, Каджулы, Буртанъ, Пейсука. Послѣдній умеръ въ 502 году Геджры. Сынъ его былъ славный Джингисъ или Чингисъ, коего столица была Кара-Кумъ-Лого-Юртъ. Отъ Чингиса остались четыре сына: Тюки, Чучи, Чагатай и Октай. Чагатай владѣлъ Тураномъ, Кашгаромъ, Дадакшаномъ, Бальхомъ, Хоарезмомъ, Газною. Изъ потомковъ его до Тимура владѣли двадцать девять человѣкъ. Изъ потомковъ Октая владѣли девятнадцать чедовѣкъ, до Тимура, въ Китаѣ и Нира въ Крыму. Изъ потомковъ Тулія до Тимура владѣли Дяште-Кинчакомъ и Крымомъ, а ханы крымскіе всѣ происходятъ отъ Чучи.

Дочь хозяина пряла верблюжью шерсть; мы попросили ссучить намъ самую тонкую нитку и она сдѣлала это ловко и скоро. Она была уже запроданная невѣста, т. е. за нее былъ уплаченъ весь калымъ.

— А что, спросилъ я шутя, она засватана? — и я указалъ на грудную внучку хозяина.

Онъ кивнулъ головой.

— А какой калымъ?

Хозяинъ сталъ высчитывать калымъ за свою однолѣтнюю внучку.

— А если, чего не дай Богъ, умретъ?

— «Тогда, сказалъ переводчикъ, начнется непремѣнно упорная тяжба; потому отецъ умершей непремѣнно захочетъ присвоить ея калымъ».

Послѣ привала мы опять поѣхали по пустынѣ. Почва совершенно безплодна. Одинокіе холмы поднимаются кое-гдѣ посрединѣ пустынной степи. Гору Мана-аулы, лежащую на лѣвомъ берегу Иргиза, куда мы направлялись, было видно весьма издалека. По сторонамъ Иргиза лежала безплодная, голодная степь, такъ что слѣдъ каждаго сайгака, убѣгающаго отъ насъ, обозначался пылью.

Переправившись черезъ рѣку, мы хотѣли остановиться въ аулѣ, расположенномъ близъ Карасу, т. е. стараго протока Иргиза, гдѣ теперь въ большихъ омутахъ, поросшихъ по сторонамъ камышемъ, была прѣсная вода. Но едва мы подошли къ одной юртѣ, какъ входъ намъ заперла старая, противная баба, объясняющая что-то очень недружелюбнымъ тономъ. Мы пошли къ другой юртѣ,—цѣлый полкъ грязныхъ бабъ началъ тоже представлять какіе-то резоны. По степнымъ обычаямъ, это тяжелое оскорбленіе, потомъ, мы были крайне уставши. Мы вошли въ юрту, не обращая вниманія на протесты бабъ. Вскорѣ дѣло объяснилось. Недавно проходилъ казачій отрядъ изъ Уральскаго укрѣпленія въ Эмбин-

скій постъ. По пути онъ позволялъ себѣ производить разные безпорядки, въ особенности въ этомъ аулѣ. Тутъ, въ Азіи, такія насилія имѣютъ самыя дурныя послѣдствія. Киргизы начинаютъ дичиться и избѣгать русскихъ, начинаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ притѣснителей, хотя все притѣсненіе и ограничивается тѣмъ, что казакъ съѣстъ что-нибудь или стянетъ кусокъ кошмы на потникъ. Несмотря на эти резоны, мы назвали бабъ дурами и не дали имъ чаю, пояснивъ за что.

Когда джуламейка была разбита, я отправился на охоту вокругъ ближайшаго озера. По пути ко мнѣ привязался молодой киргизъ, который и провожалъ меня всю дорогу, называя тамыромъ. Возвращаясь домой, я пригласилъ его къ себѣ въ джуламейку. Зимовка парня, имѣющаго мать и женатаго брата, находится подъ самымъ Мана-аулье. Вѣроятно, благодаря положенію зимовки, ея не травятъ. Парень со своимъ семействомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ зимовалъ въ Кара-кумахъ, а потомъ занялъ эту зимовку, тогда никому не принадлежавшую. Года два тому назадъ очень богатый киргизъ хотѣлъ согнать ихъ съ зимовки, но дистаночный начальникъ заступился за парня. Это первый случай, слышанный мною въ Оренбургской степи, что поземельный споръ разобранъ и, что очень странно, рѣшенъ въ пользу бѣднаго.

Ежегодно дюртукалинцы даютъ своему сардарю, что хотятъ. Парень женихъ. Онъ заплатилъ дорогой калымъ, высмотрѣвши, какъ онъ говоритъ, раньше невѣсту. Невѣсту онъ посѣщаетъ съ вѣдома родителей.

27-го іюля. Утромъ отправились въ путь по направленію къ станціи Кизылъ-Ярской. День былъ очень жаркій; ѣхать было крайне утомительно. Сдѣлавъ верстъ десять шагомъ по пыльной пустынѣ, кое-гдѣ покрытой

выгорѣвшею травою, мы пріостановились, чтобы дать передохнуть лошадямъ.

Такъ какъ наше нетерпѣніе добраться, наконецъ, до жилого мѣста было очень велико, то мы рѣшились ѣхать далѣе до станціи рысью. Сказано—сдѣлано. Мы поѣхали крупной рысью, направляясь прямо на востокъ. По сторонамъ дороги попадалось множество сайгаковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, будто поддразнивая насъ, бѣжали небольшою рысцою впереди нашихъ лошадей; когда же сопровождавшіе насъ казаки бросались за ними вскачь, легкія животныя опускали голову къ землѣ и кидались впередъ съ такою невѣроятною быстротою, которая позволяла имъ весьма скоро скрываться изъ виду въ этой гладкой равнинѣ.

Сдѣлавъ еще верстъ десять, мы выѣхали на почтовую дорогу. Когда человѣкъ провелъ болѣе мѣсяца вдали отъ всякихъ признаковъ цивилизаціи, то все, напоминающее европейскій складъ жизни, производитъ на него чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. При видѣ колесной дороги я почувствовалъ такое же ощущеніе, какое долженъ испытывать человѣкъ, завидѣвшій мѣстность, на которой онъ родился. Между тѣмъ дорога была совершенно первобытная, т. е. отличалась отъ окружающей мѣстности только пылью и двумя колеями, проложенными по степи. По дорогѣ мы продолжали ѣхать все время крупною рысью.

Такъ какъ сегодняшній переходъ равнялся сорока верстамъ, то мы ѣхали довольно долго и прибыли къ Кызылъ-Ярской станціи только къ полудню. Станція помѣщается въ небольшомъ домикѣ, построенномъ изъ землебитнаго кирпича и покрытомъ камышемъ. Окна маленькія во вкусѣ деревенскихъ оконъ въ бѣдныхъ избахъ. Комната для проѣзжающихъ очень мала, но все же это комната съ печкой и глинянымъ поломъ, съ шатающимся столикомъ и стуломъ, на которомъ было

опасно сидѣть. По стѣнамъ, какъ и на нашихъ станціяхъ, висѣли разные циркуляры, относящіеся до проѣзжихъ и почто-содержателей за подписью начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа.

Почты здѣсь содержатся киргизами, обязанными имѣть за извѣстную арендную плату, кажется, три тройки; но теперь, вслѣдствіе военныхъ дѣлъ въ Средней Азіи, ожидаемаго провоза денегъ и проѣзда генералъ-губернатора, на каждой станціи выставлено по сорока пяти лишнихъ лошадей.

Станція расположена около берега Иргиза, который очень глубокъ въ этомъ мѣстѣ и поросъ съ обѣихъ сторонъ камышемъ. Тутъ очень много большихъ сомовъ, сазановъ и щукъ. Въ ожиданіи верблюдовъ и казаковъ, не поѣхавшихъ съ нами, мы безуспѣшно удили рыбу. Передъ закатомъ солнца подтянулись наконецъ верблюды и намъ разбили джуламейку на самомъ берегу Иргиза.

Наступилъ тихій прохладный вечеръ. Казаки купали своихъ лошадей и тишина вечера оглашалась ихъ громкими криками, фырканьемъ лошадей, понуканіемъ и смѣхомъ. Это послѣдній вечеръ, который я провожу въ кочеваніи. При этомъ нельзя не замѣтить, что, несмотря на всевозможныя лишенія и муки, которыя долженъ выдержать всякій кочующій или путешествующій по киргизской степи, эти странствованія чрезвычайно оригинальны. Чтобы удержать яснѣе въ памяти послѣднюю картину степного кочеванія, я смотрѣлъ теперь на все окружающее съ крайнимъ вниманіемъ.

Небольшой огонекъ кизяка поднимался къ темнѣющему небу дымною струей, освѣщая группу казаковъ, копошащихся близъ него. Около юрты бродятъ лошади, фыркая и звучно отжевывая кормъ.

Выше, по песчаному берегу, шляются верблюды, рисуя свое странное тѣло на темнѣющемъ небѣ. За

огонькомъ нашей кухни видны казачьи пики, составленныя въ пирамиду, и оружіе, повѣшанное на нихъ; около растянулись въ разнообразныхъ позахъ спящіе казаки. Въ тишинѣ спокойнаго вечера отчетливо слышно, какъ лошади отжевываютъ траву, какъ казакъ бросилъ кому-то слово, какъ вдалекѣ про себя промычитъ верблюдъ, слышно, какъ ступаютъ пасущіяся лошади, какъ запищало въ травѣ какое-то насѣкомое. Вотъ плеснулась какая-то рыба, зарябивъ гладкую поверхность рѣки, или закричатъ залпомъ дикіе гуси или утки, или съ ближняго аула послышится озлобленный лай цѣлой стаи, или закричитъ дикимъ голосомъ киргизъ... и все звучно и отчетливо слышится въ чуткомъ вечернемъ воздухѣ и съ удовольствіемъ прислушиваешься къ этимъ разнообразнымъ звукамъ, укутываясь поплотнѣе въ теплое пальто. Но сырость становится чувствительнѣе. Холодный вѣтеръ наклоняетъ огонь въ сторону. Готовъ ужинъ?—Готовъ-съ!—Подавай! Пора спать.

28-го іюля. Утромъ мы съ Новиковымъ усѣлись въ почтовую телѣжку и, приказавъ верблюдамъ слѣдовать за нами къ Уральскому укрѣпленію, поѣхали по почтовой дорогѣ. По пути случилось все, что такъ естественно при киргизѣ-ямщикѣ. Коренная много разъ выпрыгивала изъ оглоблей, распрягшись совершенно; постромки рвались, пристяжныя рвали безъ толку, а потомъ не везли; коренная неожиданно сворачивала съ дороги и т. д. Смущенный ямщикъ билъ ногами о подножку козелъ, какъ онъ бы дѣлалъ, если бы сидѣлъ верхомъ, и хотѣлъ заставить идти свою лошадь; спускался на подножку, хлесталъ нагайкой и дѣлалъ все это такъ же нескладно и неловко, какъ неловко сидитъ на лошади нашъ крестьянинъ.

По сторонамъ дороги тянулись такія же пустынныя мѣста. Только небольшая полоса земли у Иргиза была

покрыта густою зеленою травой. Здѣсь лежатъ сѣнокосныя мѣста Уральскаго укрѣпленія, отстоящія отъ послѣдняго на двадцать верстъ. Сѣна хороши и стоговъ много. Недалеко отъ покосовъ раскинулись аулы джетаковъ, которые, вѣроятно, пользуются для своего скота и щеткою, остающеюся отъ покосовъ. На покосныхъ же лугахъ укрѣпленія берутъ сѣно три окрестныя станціи.

Проѣхавъ три станціи, мы приблизились къ Уральскому укрѣпленію. Издалека оно было все окружено миражемъ и казалось, будто передъ нами представилось не ничтожное поселеніе, а какой-то большой городъ, съ башнями, колокольнями и высокими домами.

Переѣхавъ черезъ Иргизъ, мы стали подниматься на крутую песчаную гору, на которой расположено укрѣпленіе. Мѣсто подъ укрѣпленіе выбиралъ Бларамбергъ, тогда оберъ-квартирмейстеръ, и выбралъ очень неудачно; оно высоко, песчано и безплодно. На сѣверъ простирается безплодная степь, видная на далекое разстояніе. Подъ укрѣпленіемъ протекаетъ Иргизъ, солонцеватый въ этомъ мѣстѣ. Покосы укрѣпленія лежатъ въ двадцати верстахъ ниже укрѣпленія; за камышемъ ѣздятъ на старый Иргизъ за двадцать слишкомъ верстъ выше. Огороды тоже лежатъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Около укрѣпленія поселено нѣсколько семействъ казаковъ, неизвѣстно для какой потребы прикрѣпленныхъ къ пустой степи, окружающей Уральское укрѣпленіе.

Когда мы въѣхали въ укрѣпленіе изъ окна одного зданія раздался голосъ нашего предсѣдателя, зовущаго насъ радостнымъ тономъ [1]). Ахъ! наконецъ-то! Сюда! къ намъ!

Слава Богу, добрались наконецъ до нашихъ пріятелей.

---

[1]) Въ 1866 году коммисія раздѣлилась на двѣ группы, чтобы имѣть возможность осмотрѣть большее пространство. Коммисія съѣхалась вмѣстѣ только въ Уральскомъ укрѣпленіи.

Я схватилъ съ жадностью груду газетъ. Какія потрясающія новости! Австрія почти уничтожена битвами, происходившими въ Сѣверной Богеміи. Пруссаки въ нѣсколько недѣль дошли отъ Саксоніи до Дуная, уничтоживъ по пути одну изъ могучихъ армій, которыя когда-либо имѣла Австрія. И это пруссаки со своимъ военнымъ филистерствомъ, и это Вильгельмъ I, котораго предполагали бездарнымъ подражателемъ Фридриха Вильгельма III! Какъ это могло случиться?—Послѣ побѣдъ Пруссіи для Россіи поднимается новое затрудненіе. Подъ Кенигсгрецомъ созданъ Остзейскій вопросъ и разрѣшеніе его не болѣе какъ вопросъ времени. Я думаю, что Пруссія при этомъ должна быть жестоко наказана, но, во всякомъ случаѣ, нахальство нѣмцевъ и дерзость ихъ при удачѣ ручаются за то, что остзейскій вопросъ непремѣнно станетъ на очереди, когда вся Сѣверная Германія сконцентрируетъ свои силы и будетъ въ состояніи выставить въ поле милліонную армію.

29—31-го іюля прожили въ Уральскомъ укрѣпленіи. Цѣль, съ которою оно построено, та же самая, какая была при сооруженіи Эмбинскаго поста, т. е. она неопредѣленна и сбивчива. То, что оно воздвигнуто на возвышеніи, доказываетъ чисто-военную цѣль. Планъ крѣпости—редутъ съ закругленіями двухъ угловъ, по діагонали, съ которыхъ орудія должны обстрѣливать остальные два исходящіе угла. Въ укрѣпленіи построены казармы на гарнизонъ, кажется, роту, сотню и четыре орудія. Есть полуразвалившаяся церковь. Внизу, ближе къ Иргизу, слободка, которая разбросана и далѣе къ востоку. Домовъ штукъ двадцать. Какъ и слѣдовало ждать, всѣ поселенцы, высланные сюда распоряженіемъ правительства, бѣдны и ничего не дѣлаютъ.

Къ нашему пріѣзду комендантъ крѣпости былъ въ страшныхъ попыхахъ: ожидали проѣзда генералъ-губер-

натора. Съ ранняго утра и до поздняго вечера онъ бѣгалъ по укрѣпленію, возбуждая солдатъ къ усердію. Все чистилось, умывалось, освѣжалось и красилось.

29-го у насъ было засѣданіе, въ которомъ разбиралось предложеніе генерала Дюгамеля. Онъ просилъ разрѣшенія военнаго министра о колонизаціи нѣкоторыхъ частей степи Сибирскими казаками-охотниками, безъ всякаго пособія казны. Какъ на тѣ страны, которыя особенно нужно колонизировать, генералъ-губернаторъ указывалъ на озеро Ҷоръ-Зайсанъ и Иссыкъ-Куль. Коммисія высказалась въ пользу предложенія генерала Дюгамеля.

30-го уѣхали Г. и П., которые жили въ Уральскомъ укрѣпленіи уже двѣ недѣли. Они ожидали насъ и съѣздили между прочимъ въ Карабутакскій фортъ. Теперь они направились на фортъ № 1. Мы остались, потому что мнѣ нужно время, чтобы окончить кое-какія дѣла.

Въ Уральскомъ укрѣпленіи мы нашли Пріорова съ фотографіей. Я очень радъ этому, потому что буду имѣть альбомъ хоть съ части степи.

31-го вечеромъ я гулялъ по укрѣпленію и слободкѣ. Брустверъ, кое-какъ сохранившійся къ сторонѣ выѣзда, вѣроятно, вслѣдствіе усилій поддержать лицевую сторону, съ другихъ сторонъ почти совершенно осыпался. Церковь требуетъ полной перестройки. Большинство зданій либо съ треснувшими стѣнами, либо съ провалившимися крышами. Но что и цѣло какъ-то покривилось, состарилось, смотритъ неопрятно и грязно. Слободка смотритъ уныло. Невысокіе дома, лишенные крышъ, маленькія окна, неопрятныя стѣны съ облупившеюся глиною, все это дѣлаетъ ее похожею на грязное азіатское селеніе. Кабаковъ—два; лавка—одна. Жители лѣнивы и не занимаются ничѣмъ. Здѣсь находится киргизская школа, теперь пустая, въ которой зимою учатся дѣти киргизъ.

Вообще говоря, укрѣпленіе вмѣстѣ со слободкою смотритъ чрезвычайно безотрадно. Кругомъ разстилается пустая степь, на которой незамѣтно ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Недалеко отъ стѣнъ течетъ Иргизъ, лишенный камыша. По берегамъ рѣки бѣгаютъ кулики, нарушающіе скучное спокойствіе рѣзкими криками, которые наводятъ своимъ единообразіемъ еще болѣе тоски... Жалка та колонія, которая, будучи выдвинута къ чужеземной странѣ, не можетъ, по крайней мѣрѣ, жить привольно и безъ нужды.

1-го августа. Сегодня послѣ обѣда мы поѣхали по направленію къ Сыръ-дарьѣ. Песчаное пространство между Уральскимъ укрѣпленіемъ и Сыръ-дарьей называется киргизами Кара-кумъ, черными песками. Я не знаю ничего унылѣе этихъ мѣстъ. По сторонамъ дороги лежитъ песокъ, который только кое-гдѣ связанъ растеніями, въ другихъ же мѣстахъ онъ свободенъ пересыпаться изъ стороны въ сторону, куда ему угодно. Тамъ, гдѣ песокъ связанъ чіями, колючками и другими страннаго вида растеніями, отъ наносовъ, образуемыхъ кочующими песками, поднимаются бугры, отчего всякая растительность въ этой пустынѣ какъ бы коронуетъ песчаные холмики. Кое-гдѣ попадается и твердая глинистая почва, которая, однако, малымъ чѣмъ плодороднѣе песковъ. Множество трещинъ доказываетъ, какой здѣсь недостатокъ воды. На глинѣ растительность другая, и, вмѣсто высокихъ чіевъ, по сторонамъ разбрасывается низкая полынь.

Дорога, вообще говоря, невыносимо дурна. Когда дуетъ вѣтеръ сбоку, желобъ дороги не только заносится совсѣмъ, но и засыпается сверху, такъ что тогда дорога кажется выпуклою; когда же вѣтеръ дуетъ прямо по направленію дороги, она оказывается твердою, и съ вогнутаго ея дна сдувается весь песокъ. Во вся-

комъ случаѣ, ѣхать по сторонамъ нельзя. Песокъ и безпрерывные бугорки, покрытые травою, дѣлаютъ подобную ѣзду невозможною.

Человѣкъ, принужденный проѣхать Кара-кумы, предается мученіямъ не по одному только этому; есть много причинъ, изъ которыхъ каждая въ состояніи его убить. Почты между Уральскимъ укрѣпленіемъ и Фортомъ № 1 содержатъ киргизы, которые, согласно арендному договору, обязаны имѣть *три пары* лошадей. Станціи огромныя, дорога невыносимая; разгонъ очень великъ, въ особенности съ того времени, какъ въ Средней Азіи идутъ военныя дѣйствія. Хоть киргизы-почтосодержатели и держатъ втрое болѣе лошадей, тѣмъ не менѣе они не въ состояніи возить исправно. Независимо отъ величины станціи, песковъ и разгона, ихъ лошади изнурены оттого, что кормятся на подножномъ корму. Кромѣ того, киргизы, проѣхавъ много верстъ, выстаиваютъ лошадей очень долго, не менѣе шести часовъ, тогда какъ у насъ держатъ на выстойкѣ два-три часа, даже послѣ проѣзда фельдъегеря. Спущенная со стойки лошадь едва успѣетъ щипнуть траву, едва успѣетъ найти кормъ въ безплодныхъ Кара-кумахъ, какъ уже является проѣзжій. Почтовыя лошади запрягаются. Нехорошо пріѣзженныя, онѣ рвутся съ мѣста въ карьеръ, портятъ сбрую, но уже на первыхъ верстахъ начинаютъ приставать. Проѣзжій останавливается; начинаетъ срывать свою досаду на ямщикѣ, грозитъ ему, иногда бьетъ, а какъ ему помочь бѣдѣ? Чаще всего киргизъ отпрягаетъ лошадей, ѣдетъ назадъ на станцію, даетъ имъ отдохнуть, выкормиться и потомъ является къ брошенному экипажу, заставивъ несчастнаго проѣзжаго прождать на мѣстѣ полъ-сутокъ. Недостатокъ сбруи, цѣнность и трудность достать телѣги, удваиваетъ трудное положеніе почто-содержателей. Все это вмѣстѣ присоединяется къ небрежности и лѣни азіатъ, чтобы сдѣ-

лать проѣздъ въ Кара-кумахъ источникомъ всевозможныхъ пытокъ. Когда наши лошади останавливались, мы не приходили въ негодованіе, какъ и подобаетъ людямъ, привыкшимъ ко всевозможнымъ дорожнымъ бѣдствіямъ, а шли къ станціи пѣшкомъ, увязая въ пескѣ всею ступнею и задыхаясь отъ удушливаго жара и не менѣе удушливой пыли. Либо лошади, надумавшись, догоняли насъ, либо мы добирались до станціи по образу пѣшаго хожденія.

Иногда вмѣсто песку и глины попадались длинныя полосы солонцеватой земли. Хоть по ней ѣхать удобнѣе, зато пыль мелкая, ѣдкая, удушливая не давала ни на секунду покоя. Послѣ такихъ бѣдствій добираешься, наконецъ, до станціи.

Это свернутая на бокъ юрта съ грязными переломанными кирече, съ прокопченными вывороченными уками, покрытая черными войлоками съ такимъ количествомъ на ней дыръ, что этимъ лохмотьямъ позавидовали бы первые имамы, щеголявшіе прорванными во многихъ мѣстахъ нарядами. Въ почтовой юртѣ на полу пыльный войлокъ, противъ входа столъ съ жалобной книгой, впрочемъ, вы бы тщетно искали гдѣ-нибудь чернилъ или карандаша. Почтовая юрта—это дворецъ, въ которомъ вы можете отдыхать, какъ знаете. Не обращая вниманія на пыль и грязь, растягиваешься на растрепанномъ войлокѣ и засыпаешь, покуда люди столкуются съ непонимающими по-русски ямщиками и почто-содержателемъ. Чтобы проѣхать какихъ-либо триста сорокъ верстъ, мы ѣхали пять сутокъ.

3-го августа мы встрѣтили на одной станціи поручика Кузьминскаго, высланнаго изъ Форта № 1, для того, чтобы приготовить путь генералъ-губернатору, который долженъ былъ скоро проѣхать изъ Оренбурга въ Ташкентъ. Ему будетъ хорошо ѣхать, потому что

подъ экипажи его и его свиты выставлены казачьи лошади. На какомъ правѣ распоряжаются власти казачьею лошадью, принадлежащею лично казакамъ, я не знаю, но только ослушанія со стороны послѣднихъ, конечно, быть не можетъ, если имъ дорога жизнь. Кузьминскій говорилъ, что казаки, долженствующіе играть роль ямщиковъ, уже нѣсколько дней сидятъ безъ хлѣба, такъ какъ Крыжановскій опоздалъ, но за то услужливый поручикъ хвасталъ, что подъ дормезъ генералъ-губернатора у него собраны на всѣхъ станціяхъ сѣрыя лошади.

4-го августа мы прибыли на какую-то станцію, чуть ли на Кара-Кудукъ, сдѣлавъ утомительный переѣздъ на верблюдахъ; намъ начали запрягать уже лошадей, вдругъ какой-то киргизъ во всю прыть прискакалъ съ ближайшей горы, съ крикомъ: губернаторъ! губернаторъ! Лошадей у насъ въ ту же минуту отпрягли, объявивъ, что Крыжановскій недавно выѣхалъ съ прошлой станціи. Началась суета невообразимая, почто-содержатель сталъ симметрично располагать хомуты и сбрую, казаки принарядились; въ юртѣ подняли страшную пыль. Вскорѣ послышались за горою отчаянныя понуканья. Впереди явился Кузьминскій и усугубилъ общую суету, торопя ставить самоваръ, разстилать ковры и пр. Какъ вѣрно видитъ генералъ-губернаторъ и какъ онъ безошибочно долженъ судить о степи, сообщеніяхъ и т. д., когда воду, напримѣръ, на чай привозятъ ему издалека въ боченкахъ.

Кстати, описывая прелести Кара-кумовъ, я позабылъ упомянуть еще про двѣ. На всемъ пространствѣ Каракумовъ нѣтъ порядочной воды. Между тѣмъ жажда васъ душитъ нестерпимая. Самый лучшій видъ воды, —«вода скусная»,—какъ говорятъ казаки,—представляющая настой на тончайшемъ пескѣ, съ виду похожій на

разведенный каолинъ. Чай, настоянный на такой водѣ, получаетъ мутно-коричневый цвѣтъ и хруститъ на зубахъ. Въ большей же части колодцевъ вода пахнетъ тиною и органическими остатками, такъ что иногда пьешь этотъ мутный и вонючій экстрактъ только настолько, чтобы подавить болѣзненную жажду.

Другое достоинство почтовой станціи въ Кара-кумахъ это всегдашнее отсутствіе лошадей. Проѣзжающіе приказываютъ запрягать лошадей: «Чичасъ! чичасъ тюря!» проговоритъ ямщикъ и отправляется куда-то съ пукомъ веревокъ въ рукахъ. Онъ идетъ въ степь искать лошадей, которыя забрались Богъ знаетъ куда, и приведетъ онъ вамъ лошадей minimum часа черезъ два. Таково положеніе нашихъ сообщеній въ степи, хоть здѣсь они существуютъ болѣе пятнадцати лѣтъ. А все это оттого, что губернаторъ и администрація живетъ внѣ предѣловъ своей территоріи, т. е. тамъ, гдѣ приведенные безпорядки не чувствуются.

Когда совсѣмъ стемнѣло, мы зажгли свѣчи. Почтосодержатель вбѣжалъ въ юрту уже совсѣмъ одѣтый къ пріему именитаго гостя и проговорилъ второпяхъ:

— Когда пріѣдетъ губернаторъ, пожалуйста, не гаси свѣча. Моя имѣетъ много свѣча, тебѣ дастъ потомъ.

— Ѣдетъ! ворвался въ юрту Кузьминскій.

— Ѣдетъ! проговорило нѣсколько головъ, поочередно показавшись въ дверяхъ юрты. Послышалось понуканье въ ближайшихъ пескахъ и частыя шлепанья кнута по спинамъ.

— Нѣтъ ли у васъ фонаря? суетился Кузьминскій.

— Есть! и солдатъ съ фонаремъ былъ поставленъ на задокъ тарантаса Михаила Капитоновича Пріорова.

Крыжановскій пріѣхалъ. Дверцы дормеза Фребеліуса щелкнули, и оттуда выскочилъ самъ Николай Андреевичъ съ щегольскою тростью въ рукѣ.

— А?! госпожа коммисія! вы какъ тутъ?

— «Да вотъ, ваше превосходительство, вы насъ не пускаете ѣхать».

Вошли въ юрту. Мы доложили генералъ-губернатору про общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ путешествія по Западной части и про полнѣйшее отсутствіе тамъ администраціи. Крыжановскій былъ удивленъ, а Холодковскій, его правитель канцеляріи, даже обидѣлся этимъ и пояснилъ, что Оренбургскіе киргизы благоденствуютъ, богаче Сибирскихъ и не хотятъ перемѣны администраціи. Я упомянулъ про дикость киргизовъ и про то, что они, вообще говоря, негостепріимны относительно русскихъ. Крыжановскій не повѣрилъ.

— Ну-у-у-у-усъ! я съ этимъ несогласенъ,—и это *у* было протянуто такъ, какъ протягиваютъ его, когда вѣжливо опровергаютъ очевидную нелѣпость.—Я былъ въ аулахъ, и цѣлое народонаселеніе выходило ко мнѣ навстрѣчу.

— «Это къ вамъ, ваше превосходительство, къ генералъ-губернатору».

— Нѣтъ, сказалъ Холодковскій,—киргизы, наоборотъ, чрезвычайно внимательны. Напримѣръ, теперь сколько мы станцій ѣдемъ и почтосодержатели запрягаютъ подъ дормезъ его превосходительства исключительно бѣлыхъ лошадей. Чуть одна зашатается, постромки отрѣжутъ и запрягаютъ новую, бѣлую же.

Я взглянулъ на Кузьминскаго, творца бѣлыхъ лошадей, который, не моргнувъ ни однимъ глазомъ, спрашивалъ, когда будетъ угодно его превосходительству выѣхать.

— Я ночую здѣсь, а выѣду завтра чуть свѣтъ.

Я заикнулся про поспѣшность, съ которою рѣшено дѣло о разграниченіи уральцевъ съ киргизами. Крыжановскій отвѣтилъ, что это сдѣлано по его настоянію, сдѣлано очень хорошо, но что вообще *Уральскій* вопросъ не разрѣшится миролюбиво. Про послѣдніе ус-

пѣхи Романовскаго, битву подъ Ирджаромъ и взятіе Ходжента Крыжановскій отзывался съ презрѣніемъ и доказывалъ безполезность нашихъ завоеваній въ Средней Азіи. Тутъ я сталъ противорѣчить ему и доказывалъ необходимость пріобрѣсти всѣ земли до Кашгаръ-Давanскаго хребта, т. е. до нашей естественной границы. Говорили еще очень много. Желая доказать, что успѣхи Романовскаго ничтожны и что всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же, генералъ Крыжановскій обратился къ Холодковскому съ вопросомъ:—какъ вы это говорите?

— Что ни попъ, то батько, ваше превосходительство, поспѣшилъ отвѣтить послѣдній съ лакейскимъ выраженіемъ. Крыжановскій спалъ въ дормезѣ, мы—въ юртѣ, вмѣстѣ съ его свитой. Со свѣтомъ я услыхалъ возню около дормеза, потомъ понуканье шопотомъ и громкое шлепанье кнута.—Казаки!—шепталъ Кузьминскій,—накати экипажъ! Должно быть, его накатили, потому что дормезъ былъ сорванъ лошадьми съ мѣста. Слѣдомъ за нимъ одинъ за другимъ трогались экипажи свиты генералъ-губернатора.

Часовъ въ десять утра поѣхали и мы. Опять та же пустыня. Я дремалъ и просыпался. Жара была нестерпимая. Пріѣхали на станцію, расположенную у какого-то большого, но очень мелкаго озера. Оно было покрыто утками, гусями, журавлями черными и бѣлыми. По берегамъ ходили большіе черные кулики, болѣе курицы величиной, съ изогнутыми книзу клювами, чрезвычайно похожіе на египетскихъ ибисовъ. Я убилъ трехъ изъ нихъ.

Кажется, по пути къ слѣдующей станціи съ вершины одного песчанаго холма вдали открылась синяя полоска: это Аральское море. Вскорѣ видъ окружающей мѣстности сталъ измѣняться. Пески стали очень глубокими. Дорога пролегаетъ между холмами песка, коронованнаго наверху кустами джингиля, гребенщика, сак-

саула, перевитыхъ плетями дикаго плюща. Хоть кусты были очень невелики, въ три, много четыре фута, но видъ растительности разсѣялъ тоску, мучавшую въ Каракумахъ. Вскорѣ показался длинный заливъ Аральскаго моря. Выбившись изъ песковъ, мы поѣхали по самому берегу моря. Хотя влажный песокъ здѣсь былъ плотенъ, но сѣроватыя полосы солонцеватыхъ остатковъ, покрывающія весь берегъ, напоминали, что мы на берегу большого соленаго озера, ложно названнаго моремъ. Заливъ лежалъ неподвижно. Густая вода чуть рябилась подъ вліяніемъ вѣтерка, но волна не шла на плоскій идущій на-нѣтъ берегъ озера и не слышался тотъ ропотъ воды, который звучитъ такъ гармонично въ ухѣ каждаго, любящаго море.

На другой день мы подъѣзжали къ Форту № 1. За двѣ станціи оттуда вмѣсто песчаной или пыльной пустыни, простирающейся по сторонамъ, вдали показалось множество юртъ. Мы доѣхали туда. Направо и налѣво тянулись зеленыя пашни и бахчи, яркая зелéнь которыхъ казалась чрезвычайно красивою послѣ грязно пепельнаго цвѣта, окружавшаго насъ до тѣхъ поръ со всѣхъ сторонъ. Пашни, окружавшія насъ, орошаются изъ большого озера, которое, какъ намъ говорили, само напущено изъ Сыръ-дарьи.

Сложная система оросительныхъ канавъ перерѣзывала пашни во всѣхъ направленіяхъ. Вода набирается сначала въ глубокихъ ямахъ, которыя выкопаны посреди пашней, а потомъ разливается по канавкамъ, которыя идутъ отъ нея. Съ этою цѣлью у каждой ямы устроенъ на веревкахъ черпакъ, которымъ неустанно работаютъ по поясъ голые ичинчи. Другіе, стоя между грядами, крикомъ и маханьемъ тряпичнаго знамени отгоняютъ воронъ, которыя во множествѣ летаютъ надъ пашнями. Эти превосходныя пашни доказываютъ, какъ работаютъ киргизы, какъ они неутомимы и какъ, даже съ вели-

чайшими трудами, умѣютъ пользоваться землею тамъ, гдѣ возможно земледѣліе. Просо великолѣпно. Мы захотѣли купить арбузовъ, чтобы утолить жажду. Бабы и мальчишки нанесли намъ цѣлые мѣшки и того и другого. Я долженъ сознаться, что во всю свою жизнь я не ѣдалъ ничего подобнаго тѣмъ ароматнымъ, напоминающимъ персики дынямъ, какъ тѣ, которыми угостили насъ киргизы.

Далѣе шла тоже оживленная картина. На пашняхъ копошились работники. Громкіе крики сторожей слышались съ разныхъ сторонъ. Кое-гдѣ голые киргизы прокладывали новые глубокіе арыки, выкидывая изъ саженнаго рва землю широкими четами или, лучше, лопатами, у которыхъ желѣзо поставлено на ребро къ ручкѣ. Въ другихъ мѣстахъ работники строили плотинки поперекъ арыкъ, такъ какъ на пашняхъ воды было много, или открывали плотинки, чтобы пустить воду.

Позднимъ вечеромъ **5-го августа** приблизились мы къ Форту № 1. Сперва показалось нѣсколько мельницъ, потомъ мы проѣхали слободку, вызвали здѣсь полицейскаго и приказали ему проводить насъ къ коменданту. Проѣхавъ по мосту черезъ ровъ укрѣпленія, мы очутились внутри ограды. Комендантскій домъ былъ ярко освѣщенъ. Изъ палисадника слышались голоса, тамъ горѣли свѣчи. Генералъ-губернаторъ, какъ намъ пояснилъ полицейскій, игралъ въ карты со статскимъ генераломъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, т. е. съ Г., для какого торжества комендантъ пригласилъ гостей. Намъ показали квартиру въ сосѣдствѣ комендантскаго дома. Первое, что меня поразило, когда я вошелъ въ нашу квартиру, была архитектура казармы. Стѣны были сложены изъ сырцоваго кирпича, полъ кирпичный, потолокъ, онъ же и крыша, шелъ наклонно къ окнамъ и поддерживался балками, поставленными на ребро, широкою плос-

костью по отвѣсной линіи. Стѣны были толсты, но несмотря на то, по словамъ коменданта, давали трещины и весьма часто требовали обновленія, иначе бы разрушились.

Едва пріѣхали наши вещи, какъ я пошелъ купаться. Полицейскій, провожавшій меня со свѣчою въ рукахъ, которую онъ зажегъ, какъ только мы вышли изъ укрѣпленія, пояснилъ, что онъ ведетъ меня къ купальнѣ господъ моряковъ, а что въ рѣкѣ нельзя купаться, иначе сомы утащатъ, что и случается тутъ весьма часто.

Было уже совершенно темно. Мы прошли по какой-то аллеѣ, довольно густой и тѣнистой, должно быть, промаршировали по балкамъ, на которыхъ стоялъ огромный желѣзный плавучій докъ, вытащенный на берегъ, и приблизились къ купальнѣ, которой стѣны состоятъ изъ парусины. Съ величайшимъ удовольствіемъ опустился я на деревяный полъ купальни. Быстрая вода Сыръ-дарьи съ журчаньемъ протекала мимо и крѣпко благодаренъ я ей за то, что она смыла съ меня грязь и пыль, накопившуюся за мучительную дорогу по Каракумамъ.

6—12-го августа—пробыли въ Фортѣ № 1. На другой же день по пріѣздѣ въ фортъ я явился часовъ въ десять утра генералу Крыжановскому. Онъ былъ очень любезенъ и объявилъ, что вечеромъ попроситъ всю коммисію на засѣданіе. Утромъ же мы свидѣлись съ Г. и П. Обѣдать насъ приглашалъ Крыжановскій. Едва я успѣлъ оглядѣться, какъ подошло обѣденное время. Столъ былъ накрытъ въ палисадникѣ, разведенномъ съ большими трудами, какъ намъ говорили, впереди комендантскаго дома. Крыжановскій былъ сухъ со мною, вѣроятно, за отсутствіе организаціи въ Западной части подчиненныхъ ему степей или за отсутствіе у киргизъ гостепріимства. За обѣдомъ всѣ говорили комплименты Крыжановскому.

Послѣ очень хорошаго обѣда, которымъ были обязаны кухнѣ, пріѣхавшей съ генералъ-губернаторомъ, онъ предложилъ всѣмъ покататься на пароходѣ. Я былъ очень радъ такому предложенію. Мы пошли. Пароходъ «Аралъ», какой-то допотопной конструкціи, неуклюжій, едва двигающійся, тронулся вверхъ по Сыръ-дарьѣ. При этомъ Крыжановскій пояснилъ мнѣ, что, кромѣ званія командующаго округомъ, у него есть кредитивная грамота, какая дается чрезвычайнымъ посланникамъ и полномочнымъ министрамъ, на право вести войну и заключать миръ съ Средней Азіей и флагъ адмирала по званію командующаго Сыръ-дарьинской флотиліей. Вѣрительную грамоту я дѣйствительно видѣлъ у Крыжановскаго, но флага не видѣлъ.

Сыръ-дарья очень хорошая рѣка [1]). Она здѣсь широка и глубока и обильна рыбой всякаго рода; но наши пароходы, судя по «Аралу», изъ рукъ вонъ какъ нехороши. Онъ въ часъ едва проходитъ противъ теченія

[1]) Ексартъ древнихъ, Сигунъ арабовъ, нынѣшняя Сыръ-дарья, т. е. рѣка Сыръ можетъ быть значила Екъ-Сартъ; рѣка Сартовъ, или Екъ-Сыртъ ледовитая. Послѣднее вѣроятнѣе, тогда и Сыръ-дарья или, можетъ быть, Сыртъ-дарья, означало бы то же, что и Ексартъ.

Она вытекаетъ изъ кряжа Ала-кау въ землѣ Тара-киргизовъ, нѣсколькими рукавами, идетъ соединившись въ одну, къ западу, на Коканъ, Ходжендъ, поворачиваетъ отъ послѣдняго къ сѣверу, идетъ вдоль всего ханства Коканскаго, поворачиваетъ опять на западъ, раздѣляется верстъ за триста пятьдесятъ до устья, на собственно Сыръ, Куванъ и Ены-дарью, и тремя главными устьями, расходящимися на триста верстъ, впадаетъ въ Аральское море. Устья Кизылъ-дарья и другія давно пересохли. Даже Ены-дарья съ 1813-го по 1832-й была суха, а нынѣ снова наполнилась водой. Правый берегъ Сыра есть по всему Коканду нагорный; тамъ берега рѣки гористы, лѣсисты. Со вступленіемъ въ степь кайсаковъ, между ханствомъ Кокандскимъ и моремъ, берега весьма низменны, ровны, песчаны. Сыръ-дарья несетъ мутную, но хорошую и здоровую воду, лучшую изъ всѣхъ рѣкъ Средней Азіи; она же и значительнѣе всѣхъ. Берега Сыръ-дарьи большею частью—черноземъ, берега Кувана, Ены, Аму и Ванканъ-Дарьи—песокъ. Около Сыръ-дарьи лучшія земли, которыя даютъ, безъ позему, хорошій урожай: чего ни въ Хивѣ, ни въ Бухарѣ не бываетъ. Плодоносная равнина этой рѣки простирается къ югу до Кувана, къ сѣверу на семьдесятъ верстъ. Климатъ долины Сыръ-дарьи, по его географической ширинѣ, соотвѣтствуетъ полосѣ южной Франціи и Италіи. Берега рѣки низки и легко могутъ быть наводняемы по азіатскому способу, что для урожая необходимо.

три версты. Любопытно было видѣть, какъ поворачивался назадъ пароходъ на такой широкой рѣкѣ, какъ Сыръ-дарья (до двухсотъ саженъ), когда Крыжановскій приказалъ ворочаться. Пароходъ присталъ къ берегу; матросы спрыгнули на берегъ и взяли канатъ съ кормы и потянули его. Пароходу данъ ходъ впередъ и онъ сталъ поворачиваться противъ теченія. Эта эволюція разъ не удалась и пароходъ, сдѣлавъ полный кругъ, опять сталъ по теченію. Пришлось повторить прежній маневръ, какъ доказательство неискусства экипажа и неповоротливости парохода.

Во время прогулки мы пили на пароходѣ чай.

Послѣ катанья Крыжановскій пригласилъ насъ собраться къ нему для разсужденій. Мы пришли. Развернули карты и Николай Андреевичъ попросилъ Г—го разсказать ему нашъ путь по Западной части. Г—ій сталъ разсказывать медленно, будто глубоко обдумывая свои слова, съ видимымъ намѣреніемъ смягчить безотрадное впечатлѣніе, произведенное на насъ этой частью Оренбургской степи. Я вворачивалъ съ намѣреніемъ рѣзкія замѣчанія, противъ которыхъ Г—ій ничего не могъ сказать. Крыжановскій будто не замѣчалъ моихъ словъ, давая такой оборотъ, будто Г—ій и компетентнѣе меня и старше, слѣдовательно, моя личность должна быть какъ бы поглощена его мнѣніемъ. По вопросу о торговлѣ съ Средней Азіей Крыжановскій замѣтилъ слѣдующее.

Я былъ въ коммисіи, которая разбирала вопросъ о Балханскомъ заливѣ. Тогда я думалъ вмѣстѣ со всей коммисіей, что устройство тамъ укрѣпленія полезно. Теперь я другого мнѣнія. Потійско-Бакинская желѣзная дорога вмѣстѣ со складочнымъ торговымъ пунктомъ у Балханскаго залива повернутъ всю среднеазіатскую торговлю на Поти, въ рейдъ котораго даже въ настоящее время приходятъ ежегодно до тысячи купеческихъ кораб-

лей. Значитъ, шелкъ пойдетъ въ Ліонъ, а мы отъ владѣнія Кокандскимъ ханствомъ не выиграемъ ничего. Гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы *пускать Кавказское начальство* къ Балханскому заливу, проложить удобный трактъ на Оренбургъ, устроивъ въ Ташкентѣ мануфактуры для обработки сырыхъ среднеазіатскихъ произведеній.

Я опять возражалъ, доказывалъ, что сбытъ шелка-сырца или коконовъ въ Ліонъ сдѣлаетъ насъ участниками въ шелковомъ производствѣ, а это важно потому, что конкурировать намъ съ французскими шелковыми мануфактурами невозможно, что хлопокъ, который, вѣроятно, пойдетъ по Сыру, скорѣе и натуральнѣе направится въ Волгу, чѣмъ по Потійско-Бакинской желѣзной дорогѣ и опять по морю въ Западную Европу и т. д. Крыжановскій отвѣтилъ, что «я съ вами рѣшительно несогласенъ, г. *полковникъ*».

Потомъ генералъ-губернаторъ перешелъ къ разбору извѣстныхъ взглядовъ объ устройствѣ степей. Сдѣлавъ довольно ловко очеркъ соображеній, которыя должны руководить при этомъ правительство, онъ прибавилъ:

— Если правительство сосредоточитъ въ рукахъ одного генералъ-губернатора Семипалатинскую, Туркестанскую область и новозавоеванныя страны, то порядокъ будетъ; если же ему подчинятъ всѣ степи и назначатъ ему резиденцію Ташкентъ, тогда ему нельзя будетъ управиться съ дѣломъ и киргизы станутъ пріурочиваться къ Средней Азіи, какъ до сихъ поръ пріурочивались къ Оренбургу. Я былъ бы очень радъ, еслибы меня отправили въ Ташкентъ, потому что мнѣ хотѣлось бы жить тамъ.

Это Крыжановскій намекалъ на записку, поданную мною и Г—мъ военному министру. Послѣ его словъ наступило молчаніе. Генералъ-губернаторъ могъ бы принять это за согласіе съ его мнѣніемъ всей коммисіи.

Г—ій глазами выражалъ свое согласіе съ Крыжановскимъ. Я опять принужденъ былъ говорить.

— Обязанность генералъ-губернатора, сказалъ я, состоитъ въ веденіи дѣлъ политическихъ, военныхъ, въ общемъ направленіи управленія и легкомъ контролѣ надъ губернаторами...

— «Извините, полковникъ, въ томъ, чтобы руководить ими».

— Я позволю себѣ сказать, что губернаторы могли управлять здѣсь, что касается до самой администраціи и безъ генералъ-губернатора. Если это такъ, если коммисія въ особенности выработаетъ общія положенія для управленія всѣми киргизами, то является необходимость въ одномъ генералъ-губернаторѣ съ резиденціей въ наиболѣе центральномъ пунктѣ. Ташкентъ, какъ мнѣ кажется, не такъ невозможенъ, какъ резиденція генералъ-губернатора.

— «Это, сказалъ Крыжановскій, значитъ объазіатить степь и оташкентить генералъ-губернаторовъ, какъ ополячился генералъ Назимовъ въ Вильнѣ».

— Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ сравненіемъ: послѣ взятія Казани, нужно ли было управлять ею изъ Москвы или устроить въ Казани воеводство и отатарились ли отъ этого наши воеводы, и отатарилась ли вся страна? Было ли бы лучше, еслибы мы управляли Казанью изъ Москвы?

Кто-то вошелъ очень кстати, чтобы положить конецъ нашему щекотливому разговору. Мы попрощались съ генераломъ Крыжановскимъ; онъ со мною попрощался сухо, впрочемъ, пригласивъ насъ всѣхъ на балъ къ 30 августа, который онъ намѣренъ дать въ Ташкентѣ.

Почти все время я сидѣлъ дома, занимаясь дѣлами, но тѣмъ не менѣе употреблялъ всѣ усилія, чтобы узнать Фортъ № 1. Сама крѣпость, хотя выкрашенная и подновленная къ пріѣзду Крыжановскаго, оказывается не

годною. По какому-то странному закону подъ всѣмъ фортомъ образовалось болото, отъ котораго зданія начинаютъ кривиться и разрушаться. То же происходитъ съ валомъ. Крыжановскій хочетъ перенести укрѣпленіе на полторы версты ниже по теченію рѣки. На мѣстѣ нынѣшняго укрѣпленія останется только слободка. Послѣдняя состоитъ, кажется, изъ двухсотъ оренбургскихъ казаковъ и среднеазіатцевъ. Первые ничего не дѣлаютъ, кромѣ одного либо двухъ, которые и богаты. Комендантъ разсказывалъ, что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать. То явится къ нему депутація русскихъ колонистовъ съ жалобой такого рода:

— Нѣтъ житья, ваше высокоблагородіе, орда одолѣла!

— «А что случилось?»

— Всѣ наши пашни водой залили.

Тогда колонистамъ даютъ по выбору ихъ пашни, которыя отнимаются у киргизъ. Проходитъ нѣкоторое время.

— «Ваше высокоблагородіе, орда житья не даетъ».

— Что такое?

— «Вовсе воды нѣтъ».

Комендантъ ѣдетъ къ пашнямъ и видитъ, что никто не расчищалъ арыковъ и что, конечно, нѣтъ воды; на прежнихъ же ихъ пашняхъ, которыя отошли къ киргизамъ на мѣсто отнятыхъ у нихъ, превосходный урожай.

Другая часть населенія слободки—среднеазіатцы, преимущественно бухарцы, занимаются торговлей весьма дѣятельно. Около Форта № 1, или, какъ его называютъ, Казалы, въ шести-семи верстахъ переправляются всѣ караваны, идущіе изъ Хивы и Бухары въ Оренбургъ и Троицкъ. Слѣдовательно, онъ лежитъ на весьма важномъ торговомъ пути. Теперь, впрочемъ, караваны не ходятъ и на весь бухарскій товаръ наложено амбарго.

Арестовано до 650.000 р. с. Это арестованіе очень курьезно. Когда ихъ арестовали, завопили наши купцы, имѣвшіе съ бухарцами счеты; имъ дозволили тогда распродать товаръ, но не въ Бухару. Оттого весь товаръ пошелъ на Хиву; когда же арестованіе наложено опять, то амбарго легло на русскіе товары. Теперь въ бухарской улицѣ, около закрытыхъ лавокъ, ходитъ часовой. Одинъ изъ нихъ былъ даже израненъ помѣшаннымъ фанатикомъ, который теперь и судится. Послѣ дѣла подъ Ирджаромъ бухарскій эмиръ отпустилъ нашихъ купцовъ и снялъ амбарго. Крыжановскій приказалъ освободить бухарцевъ, но задерживать деньги до тѣхъ поръ, покуда не прибудутъ двое замѣшкавшихся еще въ Бухарѣ нашихъ купцовъ. Освобожденные купцы должны осмотрѣть свои товары и, если окажется порча, то генералъ Крыжановскій хотѣлъ вознаградить ихъ бухарскими деньгами.

По вопросу о торговлѣ Николай Андреевичъ небольшой знатокъ. Купецъ Хлудовъ, представитель московской фирмы, владѣющей пятнадцатью милліонами, прибылъ сюда съ огромнымъ караваномъ третьяковскихъ ситцевъ. Онъ намѣревался идти съ ними въ Хиву и Бухару. Я познакомился съ Хлудовымъ. Онъ доказываетъ, что ему очень выгодно идти прямо изъ Казалы въ Хиву и далѣе въ Бухару, а не въ Ташкентъ, какъ этого требуетъ генералъ Крыжановскій.

— Если за время моего пребыванія въ Бухарѣ, говорилъ Хлудовъ, опять начнется война, на мои товары наложатъ запрещеніе; я это знаю. Но какъ только она кончится, я буду свободенъ, слѣдовательно начну первымъ свои обороты. Если же я поѣду въ Ташкентъ, то потеряю даромъ около двухъ мѣсяцевъ и мнѣ еще болѣе затруднятъ путь въ Бухару, куда я непремѣнно хочу направиться.

Мнѣ кажется расчетъ Хлудова практически вѣрнымъ.

Во всякомъ случаѣ, необходимо поощрять смѣлаго человѣка, который прокладываетъ пути для нашей активной торговли. Нѣсколько милліоновъ потребителей не шутка. До тѣхъ же поръ, пюкуда мы сами не станемъ возить наши товары въ Среднюю Азію, туда будетъ идти русская монета, которая и перечеканивается благополучно въ Туранѣ. Между тѣмъ, администрація, вмѣсто содѣйствія, стѣсняетъ только Хлудова и я слыхалъ, какъ комендантъ передавалъ ему приказаніе Крыжановскаго идти непремѣнно въ Ташкентъ. Хлудовъ отправилъ все-таки четверть всего транспорта прямо въ Хиву, а съ остальнымъ товаромъ пойдетъ въ Ташкентъ. И это все потому, что генералъ Крыжановскій думаетъ, что тамъ должна сосредоточиться вся среднеазіатская торговля. Николай Андреевичъ имѣетъ еше зубъ на фирму Хлудова за то, что она не хочетъ заняться приготовленіемъ въ Ташкентѣ сухихъ фруктовъ, на манеръ французскихъ, что, по мнѣнію генералъ-губернатора, должно дать неслыханные проценты, а по мнѣнію Хлудова — убытокъ. Хлудовъ везетъ съ собой въ Ташкентъ сѣмянъ хлопка на тысячу десятинъ, которыя онъ тамъ хочетъ засѣять. Онъ просилъ коменданта отвести ему мѣсто въ Казалѣ подъ домъ, близъ базара. И такими людьми командуютъ, какъ батальономъ!

Недалеко отъ Форта № 1 находятся огороды, поливаемые изъ Сыръ-дарьи. Они принадлежатъ гарнизону и коменданту. Все родится очень хорошо. Виноградъ спѣетъ и даетъ большія, вкусныя грозди. Въ этомъ году, въ видѣ опыта, въ первый разъ посѣянъ хлопокъ и есть надежда, что онъ дастъ много бумаги. Нѣкоторые изъ жителей занимаются рыболовствомъ. Осетровъ или, вѣрнѣе, шиповъ, здѣсь множество, но солятъ ихъ не такъ хорошо, какъ на Уралѣ; думаютъ, что это зависитъ отъ того, что соль, употребляемая для посола, здѣсь нехороша; знатоки дѣла полагаютъ, что необхо-

димо было бы получать индерскую соль для приготовленія икры и балыковъ. Черной рыбы еще больше, оттого она не цѣнится. Особенно много сомовъ, самыхъ колоссальныхъ размѣровъ, такъ что въ самомъ дѣлѣ опасно купаться. Недавно проходилъ здѣсь батальонъ Самарскаго полка. Люди, придя, начали купаться. Вдругъ одинъ унтеръ-офицеръ сталъ кричать. Такъ какъ онъ плавалъ у самаго берега, то его схватили за руки два рядовыхъ, чтобы вытащить, предполагая, что онъ тонетъ. Но унтеръ-офицеръ, продолжая кричать, тянулъ за собой въ воду и солдатъ; наконецъ онъ сталъ умолять бросить его, говоря, что огромная рыба схватила его ногу до паха. Солдаты не могли удержать несчастнаго. Черезъ нѣсколько дней, на отмели далеко отъ Казалы былъ выкинутъ трупъ огромнаго сома, около четырнадцати пудовъ вѣсу, подавившагося унтеръ-офицеромъ. Одну ногу чудовище проглотило до паха, другую же не пускало далѣе тѣло унтеръ-офицера.

Въ этомъ году появились здѣсь и тигры, чего прежде не бывало. Нѣсколько дней тому назадъ къ коменданту пришелъ одинъ поселенецъ съ такою рѣчью:

— «Я, батюшка, ѣду въ Казалу съ бахчей, а онъ, чортъ-то, лежитъ у самой дороги. Я даже обомлѣлъ весь и не помню, какъ прискакалъ въ аулъ».

— Какой чортъ?

— «Извѣстно—тигра. Пріѣхалъ я въ аулъ, говорю джулъ-барсъ, молъ, тутъ лежитъ. А орда стала показывать, что кругомъ всего аула они ходятъ; такъ слѣдами все и испещрено».

Коменданту подчинена вся слободка со своими жителями; на киргизъ онъ имѣетъ больше вліянія, чѣмъ коменданты Уральскаго укрѣпленія и Эмбенскаго, но легальны ли эти права, не знаю. Киргизы подчиняются всѣ вообще управляющему мѣстнымъ населеніемъ Сыръ-дарьинской линіи, который и живетъ въ фортѣ Перов-

скомъ. Его помощникъ (прапорщикъ Богдановъ) живетъ въ Казалѣ и ему, строго говоря, подчинены всѣ киргизы, исключая нѣсколькихъ тысячъ кибитокъ, которыя почему-то изъяты изъ этого подчиненія. Богдановымъ киргизы очень недовольны, какъ потому, что онъ по происхожденію башкирецъ, что кажется обиднымъ для киргизъ, такъ и потому, что онъ, кажется, большой взяточникъ.

13-го августа. Вчера вечеромъ мы выѣхали изъ Форта № 1. Дорога напоминаетъ Кара-кумы и по свойству окружающей почвы, и по качествамъ станцій, и по достоинству почтовыхъ лошадей. Къ тому же пески мѣстами попадались крайне глубокіе, отчего, едва проѣхавъ станцію, либо двѣ, мы сѣли въ ожиданіи того времени, когда подъѣдетъ увязшій въ пескахъ тарантасъ одного изъ нашихъ спутниковъ. Ожиданіе это тщетно продолжалось около десяти часовъ. Тѣмъ временемъ Г. и П. догнали насъ и еще первый разъ въ этомъ году вся коммисія съѣхалась во время пути. Передъ ночью на тринадцатое мы опять тронулись въ путь первыми; но едва проѣхали станцію, какъ у насъ сломалась оглобля. Только благодаря незамѣченнымъ до того способностямъ моего человѣка къ практической механикѣ, мы могли двинуться дальше.

Къ вечеру мы были у Форта № 2. Измучившись за ѣзду въ теченіе сутокъ по пескамъ, мы рѣшились отдохнуть тутъ, чтобы, въ особенности, дать отдыхъ нашей уставшей прислугѣ.

Фортъ № 2—небольшое сомкнутое укрѣпленіе, все набитое разными зданіями и казармами. Если бы не эта тѣснота постройки, то оно едва-ли не могло считаться лучшимъ изо всѣхъ, видѣнныхъ нами доселѣ. Впрочемъ, и тутъ, при высокой водѣ, Сыръ-дарья грозитъ унести гласисъ и часть вала. Слободка около есть, но выстроен-

ная семейными лицами гарнизона. Ни одной лавки нѣтъ, разночинцевъ тоже. Комендантъ говорилъ, что онъ просилъ о поселеніи близъ ограды по крайней мѣрѣ сорока семействъ. Луговъ у укрѣпленія очень много; топлива: саксаула, джингила, гребенщика и полыни очень много. Огороды даютъ хорошіе плоды. Въ Сыръ-дарьѣ множество рыбы. При Фортѣ есть большой неводъ. Ловятся шипы, сазаны, щуки, сомы. Комендантъ приготовилъ балыки и икру. Они не уральскіе, но очень сносны. Мы пробовали и то и другое. Черная рыба идетъ на пищу солдатъ, но, вообще говоря, она въ пренебреженіи, потому что ея очень много.

Мѣстное богатство очень кстати было въ настоящее время. — «Мы не получали никакого содержанія за три трети; хорошо, что у насъ есть огороды и рыбная рѣка, а то не знаю, что бы и дѣлали», говорилъ комендантъ. Трата денегъ не по статьямъ, а согласно первой потребности вмѣстѣ съ недостаткомъ денегъ у Черняева во время его экспедиціи противъ среднеазіатскихъ владѣній, дѣйствительно оставила всѣ здѣшнія войска безъ денегъ. Теперь посланы суммы для погашенія нашихъ долговъ.

Противъ Форта № 2 на лѣвомъ берегу множество фазановъ и тигровъ. Первыхъ ловятъ тысячами. Зимою фазаны живутъ на дорогахъ и у самыхъ юртъ, стоящихъ на киставахъ около Сыра. На тигровъ нѣтъ охотниковъ, хотя они ежедневно похищаютъ скотъ у киргизовъ и русскихъ. Случается, по словамъ коменданта, что тигръ схватываетъ верблюда на правомъ берегу, перетаскиваетъ его черезъ Сыръ-дарью и уноситъ очень далеко за рѣку. Тигръ, унося скотину, въ первый день выпиваетъ ея кровь и оставляетъ на мѣстѣ; на другую ночь и третью онъ приходитъ и ѣстъ уже мясо. Киргизы, зная это свойство тигра, часто крадутъ у него мясо и въ первый же день похищенія скотины, выслѣдивъ, куда она отнесена, пируютъ надъ трупомъ, такъ

что тигръ, придя ночью, видитъ себя обкраденнымъ. Русскіе ставятъ у такой падали ружья на сторожку. Для того ружья укрѣпляются на высоту 2—2½ футовъ, къ собачкѣ привязывается веревочка, проведенная подъ неподвижную палку и прикрѣпленная къ говядинѣ такъ, что, когда ее начать рвать, курокъ спустится. Комендантъ говорилъ, что бить такъ тигра опасно, потому что киргизы крадутъ у тигра мясо зря и могутъ быть убиты. Охотниковъ во вкусѣ Жерара нѣтъ. Особенно много тигровъ у слѣдующей отъ Форта № 2 станціи по направленію къ Джулеку.

14-го августа. Утромъ вмѣстѣ съ солнцемъ мы поднялись послѣ сладкаго и чрезвычайно пріятнаго сна. Наши экипажи повезли уже къ переправѣ. Отъ Форта № 2 до форта Перовскаго почтовая дорога идетъ по лѣвому берегу. Оффиціально наша граница идетъ по Сыръ-дарьѣ; въ сущности же наше единственное сообщеніе по части Сыръ-дарьинской линіи идетъ именно по лѣвому берегу; бухарцы не выражаютъ и претензіи не только на этотъ берегъ, но и на всѣхъ нашихъ киргизъ, зимующихъ далеко къ югу отъ почтовой дороги.

Мы подошли къ берегу, у котораго былъ уже приготовленъ хорошій желѣзный паромъ, служащій здѣсь перевозомъ. На другомъ паромѣ, деревянномъ, перевозили тарантасы. Рѣка здѣсь шириною саженъ въ двѣсти или двѣсти пятьдесятъ и глубока. Мы шли на веслахъ. Комендантъ разсказывалъ про свои огороды, тянущіеся по берегу восточнѣе укрѣпленія. Наводненіемъ этого года ихъ затопило, отчего всходы вышли очень дурные. Виноградъ ростетъ хорошо. Турецкіе сорты табаку и того лучше. Комендантъ хотѣлъ на слѣдующій годъ посѣять хлопокъ.—«Зарядите ружье, если хотите стрѣлять фазановъ», прибавилъ комендантъ, прощаясь съ нами.

Мы поѣхали теперь по странѣ совершенно отличной отъ Кара-кумовъ. Песку не было. Дорога была пыльная. Сухой илъ поднимался густымъ столбомъ, когда становились лошади въ мягкое и толстое одѣяло, покрывающее дорогу. По сторонамъ показались кое-гдѣ небольшіе кустики саксаула, джигды, джингила, что вмѣстѣ чрезвычайно пріятно дѣйствовало на зрѣніе, привыкшее уже къ гладкой и безплодной голи. Дорога поминутно пересѣкалась множествомъ арыковъ, впрочемъ, какъ мнѣ казалось, запущенныхъ. Кое-гдѣ въ низменныхъ мѣстахъ виднѣлись пашни. Вдали виднѣлись юрты и бродили верблюды. Я убѣдился въ вѣрности замѣчанія коменданта—фазаны бѣгали по дорогѣ, какъ куры. Я зарядилъ ружье и, стрѣляя въ первый разъ по фазанамъ, сгоряча надѣлалъ много промаховъ.

Мѣстами къ дорогѣ подходила Сыръ-дарья; на противоположномъ берегу ея поднимались большія джигдовыя деревья, которыми заросъ весь островъ. Говоря про островъ, я долженъ замѣтить, что у Форта № 2 Сыръ-дарья раздѣляется на два рукава: Кара-Узянъ и Джаманъ-дарью, которые охватываютъ очень длинный островъ, кончающійся только у форта Перовскаго. Островъ этотъ въ западномъ углу занятъ покосами форта. Далѣе онъ поросъ частыми рощами изъ джигды, джингиля и камыша. На островѣ очень много тигровъ. Джаманъ-дарья представляетъ только протокъ; Кара-Узянъ же весь состоитъ изъ множества соединенныхъ между собою, глубокихъ, прѣсныхъ озеръ, заросшихъ кое-гдѣ на большія пространства камышемъ. Плаваніе по Джаманъ-дарьѣ и Кара-Узяну для пароходовъ затруднительно.

Съ цѣлью облегчить движеніе въ этомъ мѣстѣ пароходовъ, генералъ Крыжановскій послалъ инженера, полковника Сергѣева, для канализаціи рѣки тамъ, гдѣ это нужно. Сергѣевъ окончилъ теперь свой трудъ. Выше

того мѣста, гдѣ Сыръ-дарья раздѣляется на Джаманъ-дарью и Кара-Узянъ, вода бьетъ стремительно въ лѣвый берегъ. Отъ этого пункта Сергѣевъ провелъ канаву въ Джаманъ-дарью, которая дѣлала изгибъ къ югу, чтобы избѣгнуть неглубокаго прѣснаго озера. Канава сдѣлана не широкою въ томъ справедливомъ соображеніи, что весенній ледъ расширитъ ее. Проводя такъ канаву, Сергѣевъ думалъ, что вода изъ Сыра пойдетъ по канавѣ въ Джаманъ и дастъ возможность обходить трудныя для плаванія мѣста. Оказалось однако: 1) что горизонтъ Кара-Узянъ ниже Джаманъ-дарьи и 2) что вода, прошедшая черезъ канаву въ Джаманъ-дарью, направилась вся въ Куванъ-дарью, устье, не доходящее до Аральскаго моря. Теперь Сергѣевъ хочетъ уменьшить количество воды въ Куванъ-дарьѣ. Такъ какъ по Куванъ-дарьѣ живетъ множество хлѣбопашцевъ изъ киргизъ, нашихъ подданныхъ, то пересѣчь ее плотиной нельзя; иначе мы отнимемъ воду у ихъ пашней; поэтому Сергѣевъ предполагалъ сдѣлать такую плотину, которая должна уменьшить количество воды, уходящей теперь въ Куванъ. Канаву работали киргизы, которые всегда отличные землекопы, если они изъ хлѣбопашцевъ.

Первая станція отъ Форта № 2 расположена на берегу Джаманъ-дарьи; противъ острова, заросшаго тутъ непроходимою чащею джигды и джингиля. Сѣвернѣе къ Кара-Узяну идутъ непроходимыя топи, поросшія камышами. Казакъ, смотритель станціи, жаловался, что лошадямъ нѣтъ покоя отъ тигровъ, которыхъ тутъ очень много. Онъ разсказывалъ, что еще недавно тигръ, должно быть молодой, бросился на лошадей, привязанныхъ у самой юрты. Сперва онъ схватилъ лошадь зубами за задъ, но она сорвалась у него съ зубовъ и съ привязи и ушла; тогда учащійся тигренокъ схватилъ другую лошадь за холку, но и она вырвалась. Обѣ ло-

шади теперь живы, и мы ихъ видѣли. Какъ долженъ кусать старый тигръ, можно судить по тому, что молодой чуть не откусилъ у злополучной лошади полъкрупа.

Дорога отъ станціи еще болѣе разнообразна. Джигда и джингиль поднимаются въ довольно большіе кусты, поросшіе сплошною густою массою. Между ними иногда попадаются купы высокаго камыша, разнообразящаго сѣрую зелень джингиля и гребенщика съ его странными игловидными листьями. Все это вмѣстѣ кое-гдѣ перевито плющемъ и хмѣлемъ, который свѣшивался внизъ пышными фестонами и какъ бы сплачивалъ въ одну стѣну густую заросль. Глазу, привычному къ европейской флорѣ, казались эти игловидные листы или снабженные шипами кусты геологическимъ ландшафтомъ какой то древней формаціи. Фазаны, бѣгающіе по дорогѣ, при приближеніи экипажа прятались въ густую, едва проникаемую чащу, гдѣ ихъ нельзя было замѣтить. Если бы тигръ улегся въ двухъ шагахъ, онъ былъ бы совершенно невидимъ, такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были часты густыя заросли.

Въ Остъ-Индіи такія заросли называются джунгль. Джунгль или, какъ называютъ русскіе такія же заросли, урема, сопровождаетъ теченіе всѣхъ тамошнихъ рѣчекъ. Въ джунгляхъ такъ же, какъ и тутъ водятся въ большомъ числѣ тигры. Здѣшняя урема тянется отъ Джаманъ-дарьи къ югу верстъ на десять, сужаясь кое-гдѣ до пяти верстъ. За нею идетъ опять безплодная полоса песковъ, похожихъ на Кара-кумы. Сколько можно было замѣтить, урема сгущается и становится разнообразнѣе тамъ, гдѣ почва состоитъ изъ ила. Это было видно по чрезвычайно мелкой пыли, лежащей толстымъ слоемъ на дорогѣ и поднимающейся густымъ непроницаемымъ столбомъ при нашемъ проѣздѣ. Тамъ, гдѣ не было этой плодородной пыли, а почва становилась болѣе пес-

чаною, урема разступалась, изъ непрерывной стѣны образовала густыя отдѣльныя купы, оставивъ въ промежуткахъ пустыя пространства безплодной земли. Тогда же пропадалъ камышъ и плющъ, а джигда становилась меньше. На мѣсто того кое-гдѣ появлялся саксаулъ съ длинными, висящими книзу волосообразными листьями и кривыми, точно сплетенными изъ волоконъ, стволами; джингиль становился рослѣе и около него чаще попадался гребенщикъ.

Если по сторонамъ дороги вмѣсто иловатаго песку почва состояла изъ глины, или суглинка, или глинистаго ила, то большая часть растительности состояла тогда изъ саксаула, который достигаетъ здѣсь иногда высоты до четырехъ саженей. Однообразна и печальна казалась тогда картина уремы. Вмѣсто густой растительности, вмѣсто оживленнаго вида разнообразныхъ особей на сѣро-желтомъ пространствѣ, непокрытомъ травою, стояли одиноко разбросанныя деревья саксаула, склонивъ свои мягкія и длинныя иглы на одну сторону и шевеля однообразно ими при каждомъ пролетномъ вѣткѣ.

За то какъ полна жизни казалась дорога, когда экипажъ въѣзжалъ между двухъ сплошныхъ стѣнъ камыша, джигды, джингиля, плюща и хмѣля. Эти живыя стѣны казались то изгородями какого-то населеннаго мѣста и чудилось, что вотъ-вотъ увидишь людей, дома и жизнь; то по временамъ вспоминалось все, что читалъ объ остъ-индскихъ джингиляхъ, о дикихъ звѣряхъ, гнѣздящихся тамъ, о невозможности овладѣть человѣку этими роскошными пустынями, гдѣ его энергія разбивается, природа подавляетъ своею силой и роскошью, и тогда невольно приходили въ голову часто слышанные здѣсь разсказы о тиграхъ...

Ауловъ по пути виднѣлось мало, вѣроятно, потому, что въ густой уремѣ точно такъ же мало для скота корма, сколько и въ голыхъ, лишенныхъ растительности

пустыняхъ, покрытыхъ неѣдомымъ саксауломъ. Только тамъ, гдѣ кое-гдѣ растетъ камышъ, можетъ существовать верблюдъ и съ трудомъ рогатая скотина. Конечно, не вездѣ густыя заросли чередуются съ безплодной глиной. Попадаются и такія пространства, которыя покрыты высокою густою травою и кое-гдѣ только низкими кустиками джингиля. Тутъ особенно много фазановъ.

Около подобныхъ оазисовъ могутъ стоять и аулы, но намъ не случалось ихъ видѣть, хотя признаки ихъ близости можно было замѣчать часто. Вдругъ увидишь на дорогѣ, огражденной по сторономъ высокими стѣнами плотной растительности, сквозь которую не видно ничего и на два шага, собаку. Съ величайшимъ испугомъ и недоумѣніемъ глядитъ она на непривычный для ея глаза тарантасъ и, подпустивъ къ себѣ близко проѣзжихъ, кинется въ гущу, поджавъ хвостъ; или въ сторону побѣжитъ крѣпко вытоптанная тропинка и на ней иногда увидишь коровъ, которыя, поднявъ голову, объѣдаютъ верхушки молодого камыша; или на пригоркѣ покажется откуда-то взявшійся верблюдъ, который поворачиваетъ свою неуклюжую шею за проѣзжающими и, пропустивъ ихъ, сдѣлаетъ нѣсколько нескладныхъ, неловкихъ прыжковъ, означающихъ недоумѣніе или испугъ. Иногда услышишь голоса людей и всѣ разнообразные звуки аула, пріютившагося гдѣ-то между гущею окружающей его растительности.

Дорога отъ Форта № 2 трудна. Пыль отъ ила такъ же тяжела для лошадей, какъ песокъ; колеса проѣзжающихъ выбили тутъ разнообразные ухабы, прикрытые толстымъ слоемъ иловатой пыли, и экипажъ поминутно колотится по нимъ, подготовляя сюрпризъ за сюрпризомъ. По глинѣ сухой плотной и, вѣроятно, содержащей много солей, ѣхать хорошо. Тамъ же, гдѣ оба вида почвы смѣняются наносными песками, просто бѣда. Ко всему этому нужно присовокупить, что здѣшняя пыль,

вѣроятно, вслѣдствіе того, что она иловатая, чрезвычайно мелка и проникаетъ всюду. Густая туча ея сопровождаетъ экипажъ и нуженъ сильный вѣтеръ, чтобы отдувать ее въ сторону. Едва проѣдемъ одну станцію и уже все лицо покрыто такимъ слоемъ пыли, что человѣкъ насилу узнаваемъ.

Сегодня мы проѣзжали мимо большихъ киргизскихъ пашенъ, расположенныхъ у самой Джаманъ-дарьи. Вода поднимается оттуда помощью чигиръ. Сарай, въ которомъ устроены чигири, крытъ соломою. Подъ сараемъ устроены четыре ямы, въ которыя вода набѣгаетъ изъ Джаманъ-дарьи. Отсюда помощью четырехъ воловъ и четырехъ колесъ, вода поднимается въ жолобки, по которымъ сбѣгаетъ въ резервуаръ другого чигиря, отстоящаго отъ перваго на двѣсти или триста шаговъ. Здѣсь, помощью подобныхъ же четырехъ колесъ, вода, поднятая уже на достаточную высоту, пускается въ арыки, которые и развѣтвляются среди пашенъ. И здѣсь я имѣлъ случай удивляться трудолюбію, съ которымъ киргизы занимаются земледѣліемъ, если только могутъ разсчитывать на возможность оросить сухую почву.

15-го августа. Всю ночь ѣхали. Дорога была довольно хороша. Придорожная часть уремы казалась въ темнотѣ гораздо выше и гуще. Прохладный ночной воздухъ былъ влаженъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ показывался высокій камышъ. Подъ утро заснулъ и проснулся тогда только, когда солнце уже грѣло довольно сильно, а Новиковъ крикнулъ, что на дорогѣ пропасть фазановъ. Дѣйствительно, болѣе семи штукъ вспорхнуло чуть не изъ-подъ лошадей.

Мы подъѣзжали къ Кубасовскому посту. Онъ состоитъ изъ казармы нелѣпѣйшей постройки, что-то въ родѣ конюшни съ необъяснимою башнею наверху и узкими длинными бойницами на главномъ зданіи. Ку-

басовскій постъ охраняетъ переправу у форта Перовскаго черезъ Сыръ-дарью, которая недалеко оттуда и раздѣляется на Джаманъ-дарью и Кара-Узянъ. На пикетѣ живутъ казаки, обязанные перевозить всѣхъ на желѣзномъ баркасѣ, имѣющемся здѣсь. Тарантасъ начали свозить на баркасъ. Стая огромныхъ собакъ прибѣжала съ казаками, появляющимися изъ казармы.

— Это что за собаки?

— «Комендантскія,—что ходятъ на кабановъ».

Отчалили. Казаки подняли парусъ и пошли на немъ противъ теченія. Сыръ-дарья здѣсь уже, чѣмъ у Форта № 2, однако, все-таки будетъ саженъ полтораста шириною. Рыбы здѣсь такъ же много.

Переправившись на ту сторону, мы должны были ѣхать еще до пятнадцати верстъ, чтобы попасть въ фортъ Перовскій. Дорога пролегала тутъ по натуральному парку. Отъ самаго Кубасовскаго поста по правому берегу Сыра идутъ богатые луга, служащіе сѣнокосами для гарнизона форта Перовскаго. Между лугами поднимаются рощицы джигдовыхъ деревьевъ, которыя внизу переплетены вьющимися растеніями и заглушены кустами другихъ породъ. Деревья достигали шести-семи саженей. Общее впечатлѣніе, производимое этою дорогой, чрезвычайно отрадно. Изъ придорожныхъ кустовъ безпрерывно вспархивали фазаны и садились на виду на дальность ружейнаго выстрѣла.

Пріѣхали къ форту часовъ въ десять. Намъ показали квартиру начальника Сыръ-дарьинской линіи. Началась усердная мойка и смываніе грязи. Пришелъ комендантъ, явился черезъ нѣсколько времени и начальникъ праваго фланга Туркестанской области, полковникъ Мантейфель. Онъ просилъ насъ обѣдать къ себѣ. Вскорѣ мы и поѣхали къ Мантейфелю на дачу, гдѣ онъ жилъ, въ разстояніи полутора версты отъ форта.

Дача построена самимъ Мантейфелемъ въ общест-

венномъ саду. Послѣдній довольно великъ и раздѣляется на двѣ части. Большая часть его состоитъ изъ пирамидальныхъ тополей, джигды, осины и другихъ деревьевъ. Пирамидальные тополи посажены восемь лѣтъ тому назадъ и достигли высоты семи саженъ, я думаю. Меньшая часть сада состоитъ изъ фруктовыхъ деревьевъ: абрикосовыхъ, яблочныхъ, тутовыхъ, миндальныхъ, орѣховыхъ и сливъ. Растетъ также рициніевое дерево.

16—20-ое августа—пробыли въ фортѣ Перовскомъ. По наружности онъ производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Дома выстроены хорошо; кое-гдѣ есть и исправные полы. Хорошимъ постройкамъ въ фортѣ не мало содѣйствуетъ большое изобиліе въ окрестности такъ называемыхъ здѣсь лѣсовъ, которые, въ случаѣ крайней нужды, могутъ идти на постройки. Впрочемъ, самая толстая джигда, которую мнѣ приходилось здѣсь видѣть, не превосходила въ діаметрѣ двухъ вершковъ. За то топлива множество, что и доказывается тѣмъ, что джигиль и джигда въ большомъ количествѣ могутъ существовать около самой нашей колоніи. Луга, огороды и вообще угодья очень хороши. Рыбы много. Только Сыръ чрезвычайно мутенъ противъ форта. Годъ либо два тому назадъ въ фортѣ Перовскомъ всего было только нѣсколько лавченокъ; теперь же на указанномъ мѣстѣ выстроенъ цѣлый базаръ бухарскими евреями и другими выходцами изъ Средней Азіи. Первые ждутъ только окончанія войны, чтобы перевезти сюда свои семейства. Самый вліятельный еврей говорилъ Мантейфелю, что если бы бухарскіе евреи могли быть убѣждены, что послѣ взятія Бухары евреямъ будутъ даны тѣ же права, какъ и въ Россіи, то они приняли бы на себя всѣ расходы войны, лишь бы только русскіе стали хозяевами Бухары.

Укрѣпленіе довольно просторно. Въ серединѣ его

оставленъ еще неразрушеннымъ одинъ изъ четырехъ угловъ Кокандскаго укрѣпленія Акъ-Мечеть. По этой развалинѣ можно судить о здѣшней архитектурѣ. Они строили валы изъ комьевъ съ примѣсью соломы; эти комья скрѣпляются другъ съ другомъ помощью же глины. Знающіе дѣло говорятъ, что кокандскія постройки были чрезвычайно крѣпки и что ядра нашихъ полевыхъ орудій не пробьютъ и самаго наружнаго слоя укрѣпленія. Въ серединѣ форта лучшій домъ—начальника линіи. Теперь здѣсь очень много больныхъ изъ казачьяго батальона капитана барона Р., такъ что устроены временные для нихъ бараки. Этотъ Р., бывшій адъютантъ Крыжановскаго, получилъ отъ генералъ-губернатора подъ команду пѣшій казачій батальонъ съ порученіемъ вести его изъ Оренбурга на Сыръ-дарьинскую линію. Нѣмецкою неумѣстною строгостью, некстати производимыми во время похода ученьями, постоянными безпокойствами, которыя выдерживались солдатами, будто во имя пользы службы, онъ довелъ свой батальонъ до того, что солдаты стали валиться, и въ фортѣ Перовскомъ заболѣло сразу двѣсти семьдесять семь человѣкъ изъ тысячи восьмидесяти. Мантейфель остановилъ батальонъ, далъ ему отдыха двѣ недѣли и началъ слѣдствіе, которое теперь окончено по приказанію Крыжановскаго. Между тѣмъ пятьдесятъ человѣкъ умерло, а изъ числа казаковъ, заболѣвшихъ возвратною горячкою, у семидесяти шести она перешла въ цынгу. Всѣ средства форта Перовскаго, конечно, недостаточны для пользованія этихъ больныхъ. Какъ не стыдно Крыжановскому, который увѣряетъ, что любитъ Россію, поручать часть бездарному нѣмцу, убившему за время своего командованія болѣе людей, чѣмъ стоилъ штурмъ Ходжента!?

Сейчасъ же за стѣнами форта стоитъ временная церковь, т. е. сакля, покрытая вмѣсто крыши войлоками,

и деревянный покой съ колоколами. За нею тянется слободка съ разнообразнымъ въ ней населеніемъ, по преимуществу среднеазіатцевъ. Небольшія коморки, открытыя на базарѣ, или здѣшнія лавки заключаютъ въ себѣ все, что грязно и неопрятно производится Средней Азіей: матеріи, ичиги, ножи, красильныя вещества, хлопокъ, сухіе и свѣжіе фрукты. Между этими базами всей торговли валялись въ грязныхъ бумажкахъ квасцы, сѣра, анисъ, старые запыленные леденчики, гвоздики и прочій хламъ, чѣмъ щеголяютъ и наши раздробительныя лавочки въ уѣздныхъ городахъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что фортъ Перовскій растетъ въ самое послѣднее время.

Вотъ распросныя свѣдѣнія о торговлѣ форта. Азіатцы имѣютъ тутъ до полутораста лавокъ, которыя построены на ихъ счетъ по плану. Изъ нихъ въ настоящее время торгуютъ только шестьдесятъ лавокъ, остальныя же будутъ торговать зимою, по приходѣ киргизъ на зимовки. Азіатцы не несутъ никакихъ податей и пошлинъ, за исключеніемъ пятнадцати копѣекъ, платимыхъ за паспортъ. Отсутствующіе купцы отправились въ настоящее время въ Хиву и Бухару за товарами. Торговый оборотъ простирается въ годъ до полутораста тысячъ рублей. Особенно зажиточныхъ купцовъ нѣтъ. Главные товары, сбываемые здѣсь: бязь, халаты, выбойка бухарская, канаусъ, готовые бешметы изъ разныхъ матерій, саранжа, кишмишъ, миндаль, фисташки, изюмъ и разные фрукты, пшеничная мука, сарачинское пшено, каракуль, лисица, куница, сарпанча (родъ лисицы). Въ азіатскихъ лавкахъ продаются также русскія произведенія. Въ настоящее время бухарскіе купцы частью уѣхали, частью остаются безъ торговли. Въ Кокандѣ торгуютъ авганы и индійцы англійскими произведеніями: кисеею на чалмы, разными французскими ситцами, коленкоромъ, чаемъ изъ Бомбея (зеленымъ), который лучше чернаго.

Русскихъ лавокъ около двѣнадцати. Торговля ихъ значительнѣе азіатской, судя по количеству товара, но опредѣлить точно оборотъ нельзя. Киргизы прежде по преимуществу покупали у азіатовъ, а теперь у русскихъ. Прежде торговые обороты производились на барановъ, а теперь, по случаю частыхъ обмановъ, которые дѣлали киргизы, забравъ товары въ долгъ, — на чистыя деньги. Цѣна товаровъ опредѣляется числомъ барановъ, а потомъ за послѣднихъ опредѣляется денежная цѣна; стоимость барана опредѣляется по жиру. Хивинцы торгуютъ преимущественно въ Казалѣ. Здѣшніе товары сбываются въ Ташкентъ, Ходжендъ и Кокандъ [1]). Ташкентскіе караваны, минуя фортъ Перовскій, идутъ на Сузакъ, Чулакъ, Петропавловскъ и Троицкъ. Бухарскіе и хивинскіе караваны, не заходя въ фортъ Перовскій, идутъ черезъ Казалу въ Оренбургъ. Число каравановъ, идущихъ изъ Ташкента въ Оренбургъ, незначительно. Азіаты даютъ товары въ долгъ только извѣстнымъ и состоятельнымъ киргизамъ.

При выходѣ изъ Коканда въ Россію, купцы не имѣютъ никакихъ видовъ, только тѣ, которые не могутъ представить свидѣтельства въ уплатѣ зякета, уплачиваютъ его до выхода каравана. По возвращеніи въ Кокандъ купецъ опять платитъ зякетъ, если онъ пробылъ въ Россіи годъ, въ противномъ же случаѣ не платитъ ничего. Оцѣнку товаровъ производятъ зякетчи въ присутствіи трехъ, четырехъ муллъ.

Азіатцы говорятъ, что въ нашихъ предѣлахъ лучше торговать, чѣмъ въ Кокандскихъ, но они жалуются на киргизъ за то, что послѣдніе не только отказываются отъ платы долговъ, но еще жалуются на купцовъ, какъ на притѣснителей. Выборъ съ той и съ другой стороны посредниковъ, которые бы рѣшали дѣло въ присутствіи

[1]) Кокандъ равенъ Ташкенту, Маргеланъ — меньше, Андыджанъ — больше, Ушъ—меньше.

русскаго чиновника, считаютъ практическою мѣрой. Киргизы не отказываются отъ росписокъ, но говорятъ, что они уже уплатили все должное ими.

Чай привозится большею частью изъ Ташкента и Кульджи.

Русскіе купцы, Потуловъ и Панфиловъ, предполагаютъ переѣхать въ Ташкентъ по незначительности торговли въ фортѣ Перовскомъ; они полагаютъ, что со временемъ здѣсь едва ли останется два или три купца. Русскіе торгуютъ чаемъ, мануфактурными произведеніями и бакалеею. Въ прежнее время Ташкентскій чай подрывалъ русскій, чай съ линіи совершенно не шелъ. Бухарскіе товары не могутъ соперничать съ русскими; хотя и много азіатскихъ товаровъ продается киргизамъ, но зато много русскихъ произведеній идетъ въ ханства. Русскіе купцы платятъ поземельныя за лавки и дома, азіатцы нѣтъ. Обложеніе азіатскихъ купцовъ гильдейскими пошлинами наравнѣ съ русскими находятъ полезнымъ. Дозволеніе записываться въ гильдію въ фортѣ признаютъ полезнымъ. Торговля съ киргизами идетъ частью на деньги, частью въ кредитъ; въ настоящее же время, по случаю частыхъ неуплатъ киргизами долговъ, торговля въ кредитъ очень ослабѣла. Для рѣшеній дѣлъ по неуплатѣ долговъ признается полезнымъ выборъ посредниковъ съ той и другой стороны и немедленное приведеніе въ исполненіе рѣшеній съ тѣмъ, чтобы неуплатившій былъ подвергнутъ аресту.

Русскіе ситцы идутъ преимущественно въ осѣдлыя мѣста къ киргизамъ; болѣе идетъ высокихъ сортовъ. Русская бязь начинаетъ входить въ употребленіе у киргизъ, хотя она уступаетъ въ прочности азіатской и нѣсколько дороже послѣдней. Заготовленіе хлѣба на мѣстѣ для казны хозяйственнымъ способомъ будетъ содѣйствовать развитію земледѣлія и торговли.

Предоставленіе форту правъ посада было бы полезно

и содѣйствовало бы развитію торговли, которая въ настоящее время не развивается, потому что купцы смотрятъ на себя, какъ на временныхъ гостей, чему способствуетъ непредоставленіе жителямъ слободки выгоновъ и вообще земельныхъ угодій. Русскіе купцы торгуютъ тысячъ на тристо рублей. За вѣсы, отдаваемые на откупъ, одинъ казакъ платитъ казнѣ тысячу двѣсти рублей въ годъ.

Говорили съ Константиномъ Францевичемъ Груздемъ, чиновникомъ, управляющимъ Сыръ-дарьинскими киргизами; на другой день разспрашивали біевъ, въ его присутствіи. Всѣ киргизы, зимующіе по Сыръ-дарьѣ съ протоками, подчинены Груздю, исключая четырнадцати, кажется, тысячъ кибитокъ, которыя почему то подчинены областному начальству.

Лѣтомъ, начиная съ конца мая, на Сыръ-дарьѣ появляются овода и слѣпни въ такомъ количествѣ, что здѣсь не могутъ жить верблюды и лошади. На этомъ основаніи отсюда откочевываютъ всѣ сколько-нибудь зажиточные киргизы, доходящіе въ своихъ кочевкахъ до Троицка и далѣе. На Сыръ-дарьѣ остаются только ичинчи, занимающіеся земледѣліемъ, которые содержатъ коровъ и въ небольшомъ числѣ овецъ, такъ какъ тѣ и другія, въ особенности же первыя, лучше другихъ выдерживаютъ насѣкомыхъ.

Въ августѣ зажиточные киргизы начинаютъ прикочевывать съ лѣтовокъ. Особенно много зимовокъ въ пространствѣ между Яны-дарьей, Баканъ-Тау и урочищемъ Дау-Кара. Въ очерченномъ пространствѣ зимуетъ большая часть киргизъ, подчиненныхъ Груздю.

Такъ какъ хивинцы считаютъ свою территорію только до Дау-Кары и Яны-дарьи, то они не сбираютъ подати съ киргизъ, зимующихъ къ сѣверу отъ нихъ; но у Дау-Кары есть двѣ хивинскія крѣпости, отчего наши подданные не могутъ не находиться подъ враж-

дебнымъ намъ вліяніемъ. Кромѣ того, неопредѣленность нашихъ границъ на низовьяхъ Сыръ-дарьи ведетъ къ безпрерывнымъ откочеваніямъ; однимъ словомъ, граница между Аральскимъ моремъ и фортомъ Перовскимъ служитъ Усть-Уртомъ для восточной части Оренбургской степи. По словамъ Груздя, Баканъ-Тау довольно большія горы и пути черезъ нихъ немногочисленны. Дау-Кара онъ представлялъ плодоноснымъ и превосходнымъ мѣстомъ.

Ичинчи распространили свои пашни до форта Перовскаго только недавно, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ здѣшнія мѣста сдѣлались безопасными, отчего благосостояніе киргизъ, живущихъ на Сыръ-дарьѣ, увеличилось вмѣстѣ съ нашими побѣдами.

Нашъ разговоръ съ генераломъ Крыжановскимъ, въ которомъ, между прочимъ, доказывалась необходимость закрѣпить за киргизами зимовыя стойбища, кажется, не былъ имъ хорошо понятъ, хоть онъ и согласился съ нами. Груздь разсказывалъ, что, проѣзжая въ Ташкентъ, онъ спрашивалъ собравшихся Сыръ-дарьинскихъ киргизъ, желали ли бы они имѣть опредѣленную *нарѣзку* земли въ вѣчное владѣніе и платить за то подать поземельную (?!). Киргизы не поняли его, но отвѣчали, что воля генералъ-губернатора всегда будетъ для нихъ закономъ. Послѣ имъ пояснили, что значитъ нарѣзка и поземельная подать. Груздь говорилъ, что ему стоило величайшихъ усилій, чтобы успокоить киргизъ, понявшихъ теперь слова Крыжановскаго; нѣкоторое время онъ даже опасался, чтобы не произошло волненіе. Груздь (да и всѣ мы того же мнѣнія) доказываетъ, что и нарѣзка земли и поземельная подать невозможны. Для производства нарѣзки необходимы чиновники, которые въ самомъ кратчайшемъ времени пустятъ киргизъ по-міру, для поземельной подати—кадастрація земли. Независимо отъ чрезвычайно долгаго времени, необхо-

димаго для оцѣнки земель, кто будетъ таксаторомъ? Русскіе,—но они не знаютъ, которая земля цѣнна для киргизъ, которая нѣтъ. Киргизы?—Но источникъ ихъ богатства вовсе не заключается въ земледѣліи, а въ скотоводствѣ, и та земля имѣетъ наибольшую цѣну, которая можетъ удобно прокормить всѣ стада.

Сыръ-дарьинскіе киргизы, вслѣдствіе настоящихъ дѣйствій въ Средней Азіи, несутъ очень большія натуральныя повинности. Въ особенности часто требуются верблюды. Получивъ такое требованіе, Груздь распредѣляетъ число верблюдовъ на число юртъ разныхъ родовъ. Родоначальники распредѣляютъ ихъ уже между аулами. Въ аулахъ верблюды распредѣляются такимъ образомъ, чтобы составилось извѣстное число юртъ, съ которыхъ нужно выставить одного. Хозяева юртъ такой группы несутъ ровную тягость, бѣдные и богатые. Они должны выставлять верблюда, очередуясь между собой. Если у бѣднаго нѣтъ верблюда, онъ ставитъ вожака, а общество платитъ ему содержаніе и продовольствіе. Расходы на покрытіе этого содержанія падаютъ на пять—шесть группъ юртъ, поставившихъ пять—шесть верблюдовъ, при которыхъ и полагается одинъ вожакъ. Послѣднему не полагается верховой лошади. Поставившіе верблюдовъ получаютъ плату отъ казны. Если падетъ верблюдъ, хозяину платится сорокъ рублей, разлагаемыхъ на весь родъ. Въ этомъ году было собрано съ Сыръ-дарьинскихъ киргизъ до полутора тысячъ верблюдовъ, но такъ какъ, въ ожиданіи проходящихъ командъ, имъ пришлось пробыть долго близъ Сыръ-дарьи, то они и пропали отъ овода. Пало уже около пятисотъ штукъ.

Для починки дорогъ и копанья канавы въ этомъ году сгоняется потребное количество работниковъ безъ различія. Почетные біи, говорившіе съ нами, указали на одного изъ своей среды, имѣющаго чинъ сотника, ко-

торый тоже принужденъ былъ копать канаву. Такимъ работникамъ общество платитъ: проса на двадцать дней (т. е. два пуда толченаго проса на человѣка) и по барану. Еслибы работы продолжались дольше, чѣмъ предположено, общество присылаетъ вола на двадцать работниковъ. Плата отъ казны ничтожная, иногда около двухъ копѣекъ въ день. Такъ, канава, прокопанная Сергѣевымъ, стоила правительству всего тысячу съ лишкомъ рублей. Иначе, такого рода повинность почти цѣликомъ ложится на киргизъ.

Во время войны, при безпорядкахъ или смутахъ киргизы обязаны выставлять пикетныхъ и караульныхъ для предупрежденія о появленіи непріятеля и шаекъ, намѣревающихся производить безпорядки. Въ этомъ году Сыръ-дарьинскіе киргизы содержали караулы нѣсколькими стами человѣкъ. Каждый караульный получаетъ отъ общества десять-пятнадцать тилля на два мѣсяца и двѣ лошади. Деньги на подобные расходы родоначальники берутъ у Бухарцевъ за пятьдесятъ процентовъ въ годъ.

Большинство натуральныхъ повинностей, особенно послѣдняя, падаетъ на тѣхъ киргизъ, которые остаются на Сыръ-дарьѣ и лѣтомъ, т. е. на землевладѣльцевъ и самыхъ бѣдныхъ. Япасовскій родъ просилъ Груздя, чтобы расходы, падающіе на ичинчей ихъ рода, раскладывать на весь родъ. Чуминеевцы же не соглашались раздѣлить тягость натуральныхъ повинностей со своими некочующими родными. Пашни принадлежатъ зимовкамъ. Орошеніе пашенъ и работы по ирригаціи производятся всѣми хозяевами и ихъ родичами или работниками пашенъ, которыя должны ороситься этими работами. Бывали случаи, что хозяева сгоняли работниковъ до сбора хлѣба и платили только то, что стоило ихъ содержаніе во время работъ. Трудъ здѣсь не цѣнится, потому за него находятъ естественнымъ не платить. Такимъ образомъ, владѣніе пашнями, зависящее

отъ совокупной работы всѣхъ хозяевъ по устройству арыкъ, обусловливается артелью. Оттого нѣкоторыя пашни съ ихъ ирригаціонной системой принадлежатъ артелямъ киргизъ изъ разныхъ родовъ.

16 августа пріѣхалъ сперва генералъ Дандевиль, а потомъ собрались и остальные члены нашей коммисіи. Всѣ мы остановились вмѣстѣ въ просторномъ домѣ начальника Сыръ-дарьинской линіи, который остается пустымъ, такъ какъ Мантейфель живетъ на дачѣ. Дандевиль ѣдетъ по новоприобрѣтенной территоріи, чтобы опредѣлить мѣсто для постройки таможенъ, такъ какъ придется таможенную линію перенести на Сыръ-дарью и далѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Какъ только мы собрались всѣ вмѣстѣ, начался разговоръ о таможнѣ. Дандевиль, хоть и начальникъ таможни, объявилъ съ перваго раза, что таможенная линія здѣсь безполезна: 1) потому что среднеазіатскіе товары не уничтожатъ и не повредятъ московскимъ мануфактурамъ, 2) потому что оградить границу отъ контрабанды невозможно, вслѣдствіе протяженія ея и ничтожнаго числа людей, находящихся въ распоряженіи таможни, и 3) потому что усиливать средства таможни, дающей такой ничтожный доходъ, какъ здѣшняя, невозможно. Тѣмъ не менѣе, онъ прибавилъ, что таможни на азіатской границы не будутъ уничтожены, потому что тѣ, которымъ слѣдуетъ, не захотятъ потерять источникъ постоянныхъ доходовъ. Г., Г—ій и я также находили, что таможни здѣсь не нужны. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе нашихъ пограчныхъ дѣлъ неопредѣленное и такое, которое долго не выяснится, въ виду чего нельзя будетъ охранятъ границы. Наши киргизы будутъ переходить черезъ Сыръ-дарью, таможенную, какъ предположено, линію, въ числѣ двадцати четырехъ тысячъ кибитокъ каждую осень. Въ началѣ марта эти двадцать четыре тысячи кибитокъ двинутся опять въ степи, про-

бывъ за нашею границею полгода, т. е. болѣе ста тысячъ душъ всю свою жизнь, самыми свойствами таможенныхъ учрежденій, будутъ поставлены въ условія, долженствующія развить занятія контрабандой, и будутъ жить полъ своей жизни внѣ контроля общихъ государственныхъ учрежденій. Количество таможенной прислуги будетъ находиться въ зависимости отъ числа провозимыхъ товаровъ, а не отъ числа тѣхъ киргизъ, которые будутъ подлежать осмотру.

Осмотрѣть сто тысячъ человѣкъ два раза, осмотрѣть ихъ, когда они идутъ со всѣмъ скарбомъ, едвали возможно. Даже малѣйшая задержка ихъ кочевки можетъ повести къ падежу всего скота; если же къ этимъ неудобствамъ присоединится недобросовѣстность, то окажется, что киргизы, по невозможности задерживать ихъ, будутъ провозить контрабанду и платить таможенному начальству опредѣленную сумму. Далѣе, зимою, когда замерзаетъ Сыръ-дарья и когда идетъ наибольшее количество каравановъ, линія будетъ охраняться только тамъ, гдѣ существуютъ заставы, будучи вездѣ доступна. Искушенія слишкомъ велики, чтобы не обойти ихъ. Распаковка товаровъ на Сыръ-дарьѣ, т. е. не на точкѣ сбыта, будетъ всегда чрезвычайно чувствительна купцамъ, которые будутъ конечно всегда откупаться; лѣтомъ же задержка двухъ или трехъ дней можетъ стоить всѣхъ верблюдовъ падшими. Единственная причина, по которой, по мнѣнію П., нужно удержать таможню, состоитъ въ томъ, что Россія оцѣплена таможнями со стороны Европы. Я ему отвѣтилъ такъ: тамъ устроены таможни для того, чтобы охранить наши произведенія отъ опасной конкуренціи иностранной промышленности; здѣсь вся цѣль, къ которой стремится наше государство, состоитъ въ наибольшемъ сбытѣ нашихъ товаровъ. Ужъ одно это доказываетъ неопасность для насъ среднеазіатскихъ манафактуръ.

Кажется, 19-го числа я, П. и здѣшній полицмейстеръ, мы пошли съ утра на фазанью охоту въ ближайшія окрестности форта Перовскаго. Фазановъ было множество и они безпрерывно срывались чуть не изъ-подъ нашихъ ногъ. Неудобно только то, что приходилось поднимать ихъ изъ страшной чащи джингиля, который рвалъ платье, сапоги и царапалъ лицо. Иногда я забирался далеко отъ своихъ товарищей. Прорвавшись сквозь гущу джингиля, я иногда выходилъ къ высокой изгороди, сложенной изъ сухой колючки. Одолѣвъ и это препятствіе, я выходилъ на отлично воздѣланную ровную пашню или бахчу съ золотыми на ней дынями. Въ какомъ-нибудь углу ея стояла юрта, около которой сидѣли бабы и барахтались мальчишки въ сообществѣ взъерошенныхъ собакъ, съ длинными космами войлокообразныхъ комьевъ шерсти на хвостахъ. Бабы безпрерывно покрикивали на воронъ и галокъ, которыя, перелетая стаями, клевали сочные плоды. Хозяинъ юрты со своимъ помощникомъ, подросткомъ лѣтъ двѣнадцати, ходилъ по угламъ бахчи, обрѣзывая что-то. Томимый жаждою, я купилъ на одной бахчѣ дурной арбузъ и великолѣпную дыню. Хозяйка начала упрашивать выстрѣлить по воронамъ. Нужно было видѣть ея удовольствіе, когда одна изъ нихъ забарахталась на мѣстѣ, а другія вспорхнули съ громкими криками. Тигровъ и кабановъ очень много въ окрестностяхъ форта Перовскаго. На кабановъ полицмейстеръ, который охотился съ нами, ходитъ чуть не каждую недѣлю. Нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ онъ возвращался изъ дальней охоты, какъ вдругъ недалеко отъ Кубасовскаго поста всѣ собаки бросились въ камышъ. Черезъ секунду раздался остервенѣлый лай и визгъ. Полицмейстеръ и солдаты бросились въ камышъ и съ удивленіемъ увидѣли большого тигра, окруженнаго со всѣхъ сторонъ собаками. По немъ стали стрѣлять. Тигръ приготовлялся къ

прыжку послѣ каждаго выстрѣла; передняя собака кидалась сейчасъ же отъ него, а остальныя бросались на его заднія лапы. Вмѣсто прыжка тигръ обращался на собакъ. Такимъ образомъ у полицмейстера было переранено семь собакъ, а тигръ повалился на восьмой пулѣ.

Солнце стояло на полднѣ, когда мы собрались у юрты одного ичинчи, чтобы позавтракать. Мимо проходила тропинка изъ дальнихъ бахчей. По ней безпрерывно проѣзжали киргизы съ мѣшками за тороками, въ которыхъ виднѣлись арбузы и дыни. Кругомъ тянулись джигдовыя заросли, расчищенныя въ разныхъ мѣстахъ подъ пашни. Кое-гдѣ, гдѣ не была такая густая чаща, бродили овцы, козы и рогатый скотъ. Сторожа на пашняхъ громко покрикивали, отгоняя птицъ, работники очищали пашни, косили, подрѣзывали арбузы и дыни. Все это было мнѣ хорошо видно съ высокаго валика, образовавшагося около нашего привала изъ земли, выброшенной при дѣланіи арыковъ. Я провелъ бы день очень хорошо, еслибы не ужасающая, ни съ чѣмъ не сравнимая пыль. Послѣ того, какъ проѣзжалъ кто-нибудь по тропинкѣ или проходилъ скотъ по открытому мѣсту, поднималась страшная пыль, которая долго стояла въ воздухѣ неподвижнымъ облакомъ, будто составляя составную часть воздуха. Зато иловатый грунтъ окрестностей долженъ быть чрезвычайно плодороденъ, судя по богатству пашенъ и бахчей.

Фортъ Перовскій не лежитъ на караванномъ пути. Со временемъ, когда среднеазіатская торговля пойдетъ по Сыру, его значеніе въ торговомъ отношеніи можетъ быть важнымъ. Мнѣ кажется, что окрестности форта, благодаря обилію топлива, могутъ снабдить имъ довольно большую фабрику. Теперь можно здѣсь жить съ достаточными удобствами. Постройки не могутъ стоить много, еслибы даже онѣ были построены изъ

жженаго кирпича. Одна бѣда: нѣтъ извести. Фортъ Перовскій едвали можетъ быть резиденціей генералъ-губернатора уже по одной этой причинѣ, да и по другимъ политически-стратегическимъ условіямъ, хотя судоходство по Сыру, большое количество топлива и плодородіе окрестной мѣстности, изобильной всякаго рода богатствами, заставляетъ предполагать, что со временемъ здѣсь могла бы развиться широкая жизнь.

Наши солдаты здѣсь очень скучаютъ. Груздь разсказывалъ, что было нѣсколько примѣровъ, что солдатъ убивалъ киргиза, или киргизку, или киризенка безо всякой другой цѣли, какъ только для того, чтобы быть сосланнымъ, что онъ и показывалъ на слѣдствіи, объясняя, что жизнь въ степяхъ стала ему невыносима. Если вѣрить киргизамъ и Груздю, то съ цѣлью быть сосланнымъ произведено солдатами двадцать три убійства со времени взятія Акъ-Мечети.

21-го августа. Мы выѣхали изъ форта Перовскаго. Недалеко отъ форта стоитъ памятникъ, поставленный въ честь русскихъ воиновъ, убитыхъ при взятіи Акъ-Мечети. Онъ теперь запущенъ, но, говорятъ, очень поддерживался при генералѣ Дебу. Дорога пыльна, какъ и весь предыдущій путь. Пыльный илъ смѣняется наносами песку, котораго навалено иногда цѣлыя горы. Какъ и прежде, съ измѣненіемъ почвы перемѣняется растительность. Густыя заросли джигды, джингиля и камыша смѣняются на пескахъ саксауломъ, который здѣсь разростается въ цѣлый лѣсъ. Вообще же говоря, здѣсь гораздо больше песковъ и саксаула, хотя и полезнаго, но наводящаго тоску, чѣмъ живописныхъ джунглей и плодороднаго ила.

Въ цѣлый день мы сдѣлали сегодня двѣ станціи, изъ которыхъ каждая около пятидесяти верстъ. Экомноничать станціями чрезвычайно невыгодно. Не принося много

дохода казнѣ, большія станціи составляютъ источникъ чистыхъ мученій, въ особенности въ такой пустынѣ, какъ эта.

На второй станціи отъ форта Перовскаго мы рѣшились ночевать, такъ какъ луна не свѣтитъ по ночамъ, а арыки дѣлаютъ ночную ѣзду весьма неудобною. Почтовая юрта стоитъ среди густой рощи близъ самой Сыръ-дарьи. Около находятся развалины какого то Кокандскаго кургана. Семейство содержателя станціи все живетъ тамъ же, гдѣ должны останавливаться проѣзжіе. Вечеръ былъ очень холодный. Термометръ упалъ до нуля и это—послѣ чрезвычайно жаркаго дня.

22-го августа. Сегодня утромъ, передъ отъѣздомъ, осмотрѣлъ развалины Кокандскаго укрѣпленія. Стѣны выстроены изъ комьевъ, какъ и Акъ-Мечетская башня. Планъ укрѣпленія—редутъ. Въ серединѣ двѣ казармы, въ сложности человѣкъ на семьдесятъ пять. Вообще говоря, эта развалина не любопытна. Дорога такого же характера, какъ и предыдущая. То илъ, то песокъ, то плотная глина; но пыль невыносима до такой степени, что становится по временамъ трудно дышать. Смотря на Сыръ-дарью, которая подбѣгала иногда къ дорогѣ, на ея совершенно мутную воду, мнѣ казалось, что достаточно пыли, сдуваемой въ рѣку съ береговъ для того, чтобы замутить ее такимъ образомъ.

Сегодня мы проѣхали опять немного, благодаря безконечнымъ станціямъ, загнаннымъ лошадямъ и чрезвычайно дурной дорогѣ.

Къ вечеру мы стали подъѣзжать къ укрѣпленію Джулеку. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ нему, тѣмъ гуще и чаще становился джингиль. Фазановъ здѣсь было невѣроятно большое количество, и, конечно, въ нѣкоторыхъ нашихъ деревняхъ можно встрѣтить меньше куръ, чѣмъ здѣсь фазановъ. Видъ Джулека издалека

очень красивъ. Изъ середины укрѣпленія поднимается высокая башня красивенькой церкви и протягивается невысокій, но хорошо содержанный валъ. Около укрѣпленія виднѣется густой садъ, оставшійся отъ Кокандскихъ временъ. Согласно практическому вкусу азіатцевъ, этотъ садъ состоитъ изъ осинъ и тала,—деревьевъ, годныхъ на постройки. Впрочемъ, было бы гораздо полезнѣе намъ, русскимъ, сажать строевой лѣсъ, чѣмъ разводить, какъ это сдѣлано въ Фортѣ № 1, безполезную джигду. Намъ отвели въ фортѣ пыльную, грязную комнату.

Джулекъ построенъ въ три мѣсяца войсками, находившимися подъ командой генерала Дебу. Джулекъ занимался гарнизономъ изъ киргизъ и брошенъ ими. Комендантъ, старикъ-киргизъ, живъ еще и часто посѣщаетъ укрѣпленіе. Наши войска, какъ я сказалъ, построили Джулекъ въ три мѣсяца, т. е. воздвигли валъ, казармы и церковь. Дебу жилъ тутъ, пока все не было окончено. Валъ охватываетъ и часть пустого пространства, предназначавшагося подъ слободку. Здѣсь теперь два дома. Одинъ принадлежитъ писарю, другой — не знаю кому. Огороды укрѣпленія находятся за двѣ версты отсюда. Около Кокандскаго сада комендантъ разводитъ фруктовыя деревья и виноградъ.

23-го августа. Утромъ, выйдя за чѣмъ то на кухню, я встрѣтилъ солдата, который тащилъ на спинѣ двухъ огромныхъ осетровъ. Въ одномъ было не менѣе двухъ пудовъ вѣсу. Они еще дышали и алая кровь бѣжала изъ зѣва. Я поинтересовался узнать, откуда взялъ солдатъ такихъ рыбъ. Оказалось, что солдатъ—деньщикъ артиллерійскаго офицера, живущаго въ укрѣпленіи, что здѣсь въ Джулекѣ каждый вечеръ вѣшаютъ въ рѣкѣ на крѣпкихъ веревкахъ крючья съ рыбой на ней и почти каждое утро снимаютъ съ крючьевъ осетровъ,

только не настоящихъ, а шиповъ. Вотъ какое первобытное здѣсь еще обиліе! За шипами ходятъ въ рѣку, будто въ кладовую!

Въ укрѣпленіи стоитъ рота и сотня.

Изъ Джулека мы поѣхали, отдаляясь отъ Сыръ-дарьи. Прибрежная урема преобразовывалась въ саксауловый лѣсъ. Почва между деревьями лишена всякой растительности, только свѣтло-сѣрая зелень саксаула разнообразила пустыню. Я не знаю дерева, которое бы болѣе шло къ пустынѣ, чѣмъ саксаулъ. Здѣсь онъ достигаетъ вышины до шести саженей и до двухъ или трехъ вершковъ въ діаметрѣ.

На станціи случился казусъ: казакъ, представлявшій ямщика въ тарантасѣ П., побилъ по пути проѣзжаго киргиза за то, что онъ не хотѣлъ выпрячь свою лошадь. Избитый явился на станцію съ жалобой и просилъ насъ разобрать жалобу. За примиреніе онъ запросилъ лошадь и халатъ—цѣну очень большую. Мы предложили киргизу либо довольствоваться тѣмъ, что съ казака взыщутъ по нашимъ законамъ, либо получить протыри и убытки семь рублей. Онъ согласился на послѣднее. Какъ только жалоба была удовлетворена, киргизъ подалъ руку казаку, и оба, повидимому, перестали съ той же минуты питать вражду другъ къ другу, хотя до этого взаимно смотрѣли волками. Это чувство настоящей легальности мнѣ очень нравится.

Далѣе, по сторонамъ дороги природа стала пустыннѣе. Саксаулъ, джигда и джингиль стали пропадать и замѣняться то длинными, лишенными всякой растительности, солончаками, то пространствами, покрытыми чахлою растительностью. Не доѣзжая до Яны-Кургана, береговая урема Сыръ-дарьи кончается совершенно. Вмѣсто частыхъ кустовъ, вся степь превращается въ настоящую пустыню. Глинисто-песчаная безплодная почва вся состоитъ изъ бугорковъ, связанныхъ на верху ка-

кими-то низенькими кустарниками, напоминающими гребеньщикъ, только съ листьями болѣе мясистыми и болѣе темною зеленью. Направо отъ дороги протянулось длинное озеро прѣсной воды со множествомъ на немъ утокъ и гусей. Проѣхавъ еще мимо большого кладбища, мы подъѣхали къ станціи, лежащей близъ развалинъ бывшаго кокандскаго укрѣпленія, Яны-Курганъ. Здѣсь мы опять должны были остановиться на ночлегъ, такъ какъ луна все не всходила, а было уже поздно.

24-го августа. Вчера первою нашею заботою было привести въ порядокъ истрепанную юрту, составляющую станцію. Послѣ долгихъ усилій намъ удалось закрыть сторону юрты, подверженную вѣтру, который становился свѣжимъ. Потомъ послали станціоннаго казака въ ближайшій аулъ за бараномъ. Далѣе, устроивъ кое-какъ постели изъ камышей, улеглись спать, конечно, наѣвшись предварительно.

Рано утромъ П. съ Г—мъ стали снимать развалины Яны-Кургана, я же отправился на охоту, хотя, по малому количеству кустовъ джингиля, я не надѣялся найти много фазановъ. Проходивъ около двухъ часовъ, я добрался до какой то киргизской бахчи. Отдохнувъ и поѣвъ тутъ, возвратился къ станціи, оріентируясь сперва на Сыръ-дарью, а потомъ на высокія развалины.

Яны-Курганъ взятъ генераломъ Дебу и разоренъ имъ. Укрѣпленіе еще кое-гдѣ сохранилось, внутреннія же постройки находятся въ совершенно разрушенномъ состояніи. Планъ—редутъ съ небольшими ронделями, теперь почти уничтожившимися. Внутри могло жить до пятисотъ человѣкъ гарнизона.

Дорога того же характера, какъ и вчера. Та же пустыня кругомъ; тѣ же солонцы или талыя кочки. Урема совершенно прекращается. Впрочемъ, отъ этого дорога не становится хуже. Вообще говоря, почтовое сооб-

щеніе между Фортомъ № 1 и Туркестаномъ, учрежденное весьма недавно, ничѣмъ не хуже давняго пути черезъ Кара-кумы. Тутъ даже еще болѣе приняты въ соображеніе нужды проѣзжающихъ. Такимъ образомъ, на каждой станціи по Сыръ-дарьинской линіи можно найти одного казака, говорящаго по киргизски и замѣняющаго почтоваго смотрителя, что весьма облегчаетъ перепряжку лошадей. Лошади въ лучшихъ тѣлахъ, чѣмъ на Кара-кумскомъ трактѣ, отчего возятъ исправнѣе; этому также не мало содѣйствуетъ то, что на станціи распоряжается русскій. Дорога отъ форта Перовскаго по Сыръ-дарьѣ совпадаетъ съ караванною дорогою, отчего первая очень оживлена.

Чѣмъ глубже вдаешься въ Среднюю Азію, тѣмъ болѣе замѣчается признаковъ, чуждыхъ киргизской жизни. Проѣзжіе не смотрятъ такъ добродушно, какъ киргизы. На головахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ появляются огромные бѣлые тюрбаны. Лица у нихъ правильнѣе. Изрѣдка попадется густая черная борода,—признакъ, что обладатель ея не-монгольскаго происхожденія. Весьма часто проѣзжаютъ всадники верхомъ на ослѣ, управляющіе имъ не уздою, которой нѣтъ, а длиннымъ прутомъ, которымъ бьютъ по той, либо по другой сторонѣ головы. Когда мимо васъ проѣзжаетъ цѣлая группа путешественниковъ, одинъ, обыкновенно передовой, ѣдетъ на ослѣ и ведетъ за собой верблюда, который, медленно двигаясь и покачиваясь, кажется гигантомъ по сравненію со своимъ долгоухимъ товарищемъ. На верблюдѣ возсѣдаетъ большею частью женщина. Около ѣдетъ кто-либо на лошади. Группы подобнаго рода очень оригинальны. Шумъ тарантаса, какъ совершенно непривычнаго здѣсь экипажа, пугаетъ всѣхъ. Оселъ останавливается съ недоумѣніемъ, сдѣлавъ полъ-оборота къ дорогѣ, за что получаетъ ударъ по головѣ; но отмахавшись ушами, онъ продолжаетъ наблюдать съ величайшимъ недоумѣніемъ.

Слѣдующій за нимъ верблюдъ поворачивается передомъ къ дорогѣ и потомъ дѣлаетъ нѣсколько безтолковыхъ движеній, какъ бы собираясь скакать; лошадь тоже срываетъ; а всадники хотя и притворяются безстрашными, однако не безъ страха смотрятъ на грозныхъ «урусъ».

Дорога того же характера, какъ около Джулека.

Пустынная степь только кое-гдѣ покрыта пучками растительности и низенькими, дюйма въ два, кустиками джингиля; но видъ окружающей мѣстности уже оживляется, благодаря тому, что налѣво показываются синіе отроги Каратау, называющіеся здѣсь Кара-Мурунъ, черный носъ. Видъ горъ всегда измѣняетъ общее впечатлѣніе, производимое мѣстностью, и, какъ бы ни была пустынна послѣдняя, она кажется лучшею, если вдали виднѣются значительныя горы. Однако окружающая степь была когда то оживлена; когда то здѣсь жили осѣдло. По крайней мѣрѣ, еще верстъ за десять до станціи Сауранъ по сторонамъ виднѣются слѣды бывшихъ когда то арыкъ и обширныхъ пашенъ. Почему теперь земля здѣсь не обработывается? Результатъ ли это общаго паденія цивилизаціи въ Средней Азіи или оскудѣнія природы.

Глубокій оврагъ, черезъ который мы переправились, носитъ всѣ слѣды высохшаго русла рѣки. По стѣнамъ его, на большой высотѣ, замѣтны слѣды бывшаго уровня воды. Оврагъ этотъ идетъ отъ самаго Каратау, и весною, какъ говорили здѣсь, по руслу и теперь еще бѣжитъ быстрый потокъ.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы увидѣли влѣво отъ дороги большія развалины, надъ которыми возвышались два высокихъ, стройныхъ минарета. Приказавъ нашимъ экипажамъ ѣхать на почтовую станцію, мы сами отправились осматривать развалины. Только съ трудомъ взобрались мы на размытыя, но очень высокія стѣны, служившія когда-то непрерывною оградою для

большого города. Въ темнотѣ спустились мы съ грѣхомъ пополамъ въ черту бывшаго города и пошли мимо низкихъ кучъ, оставшихся, вѣроятно, отъ бывшихъ здѣсь когда то домовъ. Мы оріентировались на два минарета, видные ясно, несмотря на наступившую ночь. Однако мы не могли осмотрѣть ничего обстоятельно, почему рѣшили остаться ночевать на станціи, находящейся верстахъ въ двухъ отъ развалинъ, и осмотрѣть ихъ на другой день какъ можно обстоятельнѣе. Прійдя на станцію, мы стали разспрашивать про развалины, которыя мы только что видѣли. Вотъ какъ казакъ передалъ намъ разсказъ киргизовъ.

Когда калмыки заняли Туркестанъ, то вскорѣ послѣ того осадили и Сауранъ, большой городъ, имѣвшій большее значеніе, чѣмъ первый. Сауранъ былъ и гораздо древнѣе Туркестана. Надѣясь на свою крѣпкую стѣну, жители рѣшились обороняться. Раздраженные упорною обороною, калмыки, взявши городъ, вырѣзали всѣхъ жителей, а зданія предали огню. Съ тѣхъ поръ Сауранъ опустѣлъ и на мѣстѣ города остались однѣ развалины.

У станціонной юрты пробѣгаетъ большой арыкъ весьма чистой воды. Для его провода воспользовались частью ирригаціонныхъ работъ, оставшихся отъ Саурана. Вообще говоря, киргизы воспользовались древними арыками для того, чтобы оросить свои поля. Недалеко отъ станціи живутъ ичинчи, пользующіеся водой, которая проходитъ съ горъ по расчищеннымъ древнимъ канавамъ. Поужинали бараномъ, купленнымъ у ичинчей, и легли спать, укутавшись какъ можно теплѣе, такъ какъ ночью было очень холодно.

25-го августа. Чуть свѣтъ мы поднялись и отправились верхами къ развалинамъ древняго Саурана. Пріоровъ отправился туда въ тарантасѣ съ тѣмъ, чтобы

снять помощью своей фотографіи все интересное. Здѣсь кстати замѣтить, что тарантасъ у него былъ приспособленъ такъ, чтобы можно работать на походѣ. Хотя опыты, произведенные имъ до сихъ поръ, довольно неудачны, тѣмъ не менѣе есть еще надежда, что онъ будетъ въ состояніи составить интересный альбомъ нашего путешествія. Крыжановскій приказалъ дать по одному экземпляру этого альбома каждому члену коммисіи.

Отправившись въ Сауранъ, мы взяли съ собой и четырехъ рабочихъ для производства, въ случаѣ возможности, раскопокъ. Общій видъ, представляемый наружною оградою Саурана, очень интересенъ. Высокія стѣны, сложенныя изъ кирпичей, полуразрушены и размыты дождями, такъ что подъ ними образовались обвалы, кое-гдѣ поросшіе травою. Надъ ними поднимаются высокія зубчатыя стѣны, кое-гдѣ повалившіяся и размытыя. Только мѣстами можно разсмотрѣть бойницы, фланкирующія рондели и выступы. Переѣхавъ черезъ остатки глубокаго рва и поднявшись на холмъ, образовавшійся отъ разрушившейся стѣны, вы видите передъ собой всю внутренность города, замкнутаго со всѣхъ сторонъ затѣйливыми, острыми руинами стѣны, промытой дождями и поваленной кое-гдѣ временемъ. Посерединѣ вы увидите множество чуть замѣтныхъ возвышеній, какъ бы кургановъ, вѣроятно, образовавшихся отъ разрушенныхъ домовъ и надъ ними два высокихъ, стройныхъ и хорошо еще сохранившихся минарета отъ уничтоженной мечети. Минареты чрезвычайно интересны. Оба они стоятъ на едва держащемся основаніи, точно на шпилѣ. Кругомъ разбросаны большіе кирпичи, выбитые изъ низа башни. Капители совершенно оригинальны и очень красивы. Онѣ состоятъ изъ кирпичей, выставленныхъ углами надъ промежутками, оставленными углами двухъ кирпичей нижняго ряда. Колонны не совершенно прямы, но съ нѣкоторымъ выгибомъ, характеризующимъ греческія

постройки высокаго вкуса. Надъ капителью у одной башни колонна продолжается, такъ что изъ нея былъ выходъ для муэдзина. Такая башенка существовала и у другой колонны, но она упала четыре года тому назадъ. Подъ капителями сохранились украшенія изъ красивыхъ синихъ глазурованныхъ кирпичей. По свѣтлымъ полосамъ, оставшимся на колоннахъ, можно думать, что главное зданіе мечети только малымъ ниже башенъ.

Я взлѣзалъ наверхъ одной изъ башенъ. Хорошая винтовая лѣстница съ сильно вытертыми кирпичными ступеньками еще сохранилась. Сверху ея открывается далекій видъ, почти до самыхъ горъ. Кругомъ стѣны, охватывающей городъ, по направленію къ горамъ виднѣются правильно обрисованныя черты арыковъ, полуразрушенныя ограды и множество развалинъ, разбросанныхъ на очень далекое разстояніе. Въ чертѣ города собственно цѣлы нѣсколько узкихъ колодцевъ, выложенныхъ плитами песчаника. На слегшихся кучахъ мѣстами разбросаны куски глиняныхъ кувшиновъ, посуды и глазурованные синіе черепки.

Рабочихъ, пришедшихъ съ нами, мы заставили рыть ямы. Пока мы пробыли въ Сауранѣ, т. е. около четырехъ часовъ, были вырыты двѣ ямы, каждая около сажени глубиной, но, къ несчастью, не попалось ни одного интереснаго предмета. Изъ ямы вытаскивали квадратные жженые кирпичи въ десять съ половиною дюймовъ, крѣпкіе и звонкіе, несмотря на продолжительное время, которое они пролежали въ землѣ; выбрасывались черепки посуды, глиняные и глазурованные, попадались металлическіе шлаки и въ большомъ количествѣ уголья. Я думаю, что и то, и другое—результатъ большого пожара, бывшаго здѣсь.

Послѣ мы поѣхали по окрестностямъ Сауранa. Намъ безпрерывно приходилось переѣзжать глубокіе овраги, совершенно похожіе на большіе арыки, и пересѣкать

маленькія канавки, вѣроятно, разносившія воду по пашнямъ. Посединѣ каждой изъ ровныхъ пашней стоятъ развалины какого-нибудь зданія. Я думаю, что развалины принадлежатъ дачамъ или пригороднымъ слободамъ, тянущимся далеко по направленію къ горамъ. По величинѣ земли, носящей слѣды обработки, можно видѣть, какъ велико было здѣсь осѣдлое населеніе и какъ высоко стояла здѣсь когда то своебразная цивилизація. Остатки же мечети, зданія, долженствовавшаго быть очень красивымъ, даютъ возможность предполагать, что Сауранъ былъ богатъ, что жители его стояли на значительной степени развитія, требуемой для подобной постройки, и что пустынная равнина, простирающаяся теперь около развалинъ, кипѣла когда то дѣятельною жизнью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ попадались кладбища съ сохранившимися памятниками. На нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчены кругомъ надписи. Не уясняютъ ли эти надписи что-либо? Во всякомъ случаѣ, необходимо, по моему мнѣнію, чтобы какое-либо ученое общество послало спеціальную коммисію для раскопокъ и изученія развалинъ Саурана. Пріоровъ снялъ минареты и общій видъ вала съ восточной стороны Саурана. Вышло хорошо.

Мы выѣхали со станціи около полудня. Переѣхавъ черезъ глубокій оврагъ, который, вѣроятно, составлялъ русло другого ручья, обтекавшаго земли Саурана, мы направились къ Туркестану, отъ котораго Сауранъ лежитъ въ пятидесяти верстахъ. Слѣды древнихъ пашенъ тянутся и здѣсь верстъ на десять отъ станціи.

Вскорѣ видъ степи сталъ измѣняться. Кое-гдѣ намъ приходилось переѣзжать черезъ арыки, наполненные водою, которая бѣжитъ на пашни киргизовъ. Вдали, вправо, виднѣлись аулы и степь зеленѣла около нихъ, обозначая мѣсто бахчей. Съ ауловъ во весь опоръ поскакалъ къ намъ киргизъ съ тѣмъ, чтобы спросить, не

хотимъ ли мы купить арбузовъ, которые онъ привезъ за собой. По сторонамъ дороги стало показываться много стадъ. Пашни учащались. Переѣхавъ черезъ какой то ручей или очень большой арыкъ, мы подъѣхали къ послѣдней станціи передъ Туркестаномъ. Каратау сталъ ясно виденъ, отчего степной ландшафтъ потерялъ свой утомляющій видъ и замѣнился превосходнымъ горнымъ ландшафтомъ.

По прозрачно-синему цвѣту горъ бѣжали темныя ущелья, рисовались болѣе свѣтлые выступы съ черными по бокамъ промоинами. Слава Богу! мы опять приближаемся къ горамъ! Далеко около нихъ затемнѣли сады Туркестана, которыхъ зелень группами оттѣнялась на свѣтлой степи съ сожженой на ней травою. Около дороги показались бахчи. Впереди поднялась высокая арка и куполъ знаменитой туркестанской мечети или такъ называемаго Азрета. Какъ все это пріятно дѣйствуетъ на глазъ, привыкшій къ однообразію степи. Будто подъѣзжаешь къ Парижу; такое чувство удовольствія испыталъ по крайней мѣрѣ я, подъѣзжая къ Туркестану. Оживленный видъ ўвеличивался по мѣрѣ движенія впередъ. По дорогѣ сновали всадники на ослахъ, лошадяхъ и верблюдахъ. Немазанныя арбы, запряженныя въ одну лошадь, на которой сидѣлъ человѣкъ, везли въ городъ джумурчку (клеверъ), арбузы, мѣшки съ пшеномъ.

Общій видъ Туркестана производитъ тоже пріятное впечатлѣніе. По сторонамъ его тянется множество садовъ, изъ которыхъ поднимаются стройные пирамидальные тополи съ листьями, какъ у клена, и бѣлою корою, какъ у березы. Изо всего города виднѣется только длинная зубчатая стѣна. Изъ-за нея смотрятъ высокіе валы цитадели и красивые куполы Азрета. На городскихъ стѣнахъ видны еще слѣды, оставленные нашими гранатами и ядрами.

Мы въѣхали въ ворота города по очень плохому мостику, перекинутому черезъ глубокій ровъ. Отъ нихъ сейчасъ же начинаются узкія, извилистыя улицы. По сторонамъ ихъ идутъ глиняные заборы, кое-гдѣ поднимающіеся на высоту стѣны дома. Изъ улицы небольшія ворота ведутъ во внутренніе дворы, куда уже выходятъ изо всѣхъ комнатъ двери. Тамъ, гдѣ ограда, отдѣляющая дворы отъ улицы, становится выше, она составляетъ стѣну дома, что можно судить по маленькимъ окошечкамъ, пробитымъ высоко надъ землей. Изрѣдка въ нихъ показывалась головная повязка женщины и сейчасъ же пряталась назадъ.

Кое-гдѣ въ выступахъ улицы пріютились колодцы съ нашими всероссійскими запрещенными журавлями для подъема воды, что стѣсняло еще болѣе и безъ того тѣсную улицу. По улицамъ бродили правовѣрные, съ огромными бѣлыми тюрбанами на головахъ, бѣгали отъ колодцевъ полуголые (по поясъ) мальчишки съ кувшинами въ рукахъ. Когда навстрѣчу намъ попадались изъ-за поворота улицы верховой, или верблюдъ, или арба, нашъ ямщикъ громко выкрикивалъ какія то зычныя междометія, еще громче раздававшіяся между стѣнъ улицы. Тѣ спасались въ ближайшіе переулки или ворота домовъ и давали, такимъ образомъ, возможность проѣхать нашему тарантасу.

Задѣвая колесами за стѣны и присоединяя новую черту къ многочисленнымъ слѣдамъ, оставленнымъ на нихъ арбами, мы добрались до базара, т. е. крытой улицы, по сторонамъ которой вмѣсто пустыхъ стѣнъ расположены лавки. Здѣсь висѣли на желѣзныхъ крючьяхъ только что зарѣзанные бараны, стояли въ лавочкахъ самовары, продавались фрукты, производились всякаго рода мастерства. Мальчишки и торгаши кричали и шумѣли, верблюды ревѣли, всюду былъ гамъ, шумъ и гвалтъ. По базару сновали бухарскіе евреи,

отличающіеся правильными чертами лица и длинными пейсиками, сарты въ большихъ чалмахъ, каргизы и наши солдатики, которыхъ ихъ штыкъ занесъ за три тысячи верстъ отъ Москвы.

Но такъ же, какъ и тамъ, они оказались здѣсь, какъ у себя, торговались, бранились, осматривали съѣстные продукты. Сарты, какъ мнѣ показалось, смотрятъ еще на русскихъ большими волками. Ни одинъ изъ нихъ не кивнулъ намъ даже головой, хотя мальчишки, пробѣгая мимо экипажа, дѣлали намъ подъ козырекъ въ укорительномъ смыслѣ. Киргизы, которые легко узнаются по ихъ типу, вели себя иначе. Еще издалека они кричали намъ громко: аманъ! и весело поглядывали на насъ.

Выѣхавъ изъ базара и проѣхавъ еще нѣсколько извилинъ, въ которыхъ изъ воротъ выглядывали ребятишки, захлопывающіе двери при нашемъ приближеніи съ крикомъ: урусъ!—мы подъѣхали къ цидатели, изъ-за которой выглядывалъ Азретъ со своимъ страннымъ фасадомъ и граціозными куполами. У моста черезъ ровъ часовой въ рубахѣ. Недалеко оттуда квартира коменданта, маіора Суворова. Онъ указалъ намъ квартиру, т. е. небольшую комнату безъ дверей съ миленькимъ дворикомъ, усаженнымъ деревьями. Домъ, часть котораго намъ теперь отвели, построенъ русскими уже послѣ взятія Туркестана. Въ садикѣ кипѣлъ самоваръ и молодая, прилично одѣтая дама, жена священника, какъ намъ послѣ сказали, разливала чай нѣсколькимъ офицерамъ. Мы пристроились къ столу. Вскорѣ явился конной артиллеріи поручикъ, Александръ Александровичъ Крымовъ, управляющій мѣстнымъ населеніемъ отъ Туркестана до Чемкента, включая и его. Мы разговорились съ нимъ и толковали до поздней ночи.

26—31-го августа и 1-го сентября мы пробыли въ Туркестанѣ, изучая его. Все, что мы видѣли до сихъ поръ,

рѣзко отличается отъ этого города по характеру, условіямъ жизни, даже по внѣшности, потому, несмотря на то, что мы пробыли здѣсь такъ долго, я, по крайней мѣрѣ, недостаточно ознакомился съ Туркестаномъ.

26-го мы поѣхали осматривать городъ вмѣстѣ съ Крымовымъ и караванъ-башемъ города. Прежде всего мы отправились на базаръ. Утромъ онъ еще оживленнѣе. Въ открытыхъ лавкахъ продается все, что нужно для неприхотливой жизни среднеазіатцевъ. На кошмахъ разложены арбузы, дыни, разная зелень, въ мѣшкахъ стоятъ орѣхи, сушеный урюкъ, кишмишъ, рисъ, просо, пшеница, мука. На желѣзныхъ гвоздяхъ, напоминающихъ наши вѣшалки, развѣшаны цѣлые бараны, тушки и куски мяса. Около кипитъ самоваръ и правовѣрные попиваютъ чай, усѣвшись въ кружокъ. Недалеко оттуда, на нѣсколькихъ ситахъ, уставленныхъ другъ на друга, варятся парами пельмени, которые, вмѣстѣ съ пилавомъ, составляютъ основу среднеазіатской кухни. Это родъ туркестанскаго ресторана. Толпа лицъ разныхъ типовъ и костюмовъ сновала взадъ и впередъ по лавкамъ. На этотъ разъ мы были въ сюртукахъ, а караванъ-башъ въ эполетахъ, полученныхъ имъ отъ Черняева и нашѣпленныхъ имъ на халатъ такъ, что одинъ болтался на груди, а другой на спинѣ, почему жители прикладывали руки ко лбу, полагая, что отдаваніе чести единственный способъ кланяться у русскихъ. Съ базара мы повернули въ караванъ-сарай, четыреугольный открытый базаръ съ лавками по сторонамъ. Посрединѣ вѣсы. Сюда приходятъ караваны, которые и разгружаются здѣсь. На одной сторонѣ караванъ-сарая мечеть, т. е. открытая мазанка на колоннахъ. Минаретовъ, вообще говоря, здѣсь нѣтъ.

Съ караванъ-сарая мы отправились въ гости къ караванъ-баши. Въѣхавъ во дворъ, мы сошли съ лошадей и вошли въ отдѣльную комнату съ однимъ выхо-

домъ. Оконъ въ ней нѣтъ, въ потолкѣ одно отверстіе. По стѣнамъ ниши, а въ углу выложенная камнемъ впадина для мытья, съ дыркой, назначенной спускать воду. Низенькій столъ былъ накрытъ вышитою азіатскою салфеткой, на которой стояли подносы съ фисташками, кишмишемъ, леденцами, виноградомъ, зернышками отъ абрикосовъ, дынями и арбузами. Подали чай въ полоскательныхъ небольшихъ чашкахъ. Вслѣдъ затѣмъ принесли блюда съ пельменями, сильно посыпанными перцемъ и пилавомъ. И то, и другое было очень вкусно. Хозяинъ разсказывалъ про свое значеніе въ городѣ, про обязанности и права караванъ-баша и хвасталъ знакомствомъ съ Черняевымъ. Онъ чрезвычайно тучный господинъ, котораго заплывшая шея и жирная грудь выглядывали изъ-за рубахи и халата, на которомъ были нацѣплены эполеты. Маленькіе глазенки его изобличали человѣка до крайности хитраго. Караванъ-башъ говорилъ медленно, хриплымъ пьянымъ голосомъ и при этомъ безпрерывно поглаживалъ свою сѣдую бороду. Пробыли мы у него недолго и отправились осматривать Азретъ.

Передній фасъ мечети состоитъ изъ стрѣльчатаго свода, опирающагося на двѣ высокія башни. Ко входу примыкаетъ большое зданіе мечети, на которомъ поднимаются два купола. Стѣны Азрета были обложены синими глазурованными кирпичами, уложенными такимъ образомъ, что они составляютъ весьма красивые арабески. Вверху по карнизу изъ болѣе темныхъ кирпичей составлена какая-то арабская надпись. Теперь арабески, глазурь и позолота остались только на корпусѣ, съ передняго же фаса и куполовъ глазурь совершенно осыпалась, такъ что кажется, будто они сдѣланы изъ глины или неокрашенныхъ кирпичей. Только мѣстами видишь на красной стѣнѣ оставшуюся заплатку глазури или подъ однимъ изъ куполовъ разсмотришь прелест-

ную, будто кружево, узорчатую бахромку изъ цвѣтныхъ кирпичей. Восточная часть стѣны сохранилась лучше всѣхъ. Узорчатые, красиво изогнутые базы подъ угловыми колоннами и самыя колонны сохранились совершенно хорошо. Мечеть Азрета тѣсно застроена неопрятными зданіями, сложенными изъ кирпича. Здѣсь, до взятія Туркестана, жили офицеры Кокандскаго гарнизона. Прямо противъ входа въ мечеть построена другая мечеть во вкусѣ всѣхъ прочихъ, построенныхъ въ Туркестанѣ. На этомъ основаніи нужно сказать о ней два слова.

Мечеть состоитъ обыкновенно изъ трехъ стѣнъ и крыши, поддержанной деревянными колоннами. Минаретовъ нѣтъ, не знаю на какомъ основаніи. Вотъ и вся мечеть. Замѣчательно, что капители деревянныхъ колоннъ у многихъ изъ мечетей совершенно похожи на капители сауранскихъ развалинъ. Подъ высокой аркой въ боковыя стѣны вставлено много длинныхъ палокъ. Намъ сказали, что это сдѣлано, будто бы, для птицъ. Дѣйствительно, здѣсь летало очень много голубей. На одной же палкѣ было устроено аистами толстое гнѣздо. Такое же гнѣздо устроили себѣ эти птицы на вершинѣ одного изъ куполовъ. Подъ переднею аркою направо и налѣво отъ входа лежатъ надгробные камни. Здѣсь по завѣщанію, похоронены знатные мусульмане за сто и болѣе червонцевъ, оставленныхъ мечети.

Большая дверь чрезвычайно мелкой рѣзной работы ведетъ во внутренность мечети. Первое, что васъ поражаетъ, это чрезвычайно грандіозный куполъ, покрывающій все главное зданіе. Плафонъ купола изъ лѣпной алебастровой работы сдѣлалъ бы честь лучшему европейскому архитектору. П., учившійся архитектурѣ и надоѣвшій уже мнѣ разсказами про алгебру, которую, какъ онъ говоритъ, онъ изучалъ до мелочей, пояснилъ, что куполъ чисто мавританскаго стиля. Это, впрочемъ, было видно и безъ его ученыхъ комментарій.

Узорчатый, какъ кружево, сводъ покоится на четырехъ стѣнахъ помощью украшеній, упирающихся въ углы. Эти украшенія, граціозные и оригинальные, въ то же время совершенно напоминаютъ громадные сталактиты. Въ томъ же вкусѣ отдѣлана ниша, въ которой продѣланъ входъ къ могилѣ Азрета, задернутый черной занавѣской. На этой нишѣ ревнивые, но безталанные мусульмане понадѣлали разноцвѣтныя іероглифическія украшенія.

— Что это такое? спросилъ я у муллы.

— «Это имена Бога и святыхъ: Аллахъ, Аллахъ акбаръ! Азретъ Али, Мусса, Ибрагимъ; это планъ Мекки», говорилъ онъ, пробѣгая глазами по испещреннымъ и изуродованнымъ стѣнамъ.

На срединѣ мечети стоитъ огромный, баснословной величины, бронзовый котелъ съ рельефными надписями изъ корана и другими украшеніями. Назначеніе это[redacted]ши или котла—назовите, какъ хотите—состоитъ въ [redacted]реніи пищи для бѣдныхъ; котелъ обставленъ со всѣхъ сторонъ бунчуками и знаменами Азретъ-султана. Огромной величины знамя съ древкомъ, сажени въ двѣ съ половиной, стоитъ наискось передъ входомъ къ могилѣ Азрета. Въ первый разъ табунъ муллъ, сопровождавшій насъ, не дозволилъ мнѣ увидѣть могилу Азрета, занавѣсъ къ которой открывается только по пятницамъ и для однихъ правовѣрныхъ. Въ другой же разъ сторожъ отдернулъ занавѣску за рубль, но рѣшительно удержалъ за руку, когда я хотѣлъ переступить за порогъ святилища. Тамъ каменный памятникъ обыкновенной мусульманской формы былъ накрытъ чернымъ сукномъ. Около было набросано много книгъ въ поношенныхъ кожаныхъ переплетахъ. Сторожъ назвалъ эти книги кораномъ.

Свѣтъ въ мечеть проникаетъ черезъ окно, освѣщающее могилу Азрета, черезъ два высоко продѣланныхъ

окна, заставленныхъ рѣзными деревянными рѣшетками, и черезъ дверь. Часть мечети у входа и дверь сильно закопчены дымомъ. Когда я спросилъ, отчего это закопчено, муллы отвѣтили, что кокандскіе часовые раскладывали въ мечети огонь и грѣлись здѣсь во время холодныхъ ночей. Налѣво отъ главнаго зданія мечети, черезъ темный корридоръ входятъ въ малую мечеть, тоже покрытую куполомъ. Плафонъ лѣпной работы въ томъ же вкусѣ, какъ и въ главномъ куполѣ. Но здѣсь все лучше сохранилось. По стѣнамъ даже видны слѣды изразцевъ, которыми онѣ когда-то были выложены. Здѣсь есть окна, отчего малая мечеть не кажется такою мрачною.

Кромѣ двухъ придѣловъ, мечеть Азрета заключаетъ въ себѣ еще длинные, темные корридоры, въ которыхъ похоронены очень большіе люди. Такъ, тутъ намъ показали могилу, сдѣланную, кажется, изъ мрамора, Аблая, хана Средней Орды. Онъ завладѣлъ Туркестаномъ послѣ того, какъ китайцы истребили калмыковъ. Должно-быть, этотъ городъ ему полюбился, потому что, хотя онъ и умеръ въ Кокчетавскомъ округѣ (въ Сыремъ-Бети, гдѣ стоитъ ему надгробный монументъ), однако завѣщалъ перевезти свое тѣло въ Туркестанъ, на что и ассигновалъ сто лошадей и нѣсколько калмыковъ-невольниковъ. Г—ій сказалъ, что онъ хорошо знакомъ со внукомъ Аблая, Велихановымъ, и просилъ муллу отъ имени послѣдняго помолиться о дарованіи Аблаю счастья на томъ свѣтѣ. Муллы согласились, стали на колѣни, бормотали что-то, къ счастью, недолго и кланялись въ землю, что въ темнотѣ, при бѣлыхъ тюрбанахъ муллъ, было, впрочемъ, очень красиво.

Недалеко отъ Аблая похоронена другая историческая личность, ханъ Большой Орды Юлъ-Барсъ. Кажется, онъ подданся Россіи одновременно съ Аблаемъ. Императрица Анна Іоанновна дала ему грамоту на подданство, которая и находится въ общемъ собраніи за-

коновъ. Могила Юлъ-Барса закрыта рѣзною деревянною рѣшеткою. Около, на глиняномъ пьедесталѣ навалена цѣлая куча головъ ovis argali съ огромными рогами. Это, по словамъ муллъ, даръ, приносимый киргизами, приходящими молиться къ могилѣ Юлъ-Барса.

Мечеть Азрета построена Тамерланомъ. Двигаясь изъ Турана въ походъ къ западу, онъ далъ обѣтъ построить такую мечеть, какой еще не бывало, если святой Азретъ, похороненный въ Туркестанѣ и чтимый всею Среднею Азіей, исходатайствуетъ у Аллаха объ удачномъ исходѣ его похода. Возвратившись домой, отягченный славою раззорителя сотенъ городовъ, Тамерланъ не забылъ своего обѣщанія. Мечеть начали строить, какъ говоритъ преданіе, существующее въ Туркестанѣ, черные люди, т. е., вѣроятно, мавры, которыхъ вкусъ и стиль отпечатались на азретской мечети. Но Тамерлану не удалось окончить свою постройку. Онъ умеръ, говорятъ, всего въ двадцати пяти верстахъ отъ Туркестана.

Недалеко отъ мечети Азрета построенъ родъ часовни въ томъ же стилѣ, какъ и азретская мечеть. Въ Туркестанѣ называютъ ее памятникомъ дочери Тамерлана, хотя прибавляютъ, что дочь Тамерлана Шура похоронена на Кавказѣ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ существуетъ крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура. Памятникъ дочери Тамерлана просто часовня, пустая въ серединѣ. Снаружи она представляетъ конусъ изъ кирпичей, съ которыхъ осыпалась глазурь; на конусѣ поставлена башенка, оканчивающаяся куполомъ. Глазурь на башенкѣ сохранилась совершенно. Арабески на ней чрезвычайно хороши. Изъ этого слѣдуетъ, что глазурованіе глины было не только хорошо извѣстно въ Средней Азіи въ XIV столѣтіи, но что это искусство стояло на высокой степени совершенства. Бѣдный Бернаръ Палисси! Теперь въ памятникѣ дочери грознаго завоевателя русскій порохо-

вой складъ. Небрежное хозяйство внутри башни и выниманіе безъ нужды кирпичей въ самое короткое время такъ попортило старый памятникъ, что конусъ, на которомъ стоитъ башенка, сѣлъ и далъ трещину. Это очень жалко.

Покровителемъ мечети считается шейхъ-исламъ, одинъ изъ потомковъ святого. Онъ долженъ происходить изъ старшей линіи и утверждался кокандскимъ ханомъ. Покровитель собираетъ деньги и предметы, жертвуемые ревностными мусульманами въ мечеть, и получаетъ слѣдующіе потомкамъ Азрета доходы съ Туркестанскихъ караванъ-сараевъ. Доходы, если ихъ сложить, такъ велики, что шейхъ-исламъ можетъ ежедневно кормить до ста человѣкъ бѣдныхъ.

Позабылъ сказать, что недалеко отъ Карнака, лежащаго въ двадцати верстахъ отъ Туркестана, существуютъ до сихъ поръ развалины завода, на которомъ отливался котелъ, стоящій въ Азретѣ.

Знаменитая мечеть плохо поддерживалась при Кокандскомъ правительствѣ. Мулла сказалъ намъ, что мечеть не поддерживается потому, что нѣтъ хорошихъ мастеровъ и указалъ на грязныя полосы глины, которыми кое-гдѣ были залѣплены щели въ стѣнахъ. «Только въ Бухарѣ есть одинъ хорошій мастеръ, способный починить эту мечеть», прибавилъ онъ. Мы сказали муллѣ, что, когда русскіе возьмутъ Бухару, то пришлютъ сюда этого мастера, и сѣли на лошадей, чтобы осмотрѣть окрестности.

Первое, что мы хотѣли посмотрѣть, это наши траншеи. Онѣ охватывали городъ отъ дороги изъ Джулека влѣво отъ садовъ, примыкающихъ къ Карнакской дорогѣ. Намъ показали мѣста, гдѣ стояли наши батареи пушечныя и мортирныя. Мѣсто для траншей выбрано очень дурно. Вмѣсто того, чтобы начать осаду съ Карнакской дороги и заложить траншеи нѣсколько восточ-

нѣе нея, гдѣ пересѣченная мѣстность, сады, арыки и и овраги дозволяли безопасно подойти такъ близко, чтобы построить брешь-батарею и начать спускъ въ ровъ, осадныя работы начаты съ сѣверо-запада, на совершенно открытой мѣстности, отчего первая параллель и заложена саженяхъ въ трехстахъ отъ Туркестанской ограды. Крымовъ, сопровождавшій насъ и бывшій при осадѣ Туркестана командиромъ мортирной батареи, разсказалъ при этомъ, что первоначально Веревкинъ запретилъ стрѣлять по Азрету, уважая народную святыню и щадя замѣчательный памятникъ; скоро, однако, перебѣжчики изъ Туркестана раскрыли ему глаза. Тамъ, въ народѣ распространился слухъ о чудесахъ, которыя дѣлаетъ святой. Его божеской силѣ всѣ приписывали то обстоятельство, что съ начала осады въ мечеть не попалъ ни одинъ снарядъ. Веревкинъ приказалъ стрѣлять и въ мечеть. Чудодѣйственная сила святого оказалась ниже матеріальной силы пороха и до сихъ поръ двѣ пробоины (впрочемъ, не прошедшія насквозь) въ куполѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что Азретъ не могъ измѣнить траекторію снаряда.

Крымовъ разсказалъ также про вылазку, которую Мурза-Давлетъ, командовавшій войсками въ Туркестанѣ, сдѣлалъ противъ осадныхъ работъ. Онъ, обошелъ садами наши траншеи съ юга и запада и кинулся на нихъ съ гамомъ и воплемъ. Въ то время жители города, собравшись на стѣнѣ, играли въ трубы, вѣрнѣе, издавали дикіе звуки и крикомъ ободряли своихъ защитниковъ. Впрочемъ, вылазка была отбита. Въ теченіе ея офицеръ генеральнаго штаба Кохановскій стоялъ на брустверѣ траншеи и руководилъ огнемъ солдатъ; онъ былъ убитъ пулею въ грудь навылетъ. Испытавъ на дѣлѣ невозможность прогнать русскихъ, Мурза-Давлетъ сказалъ, что онъ выходитъ изъ города для какого-то хитраго маневра противъ русскихъ, поручивъ оборону города

жителямъ и запретивъ говорить про сдачу подъ страхомъ смертной казни; но едва онъ удалился съ кокандцами, какъ одинъ богатый туркестанецъ Джанты, глава русской партіи, т. е. желавшей сдать городъ, открылъ ворота крѣпости и выѣхалъ къ нашимъ работамъ. Нашъ отрядъ немедленно занялъ крѣпость и цитадель. Уже послѣ взятія Туркестана съ сѣверной стороны крѣпости вырублены сады и разрушено довольно много зданій, чтобы очистить пространство для выстрѣловъ. Тогда ждали нападенія на Туркестанъ самого Муллы Алимкула, регента Коканда.

Объѣхавъ съ трехъ сторонъ городъ, мы привязали лошадей у дерева и пошли въ сады. Подъ этимъ словомъ нельзя разумѣть одни фруктовые сады. Здѣсь можно встрѣтить и талъ, и осину, и тополь, и то особенное дерево, которое здѣсь называется пирамидальнымъ тополемъ. Оно совершенно прямо и сучья идутъ кверху. Съ этой стороны оно дѣйствительно напоминаетъ пирамидальный тополь, но листья у него лапчатые, какъ у тополя, а кора на стволѣ бѣло-желтаго цвѣта. Въ перемежку съ этими деревьями посажены миндаль, абрикосы, яблони, груши, приносящія огромные дюшесы, и пр. Впрочемъ, сезонъ фруктовъ уже прошелъ и съ деревьевъ давно собраны всѣ плоды. Простыя деревья имѣютъ большую цѣну въ степяхъ, но и помимо своей цѣнности денежной, они служатъ какъ бы предметомъ роскоши, лаская всѣ чувства степного азіата. Впрочемъ, манера садить деревья, могущія служить для построекъ, очень хороша. Всѣ сады орошаются арыками.

Изъ садовъ мы поѣхали домой. Комендантъ крѣпости пригласилъ насъ обѣдать все время у себя. Послѣ обѣда возвратились къ себѣ и я усѣлся за писаніе этой книги. Наша квартира очень удобна и для работы, и для жизни. Городничій уступилъ намъ послѣднюю

комнату своего дома подъ фотографію Пріорову, такъ что на насъ троихъ были двѣ комнаты и дворъ или садъ. Онъ особенно мнѣ нравится. Поперекъ сада идетъ арыкъ, который наполняетъ миніатюрный прудъ, обставленный здѣшними пирамидальными тополями. Про силу здѣшней растительности, если она можетъ имѣть достаточно влаги, можно судить по тому, что эти деревья, имѣющія теперь три-четыре сажени высоты, пересажены сюда маленькими русскимъ комендантомъ Жемчужниковымъ послѣ взятія Туркестана. Въ сторонѣ отъ озера терраса. Около дверей сдѣланъ крытый навѣсъ, замѣняющій галлерею.

27-го числа утромъ мы пошли въ гости къ бывшему у насъ съ визитомъ Оскару-Ходжѣ, одному изъ старшихъ потомковъ Азретъ-Султана. Оскаръ-Ходжа былъ у насъ въ мундирѣ русскаго офицера. Чинъ онъ получилъ по рекомендаціи Черняева, какъ вліятельный человѣкъ Туркестана. Потомки Азрета раздѣляются на три колѣна: на колѣно Шейхъ-ислама, Накына и Азрета. Изъ перваго назначались кокандскими ханами шейхъ-исламы Туркестана, которыхъ обязанность состоитъ въ попеченіи о газызъ (святыхъ сиротахъ), потомкахъ Магомета вообще и Азретъ-султана въ особенности. Самъ Азретъ происходилъ отъ сына св. Алія, но отъ другой жены, не Фатимы. Отъ двухъ старшихъ сыновей Алія и Фатимы—Гассана и Гуссейна, произошли сеиды; отъ другой жены Алія же, Ханафіе, Алій имѣлъ сына Мугамедъ-Ханафіе-Ауліе. Его потомки называются Ханафіе-Караганы. Старшее и младшее колѣно Алія называются вообще Ходжами. Азретъ, султанъ Туркестанскій, потомокъ Мугамета-Ханафіе-Ауліе. Вообще здѣшніе мусульмане строго различаютъ эти двѣ линіи. Отецъ Азрета, Ибрагимъ, жилъ въ Сайрамѣ.

Потомки Азрета пользуются въ Туркестанѣ большимъ вліяніемъ. Изъ числа всѣхъ арыковъ, которыми

орошаются туркестанскія пашни, два уступлены городомъ на вѣчныя времена потамкамъ Азрета. Разсказываютъ что эти два арыка чудо умершаго святого, разсказываютъ будто онъ ударилъ своимъ посохомъ по землѣ и приказалъ выступить водѣ.

Исторія города Туркестана есть исторія Азрета и его потомковъ. Оскаръ-Ходжа принесъ множество свертковъ пергамента и бумаги, на которыхъ написана генеалогія потомковъ Азрета. Съ боку текста приложены печати всѣхъ владыкъ Туркестана, гарантировавшихъ этимъ подлинность написаннаго. Оскаръ-Ходжа объяснилъ, что онъ имѣетъ патенты на русскую медаль и чинъ и долженъ будетъ приклеить и то, и другое къ фамильной родословной. Азретъ-Султанъ былъ владѣтелемъ Туркестана, подчинявшагося ему добровольно. Послѣ Туркестаномъ владѣли его потомки съ зависимостью отъ Бухарскаго эмира. Впослѣдствіи владѣтель Коканда, Ишимъ-Ханъ, подчинилъ себѣ Туркестанъ и узурпировалъ права фамиліи Азрета. Разсказывая про это, Оскаръ-Ходжа, съ видимымъ презрѣніемъ, прибавилъ, что Ишимъ-ханъ былъ потомокъ Алимъ-бія кипчаковъ, основавшаго кокандскую династію, которая существуетъ всего полторасто лѣтъ. Съ тѣхъ поръ Туркестанъ составилъ часть Кокандскаго ханства.

На мой вопросъ, не было ли прежде такихъ, которые отнимали у ходжей владѣніе Туркестаномъ, Оскаръ-Ходжа сказалъ, что имъ владѣлъ нѣкоторое время Галданъ-Черенъ, калмыцкій ханъ, что калмыки не оскорбляли однако храма, потому что увидѣли всѣ разомъ св. Азрета въ грозномъ для нихъ видѣ, и что они вскорѣ были истреблены китайцами. Послѣ нихъ Туркестанъ или, лучше сказать, владѣнія послѣдняго ходжи зависѣли отъ Аблай, хана Средней Киргизской Орды, потомка Чингизъ-хана. Юлъ-Барсъ былъ ханомъ Большой Орды и кочевалъ со своими подданными по Сыръ-чу

и въ горахъ Каратау, мѣста же, нынѣ занятыя Большою Ордою, принадлежали еще калмыкамъ до истребленія послѣднихъ манджурами.

Св. Азретъ (Азретъ значитъ святой. Это слово обратилось у среднеазіатцевъ въ собственное имя для означенія туркестанскаго святого) назывался при жизни Ходжа-Ахметъ-Ясавы. Городъ Туркестанъ, при его жизни, назывался Яссы.

Наманганъ построилъ Аблай-ханъ. Андижанъ едва ли не старѣе всѣхъ городовъ Кокандскаго ханства. По имени Андижана въ Кашгарѣ и Кульджѣ всѣ торговцы изъ Средней Азіи называются китайцами анджанцами, какъ мы, русскіе, называли всѣхъ выходцевъ изъ Коканда, по имени другого большого торговаго города, ближайшаго къ намъ, ташкентцами.

Въ своемъ разсказѣ Оскаръ-Ходжа упомянулъ, что Тамерланъ очень любилъ Туркестанъ, уважалъ его патрона, часто посѣщалъ его могилу и умеръ въ двадцати пяти верстахъ отъ этого города. Гдѣ именно онъ умеръ, я позабылъ его спросить. Азретъ родился въ 476 году гиджры, а мечеть въ честь его окончена въ 778 гиджры.

Отъ Оскара-Ходжи мы поѣхали въ гости къ казы-келяму, тоже награжденному халатомъ и медалью отъ русскихъ. Домъ его или, лучше сказать, пріемная комната, въ которой мы сидѣли, совершенно похожа на залу базаръ-баши. Угощеніе было то же самое, даже чашки и мебель были принесены отъ базаръ-баши. Одинъ складной желѣзный стулъ со странно погнутой спинкой выдалъ этотъ секретъ.

Крымовъ, бывшій съ нами, разсказалъ сдѣдующее. Шейхъ-исламъ, старшій потомокъ Азрета и покровитель корана, ссорится постоянно съ казы-келямомъ, верховнымъ судьею, безпрерывно узурпируя его права. Почему то Крыжановскій очень благоволитъ къ шейхъ-исламу, хотя русскій генералъ-губернаторъ, не преуве-

личивающій положенія дѣлъ, не долженъ былъ бы быть очень щедрымъ на ласки передъ первымъ духовнымъ лицомъ Туркестана. Но Крыжановскій, не ограничиваясь излишнимъ вниманіемъ, даже сталъ холоденъ къ казы-келяму до того, что не пригласилъ его на большой балъ, долженствовавшій быть въ Ташкентѣ 30 августа въ день тезоименитства Государя Императора, въ то время, какъ его соперникъ былъ приглашенъ особенно внимательно. Шейхъ-исламъ получилъ богатые подарки, казы-келямъ — довольно мизерные. Все это волнуетъ до-нельзя казы-келяма, человѣка, по словамъ Крымова, очень благонадежнаго и преданнаго. Мы успокоили его ложью, сказавъ, что генералъ Крыжановскій говорилъ намъ, что онъ оставилъ казы-келяма и не пригласилъ его на балъ съ тѣмъ, чтобы мы могли посовѣтоваться съ такимъ умнымъ человѣкомъ. Послѣ того руки казы-келяма перестали дрожать, а глаза, блестѣвшіе до тѣхъ поръ лихорадочнымъ блескомъ, потухли.

27-го пріѣхали остальные члены нашей коммисіи. Послѣ обѣда мы говорили съ киргизскими біями, которые отличались замѣчательною безтолковостью. Вообще говоря, нужно замѣтить, что здѣшніе киргизы отъ души презираютъ сартовъ и наоборотъ. Киргизы считаютъ ихъ «полуженщинами»,—фраза одного киргиза, потому что они не умѣютъ ѣздить верхомъ. Они также справедливо называютъ ихъ развратными. И то, и другое вѣрно.

Съ своей стороны и сарты презираютъ киргизъ, какъ людей почти неимѣющихъ вѣры, глумящихся надъ Азретомъ и дервишами, кричащими и кружащимися тамъ по пятницамъ, наконецъ, какъ дикарей, неимѣющихъ понятія о шаріатѣ и объ условіяхъ высшей мусульманской цивилизаціи. Этотъ антагонизмъ двухъ расъ нужно имѣть постоянно въ виду русскимъ государственнымъ людямъ. Къ несчастью, Крыжановскій, Черняевъ, Романовскій и вообще всѣ русскіе даютъ видимое пред-

почтеніе сартамъ, т. е. людямъ, долженствующимъ быть враждебными Россіи, а не киргизамъ, нашимъ естественнымъ союзникамъ въ Средней Азіи. И то сказать: такъ же поступало и кокандское правительство!

Мы посѣтили домъ здѣшняго богача Джанты. Онъ же считается главою русской партіи. Снаружи этотъ домъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ мазанокъ. Сѣрая глина неопрятно покрываетъ стѣны; ворота узки и ведутъ темнымъ корридоромъ во внутренній дворъ. Оттуда сыновья Джанты (онъ самъ приглашенъ на балъ въ Ташкентъ) повели насъ въ лучшую комнату. Она рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ туркестанскихъ помѣщеній. Стѣны превосходно выштукатурены, не марaютъ и совершенно ровнаго цвѣта. Двери отличной рѣзьбы. Потолокъ, состоящій, какъ вездѣ, изъ тонкихъ ровно-обструганныхъ палокъ, упирающихся въ чисто положенныя балки, превосходно отдѣланъ бѣлою краскою, по которой расписаны арабески золотомъ и другими цвѣтами. Замѣчательно, что симетріи въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой. На каждой балкѣ особенная арабеска и это ничуть не уродуетъ общаго впечатлѣнія. По стѣнамъ сдѣланы большія ниши на подобіе шкафовъ, съ полочками, на которыхъ стоитъ домашняя утварь. Каждое такое гнѣздо прикрыто сверху алебастровою доской съ превосходной стрѣльчатой вырѣзкою, дающею возможность ставить предметъ на полку. Въ общемъ ниши съ ихъ строго-мавританскими алебастровыми украшеніями очень красивы. Комната освѣщается тремя дверями и двумя высоко-прорѣзанными окнами, закрытыми алебастровою рѣшеткою тонкой рѣзьбы. Цоколь сѣраго цвѣта съ черною полосою наверху, какъ требуетъ того строгій вкусъ. На одной изъ сторонъ, гдѣ нѣтъ нишъ, лежали въ четырехъ кучахъ приданыя четырехъ женъ Джанты. Мѣдная посуда, стоявшая на противоположной стѣнѣ, очень красива.

Въ Туркестанѣ я не могъ заниматься такъ, какъ бы было желательно. Однако, на основаніи разспросовъ у разныхъ официальныхъ и неофиціальныхъ сартовъ, собиравшихся у насъ два дня подъ-рядъ, я составилъ вопросы Крымову по моему отдѣлу. Далѣе написалъ письмо въ Петербургъ, пропустивши, впрочемъ, одну почту и исписалъ въ этой книгѣ очень много бумаги, потому что дневникъ не велся съ самаго Уральскаго укрѣпленія. Кромѣ того, просилъ Крымова собрать для меня всевозможныя легенды и повѣрья, касающіяся до Туркестана, Азрета, Тамерлана, Аблая и Юлъ-Барса. Онъ чрезвычайно обязательно согласился исполнить мое желаніе.

30-го числа предполагался парадъ. Мы отправились въ церковь въ полной парадной формѣ. Церковь находится здѣсь въ одномъ изъ домовъ. Кромѣ двухъ образовъ на стѣнѣ, нѣтъ никакихъ церковныхъ атрибутовъ. Пѣвчіе изъ рукъ вонъ какъ плохи. Басъ, какъ во всѣхъ деревенскихъ церквахъ, считалъ себя знатокомъ пѣнія и когда всѣ фальшивили, онъ, фальшивя рѣшительнѣе и безстыднѣе другихъ и воткнувъ подбородокъ въ грудь, смотрѣлъ съ омерзеніемъ на своихъ болѣе робкихъ товарищей, нравоучительно выкачивая тактъ головой. Молебенъ шелъ на открытомъ воздухѣ. Когда пѣвчіе затянули многія лѣта, надъ головой нашей раздалась команда: *первое!* и угловое орудіе грянуло на удивленіе жителей Туркестана, потомъ второе и т. д. Изъ крѣпости сдѣланъ сто одинъ выстрѣлъ и запахъ порохового дыма, вѣроятно, напомнилъ жителямъ осаду, а у русскихъ разговоръ невольно перешелъ къ настоящимъ событіямъ.

Послѣ молебна мы отправились закусывать къ Крымову. Всѣ важнѣйшіе русскіе чиновники живутъ шагахъ въ пятидесяти отъ цитадели въ домахъ Мирзы-Давлета и другихъ, построенныхъ уже нами. Въ садикѣ, находя-

щемся на дворѣ, довольно глубокій прудъ и около него навѣсъ, подъ которымъ мы теперь и завтракали. Крымовъ показалъ на пробоину въ крышѣ навѣса и разсказалъ, что во время осады Туркестана, въ послѣдніе дни, здѣсь собрался совѣтъ кокандскихъ военно-начальниковъ, чтобы рѣшать судьбу города. Вдругъ наша граната, пробивъ навѣсъ, упала между сановниками. Они разбѣжались и попрятались во всѣ стороны, а вскорѣ Мурза-Давлетъ съ войсками отступилъ.

Вечеромъ мы опять были приглашены къ Крымову. Русскіе дома были иллюминованы. На комендантскомъ домѣ горѣлъ вензель. Мы усѣлись въ карты. Собрались двѣ, три дамы, жены находящихся здѣсь русскихъ. Двери залы были открыты и въ нее нашло много киргизъ, которые были у Крымова, какъ дома. Они пили водку, курили папиросы, наблюдали насъ, разговаривали между собою, однимъ словомъ, были тоже въ гостяхъ. Это очень хорошо рекомендуетъ Крымова. На вечерѣ была даже одна киргизка, въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, жена одного офицера-киргиза.

По разказамъ казы-келяма, караванъ-баши, раиса и двухъ казы [1]), Туркестанъ раздѣляется на четыре квартала; въ каждомъ изъ нихъ имѣется особый аксакалъ.

Обязанность *аксакала* состоитъ въ передачѣ жите-

[1]) Должностныя лица Туркестанскихъ городовъ, во время нахожденія этихъ городовъ подъ властью кокандскаго правительства. Въ общемъ, права, обязанности, назначеніе и характеръ дѣятельности мѣстныхъ должностныхъ лицъ во всѣхъ городахъ Туркестана одинаковы; въ частностяхъ же каждый городъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Поэтому мы описаніе администраціи и управленія Туркестанскихъ городовъ не сводимъ въ одно цѣлое, а оставляемъ въ томъ порядкѣ, какъ изложено въ дневникѣ автора, избѣгая лишь, по возможности, повторенія одного и того же. Изъ осмотренныхъ А. К. Гейнсомъ городовъ: Туркестана, Чемкента, Ауліе-ата и Ташкента безспорно наибольшее вниманіе на себя долженъ былъ обратить послѣдній, администрація котораго при кокандскомъ владычествѣ и описана авторомъ въ этомъ дневникѣ въ самыхъ подробныхъ чертахъ. Ташкентъ онъ посѣтилъ послѣднимъ изъ указанныхъ городовъ, а потому и это болѣе полное описаніе городской администраціи при кокандскомъ владычествѣ намъ пришлось отнести въ конецъ дневника.—*Ред.*

лямъ приказаній начальства и въ надзорѣ за исполненіемъ ихъ. Аксакалы имѣютъ право задержать всякаго, нарушающаго общественный порядокъ и спокойствіе; они сами, однако, не дѣлаютъ никакихъ взысканій, а представляютъ виновнаго на судъ казы или для заарестованія къ полицмейстеру. При розыскахъ украденныхъ вещей аксакалы имѣютъ право дѣлать обыски у каждаго обывателя и напрасный обыскъ не ставится имъ въ предосужденіе. При кокандцахъ аксакалы были освобождены отъ платежа такъ называемой поземельной подати. Тогда же, по смерти аксакала, городское общество просило о назначеніи на его мѣсто или сына умершаго или, если онъ былъ того недостоинъ, другого. Для этого собиралось, по общему соглашенію, человѣкъ двадцать или болѣе старшихъ и уважаемыхъ лицъ. Выбранный аксакалъ утверждался кокандскою военною властью.

Аксакалы, исполняющіе въ настоящее время свою обязанность, состояли въ этихъ должностяхъ и при кокандскомъ правительствѣ. Послѣ образованія Туркестанской области Черняевъ утвердилъ ихъ въ должностяхъ. При кокандцахъ на содержаніе аксакаловъ никакихъ сборовъ не полагалось и жалованія они не получали, а иногда награждались халатами. Теперь два изъ нихъ получаютъ содержанія по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, а два по десяти рублей. Они чрезвычайно довольны, что имъ положено жалованье; говорятъ только, что мало. Разсказываютъ, будто Черняевъ предоставилъ званіе старшаго аксакала шейхъ-исламу, которому выдалъ на это бумагу. Шейхъ-исламъ теперь поѣхалъ въ Ташкентъ и въ подлинности сказаннаго убѣдиться нельзя было.

У каждаго аксакала имѣется по три помощника, называемыхъ *арыкъ-аксакалами*. Ихъ выбиралъ народъ, но на утвержденіе кокандцевъ они не представлялись. Обя-

занность ихъ состоитъ въ распредѣленіи воды и земли между хлѣбопашцами. Содержанія они не получали, а только освобождались отъ поземельной подати, да кромѣ того каждый кошъ [1]) платилъ своему аксакалу пудъ хлѣба. Каждому, занимающемуся земледѣліемъ и садоводствомъ, вода, пущенная на его землю на сутки, пускается опять на нее черезъ пятнадцать или двадцать дней. Черезъ двадцать дней вода пускается на пашни только при большомъ количествѣ обработываемой земли и недостаткѣ воды. Въ случаѣ неисполненій приказаній арыкъ-аксакала, онъ обращается съ просьбой о содѣйствіи къ старшему аксакалу.

Обязанность *раиса*, по шаріату состоитъ въ наблюденіи за исполненіемъ жителями религіозныхъ обрядовъ и ихъ нравственностью. Въ настоящее время раисы подчинены городничему и получаютъ отъ него приказанія полицейскаго содержанія, хотя и находятся, по-прежнему, въ зависимости отъ казы-келяма. До взятія Туркестана было два раиса, теперь же имѣется только одинъ. Отъ полицмейстера онъ получаетъ приказаніе надзирать за вѣсами, а отъ казы-келяма—наблюдать за жителями по исполненію послѣдними религіозныхъ обрядовъ. Раисъ жалованья не получаетъ, а беретъ при свадьбахъ вдовъ съ каждой по рублю сер. Почему утвердилось за раисами право брать со вдовъ при выходѣ ихъ вторично замужъ не знаютъ. Раисъ можетъ либо самъ вѣнчать вдовъ, т. е. прочитать свадебную молитву, либо предоставляетъ муллѣ исполнить обряды, слѣдующіе по Корану. Эта странная привилегія утвердилась за раисами во всѣхъ сартскихъ городахъ, причемъ она санкціонирована не шаріатомъ, а просто обычаемъ.

При кокандцахъ были: *казы-келямъ*, *казы-кузатъ* и двое *казы*. Обязанность ихъ состоитъ въ рѣшеніи су-

[1]) Кошемъ назывался участокъ земли, который могъ быть обработанъ парою воловъ.—*Ред.*

дебныхъ и тяжебныхъ дѣлъ по шаріату. Казы-келямъ, старшій судья, не можетъ перерѣшать дѣла, оконченныя другимъ казы. Онъ назначается по выбору начальства изъ ученыхъ муллъ. Въ случаѣ злоупотребленій, казы смѣняются начальствомъ. Иногда тяжебныя дѣла рѣшались и выборными посредниками. Сами господа, говорившіе съ нами, признали рѣшеніе дѣлъ посредниками полезнымъ, если при этомъ рѣшеніи будетъ присутствовать казы. Принося жалобу, житель долженъ выбирать казы изъ своего города; пріѣзжіе же азіатцы имѣютъ право обращаться къ какому угодно казы. При разборѣ дѣлъ съ киргизами казы рѣшаютъ дѣла по шаріату, безъ участія депутатовъ со стороны послѣднихъ. Въ настоящее время, на практикѣ, недовольные рѣшеніемъ казы обращаются къ городничему или управляющему туземнымъ населеніемъ и тѣ перерѣшаютъ дѣла. Такихъ случаевъ, намъ сказали, было уже два. За рѣшеніемъ дѣла выигравшая сторона даетъ судьямъ по желанію вознагражденіе (казылыкъ); но положенія объ этомъ по шаріату не существуетъ. Даютъ обыкновенно отъ двадцати до сорока копѣекъ и болѣе.

Въ Туркестанѣ за отдачу въ наемъ двухъ караванъ-сараевъ купцы платятъ сто тридцать червонныхъ, которые собираются казы-келямомъ. Изъ нихъ тринадцать червонцевъ идетъ въ пользу строителя сараевъ; тридцать червонцевъ на содержаніе бѣдныхъ при лазаретѣ, остальныя затѣмъ деньги дѣлятся на три части, изъ которыхъ одна часть идетъ въ пользу казы-келяма, другая—на школы, а третья—имамамъ. Кромѣ того, съ третьяго караванъ-сарая, за отдачу его въ наемъ, платится купцами шестьдесятъ пять червонцевъ въ годъ, которые собираетъ шейхъ-исламъ. Вся эта сумма идетъ на поддержаніе мечети Азрета. Четвертый караванъ-сарай строится на счетъ шейхъ-ислама.

Деньги, которыя шейхъ-исламъ собираетъ съ третьяго

караванъ-сарая въ пользу мечети, удерживаются имъ вотъ уже десять лѣтъ въ его личную пользу.

Общество города и власти его не имѣютъ права контролировать шейхъ-ислама; это право принадлежитъ ходжамъ, потомкамъ Азрета, которые раздѣляются, какъ сказано выше, на три колѣна: шейхъ-исламъ, накыбъ и аздеръ. Такъ же называются три старшины колѣнъ. Въ пользу потомковъ Азрета идетъ извѣстная сумма съ Ташкентскаго караванъ-сарая. Шейхъ-исламъ не духовное лицо, а наслѣдственное въ старшемъ колѣнѣ. На остальныя двѣ должности имѣетъ право быть назначеннымъ всякій изъ ходжинцевъ.

Ходжинцы съ давнихъ поръ владѣютъ двумя арыками, которые поддерживаются городомъ. На одномъ они сами живутъ и занимаются земледѣліемъ въ числѣ ста домовъ. Другая канава отдается ими въ наемъ за пятую часть урожая, которая и дѣлится между шейхъ-исламомъ, накыбомъ и аздеромъ поровну.

Всѣ эти сборы и раздѣлы подаютъ поводъ къ спорамъ и большимъ злоупотребленіямъ. По мнѣнію казыкеляма и караванъ-баша, лучше было бы дѣлать всѣ сборы на основаніи общественныхъ приговоровъ; раскладку этихъ сборовъ предоставить обществу же, устроивъ контроль надъ расходованіемъ суммъ, долженствовавшихъ употребляться на общественныя нужды. Доходъ, идущій изъ Ташкента въ пользу туркестанскихъ ходжей, равняется пятидесяти одному червонцу въ годъ. По взятіи Туркестана накыбъ получилъ всю эту сумму сполна и, не раздѣлившись ни съ кѣмъ, бѣжалъ въ Кокандъ. Теперь ходжинцы спорятъ объ этомъ. Казы за свадьбу дѣвицы получаетъ по два рубля, а за рѣшеніе дѣлъ отъ двадцати копѣекъ и болѣе. Казы въ Туркестанѣ большею частью потомки Азрета, но могутъ быть выбираемы и изъ лицъ другихъ со-

стояній, лишь бы выбираемый былъ грамотный и зналъ шаріатъ. Здѣсь можно замѣтить, что всѣ мусульмане, по словамъ ученыхъ туркестанцевъ, должны носить бѣлыя чалмы. Потомки Азрета носятъ ихъ только большихъ размѣровъ.

Караванъ-башъ (базаръ-башъ) утвержденъ Черняевымъ. Онъ занималъ эту должность при кокандцахъ; торговлею же занимается сорокъ лѣтъ. Обязанность караванъ-баша состоитъ въ сборѣ съ каравановъ денегъ за переправу у Учъ-Каюка; онъ имѣетъ четыре разъѣздныхъ для охраненія базара во время ночи, наблюдаетъ за чистотою, за порядкомъ и благочиніемъ во время дня. Въ случаѣ споровъ на базарѣ, онъ рѣшаетъ маленькія дѣла, если этимъ рѣшеніемъ остаются довольны обѣ стороны; въ противномъ же случаѣ поссорившіеся обращаются къ казы. Къ числу обязанностей караванъ-баша нужно отнести и то, что, въ настоящее время, онъ обязанъ охранять казенное сѣно на Сыръдарьѣ. Караванъ-башъ платитъ казнѣ по сто рублей въ мѣсяцъ за вѣсы и базарный сборъ. Послѣдній составляется изъ слѣдующаго: съ пуда хлѣба караванъ-башъ сбираетъ копѣйку, съ барана пять копѣекъ, съ коровы—десять, съ лошади и верблюда по двадцати копѣекъ; съ лавокъ, на свѣчи для освѣщенія базара (выходитъ, по словамъ караванъ-баша, свѣчей на десять рублей въ мѣсяцъ), на наемъ четырехъ караульныхъ и на квартиру для десяти казаковъ—по двадцати копѣекъ съ каждой. Съ бѣдныхъ же торговцевъ, равно такихъ, которые занимаются ремеслами или, по неимѣнію домовъ, и живутъ на базарѣ, ничего не берется. На переправѣ у Учъ-Каюка, гдѣ караванъ-башъ обязанъ содержать перевозъ, онъ собираетъ съ навьюченныхъ верблюдовъ по сорока копѣекъ со штуки; съ верблюдовъ же безъ клади онъ уступаетъ сборъ въ пользу работниковъ, находящихся на переправѣ, которые и со-

бираютъ по десяти копѣекъ съ верблюда, а иногда и по пятнадцати.

Больныхъ жителей въ Туркестанѣ лѣчатъ баши; къ русскимъ докторамъ еще не обращались; больницъ въ городѣ нѣтъ. Устройство больницъ на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы больные туркестанцы въ нихъ пользовались, считаютъ неудобнымъ и предполагаютъ, что въ подобныхъ госпиталяхъ никто лѣчиться не будетъ. Всѣ присутствовавшіе при разговорѣ сарты полагаютъ, что народъ былъ бы доволенъ, если бы пособіе подавалось ему на дому, т. е. если бы они могли безплатно пригласить докторовъ и получать лѣкарства.

Дѣти отъ семи до пятнадцати лѣтъ учатся въ школахъ, существующихъ въ домахъ у имамовъ. Предметы занятій слѣдующіе: азбука арабско-татарская; послѣ, чтеніе маленькихъ книжечекъ, заключающихъ въ себѣ седьмую главу корана, въ которой говорится о намазѣ и молитвахъ; затѣмъ слѣдуетъ чтеніе корана, свѣтскія письмена и шаріатъ. По окончаніи курса въ школѣ поступаютъ въ медрессе. Въ Туркестанѣ одно медрессе, въ которомъ преподаетъ казы-келямъ. Лучшія медрессе находятся въ Бухарѣ, гдѣ приготовляются ученѣйшія духовныя лица; не получившій воспитанія въ медрессе не можетъ быть имамомъ. Въ медрессе, какъ въ высшее духовное заведеніе, поступаютъ учиться не только взрослые люди, но и лица пятидесятилѣтняго возраста. Въ бухарскихъ медрессе, кромѣ шаріата и всевозможныхъ толкованій корана, составляющихъ сущность обученія въ здѣшнихъ медрессе, преподается еще тарыкъ (исторія). Въ Туркестанѣ, кромѣ казы-келяма, преподаетъ еще Фейзула-Ходжа. Казы-келямъ воспитывался въ Бухарѣ и знаетъ арабскій и персидскій языки. Выходящіе изъ медрессе могутъ быть имамами и выбираются въ казы. Правомъ отдавать мальчиковъ въ училище и медрессе пользуется каждый. Плата учителю за

обученіе не опредѣлена, но каждый отъ времени до времени дѣлаетъ ему приношеніе по своему состоянію. Дѣвочки учатся въ домахъ у ученыхъ женщинъ, которыя точно такъ же получаютъ посильныя приношенія, а не опредѣленную плату.

При вступленіи на престолъ новаго хана подданные во всѣхъ ханствахъ Средней Азіи не принимали присяги на вѣрность; только лица почетныя отправлялись къ хану и получали отъ него утвержденіе своихъ правъ или оставленіе на должностяхъ, ими занимаемыхъ при прежнемъ ханѣ. Въ случаѣ обвиненія, по неимѣнію доказательствъ, обвиненный можетъ принять присягу самъ лично. Это дозволено шаріатомъ, но чаще допускается очистительная присяга со стороны свидѣтелей.

Вечеромъ 31-го августа мы пригласили базаръ-баша и знатнѣйшихъ купцовъ Туркестана для того, чтобы ознакомиться съ торговлею. Вотъ ихъ отвѣты.

Въ Туркестанѣ считается лавокъ: на базарѣ двѣсти десять, въ караванъ-сараяхъ сто шесть. Въ лавкахъ торгуютъ бухарцы, кокандцы, ташкентцы и киргизы. Послѣдніе продаютъ хлѣбъ различныхъ сортовъ, овощи, клеверъ и рыбу изъ Сыръ-дарьи. Мурза-бій, коканецъ, управляющій Туркестаномъ двѣнадцать лѣтъ, выстроилъ на свой счетъ два караванъ-сарая, которые и пожертвовалъ въ пользу мечети Азрета. Изъ базарныхъ лавокъ только двадцать или тридцать принадлежатъ частнымъ лицамъ, съ остальныхъ же лавокъ сборъ производится казы-келямомъ и шейхъ-исламомъ по сорока копѣекъ съ каждой. Въ караванъ-сараяхъ существуетъ двѣнадцать лавокъ казанскихъ татаръ, которые торгуютъ русскими товарами. Они устроились здѣсь за нѣсколько лѣтъ до занятія Туркестана русскими войсками. Также въ городѣ есть нѣсколько бухарскихъ и кокандскихъ евреевъ. Изъ русскихъ товаровъ расходятся въ Туркестанѣ ситцы, миткаль, нанка, саржа, платки, сукно,

кожа черная и красная; послѣдняя болѣе. Прежде много вывозили желѣзныхъ и чугунныхъ издѣлій; теперь, по случаю конфискаціи бухарскихъ товаровъ, вотъ уже годъ не привозятъ металлическихъ издѣлій. Фамильнаго чаю идетъ болѣе изъ Ташкента, чѣмъ изъ Россіи. Зеленый чай идетъ также изъ Ташкента; въ прошломъ году кирпичный чай шелъ въ Туркестанъ изъ Акмоловъ, теперь—нѣтъ. Сахаръ привозится изъ Россіи. До прошлаго года, кромѣ Акмоловъ, чай шелъ изъ Баянъ-Аула, Каркараловъ и Копала. Съ началомъ же военныхъ дѣйствій подвозъ его прекратился [1]).

— Въ Туркестанѣ идетъ болѣе русскихъ товаровъ, чѣмъ бухарскихъ и кокандскихъ.—Такъ сказалъ, подмигивая другимъ, караванъ-башъ, человѣкъ умный и понимавшій, вѣроятно, смыслъ нашего вопроса; но это далеко не вѣрно. Хорошо, впрочемъ, и то, что въ короткій срокъ, послѣ покоренія Туркестана, онъ сталъ пріучаться къ русскимъ издѣліямъ. Мы стали разспрашивать купцовъ про стоимость той одежды, въ которой они явились къ намъ. Чалма дѣлается иногда изъ русскаго миткаля, иногда же и большею частью изъ мешхедской кисеи и бухарскихъ матерій. По шаріату чалмы должны быть изъ бѣлой матеріи.

Хивинскіе караваны идутъ черезъ Казалу на Оренбургъ. Караванная дорога эта имѣетъ вездѣ хорошую

[1]) Цѣна нашего ситца самаго лучшаго: 60 к. с. аршинъ, средняго—40 к., низшаго—20 к. с. Миткаль лучшій—25 к. с., низшій—20 к. Англійскій зондъ, который привозится изъ Мешхеда (изъ Персіи)—50 к. с. аршинъ; русскій зондъ привозимый изъ Ирбита, стоитъ лучшій 80 к. с., худшій—50 к. с. арш. Русскій зондъ болѣе потребляется, хотя при одинаковой цѣнѣ онъ не такъ проченъ, какъ англійскій, идущій изъ г. Мешхеда. Нанка стоитъ отъ 15 до 30 к. арш. Саржа бумажная отъ 20 до 40. Платки, смотря по величинѣ, отъ 40 к. до 4 р. с. Сукно низшихъ сортовъ—отъ 1 р. 50 к. до 2 р., преимущественно цвѣтное, впрочемъ, сбывается и черное. Болгара, красная кожа, отъ 4 до 8 р., а черная—отъ 3 до 10 р. (если она хорошая, юфтовая.) Чай фамильный за мѣсто отъ 80 р. до 160 р. с.; въ мѣстѣ обыкновенно 80 фунтовъ. Зеленый чай отъ 2 р. 50 к. до 4 р. за фунтъ. Мѣстами онъ не идетъ. Прежде шли болѣе красные сорта фамильнаго чаю. Фунтъ сахара стоитъ 50 к. с., а пудъ 20 р. с.

воду. Бухарскіе караваны идутъ одни черезъ Казалу въ Троицкъ, другіе, минуя Казалу, на Кара-Тюбе въ Оренбургъ. Бухарскіе караваны, идущіе черезъ Туркестанъ, направляются черезъ Сузакъ, Бигалы-Куль на колодецъ Уалачъ, Кара-Кудукъ и т. д. или въ Петропавловскъ, или въ Троицкъ. Черезъ Учъ-Колокскую переправу, при кокандскомъ владычествѣ, до войны переправлялось болѣе десяти тысячъ верблюдовъ въ годъ; въ настоящее же время, по случаю войны, число каравановъ значительно уменьшилось. Караваны состоятъ изъ хлопка, халатовъ, бязи, пряжи, фисташекъ, выбойки, саранжи, одѣялъ, ковровъ, миндалю, кишмиша, сарачинскаго пшена, табаку нюхательнаго и курительнаго. Караваны эти, по пути къ нашей линіи, продавали часть своего товара нашимъ киргизамъ. Первостепенные бухарскіе купцы, отправлявшіе къ намъ товары, вывозили отъ насъ много серебра, а мелкіе вывозили товары.

Черезъ Туркестанъ проходило ежегодно со всѣхъ сторонъ до двадцати тысячъ верблюдовъ съ товарами. Среднюю цѣну верблюда, нагруженнаго товаромъ, полагаютъ здѣсь во сто червонцевъ или около четырехсотъ рублей. При кокандскомъ владычествѣ брали пошлину на Учъ-Каюкской переправѣ, а теперь, когда пошлина уплачивается по городамъ, они ничего не платятъ. Средній оборотъ каждой изъ лавокъ съ русскими товарами въ Туркестанѣ можно полагать въ тысячу рублей. Такой же оборотъ можно положить и въ сартовскихъ лавкахъ, что по числу всѣхъ лавокъ составитъ торговый оборотъ Туркестана ежегодно въ триста шестнадцать тысячъ рублей. Лавки съ русскими товарами въ Туркестанѣ основаны казанскими купцами уже около тридцати лѣтъ тому назадъ. По завоеваніи Туркестана прибыли сюда торговцы съ русскими товарами, но потомъ отправились въ Ташкентъ, фортъ Перовскій и другія мѣста.

При кокандскомъ правительствѣ въ Туркестанѣ бралась пошлина (зякетъ) съ товаровъ, какъ привозныхъ, такъ и вывозныхъ по два съ половиною процента, если они приходили изъ Бухары или Хивы; кокандскій же товаръ очищался только при ввозѣ въ Туркестанъ въ томъ же размѣрѣ двухъ съ половиною процентовъ.

Тѣмъ временемъ, пока мы съ Г. и П. двое сутокъ бились съ почетными туркестанскими людьми, Г — ій разспрашивалъ пятьдесятъ домовладѣльцевъ о правѣ пользованія городской землею и о податяхъ. Ниже приводимыя свѣдѣнія, имъ собранныя, дополняютъ наши вопросы.

Земля, обрабатываемая подъ хлѣбопашество, составляетъ наслѣдственную собственность владѣльца каждаго участка. Въ смежности обработываемаго поля никто не можетъ занять новыя пашни, потому что не можетъ пользоваться водой изъ арыка, орошающаго существующія пашни. Еслибы составилось товарищество для проведенія изъ горныхъ ключей новаго арыка, независящаго отъ прежнихъ, то, по проведеніи его, всѣ участвовавшіе въ работѣ дѣлятъ между собою прилегающее къ проведенной водѣ поле, по соразмѣрности участія каждаго изъ нихъ въ расходахъ на работы по проведенію воды. Участокъ, доставшійся на долю каждаго лица, составляетъ его полную собственность съ правомъ передачи по наслѣдству, отдачи въ наемъ, продажи и т. д.

Такимъ путемъ поступили всѣ обработываемыя въ настоящее время земли въ наслѣдственное владѣніе большей части нынѣшнихъ хлѣбопашцевъ. Нѣкоторые же пріобрѣли участки покупкою отъ прежнихъ владѣльцевъ и ихъ право владѣнія обезпечено документами. При неимѣніи письменныхъ документовъ право владѣнія свидѣтельствуется сосѣдними жителями по шаріату. То же самое относится до садовъ, огородовъ и т. д.

Натуральныя повинности, какъ-то: поставка подводъ,

доставка топлива и наемъ рабочихъ для исправленія дорогъ и пр., производятся денежно раскладкою на всѣхъ обывателей; соображаясь съ состояніемъ каждаго, жители раздѣляются на три части: богатыхъ, средняго состоянія и бѣдныхъ. Въ теченіе года приходится заплатить по натуральной повинности одиннадцать рублей богатому, а среднему по пяти рублей каждому.

При кокандскомъ правительствѣ дѣлались нерѣдко экстренные сборы на военныя надобности; цифра подобнаго сбора доходила иногда до пяти тилля на богатаго и до двухъ съ половиною тилля на человѣка средняго состоянія. Ополченіе составлялось изъ охотниковъ, которые всегда снаряжались на свой счетъ. Туркестанъ доставлялъ кокандскому войску не болѣе двухсотъ человѣкъ и рѣдко двѣсти пятьдесятъ.

Границы земель города Туркестана простираются отъ бывшаго города Саурана до города Икана и отъ земель Кариска до рѣки Сыръ-дарьи. Киргизамъ не дозволяется располагаться на городскихъ земляхъ, пока не будутъ убраны хлѣба, но они постоянно нарушаютъ это запрещеніе, почему возникаетъ очень много дѣлъ по потравамъ полей. Подобнаго рода дѣла разбираются съ киргизами по шаріату.

1-го сентября Г—ій, П. и я поѣхали въ Карнакъ. Дорога въ этотъ городъ, лежащій у самаго подножія Каратау, по выходѣ изъ города идетъ по садамъ, тянущимся за городомъ версты на три. Глубокіе арыки, съ быстро пробѣгающею водою, пересѣкаютъ весьма часто дорогу, проложенную арбами. Широкій ходъ послѣднихъ дѣлаетъ то, что нашъ экипажъ все время шелъ наклонившись: одно колесо двигалось въ глубоко вырытой колеѣ, а другое—по полотну дороги. Черезъ арыки перекинуты крытые мостики, на подобіе китайскихъ, неисправные и, какъ здѣсь постоянно водится, безъ перилъ. Пока мы ѣхали садами, направо и налѣво

тянулись заборы, которыми ограниченъ каждый участокъ. Зажиточные жители Туркестана живутъ цѣлое лѣто въ этихъ садахъ, поэтому понятно, что, проѣзжая между двумя глиняными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимались густыя рощи, мы могли по временамъ замѣчать неприкрытое лицо сартки, смотрящей съ любопытствомъ на проѣзжающихъ «урусъ».

Сады кончились; дорога стала получше; но вмѣсто блестящей свѣжей зелени, кругомъ насъ протянулась голодная степь, съ обильной на ней пылью и весьма рѣдкою чахлою зеленью. Потомъ мы опять проѣхали оазисъ садовъ, обильно орошенныхъ водою, быстро пробѣгающею по арыкамъ, и опять въѣхали въ степь, кажущуюся мертвой отъ контраста обильной зелени. Впрочемъ, дома сартовъ, огороженные со всѣхъ сторонъ заборомъ, такъ искусно спрятаны въ зелень, что и эти сады казались едва обитаемыми, хотя здѣсь, какъ я сказалъ, въ настоящій сезонъ живетъ много туркестанцевъ.

За садами видъ степи сталъ измѣняться. Вмѣсто песчаной пыли подъ колесами зажурчали мелкія гальки и мы покатили во весь духъ по натуральному шоссе. Впереди поднимались высокія каратаускія горы. Обрывистые овраги и глубокія промоины прихотливо бѣжали книзу по аквамариновой массѣ горъ, представляющейся намъ будто одною высокою плоскостью.

Верстахъ въ пятнадцати отъ города начинаются земли Карнака; множество пашенъ было разбросано во всѣ стороны. Нѣкоторыя изъ нихъ были сняты. Арыки пересѣкали и ихъ и дорогу весьма часто. Мѣстность, вообще говоря, шла кверху; только широкая впадина, на которой были разбросаны пашни, была ниже окружающихъ высотъ. Впереди, на высокомъ холмѣ, зеленѣли сады Карнака, живописно проектируясь на Каратау. Кое-гдѣ по сторонамъ были разбросаны оазисами отдѣльные сады. Ландшафтъ былъ самый улыбающійся.

Крымовъ, ѣхавшій съ нами, еще передъ отъѣздомъ изъ Туркестана просилъ дать знать въ Карнакъ о нашемъ пріѣздѣ, чтобы намъ приготовили парадную встрѣчу. Желая видѣть, какъ устраиваются подобныя встѣчи, мы согласились. Не доѣзжая Карнака, къ намъ на встрѣчу выѣхалъ тамошній казы-келямъ, на отличномъ аргамакѣ; при приближеніи экипажа, онъ сошелъ съ лошади и, низко кланяясь, подошелъ къ тарантасу, который и былъ остановленъ. Послѣ рукопожатія, онъ поѣхалъ верхомъ около. Передъ послѣднимъ карнакскимъ садомъ стояла кучка людей, выстроившись параллельно дорогѣ. Это были музыканты. Какъ только мы поровнялись съ ними, раздалось нѣсколько громкихъ звуковъ, напоминающихъ то ревъ верблюда, то волынку, то плачевные звуки немазанной арбы. За симъ, сдѣлавъ захожденіе плечомъ, музыканты пошли по сторонамъ экипажа, изо всей мочи дудя въ сапелки, состоящія изъ пары тростниковыхъ дудочекъ, вложенныхъ вмѣстѣ въ ротъ. По дырочкамъ обѣихъ тростинокъ музыканты бѣгло перебирали пальцами. Впереди лошадей шелъ человѣкъ, громко ударявшій въ высоко подбрасываемый кверху бубенъ. Все шло хорошо, покуда П. не пришло въ голову бросить народу нѣсколько мелочи. Тутъ наступили общее смятеніе и конфузъ. Несмотря на понужденіе казы-келяма, музыканты выразили рѣшительное намѣреніе сперва овладѣть гривенниками, а потомъ уже продолжать церемоніальное шествіе.

Мы подъѣзжаемъ къ самому городу. Около насъ собирается множество народа, верхами и пѣшкомъ. Нужно было ѣхать шагомъ. На лошадь каждаго изъ верховыхъ взбирается на крупъ еще другой всадникъ. Заглядывая въ наши лица, впередъ забѣгаетъ множество голыхъ и полуголыхъ мальчишекъ. Изъ-за стѣнъ садовъ и крышъ домовъ выглядываютъ смуглыя женскія головы. Мы подъѣзжаемъ къ ряду зданій, вѣнчающихъ отдѣльный холмъ.

Съ перваго взгляда эта компактная масса глиняныхъ построекъ, съ небольшими окнами, неправильно прорѣзанными внизу и вверху, будто на второмъ этажѣ, кажется крѣпостною стѣною, которой крона идетъ кремальерами, понижаясь и повышаясь, согласно неровностямъ холма, на которомъ она построена. Для увеличенія сходства холмъ окруженъ со всѣхъ сторонъ рвомъ, черезъ который перекинутъ мостъ. Сквозь зданія проѣзжаешь широкими воротами. По мѣрѣ нашего движенія впередъ, толпа, окружающая насъ, начинаетъ шумѣть и скоро поднимаетъ гамъ и вопль, который пересиливается только визгомъ и скрипомъ сапелки, мѣрными гудящими ударами въ бубенъ и громкими восклицаніями человѣка, бьющаго въ него.

Я совершенно растерялся среди этого новаго для меня хаоса, долженствовавшаго выражать радушную встрѣчу. Крымовъ сказалъ при этомъ, что въ Карнакѣ былъ онъ одинъ разъ, да была также партія русскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ Туркестана посмотрѣть на Карнакъ. По улицамъ же Карнака проѣзжалъ первый русскій экипажъ.

Проѣхавъ тѣсными улицами, мы остановились передъ домомъ раиса, у котораго была отведена намъ квартира. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у порога дома. Комната, которую намъ указали, была очень хороша. Потолокъ ея былъ разрисованъ, какъ у Джанты въ Туркестанѣ. На накрытомъ столѣ были разставлены здѣшнія угощенія: изюмъ, миндаль, фисташки, конфекты бухарскаго издѣлія, напоминающія нашу соломку, сухой урюкъ, вылущенныя сѣмячки урюка, сухія лепешки изъ пшеничнаго тѣста или мѣстныя галеты, виноградъ и персики, которые называются здѣсь шепталою. Подали чай, наливаемый изъ мѣдныхъ кувшиновъ; потомъ послѣдовали блюда съ пилавомъ, отлично приготовленнымъ, и пельменями, густо посыпанными сверху крѣпкимъ пер-

цемъ. Ad interim мы разговаривали съ казы-келямомъ, очень умнымъ и откровеннымъ человѣкомъ, и раисомъ.

Исторіи Карнака разсказать намъ они не могли, сказали только, что онъ древнѣе Туркестана, что онъ основанъ за многіе вѣка до рожденія Магомета и что онъ покоренъ мусульманами въ седьмомъ году по смерти пророка. Какой народъ жилъ тутъ прежде, не знаютъ. Послѣ Карнакъ зависѣлъ отъ Туркестана вмѣстѣ съ Сузакомъ и Чулукъ-Курганомъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними подчиненъ кокандскою династіею. Вслѣдствіе положенія Карнака, онъ рѣдко испытывалъ грозу извнѣ. Такъ калмыки въ XVIII столѣтіи, опустошившіе всю окрестную страну, не тронули Карнака. Теперь, какъ только Туркестанъ былъ взятъ, Карнакъ прислалъ къ Веревкину депутацію и просилъ подданства. Казы-келямъ громко и твердо сказалъ, что жители Карнака считаютъ себя счастливыми, что избавились отъ зависимости, въ которой находились къ Туркестану и Коканду.

Прежде кокандцы наѣзжали сюда, забирая иногда въ годъ съ Карнака, Чулукъ-Кургана и Сузака болѣе тысячи тилля свыше опредѣленныхъ податей. Отъ подобныхъ незаконныхъ поборовъ и взятокъ Туркестанскаго коменданта Карнакъ не могъ развиваться, и въ немъ не было ни одной лавки. Теперь же, со времени взятія Туркестана, открыто уже двадцать лавокъ. Главное занятіе жителей—земледѣліе и садоводство, которыя удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ жителей. Скота въ Карнакѣ мало. Жалуются, что воды становится мало для размножающагося населенія, хоть мимо города и протекаютъ большіе арыки, принадлежащіе Туркестану; но, конечно, эту воду они отводить не могутъ.

Пока мы толковали съ казы и раисомъ, показывали фотографическіе портреты и пр., вся комната наполнилась народомъ, чинно усѣвшимся кругомъ и смотрѣв-

шимъ на насъ съ величайшимъ напряженіемъ. Несмотря на то, въ ихъ взглядахъ не было ничего враждебнаго или недружелюбнаго, какъ въ Туркестанѣ. Вообще говоря, физіономія Карнака и его жителей мнѣ очень понравилась. Въ саду цѣлый вечеръ варился баранъ, купленный нами для нашихъ гостей. Когда онъ былъ готовъ и комната опустѣла, мы улеглись спать на полу.

2-го сентября. Ночь была довольно холодная, зато на утро яркое и теплое солнце быстро согрѣло воздухъ. Комната, въ которой мы спали, имѣла двѣ двери, обѣ выходящія на дворъ или садъ, потому что дворовъ въ томъ смыслѣ, какъ они у насъ понимаются, здѣсь нѣтъ. Въ саду, привязанныя къ деревьямъ, стояли лошади. Травы не было между деревьями, почему онѣ голодали цѣлую ночь. Къ утру имъ бросили по нѣсколько пучковъ джумурчки. Это трава, напоминающая видомъ клеверъ, сѣется всѣми жителями Туркестана и Карнака; за неимѣніемъ луговыхъ травъ, она составляетъ исключительный кормъ лошадей. Джумурчка, какъ говорятъ сарты, многолѣтнее растеніе и поднимается отъ корня восемь лѣтъ послѣ посѣва.

Послѣ чаю мы усѣлись на лошадей и поѣхали осматривать городъ. Собственно, большая часть города построена на холмѣ, посрединѣ Карнака; кругомъ его ровъ, да, кажется, и самыя зданія построены на мѣстѣ бывшаго вала, по крайней мѣрѣ теперь представляютъ непрерывную ограду, способную къ оборонѣ. Всѣ города Европы образовались подъ условіемъ необходимости взаимной обороны, по крайней мѣрѣ, слово городъ, ville, burg, равносильны со словомъ, означающимъ крѣпость. Во всѣхъ городахъ, которыхъ постройка началась въ давнія времена, существуютъ кремли. Любопытно видѣть, что въ западной Европѣ старыя укрѣпленія сохраняютъ ради исторіи; въ Россіи ихъ въ нѣ-

которыхъ городахъ не поддерживаютъ вовсе, слѣдовательно, потерявъ свое военное значеніе, они не пріобрѣли еще историческаго; въ Азіи эти древнія постройки, валы, окружающіе городъ, имѣютъ смыслъ только чисто оборонительный.

Ворота, ведущія въ старую Карнакскую крѣпость, очень стары. Глубокія борозды по стѣнамъ тунеля, кое-гдѣ совершенно потемнѣвшія вмѣстѣ со сводомъ, намекаютъ на давность своей постройки. Улицы въ городѣ чрезвычайно извилисты и неровны. Черезъ арыки, гдѣ они пересѣкаютъ улицы, переброшены мостики, либо состоящіе изъ одного переваленнаго черезъ канаву камня, либо изъ деревянныхъ узкихъ помостокъ, сколоченныхъ вмѣстѣ. Съ восточной стороны городъ не закрытъ садами, если смотрѣть на него съ пашенъ. Очень странно видѣть эту массу сѣрыхъ зданій съ плоскими кровлями, налѣпившихся пологимъ амфитеатромъ по пологостямъ холма, будто ласточкины гнѣзда. Впрочемъ, дома Карнака построены тѣсно только въ серединѣ, по мѣрѣ же удаленія оттуда дома прячутся въ густые фруктовые сады, которыми окруженъ городъ.

Проѣзжая мимо стѣнъ, мы безпрерывно замѣчали женщинъ, которыя выглядывали изъ садовъ и поспѣшно опять прятались за стѣны такъ, чтобы, возбудивъ вниманіе уруса, опять показаться.

Видъ на городъ съ западной стороны особенно хорошъ. Съ сосѣдней горы весь Карнакъ съ окрестностями открывается, будто на ладони. Кругомъ зданій со всѣхъ сторонъ идутъ сады, а кругомъ послѣднихъ простираются далекія пашни. Отдѣльно отъ Карнака мѣстами разбросаны тянущіеся къ горамъ сады съ небольшими посрединѣ домиками. По снятымъ пашнямъ поставлены юрты пастуховъ, которые стерегутъ пестрыя стада, разбросанныя по скошеннымъ полямъ. Между городомъ и горою пробѣгаетъ источникъ, обильный во-

дою, съ яркою зеленью по берегамъ. Городъ весь утонулъ въ красивой зелени фруктовыхъ деревьевъ, изъ развѣсистой гущи которыхъ кое-гдѣ поднимались стройные пирамидальные тополи. Только посрединѣ изъ-за глиняной стѣны выглядывала тѣсная куча зданій, лѣпившихся одно надъ другимъ, а далѣе по сторонамъ они прятались за густою зеленью.

На сѣверѣ поднимались горы, видныя совершенно отчетливо. Тамъ среди причудливыхъ вершинъ рисуется одна особенно странная. Народное преданіе объяснило такъ странный камень, похожій на двухъ людей, сросшихся между собою спинами. Во время владычества калмыковъ (я имѣлъ случай убѣдиться, что это опредѣляетъ въ Средней Азіи не дѣйствительное время господства ойратовъ, а выражаетъ неопредѣленно — въ очень давнее время) сынъ хана влюбился въ невѣсту своего отца и бѣжалъ съ нею. Разгнѣванный отецъ послалъ за ними погоню, которая стала нагонять бѣглецовъ у того мѣста Каратау, гдѣ теперь стоитъ странная каменная группа. Внѣ себя отъ отчаянія, любовники сѣли на горѣ и молили Бога хоть о томъ, чтобы ихъ прикрылъ камень. Богъ услыхалъ ихъ мольбу и обратилъ ихъ въ камень, который и виднѣется издалека на самомъ гребнѣ горъ.

Подъ самой горой, съ высоты которой мы любовались видомъ Карнака, стоитъ около небольшой мазанки колоссальной толщины тутовое дерево. Вотъ что разсказали намъ про это дерево. Въ седьмомъ году по смерти Магомета первоначальные жители Карнака были покорены мусульманами, пришедшими съ юга подъ начальствомъ сподвижника Магомета Багыля. Онъ покорилъ Карнакъ и поселился въ домѣ около существовавшаго уже тогда тута и жилъ здѣсь, управляя окрестной страною и обращая жителей въ мусульманство, до тѣхъ поръ, покуда не былъ убитъ ночью возмутивши-

мися аборигенами Карнака. Тѣмъ не менѣе мусульмане удержали страну за кораномъ. Азретъ—султанъ Туркестанскій пріѣзжалъ весьма часто молиться на могилу Багылы и каждый разъ привязывалъ свою лошадь къ туту. Съ тѣхъ поръ и дерево, и мѣсто, гдѣ похороненъ мусульманскій полководецъ, считаются священными и посѣщаются ревностными магометанами.

По степямъ, окружающимъ Карнакъ, летаетъ множество очень большихъ каменныхъ рябчиковъ или, какъ ихъ тутъ называютъ, кикликовъ.

Объѣхавъ еще городъ съ другихъ сторонъ и проѣхавъ мимо большого кладбища, мы зашли къ казыкеляму, который просилъ насъ въ гости въ медрессе, гдѣ онъ преподаетъ. Дворъ медрессе имѣлъ опрятный цвѣтникъ; у подножья стѣны разстилалась яркая зелень тыквы. Въ медрессе можно было войти по лѣстницѣ. Тамъ на галлереѣ, поддержанной колонками, намъ приготовленъ былъ обычный у мусульманъ завтракъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ позавтракалъ, сидя въ прохладной галлереѣ, слушая журчаніе арыка, пробѣгающаго по двору подъ домомъ, и смотря на окрестные дома, которые лѣпились противъ медрессе уступами одинъ надъ другимъ. Горячее солнце заливало яркимъ свѣтомъ глиняные безконечные параллелепипеды, называемые здѣсь домами, и рельефно оттѣняло типическія лица сартовъ, въ большихъ чалмахъ, двигавшихся по улицамъ.

Казы-келямъ, Абдысаметь-ходжа, откровенный, веселый и умный малый. Онъ сказалъ, что занимается восточною литературою и читалъ Платона на персидскомъ языкѣ. Между прочимъ онъ принесъ географію на арабскомъ языкѣ, переписанную въ Бухарѣ, съ чертежами и комментаріями на поляхъ, и подарилъ ее Г—му. П., бывшему съ нами, пришла мысль снять насъ всѣхъ. Первая фотографія была неудачна, тѣмъ не менѣе не

было конца удивленіямъ правовѣрныхъ, когда они увидѣли себя и всѣхъ насъ на стеклѣ. Восклицаніямъ и смѣху не было конца. Но когда нужно было позировать вторично, большинство публики разбѣжалось. Когда кого-либо приглашали въ группу, онъ убѣгалъ съ испуганнымъ лицомъ, такъ что въ группѣ участвовали только смѣлѣйшіе. Она вышла очень хорошо.

Изъ медрессе мы отправились домой, т. е. въ домъ раиса, а П. поѣхалъ снимать общій видъ Карнака. Мы роздали подарки казы-келяму и раису, которые, кажется, остались ими очень довольны.

Вскорѣ сынъ городского аксакала Магомета-Мусы, который въ настоящее время находится въ числѣ приглашенныхъ на балъ въ Ташкентѣ, пригласилъ насъ тоже къ себѣ. Отказаться нельзя было и мы отправились. Домъ аксакала, кажется, самаго богатаго человѣка въ Карнакѣ, на краю города, весь обставленный большимъ садомъ. Насъ приняли въ юртѣ, поставленной среди сада, вообще говоря довольно значительнаго. Тутъ я въ первый разъ видѣлъ инжировое дерево и ѣлъ винныя ягоды, срывая ихъ съ дерева. Угощеніе состояло изъ фруктовъ и неизмѣнныхъ пельменей и пилава. Говорили про медицину (?!); окружающіе насъ почетные люди говорили, что въ Карнакѣ очень много фалангъ и скорпіоновъ, и прибавили, что, если укушенный обратится во время къ баксы, то послѣдній, читая надъ нимъ коранъ, обыкновенно вылѣчиваетъ больного. Бывали, однако, смертные случаи, конечно, вслѣдствіе упрямства больного.—Противъ скорпіоновъ и тарантуловъ есть еще средства, а вотъ если укуситъ червячекъ, живущій въ ласточкѣ и выползающій иногда изъ нея, тогда нѣтъ спасенія. Человѣкъ долженъ умереть. Оспу прививаютъ очень мало, хотя важно то, что оспопрививанье здѣсь не новость. Дѣтей мретъ много, больше покосами. Больныхъ лѣчатъ исключительно баксы.

Изъ дома аксакала мы пошли къ себѣ, чтобы приготовиться въ путь. По пути, изъ-за заборовъ смотрѣло много сартокъ, несмотря на знаки сопровождавшихъ насъ, чтобы онѣ спрятались; наконецъ одинъ изъ провожатыхъ крикнулъ на нихъ совершенно грозно и заставилъ прекратить ихъ нескромныя наблюденія. Передъ тѣмъ, какъ запрягать лошадей, мы узнали, что тѣ, на которыхъ мы пріѣхали, почему то заболѣли. Пришлось нанимать новыхъ. Это поручено мѣстнымъ властямъ. Скоро мы услыхали шумъ и гвалтъ на улицѣ. Что это такое? Это раисъ производитъ нарядъ подводъ, былъ отвѣтъ Крымова. Я вышелъ на улицу. Раисъ колотилъ какого то сарта, который кричалъ во всю мочь, охвативъ руками шею, вѣроятно, своей лошади. Битый былъ крайне оборванъ; должно быть, потому на него и палъ нарядъ. Хорошая будетъ система внутренней раскладки, если не организовать, какъ въ степяхъ, такъ и въ городахъ, раскладочныя коммисіи.

Когда вернулся П. изъ своей фотографической экскурсіи, мы собрались въ обратный путь. Повернуть наши тарантасы назадъ, по узкости улицъ и оврагу, тянущемуся около старой крѣпости, не было возможности. Пришлось вывозить тарантасъ впередъ съ тѣмъ, чтобы выѣхать на дорогу послѣ. Когда мы вышли на улицу, народъ шелъ въ мечети на намазъ; тѣмъ не менѣе насъ провожала большая толпа. Это было очень кстати, иначе наши экипажи, безъ помощи людей, провожавшихъ насъ, двадцать разъ оборвались бы въ ровъ или засѣли бы на трудныхъ мостикахъ. Впрочемъ, и при посторонней помощи мы едва сдвинули тарантасы съ одного изъ нихъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, положенныхъ на арыкъ одно на другое. Въ то время, какъ переднія колеса поднялись и опустились по лѣстницѣ мостика, заднія остались на землѣ, и тарантасъ сѣлъ на мостъ всѣми дрожинами, такъ что одна

изъ нихъ лопнула. Немного далѣе, у самаго выѣзда, мы два раза ѣхали по такому косогору, что оба раза тарантасъ поддерживался цѣлою шеренгою услужливыхъ сартовъ. Кромѣ пѣшихъ, насъ окружала цѣлая толпа конныхъ.

Наконецъ мы выѣхали на прежнюю дорогу. Тогда начинало уже темнѣть и сзади рисовалась группа домовъ живописнаго Карнака, потонувшая въ зелени и вечерней мглѣ. Кругомъ разстилались уже сумерки. Безпрерывные арыки, которые мы едва замѣчали днемъ, дѣлали ѣзду въ тарантасѣ до того утомительною, что мы пересѣли на киргизскихъ лошадей, а въ экипажи посадили киргизъ и такимъ порядкомъ позднею ночью прибыли въ Туркестанъ.

3-го сентября. Мы ночевали у Крымова. Квартира его и коменданта Суворова находится прямо противъ атакованнаго русскими фаса цитадели. На правомъ исходящемъ углу видны до сихъ поръ слѣды нашихъ гранатъ. Впрочемъ, ни одна изъ нихъ не оставила значительнаго поврежденія. Люди компетентные говорили мнѣ, что среднеазіатскія постройки изъ комьевъ глины или сырцоваго кирпича оказываютъ чрезвычайно сильное сопротивленіе дѣйствію ядеръ. Еслибы не перепугъ Давлетъ-Мирзы, отступившаго, когда русскія траншеи стали учащать свои зигзаги и пошли почти тихою сапою, то мы непремѣнно принуждены были бы произвести обвалъ минами, т. е. дѣлать спускъ въ ровъ. Да и было ли достаточное количество пороха для произведенія взрыва? Крымовъ говорилъ, что къ концу осады сталъ ощущаться недостатокъ въ снарядахъ. Русскій гарнизонъ живетъ въ бывшихъ кокандскихъ казармахъ, т. е. около самого Азрета. Вообще же, кромѣ русскихъ, въ цитадели не живетъ никто.

Мы разстались съ Крымовымъ по-дружески. Пообѣ-

давъ затѣмъ у Г., мы отправились по направленію къ Икану.

Какъ только ближайшіе сады Туркестана остались сзади, передъ нами развернулась прежняя безплодная и безлюдная степь. По временамъ, впрочемъ, когда еще мы не далеко отъѣхали отъ Туркестана, приходилось переѣзжать черезъ значительные арыки, бѣгущіе изъ Каратау. По сторонамъ ихъ замѣчались старыя пашни, лежащія подъ паромъ. Въ разныхъ мѣстахъ, налѣво отъ дороги, далеко, къ Каратау и направо, показывались отдѣльно разбросанные садики, затонувшіе въ маревѣ, будто вода подмывала ихъ подножія. Сады и пашни лежали на однихъ арыкахъ; слѣдовательно, ихъ проводили съ горъ и земледѣльцы и садоводы.

Вообще говоря, владѣніе водою равносильно здѣсь съ землевладѣніемъ и наоборотъ; еслибы кто извлекъ бы изъ земли обильную воду, онъ по праву владѣлъ бы всею пустою нынѣ землею, которая бы тогда стала производительною. При этомъ нельзя не замѣтить, что было бы болѣе, чѣмъ полезно, еслибы русскія колоніи, которыя весьма важно поселить тутъ, располагались бы при арыкахъ, проведенныхъ изъ артезіанскихъ колодцевъ. Я не знаю, въ какой степени вѣроятно отыскать здѣсь подводные резервуары, но здѣшняя мѣстность не ровна, горы должны поглощать много влаги и отлагать ихъ въ подпочвѣ. Еще важнѣе, чтобы наши колоніи расположились бы частью по Сыръ-дарьѣ, напримѣръ между Чемкентомъ и Ташкентомъ, имѣя пашни, орошенныя арыками изъ артезіанскихъ колодцевъ. Во всякомъ случаѣ, если обычное право считаетъ того владѣльцемъ земли, кто сдѣлалъ ее производительною, то и для успѣховъ цивилизаціи и для видовъ правительства было бы полезно внести выработанное временемъ право въ законъ.

Слѣва отъ насъ протягивался Каратау, который бо-

лѣе и болѣе кажется яснымъ. Не доѣзжая двухъ или трехъ верстъ до Икана, мы остановили тарантасъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Сѣровъ съ сотнею казаковъ боролся противъ всей кокандской арміи. Вотъ уже два года прошло съ тѣхъ поръ, а до сихъ поръ еще на позиціи героевъ-уральцевъ разбросано множество костей, обрывки тряпокъ и кошемъ и другіе слѣды ожесточеннаго боя. Несмотря на пятнадцать тысячъ кокандцевъ, атаковавшихъ во сто разъ слабѣйшій отрядъ, они не могли сдвинуть назадъ геройскую кучку до тѣхъ поръ, покуда непріятель не сталъ подкатывать монтелетовъ къ заваламъ, сдѣланнымъ изъ вьюковъ и труповъ. Тогда Сѣровъ началъ оттягиваться назадъ и соединился съ отрядомъ, высланнымъ на его подкрѣпленіе изъ Туркестана. Бой Сѣрова, про который съ величайшимъ уваженіемъ отзываются всѣ азіатцы, продолжался болѣе сутокъ.

Видъ Икана чрезвычайно оригиналенъ. Куча домовъ плотною массою толпится на овальномъ холмѣ, напоминая своими плоскими крышами, конечно лишь отчасти, видъ южныхъ итальянскихъ городовъ. Ниже холма протянулись пашни и кое-гдѣ сады. Но послѣднихъ относительно гораздо меньше, чѣмъ въ Туркестанѣ.

Иканъ небольшой городишко, оказавшій во время дѣла Сѣрова неожиданную преданность Россіи, за что Ишимъ-Кулъ увелъ съ собой иканскаго аксакала, а Черняевъ освободилъ городъ отъ податей на два года. Впослѣдствіи жители Икана успѣли выкупить своего аксакала, котораго теперь наши власти справедливо балуютъ. Въ настоящее время его нѣтъ въ Иканѣ; онъ находится въ числѣ лицъ, приглашенныхъ генералъ-губернаторомъ на балъ. За Иканомъ степь идетъ увалами. По сторонамъ разбросано множество ауловъ нашихъ любезныхъ киргизовъ. По скатамъ паслось множество верблюдовъ. Мѣстами, хоть и очень рѣдко, съ

горъ бѣжали арыки, направляясь къ киргизскимъ пашнямъ.

На станціи Акмоллы, у которой разбросано нѣсколько глиняныхъ хатокъ, составляющихъ зимовки, мы пили чай. Въ окрестности было расположено много ауловъ. Обильные арыки пересѣкали въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорогу. Воздухъ, благодаря вечеру и обилію въ немъ влажности, отъ которой мы отвыкли, казался намъ очень свѣжимъ.

Едва мы усѣлись въ почтовую юрту, какъ въ нее вошелъ почтосодержатель, султанъ Биштангалинскаго рода. Про арыки и систему ирригаціи мы не могли отъ него добиться толку. Султанъ, желая задать тону, отвѣчалъ намъ на всѣ вопросы односложно: «я прикажу расчистить арыки, меня должны слушать», или «тѣмъ, кто работалъ на арыкахъ, я не мѣшаю сѣять» и т. д. Про свои желанія онъ выражался болѣе категорически. Онъ началъ съ того, что не всѣ биштангалинцы ему подчинены, отчего часть, находящаяся въ его вѣдѣніи, сироты.

Послѣ цѣлая толпа киргизовъ, сопровождавшая султана, подали двѣ жалобы. Дѣло, про которое они жаловались, намъ разсказывалъ Крымовъ. Одна дѣвушка Биштангалинскаго рода была засватана за своего однородца. Калымъ былъ уже выплаченъ, когда она бѣжала съ однимъ киргизомъ Таминскаго рода. Ея родственники требовали возвращенія бѣглянки. Крымовъ собралъ біевъ и далъ имъ рѣшить это дѣло. Приговорили, чтобы она возвратилась къ отцу и вышла за жениха, если онъ захочетъ ее взять. Несчастная женщина съ воплемъ, рыданіемъ и обмороками объявила Крымову, что, если онъ дозволитъ исполнить подобное рѣшеніе, то она убьетъ себя, тѣмъ болѣе, что женихъ, присутствовавшій тутъ же, котораго она ненавидѣла, объявилъ, что онъ все-таки возьметъ ее къ себѣ. Крымовъ совершенно справедливо разсудилъ, что вліяніе русскихъ

властей должно облагораживать дикія страсти дикарей, и рѣшилъ такъ: бѣжавшая женщина остаётся у мужа, ею избраннаго, такъ какъ иначе, еслибы она даже не убила себя, она внесетъ въ семью мужа только несчастье, равно какъ несчастлива будетъ сама. Ея мужъ долженъ уплатить бывшему жениху бѣглянки весь калымъ сполна. Биштангалинцы жаловались теперь на такое рѣшеніе и требовали возвращенія бѣглянки.

— Да что вамъ за польза, если она вернется? спросилъ я киргизовъ.

— «У насъ есть парень, который хочетъ на ней жениться».

— Да вѣдь она не любитъ его?

— «Нѣтъ. А если позволить бабамъ выбирать мужа, такъ послѣ того намъ житья не будетъ».

— А какъ бы вы рѣшили все это дѣло, еслибы не наша власть?

— «По нашему обычаю человѣка, похитившаго женщину другого рода, нужно разграбить, а женщину бить нагайками, пока у ней не выйдетъ дурь изъ головы, и если, несмотря на ея срамъ, на ней кто-нибудь женится, то она должна благодарить за это сперва Бога, а потомъ и его».

— Ну, такихъ обычаевъ не можетъ допустить наше правительство, которое заботится также о благосостояніи русскихъ, какъ султановъ, простыхъ людей и этой дѣвушки. Если она вернется, то ее вы либо убьете, либо замучите. За то и другое нашъ законъ строго взыскиваетъ. Если она не вернется и калымъ будетъ возвращенъ жениху, онъ долженъ быть, по нашему, доволенъ, что женщина, ненавидящая его, не вошла въ его домъ. Не ссорьтесь, не тѣшьте попусту печенку, а помиритесь съ табынцами.

— «Нѣтъ, намъ нужна женщина. Иначе всѣ женщины наши разбѣгутся».

— Жалуйтесь вашимъ властямъ въ такомъ случаѣ.

— «Мы жаловались».

— Что же онѣ сказали?

— «То же, что и вы, но мы недовольны ихъ рѣшеніемъ».

— Вы имѣете право внести ваши претензіи на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора.

— Они жаловались, отвѣтилъ переводчикъ, казакъ, исполняющій обязанности станціоннаго смотрителя. Губернаторъ говорилъ имъ то же, что и вы. Бились его превосходительство съ ними, бились, а вотъ они, равно какъ теперь, все свое. Ну, генералъ-губернаторъ изволили разсердиться и прогнали ихъ; съ этой самой поры они всѣмъ проѣзжимъ подаютъ жалобу.

Мы выѣхали изъ Акмолловъ, когда стало уже совсѣмъ темно. Киргизы, съ которыми мы говорили, сѣли въ кружокъ и стали горячо и громко разговаривать. Ночь была холодна. Темный сводъ блестѣлъ тысячами звѣздъ. Подремывая, позѣвывая и думая объ очень многомъ, лежалъ я въ тарантасѣ, покуда мы не пріѣхали къ слѣдующей станціи, гдѣ и остановились на ночлегъ.

4-го сентября. Утромъ я прогулялся кругомъ станціи. Она расположена около очень глубокаго сухого лога, который весною, вѣроятно, наполняется водой. Вдали виднѣлись высокія, чуть замѣтныя горы и кругомъ разстилалась степь, только по логамъ заросшая выгорѣвшею травою.

Закусивъ, мы поѣхали въ путь. По сторонамъ вспархивали огромныя разнаго рода стада куропатокъ. Въ предѣлахъ горизонта виднѣлось, какъ вчера, много киргизскихъ ауловъ, видны были большіе косяки верблюдовъ, которые паслись по сторонамъ. Вообще вся эта станція до самаго Арыса очень оживлена, т. е. по пути видишь безпрерывно слѣды человѣческой жизни. Подъѣзжая къ слѣдующей станціи, перпендикулярно къ до-

рогѣ видишь длинный яръ, ограничивающій съ той стороны долину Арыса, по которой было разбросано много ауловъ и паслись большія стада.

Спустившись въ самую долину, мы поѣхали по плодородной землѣ, либо поросшей отличною травою, либо испещренной пашнями, къ которымъ шли арыки изъ рѣки Арыса. Вотъ и она. Намъ приходилось переѣхать вбродъ этотъ быстрый и довольно глубокій ручей. Утомленныя лошади, почувствовавъ пріятную прохладу, остановились въ рѣкѣ на такой глубинѣ, что вода покрывала середину дрожинъ. Я опасался, что быстрымъ ея теченіемъ можетъ опрокинуться тарантасъ, тѣмъ болѣе, что прошло около четверти часа, прежде чѣмъ ямщикъ, раздѣвшійся на козлахъ, помогъ нашему горю, потащивъ коренную за поводъ. Почтовая станція тутъ же, на берегу журчащей рѣки, кое-гдѣ поросшей по берегамъ камышомъ и всякою травою.

Долина Арыса, заливаемая весною шумною горною рѣкой, чрезвычайно удобна для хлѣбопашества, почему Черняевъ справедливо называлъ ее житницей окрестной мѣстности. Ширина ея въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы пересѣкли ее, около двухъ верстъ. Почтовая станція стоитъ у развалинъ какого-то нестараго укрѣпленія. Вѣроятно, кокандцы построили его, чтобы удобнѣе собирать съ киргизовъ, занимающихся земледѣліемъ въ долинѣ Арыса, хераджъ.

Отъ Арысской станціи мы поднялись скоро на крутой яръ, ограничивающій долину Арыса съ юго-востока, и поѣхали далѣе по безпрерывнымъ увалам. По дорогѣ, направляясь въ Ташкентъ, шли верблюды, набранные по приказанію генералъ-губернатора въ киргизскихъ волостяхъ. Назначеніе ихъ — служить перевозочнымъ средствомъ для тяжестей отряда, который сбирается въ походъ.

Крыжановскій, во время дороги въ Ташкентъ, бра-

нилъ завоевательную политику и щедрость, съ которою раздаются награды отличившимся здѣсь. Мантейфель разсказывалъ, что Крыжановскій, приказывая ему обложить Туркестанъ и Карнакъ податями, сказалъ: «представите подати,—вамъ дадутъ Георгія на шею». Прибывъ въ Ташкентъ и Ходжентъ, онъ вдругъ обратился въ Александра Македонскаго и сталъ готовить войска. Съ нимъ пойдутъ въ экспедицію девятнадцать ротъ пѣхоты, три батальона и шесть батарей. Куда они пойдутъ, неизвѣстно. Это секретъ Крыжановскаго и Романовскаго. Кажется, они хотятъ раздѣлить лавры такимъ образомъ, чтобы никто уже не могъ подобрать послѣ нихъ ни одного листика. Впрочемъ, войска и офицеры, въ особенности, не любятъ ихъ обоихъ. Подъ экспедиціонный отрядъ велѣно было собрать съ ближайшихъ киргизовъ пять тысячъ верблюдовъ. Ихъ то и гонятъ теперь по дорогѣ, чтобы добрая половина изъ нихъ никогда не вернулась. И то сказать, судя по образцамъ, которые мы видѣли, киргизы поставили такую калѣчь, что желательно даже, чтобы они потеряли своихъ верблюдовъ. Между стадами, подгоняемыми по дорогѣ къ Ташкенту, мы встрѣчали совершенныхъ жеребятъ, которые ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи поднять и десяти пудовъ.

На Арысской станціи къ намъ подошли нѣсколько бѣдно одѣтыхъ киргизовъ съ жалобой такого рода. Нѣсколько дней тому назадъ изъ Чемкента пріѣхалъ офицеръ и сталъ сбирать всѣхъ наличныхъ верблюдовъ. По общей раскладкѣ всей цифры, роду, къ которому принадлежатъ бѣдняки, пришлось выставить извѣстное число верблюдовъ, но всѣ состоятельные люди кочуютъ еще въ горахъ и только къ зимѣ спустятся въ долину, отчего распредѣленіе наложенной повинности не могло быть произведено съ надлежащею скоростью. Теперь офицеръ взялъ верблюдовъ у нихъ, приказавъ, чтобы

богатые заплатили имъ свою долю повинности деньгами. Бѣдняки не знаютъ, когда имъ заплатятъ ихъ богатые родовичи, а между тѣмъ скотины у нихъ уже нѣтъ. Мы успокоили ихъ противъ личнаго убѣжденія.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, передъ нами поднимались огромныя горы, которыхъ гребни, выглядывающіе изъ-за ближайшихъ предгорій, были покрыты снѣгомъ. Это начало Каратау или, вѣрнѣе, продолженіе Алатау (Заилійскаго). Слава Богу,—опять горы. Опять эти чудныя формы, то темныя и тяжелыя, то легкія, будто прозрачныя. Покуда отдыхаетъ на нихъ глазъ, не такъ ѣдка скука и не такъ тяжелы безотрадныя мысли. Съ любовью и наслажденіемъ смотришь на нихъ, и далеко не тяжелыя мысли приходятъ тогда въ голову, и отдыхаешь, глядя на гармоническій покой глубокаго неба, опершагося на зубчатыя вершины вѣчно ледяного и одинаковаго хребта, на нѣжно очерченныя линіи овраговъ, покатостей и пропастей, на неопредѣленную фіолетовую мглу, составляющую низъ горъ!

Не доѣзжая до Чемкента, по дорогѣ появилась жизнь. Конные, пѣшіе люди, всадники на верблюдахъ, ослахъ, лошадяхъ, запряженныхъ въ арбы, двигались въ городъ или оттуда. Между тѣмъ, самаго города еще не видно. Даже съ разстоянія трехъ, четырехъ верстъ его едва можно замѣтить, потому что Чемкентъ расположенъ на низинѣ. Только кругомъ, да и то въ небольшомъ количествѣ, кое-гдѣ разбросаны садики. Версты за двѣ отъ города, съ небольшого холма, командующаго городомъ, открывается часть стѣны и вершины множества деревьевъ, будто внизу, въ лощинѣ, раскинулся огромный садъ. Этотъ видъ, рисующійся подъ высокимъ гребнемъ горъ, которые поднимаются на окраинѣ горизонта, чрезвычайно живописенъ.

Спустившись къ воротамъ, мы выѣхали въ городъ.

Отсюда мѣстность опять идетъ книзу, мимо большихъ, густыхъ садовъ, которые пересѣкаются глубокими и многочисленными арыками, выбѣгающими и на улицу. Большое количество деревьевъ и замѣчательное обиліе проточной чистой воды пріятно поражаютъ съ перваго раза. Проѣхавъ нѣсколько улицъ и базаръ, мы стали подниматься къ цитадели, расположенной на чрезвычайно обрывистой горѣ.

Спросивъ у коменданта, гдѣ наша квартира, мы, по его приглашенію, спустились опять въ городъ и вошли во дворъ, отведенный намъ подъ квартиру.

Отъ Чемкента начинается осмотръ нами среднеазіатскихъ городовъ, поэтому здѣсь умѣстно будетъ предпослать общій очеркъ осѣдлаго населенія этихъ городовъ и историческій очеркъ распространенія нашего владычества.

Осѣдлое населеніе въ городахъ Туркестана состоитъ изъ таджиковъ, сартовъ, узбековъ, индусовъ, евреевъ и метисовъ отъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ и жителей городовъ.

Таджики говорятъ искаженнымъ персидскимъ языкомъ, что прямо указываетъ на ихъ происхожденіе. Можно думать, что таджики, разсѣянные по всѣмъ среднеазіатскимъ городамъ, суть помѣсь персовъ съ аравитянами, подчинившими исламу долины Сыра и Аму въ періодъ времени съ 666 года по 711.

Сарты сами себя производятъ отъ древнихъ Согдіанъ, воевавшихъ съ Александромъ Македонскимъ. Вѣроятно же они суть потомки тюркскаго племени уйгуровъ. По крайней мѣрѣ Абулъ-Газы называетъ сартами торговыхъ людей Бухары и Ургенча. Въ Хивѣ же въ мѣстахъ, указываемыхъ Абулъ-Газы, живутъ до сихъ поръ потомки уйгуровъ въ городишкахъ Уйгуръ и Яманъ-

Уйгуръ. Сарты говорятъ по тюркски и, въ нравственномъ отношеніи, стоятъ ниже всѣхъ другихъ осѣдлыхъ жителей Туркестана. Въ настоящее время названіе сартъ стало браннымъ именемъ. Киргизы и узбеки, презирающіе всѣхъ коренныхъ жителей Средней Азіи, называютъ и таджиковъ сартами.

Узбеки—племя тюркскаго происхожденія. Они вышли, по преданію, съ рѣки Яика, т. е. Урала и осѣли въ IX столѣтіи въ западной части киргизскихъ степей. Свое имя узбеки производятъ отъ словъ узи-бекъ, самъ себѣ бекъ, вольный человѣкъ. Въ первой половинѣ XI столѣтія узбеки завладѣли старымъ Ургенчемъ или Хорезманъ и стали первенствовать въ низовьяхъ Амударьи. Узбеки, какъ кажется, много храбрѣе и лучше таджиковъ и сартовъ. Торговлю и торгашей они презираютъ, занимаясь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Если вѣрить преданію и даже нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, то въ періодъ времени между покореніемъ Мавронегра (т. е. полоса земли между Сыромъ и Аму) аравитянами и нашествіемъ монголовъ, эта страна была заселена многолюдными и богатыми городами.

Въ началѣ XIII столѣтія изъ-за горъ Алатау показались безчисленныя монгольскія орды, которыя въ Мавронегрѣ разрушили все на своемъ пути. Плано-Карпини, проѣхавшій по Средней Азіи въ 1246 году, т. е. менѣе четверти столѣтія послѣ монгольскаго погрома, говоритъ, что въ землѣ Биссерминовъ, т. е. нынѣшней Хивѣ, онъ встрѣтилъ множество разрушенныхъ и разоренныхъ городовъ. Повсемѣстно здѣсь ему попадались кости и черепа убитыхъ монголами, но не похороненныхъ людей, «лежащихъ на землѣ подобно помета», поясняетъ богобоязненный авторъ.

Со времени нашествія монголовъ, Средняя Азія составила удѣлъ третьяго сына Чингиза—Джагатая.

Въ 1294 году, по смерти хана Кублая, громадное царство, основанное Чингизъ-ханомъ, распалось на части. Потомки Джагатая, въ качествѣ независимыхъ владѣльцевъ, подчинили себѣ земли отъ Джигуна, т. е. Амударьи, до Иртыша и вся эта страна, отъ имени сына Чингизова, получила названіе Джагатая. Здѣсь, на пространствѣ, охватывающемъ всѣ степи и осѣдлыя населенія Средней Азіи, монгольскій элементъ успѣлъ почти совершенно поглотить мѣстныхъ аборигеновъ. Съ теченіемъ времени побѣдители приняли мусульманство и всякое другое вѣроисповѣданіе было вытѣснено на всемъ пространствѣ Джагатая. Съ той поры и до настоящаго времени всѣ независимые владѣльцы Средней Азіи производятъ свои роды отъ Чингизъ-хана, потомство котораго называется, по мѣстному выраженію, бѣлою костью, въ отличіе отъ черной кости, народа.

Менѣе чѣмъ полвѣка спустя послѣ смерти Кублая въ Кешѣ, нынѣшнемъ Шехрисябсѣ, близъ Самарканда, родился Тамерланъ. Женившись на дочери туркестанскаго эмира, онъ успѣлъ подчинить себѣ всю Среднюю Азію и вскорѣ пріобрѣлъ страшную извѣстность рядомъ опустошительныхъ завоеваній.

По смерти Тимура осталось нѣсколько сыновей, которые подѣлили между собою его наслѣдство. Второй сынъ Тимура получилъ Среднюю Азію. Впрочемъ немногимъ болѣе полстолѣтія по смерти великаго завоевателя между его наслѣдниками начались кровопролитныя распри, въ которыхъ погибла сила тимуридовъ.

Въ 1500 году вождь узбековъ Шейбани-ханъ завладѣлъ Туркестаномъ и изгналъ изъ Самарканда послѣдняго тимурида, знаменитаго Баберъ-хана.

Съ того времени, какъ дикіе турки завладѣли окончательно долинами Сыра и Аму, въ городахъ Средней Азіи происходили непрерывныя смуты, безпорядки и

кровопролитная борьба народностей, партій и личностей.

Съ поселеніемъ на Уралѣ казаковъ, русскіе приходятъ въ соприкосновеніе съ средне-азіатскими владѣтелями. Яицкіе казаки, подъ начальствоиъ атамана Нечая, вѣроятно въ 1602 году, овладѣли даже на время Ургенчемъ, послѣ разграбленія котораго хотѣли уходить на Яикъ, но были перехвачены харезмскимъ султаномъ Арапъ-Магометомъ (отцомъ историка Абулъ-Газы), и почти всѣ истреблены.

Въ 1700 году хивинскій ханъ Шаніазъ просилъ Петра Великаго о принятіи его въ русское подданство.

Въ 1716 году въ Хиву направленъ былъ отрядъ князя Бековича-Черкасскаго, который, дойдя до столицы ханства, былъ здѣсь окончательно истребленъ.

Въ 1839 году наше правительство сдѣлало новую попытку наказать Хиву, которая стала рынкомъ для продажи невольниковъ, схваченныхъ въ русскихъ селахъ, но экспедиціонныя войска, не видя непріятеля, потеряли три четверти своего численнаго состава отъ голода, холода и незнанія страны, въ которой приходилось дѣйствовать. Несмотря на то, что хивинскій ханъ поторопился выслать часть русскихъ невольниковъ, Хива, четыре года спустя, начала открыто покровительствовать вождямъ мятежа въ киргизской степи, а въ 1848 г. шайки хивинцевъ приблизились даже къ укрѣпленію Раимскому, которое строили русскіе у устьевъ Сыра.

Несмотря на то, что хивинскіе ханы постоянно и явно вредили нашимъ интересамъ въ степяхъ, правительство принуждено было молчать, потому что не имѣло ни возможности, ни средствъ заставить этихъ хановъ уважать русскую силу.

Съ подчиненіемъ Большой Орды, русскіе пришли въ близкія соприкосновенія съ Кокандскимъ ханствомъ.

Кокандская династія была основана въ концѣ XVII

столѣтія узбекомъ Ша-Рухъ-бекомъ, который овладѣлъ всею страною Фергана (т. е. обоими берегами Сыра, отъ истоковъ до Ходжента). Потомки Ша-Рухъ-бека и до сихъ поръ царствуютъ въ Кокандѣ. Одинъ изъ нихъ, Мадали-ханъ, въ 1831 году покорилъ черныхъ или дикокаменныхъ киргизовъ и подчинилъ Большую Орду. Чтобы поддержать свое вліяніе среди кочевниковъ, кокандцы построили нѣсколько фортовъ въ горныхъ тѣснинахъ, близъ озера Иссыкъ-Куля.

Построенное русскими, въ 1854 году, укрѣпленіе Вѣрное отстояло всего въ ста восьмидесяти верстахъ отъ ближайшей кокандской крѣпостцы Пишпека. Комендантъ этой крѣпости сбирали съ дикокаменныхъ киргизовъ подати и, хотя послѣдніе въ то время были подчинены Россіи, но кокандцы игнорировали этотъ фактъ, сѣяли неудовольствія среди кочевниковъ и поощряли грабежи черныхъ киргизовъ въ Большой Ордѣ, уже фактически принадлежащей Россіи.

На этомъ основаніи Пишпекъ былъ взятъ и разрушенъ русскими въ 1860 году.

Между тѣмъ въ Кокандѣ, со смертью Мадали-хана, въ 1845 году, среди смутъ былъ возведенъ на ханство четырнадцатилѣтній Худояръ-ханъ, подъ опекою Мусульманъ-Кула. При извѣстіи о паденіи Пишпека, кокандцы въ огромныхъ силахъ выступили къ Вѣрному, чтобы взять его и прогнать русскихъ за рѣку Или. Приставъ Большой Орды, подполковникъ Колпаковскій, съ горстью войскъ встрѣтилъ кокандскія скопища въ пятидесяти верстахъ отъ Вѣрнаго и при урочищѣ Узунъ-Агасѣ разбилъ ихъ на голову. На слѣдующій годъ (1862) Колпаковскій взялъ возстановленный кокандцами Пишпекъ и разрушилъ его.

Въ 1864 году, какъ было уже сказано, наше правительство рѣшилось соединить рядомъ укрѣпленій Сыръ-дарьинскую линію съ укрѣпленіемъ Вѣрнымъ и огра-

дить, такимъ образомъ, киргизскую степь отъ вліянія и грабежей съ юга. Для достиженія этой цѣли полковникъ Черняевъ долженъ былъ взять штурмомъ значительную кокандскую крѣпость Ауліе-ата.

Тѣмъ временемъ въ Кокандѣ произошли перевороты. Въ 1858 году кипчаки, сильное кочевое племя верховьевъ Сыра, подступили къ Коканду, изгнали Худояръ-хана, который бѣжалъ въ Бухару, и возвели на ханство его брата, Маля-хана. Въ свою очередь, Маля-ханъ былъ убитъ въ 1863 году и кипчаки послѣдовательно назначали ханами малолѣтнихъ: Шаймурата и Шауръ-хана, подъ регентствомъ муллы Алимъ-Кула.

Во время этихъ смутъ, бухарскій эмиръ вмѣшался въ дѣла Коканда, взялъ его и возстановилъ на ханствѣ Худояра, какъ своего вассала, но послѣдній долженъ былъ бѣжать оттуда по уходѣ бухарскихъ войскъ.

При извѣстіи о наступленіи русскихъ, Алимъ-Кулъ, человѣкъ способный и чрезвычайно энергическій, бросился со всѣми силами кокандскаго ханства на генераловъ Черняева и Веревкина. Первыя его дѣйствія были такъ удачны, что русскія войска не только не могли оттѣснить Алимъ-Кула, но даже часть оренбургскаго отряда, выдвинувшаяся неосторожно впередъ, была спасена только благодаря необычайнымъ усиліямъ со стороны генерала Черняева. Къ счастью, внутреннія дѣла вскорѣ призвали Алимъ-Кула въ Кокандъ, а командованіе войсками сдано имъ Мирзѣ-Ахмету. Вскорѣ послѣ того генералъ Черняевъ подступилъ къ Чемкенту и штурмовалъ его, причемъ были совершенно разбиты кокандскія войска, оборонявшія эту крѣпость.

Имѣя въ виду, что близость отъ новопроведенной границы Ташкента, города со ста тысячами жителей, едвали обезпечивала безопасность этой границы, генералъ Черняевъ, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ паденіемъ Чемкента, штурмовалъ Ташкентъ, но

былъ отбитъ съ большою потерею [1]). Эта неудача не ослабила, однако, энергію генерала, который слѣдующею весною вновь подступилъ къ Ташкенту.

Узнавъ о движеніи русскихъ, Алимъ-Кулъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Несмотря на подавляющее превосходство кокандцевъ, генералъ Черняевъ при арыкѣ Саларѣ, въ виду деревни Ніазбека, разбилъ ихъ скопища наголову, причемъ Алимъ-Кулъ былъ убитъ. Вскорѣ послѣ того русскія войска взяли штурмомъ Ташкентъ.

Со смертью муллы Алимъ-Кула, Худояръ-ханъ вернулся въ Кокандъ и вырѣзалъ всѣхъ кипчаковъ, принимавшихъ участіе въ волненіяхъ. Теперь бухарскій эмиръ, считавшій кокандское ханство подчиненнымъ себѣ владѣніемъ, рѣшился остановить успѣхи русскихъ и подступилъ къ Сыръ-дарьѣ, но прибывшій на мѣсто Черняева генералъ Романовскій успѣлъ разбить скопища бухарцевъ подъ Ирджаромъ. Вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, чтобы отрѣзать Кокандъ отъ Бухары, былъ взятъ Ходжентъ, а генералъ Крыжановскій отнялъ у бухарцевъ ихъ двѣ сильныя крѣпости: Джизакъ и Ура-Тюбе.

Въ теченіи борьбы русскихъ съ кокандцами и бухарцами, на восточной нашей окраинѣ произошли весьма важныя событія.

Мусульмане, которые были разсѣяны въ предѣлахъ Китая отъ нашей границы далеко на востокъ, до губерніи Шанъ-Си, возстали противъ манчжурской династіи. Возстаніе это, постепенно подвигаясь съ востока на западъ, коснулось, наконецъ, сосѣднихъ съ Россіею провинцій Китая. Въ 1865 году мусульманскіе инсургенты взяли пограничные китайскіе города Кульджу и Чугучакъ и, при помощи живущихъ въ Китаѣ кирги-

[1]) Не безъинтересно, что головы русскихъ, павшихъ при штурмѣ Ташкента, были посланы въ Кокандъ и тамъ выставлены на шестахъ передъ дворцомъ. Затѣмъ эти головы были препровождены въ Кашгаръ на показъ тамошнему владѣльцу, Якубъ-беку.

зовъ, приступили къ истребленію калмыцкихъ кочевниковъ-буддистовъ. Борьба мусульманъ противъ всѣхъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Западномъ Китаѣ, приняла вскорѣ самый ожесточенный характеръ.

Сотни ограбленныхъ и раззоренныхъ калмыковъ, солоновъ, сибо, китайцевъ и киргизовъ спасались въ наши степи и правительство, для охраны русской территоріи, выставило наблюдательные отряды къ сторонѣ Китая.

Въ 1865 году толпа выходцевъ изъ Коканда отправилась въ Китай добывать Кашгаръ для Бзрукъ-хана, жившаго до того въ ханствѣ и имѣвшаго нѣкоторыя права на владѣніе Малою Бухаріею. Начальникъ этой шайки Якубъ-бекъ, командовавшій до того частью кокандскихъ войскъ противъ генерала Черняева, отнялъ у китайцевъ Кашгаръ и посадилъ на ханство Бзрукъ-хана. Скоро, однако, Якубъ-бекъ свергнулъ послѣдняго и провозгласилъ самого себя «Аталыкъ-Газы», отцемъ-побѣдителемъ. Вслѣдъ затѣмъ Якубъ-бекъ подчинилъ своей власти всю Малую Бухарію и сталъ владѣтелемъ сильнаго государства, имъ основаннаго на границѣ Россіи.

5—13-го сентября пробыли въ Чемкентѣ. Первый мой визитъ былъ цитадели. Она величиной саженъ во сто въ діаметрѣ и построена на горѣ твердой глины, ограниченной со всѣхъ сторонъ обрывомъ средней высоты, саженъ въ шесть или пять. Обрывъ градусовъ въ восемьдесятъ и болѣе, слѣдовательно безъ лѣстницъ недосягаемъ. Съ западной стороны, т. е. тамъ, гдѣ цитадель примыкаетъ къ городскому базару, у подножія скалы выросли высокія ветлы. Гора или скала до того тверда, хоть и состоитъ изъ суглинка, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она подмыта внизу, такъ что толща земли у фундамента скалы поднимается кверху подъ тупымъ угломъ. Въ обрывѣ щуры подѣлали себѣ много гнѣздъ. Цитадель состоитъ изъ ряда двухъ укрѣпленій, охватываю-

щихъ крону всей горы. Переднее, болѣе низкое, какъ-бы составляетъ оборонительную стѣнку или отдѣленныя одежды высокой задней стѣны. Между ними выкопанъ ровъ. Стѣнка дурно поддержана и имѣетъ зубцы, а мѣстами и навѣсныя бойницы. Главный валъ похожъ на прочія укрѣпленія кокандской постройки. Внутри цитадели есть еще редюитъ, примыкающій одною стороною къ совершенно неприступному сѣверному обрыву; съ прочихъ сторонъ онъ окруженъ высокою стѣною, обстрѣливающею внутренность цитадели. Въ редюитѣ, надъ самымъ обрывомъ, выстроено хорошее зданіе, служившее мѣстомъ жительства кокандскаго коменданта Чемкента. Теперь это госпиталь нашего гарнизона. По своей неприступности цитадель Чемкента едва ли бы могла быть скоро взята самымъ рѣшительнымъ непріятелемъ, если бы ее обороняло полтора европейскихъ батальона, снабженные достаточнымъ количествомъ продовольствія и воды.

Въ цитадели выстроено длинною двойною линіей шестьдесятъ девять орудій, отнятыхъ Черняевымъ у кокандцевъ во все время войны. Между ними есть порядочныя мортиры, должно быть, пудоваго калибра, есть гаубицы и орудія калибровъ, подходящихъ къ нашимъ; есть и фальконеты. Орудія — и мѣдныя и чугунныя. Нѣкоторыя изъ первыхъ весьма порядочной отливки, со щегольскою чеканкою, арабесками между тарелью и цапфами. Дельфиновъ не замѣтилъ. У нѣкоторыхъ имѣются татарскія надписи, чеканенныя серебромъ. Особенно хороши фальконеты, которые, кажется, дѣйствовали съ верблюдовъ. Чугунныя орудія отлиты очень дурно и на поверхности остались неправильности отъ дурно слѣпленныхъ кусковъ опоки. Всѣ лафеты безъ исключенія очень дурны. Они напоминаютъ будто англійскіе. И лѣсъ и оковки изъ рукъ вонъ какъ плохи, особенно колеса. У нѣкоторыхъ, вмѣсто оси,

просто ось изъ-подъ арбы съ гигантскими неправильными колесами; одно орудіе замѣчательно тѣмъ, что имѣетъ подъемный прицѣлъ. Тутъ же лежатъ снаряды. Около орудій стоятъ двѣ арбы, назначенныя для того, чтобы возить важныхъ кокандскихъ чиновниковъ. Это арбы съ будочкой наверху и двумя рамами по сторонамъ. Въ одну можно входить сзади, для чего у ней и существуетъ дверь. Замѣчательно, что оковка колесъ и крѣпость послѣднихъ гораздо надежнѣе, чѣмъ у орудійныхъ. На шину колесъ наколочены тѣсно другъ около друга довольно высокія закругленныя пирамиды изъ желѣза, основаніемъ книзу, такъ что за ними не видно шины.

Изъ цитадели весь Чемкентъ, лежащій у ея подножія, кажется будто на ладони. Всѣ зданія попрятались въ густые сады, такъ что крыши, покрытыя сперва войлокомъ, либо камышевыми матами, а потомъ слоемъ глины, выглядываютъ только въ ближайшей окружности. Далѣе же во всѣ стороны простирается мѣшаный лѣсъ, изъ котораго вытягиваются стройные пирамидальные тополи. Базаръ, лежащій у подножія цитадели, къ западу отъ послѣдней, виденъ весь. Одинаковой высоты и однообразнаго сѣраго цвѣта крыши тѣсно прижались другъ къ другу, покрывая сплошною массою значительное пространство; только въ одномъ мѣстѣ между крышами остается четыреугольное пустое мѣсто—это караванъ-сарай. На дворѣ его стоятъ лошади пріѣзжихъ. А далѣе за базаромъ только изрѣдка можно замѣтить крышу, затонувшую среди окружающихъ ее деревьевъ. Внизу подъ сѣвернымъ обрывомъ цитадели идетъ дорога въ Сайрамъ, по которой постоянно протекаетъ ручей, образующійся изъ ключей, бьющихъ у ауліеатинскихъ воротъ. Тутъ на нѣкоторомъ пространствѣ нѣтъ зданій, а стоятъ юрты байгушей-киргизъ и ходитъ скотъ.

Съ восточной стороны цитадели за валомъ, сдѣланнымъ русскими и охватывающимъ довольно большое пространство бугра, приближающагося къ скалѣ, раскинулась слободка, построенная уже нами для солдатъ. Кругомъ ни прутика зелени, а за водою нужно спускаться книзу. Къ чему это заперли бѣдныхъ солдатиковъ на этотъ бугоръ? А внизу такъ много зелени, и вода подъ рукой, и базаръ, и народъ, и все, что хочешь!

Базаръ лежитъ у западной стороны скалы, на которой построена цитадель. Онъ довольно значителенъ и чистъ. Базаръ, какъ и въ Туркестанѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, составляющихъ улицы, крытыя сверху всякою дрянью: хворостомъ, войлокомъ, соломою, матами изъ тростника и пр. Лавки—открытыя комнаты, которыхъ полъ фута на два выше уровня улицы. Онѣ, эти лавки, самыхъ разнообразныхъ свойствъ. Въ одной изъ нихъ поднимаются горы огромныхъ арбузовъ, изъ которыхъ каждый пристыдилъ бы арбузъ, глядѣвшій на капитана Копейкина, и несравнимыхъ по вкусу дынь; въ другой, въ открытыхъ мѣшкахъ продаются красильныя вещества: томаръ-баяу, кизымъ-баяу и табакъ. Владѣлецъ этихъ москательныхъ сокровищъ сидитъ на войлокѣ посреди своихъ мѣшковъ, со сложенными подъ себя ногами, и усердно толчетъ и растираетъ табакъ, чтобы получить *носбой* (не отъ носоБоя ли?), нюхательный табакъ. Въ третьей лавкѣ стоятъ въ мѣшкахъ же рисъ, крупа, хлѣбъ въ зернахъ и въ мукѣ, кукуруза, соль. Хозяинъ лавки — киргизъ, продающій въ городѣ произведенія многихъ своихъ родичей, байгушей, обработывающихъ землю недалеко отъ Чемкента. Въ четвертой, въ стройномъ порядкѣ висятъ узды, нагрудники и подхвостники, лежатъ сѣдельные арчаки, войлочныя разныхъ цѣнъ крылья къ сѣдламъ, стремена, ремни. Сартъ, сидящій тутъ, вооруженъ шиломъ и вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, въ-

роятно подмастерьемъ, увеличиваетъ свое богатство шитьемъ новаго чапрака; въ пятой, шестой и т. д. лавкахъ продаются каменная и деревянная посуда, миндаль, фисташки, орѣхи, кишмишь, урюкъ, сапоги и ичиги съ калошами, мыло и свѣчи, красный товаръ и русскія издѣлія. Между этими лавками можно замѣтить и парикмахерскую, въ которой хозяинъ—фельдшеръ, онъ же цирюльникъ, умѣющій, какъ и у насъ, «брить, стричь и кровь отворять». Въ настоящее время онъ добриваетъ голову одного правовѣрнаго, печальныя гримасы котораго могутъ засвидѣтельствовать прохожимъ, что бритвы мастера не совсѣмъ исправны и что онъ не очень жалѣетъ кожу своихъ посѣтителей. Рядомъ лавка съ кумысомъ и въ жаркій день всякій прохожій можетъ совершенно прохладиться большою чашкою этого напитка, стоящею пять копѣекъ или четверть кокана.

Есть здѣсь и обжорный рядъ или, если хотите, кафе-ресторанъ мѣстнаго характера. Въ открытой, какъ всѣ, лавкѣ устроена печь, въ которую вмазанъ котелъ. Въ немъ цѣлый день кипитъ вода, а надъ нею поставленъ цѣлый обелискъ ситъ, изъ которыхъ каждое плотно уставлено надъ нижестоящимъ ситомъ. Паръ отъ воды, налитой въ котелъ, проходитъ, слѣдовательно, черезъ всѣ сита. Сартъ, которому принадлежитъ такая кухня, занятъ обыкновенно все базарное время. Въ то время, какъ его помощникъ, обыкновенно оборванный мальчишка, раскатываетъ изъ тѣста лепешки, онъ подхватываетъ ихъ, накладываетъ посрединѣ мелко изрубленной баранины, складываетъ тѣсто въ пирожокъ и бросаетъ въ сито, въ которомъ и должны приготовиться пельмени, любимое блюдо азіатъ. Правовѣрные, въ чалмахъ и тюбетейкахъ, подходятъ къ пельменщику и требуютъ закуски на четверть кокана, рѣдко болѣе. За четверть кокана или пять копѣекъ имъ выбрасывается

изъ сита на прилавокъ двадцать дымящихся пельменей, которыя истребляются послѣдовательнымъ препровожденіемъ въ ротъ. Когда мы пришли къ пельменщику, онъ сталъ непомѣрно важничать, зазвалъ насъ въ курятникъ, пристроенный за лавкою, въ которомъ стояла мебель, похожая на наши деревянныя кровати, и принесъ гору пельменей, въ которыя были воткнуты двѣ вилки съ изломанными ручками. Знаемъ, молъ, европейскіе порядки.

Не менѣе любопытны чайныя лавки съ тульскимъ гигантомъ и дымящеюся трубою наверху. Въ срединѣ лавки сидитъ кружокъ сартовъ со вспотѣлыми лбами, усердно попивающихъ чай, большею частью безъ сахару, изъ чашекъ, напоминающихъ наши полоскательныя.

Для того, чтобы отчетливо представить себѣ азіатскій базаръ, нужно сблизить вмѣстѣ всѣ эти картины; нужно представить себѣ справа и слѣва грязныя лавки, хозяева которыхъ либо занимаются въ открытой лавкѣ своими ремеслами, либо болтаютъ съ проходящими, либо перекликаются черезъ улицу, либо громко торгуютъ съ покупателями, либо, наконецъ, спятъ, растянувшись между мѣшками. Другія лавки пустыя: хозяева куда то ушли.

Между лавками снуетъ народъ: медленно движется толстый сартъ съ цѣлою штукою мешхедской кисеи, наверченной на головѣ. Завидя его, купцы приговариваютъ: аманъ бы! Это долженъ быть либо очень богатый человѣкъ, либо сеидъ, либо ходжа. Тутъ же ѣдетъ ободранный киргизъ на тощей лошади, поглядывая по сторонамъ, бѣгутъ взадъ и впередъ мальчишки, медленно движется нагруженный сѣномъ или джумурчкою верблюдъ, издавая протяжный ревъ, скрипитъ арба своими немазанными колесами, а молодой малый, сидящій на запряженной въ нее лошади, кричитъ особеннымъ образомъ, чтобы ему давали дорогу.

Для большей характеристики всей картины, кое-гдѣ движутся ослы, нагруженные хворостомъ, либо мѣшками такъ, что изъ-подъ горы, лежащей на немъ, видна только одна голова съ длинными ушами, наставленными съ недоумѣніемъ впередъ. Между этою странною толпою шныряютъ наши солдаты въ гимнастическихъ рубашкахъ. Непривычная для европейскаго глаза картина становится совершенно странною, благодаря еще болѣе непривычнымъ для насъ крикамъ, стуку въ лавкахъ, гортаннымъ междометіямъ, реву животныхъ, рѣдко у насъ встрѣчающихся, окликамъ проѣзжихъ и всему шуму, раздающемуся на базарѣ.

На перекресткѣ базара иногда можно видѣть «дуванов», странствующихъ мусульманскихъ монаховъ, фанатиковъ, въ коническихъ высокихъ шапкахъ и типичныхъ длинныхъ халатахъ, иногда сшитыхъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ всевозможныхъ матерій. Въ рукахъ у нихъ длинные посохи и миски или баклачи, сдѣланныя изъ темной тыквы. Выстроившись въ рядъ, они начнутъ какой то дикій концертъ и странными гортанными звуками воспоютъ величіе пророка и его имамовъ. Стоя впереди ихъ и непремѣнно заткнувъ пальцами оба уха, кричитъ во всю силу легкихъ старшій дувана, регентъ мрачнаго хора и атаманъ этой шайки дармоѣдовъ. Бродя изъ города въ городъ, они наберутъ много «кокановъ», двугривенныхъ, а при случаѣ распалятъ фанатизмомъ правовѣрныя головы.

Въ другомъ мѣстѣ чистенькій, хорошо одѣтый мулла, почувствовавъ проповѣдническое вожделѣніе, остановится на видномъ мѣстѣ базара и станетъ опрятно засучивать рукава своего халата. Затѣмъ, приличнымъ и спокойнымъ тономъ начнетъ онъ говорить, что Богъ далъ ключъ отъ рая такому то ангелу и при этомъ правою рукою будто граціозно положитъ что то на ладонь лѣвой. Вдругъ, вѣроятно припомнивъ что то

страшное, онъ метнется впередъ, къ самому носу слушающаго его жирнаго торгаша, и не своимъ голосомъ закричитъ и завопитъ на весь базаръ. Не безпокойтесь; это только ловкій ораторскій пріемъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернется на свое мѣсто и, спокойно обводя слушателей глазами, будетъ продолжать свою проповѣдь тихимъ и разсчитаннымъ голосомъ.

Или иногда увидишь полуодѣтаго юродиваго дервиша, повѣщающаго великимъ крикомъ всему базару, что пришелъ конецъ міра, что земля болѣе не станетъ носить людей, такъ они грѣховны; что Аллахъ уже предупредилъ о своемъ гнѣвѣ, попустивши господство «уруса», русскаго, надъ правовѣрными. Проповѣдникъ бѣснуется, высоко поднимаетъ брови, закрываетъ глаза, болѣзненно водитъ ихъ подъ вѣками, судорожно морщитъ лобъ, съ котораго льется потъ, и, раскрывая глаза, показываетъ мутные, безсмысленно блуждающіе зрачки. Его слушатели: собака, сонный сартъ, свѣсившій изъ своей лавочки ноги въ башмакахъ, и нѣсколько прохожихъ, постепенно исчезаютъ и замѣняются новыми зѣваками.

Солнце проникаетъ на базаръ только сквозь вѣтви, навозъ и хворостъ, набросанные на навѣсахъ, перекинутыхъ съ одной лавки на другую. На улицѣ, залитой лучами жаркаго солнца, больно смотрѣть, а на базарѣ всегда тѣнь и прохлада, и вся его перспектива рисуется въ полусвѣтѣ рельефно и мягко. Только въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ дырья, образовавшіяся въ навѣсѣ, прорывается яркій свѣтъ, разнообразно золотя проходящихъ людей и животныхъ.

Въ Чемкентѣ два караванъ-сарая. Одинъ изъ нихъ четыреугольное зданіе, имѣющее со двора лавки по всѣмъ четыремъ фасамъ. На серединѣ двора нѣсколько кольевъ для привязыванья лошадей. Въ караванъ-сарай собираются караваны, пришедшіе въ городъ, и товары

раскупаются купечествомъ уже здѣсь; сюда же заѣзжаютъ проѣзжіе, занимая вмѣсто номеровъ лавки. У другого караванъ-сарая, менѣе большого, также лавки, выходящія во дворъ, а по серединѣ родъ бесѣдки, обсаженной виноградомъ. Когда мы были, спѣлыя грозди висѣли сквозь деревянную рѣшетку, напоминая про широту, подъ которой мы находились. Впрочемъ, въ Чемкентѣ разводятъ мало винограда, а большею частью, равно какъ и персики, его привозятъ изъ Ташкента.

Внѣшній видъ Чемкента очень интересенъ. Весь городъ расположенъ въ котловинной впадинѣ, такъ что едва виденъ съ самаго близкаго разстоянія. Каждый домъ обсаженъ со всѣхъ сторонъ деревьями, которыя выглядываютъ изъ-за заборовъ, будто нарочно посаженная по обѣимъ сторонамъ дороги аллея. Въ нѣкоторыхъ улицахъ всегдашняя тѣнь, падающая отъ высокихъ тополей, осинъ, вербъ и фруктовыхъ деревьевъ. Обойдя Чемкентъ, я не встрѣтилъ ни одного двора безъ деревьевъ. Жители жалуются, что теперь многіе домохозяева рубятъ лѣсъ и продаютъ его русскимъ на постройку казармы за цитаделью.

По садамъ и улицамъ бѣгутъ многочисленные арыки съ чистою водой, которая журчитъ будто горный источникъ. Всѣ арыки города берутъ свое начало въ ручьѣ Кашкарата (бараній отецъ), который начинается въ обильныхъ ключахъ, бьющихъ изъ-подъ горы. Близъ послѣдней находится могила святого Кашкарата, котораго исторію разсказать мнѣ не могли. Кашкарата втекаетъ въ городъ подъ стѣною, близъ ауліе-атинскихъ воротъ, и здѣсь собирается въ большой арыкъ, изъ котораго берутъ начало всѣ другіе, орошающіе сады города. Кашкарата не только снабжаетъ городъ водою, но три арыка идутъ отъ него еще на городскія пашни. Такъ какъ мѣстность между ауліе-атинскими воротами, цитаделью и базаромъ очень низменна, то часть Каш-

караты, переливаясь черезъ арыкъ, разливается, отчего здѣсь стоитъ вѣчная лужа, не дозволяющая заселить эту мѣстность.

Въ верстѣ за русскою слободкою беретъ свое начало Кашкарата въ глубокой промоинѣ, изъ трехъ родниковъ. Здѣсь бывшій кокандскій комендантъ Чемкента развелъ небольшой садикъ, въ которомъ жилъ Черняевъ послѣ взятія города. Такъ какъ никакого зданія здѣсь нѣтъ, то для него была поставлена юрта. Садъ извѣстенъ теперь подъ именемъ Черняевскаго и тутъ посажено нѣсколько виноградныхъ лозъ.

Въ Чемкентѣ намъ отвели квартиру въ домѣ здѣшняго богача.

При Черняевѣ онъ былъ секретаремъ города Ташкента и, говорятъ, преданъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, совершенно вѣрно то, что онъ не дичится русскихъ. По особенно благопріятному случаю, хозяинъ, желая быть съ нами любезнымъ и, можетъ быть, отплатить намъ за обильный чай, выпиваемый у насъ, согласился показать внутренность своего жилища. Вотъ его жилище, могущее служить характеристикой прочихъ сартовскихъ построекъ.

Съ улицы домъ нашего хозяина вовсе не виденъ. Тянется только глиняная стѣна, изъ-за которой видны деревья; снаружи, т. е. къ сторонѣ улицы, насажены ветлы для того, чтобы воспользоваться арыкомъ, протекающимъ тутъ, между улицею и стѣною. Входъ въ домъ по мостику, переброшенному черезъ арыкъ. Ворота шириною шага въ три. Далѣе слѣдуетъ длинный и темный корридоръ. Первая дверь изъ него ведетъ налѣво въ первый дворикъ; напротивъ входа навѣсъ, примыкающій къ стѣнѣ. Налѣво арыкъ обтекаетъ квадратное пространство земли, устланное матами изъ камыша и ковромъ. Арыкъ этотъ прокопанъ отъ главнаго, идущаго по улицѣ, и, обогнувъ квадратъ, сливается опять

съ главнымъ арыкомъ. Остающееся затѣмъ пространство въ лѣвой сторонѣ двора занято террасой, примыкающей къ водѣ и къ зданію, занимающему часть двора. На дворѣ ростетъ нѣсколько деревьевъ, изъ которыхъ одно, талъ, обхвата въ два. Прямо противъ входа часть двора занимается, какъ сказано, навѣсомъ, а другая, меньшая, зданіемъ, поставленнымъ на ребро ко входу, одною стороною по стѣнѣ, составляющей наружную ограду. Зданіе шаговъ десять въ длину и шаговъ шесть въ ширину. Оконъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ одна деревянная рѣшетка, выходящая на дворъ. Одна дверь изъ дерева, украшенная рѣзьбой. На длинной стѣнѣ, противоположной дверямъ, пять нишъ, на короткой—три; на стѣнѣ, въ которой дверь,—четыре. Свѣтъ проходитъ только черезъ дверь и рѣшетку. Здѣсь мы спали. Второй дворъ примыкаетъ къ стѣнѣ нашего жилища (или вѣрнѣе двора), противоположной той, близъ которой арыкъ. Чтобы попасть туда, нужно опять выйти въ темный корридоръ, прямой выходъ изъ котораго въ этотъ дворъ загороженъ траверсомъ, т. е. глиняною стѣнкою. Второй дворъ больше перваго раза въ полтора. Съ трехъ сторонъ, кромѣ той, которая противоположна входу, онъ обстроенъ тремя зданіями. Налѣво построенъ точь-въ-точь нашъ амбаръ или хлѣбный магазинъ, только съ навѣсомъ впереди на столбикахъ и шестью дверями; надъ каждой изъ послѣднихъ рѣшетчатое окно. Это помѣщеніе двухъ женъ хозяина, у каждой особенное. Внутри на полу этихъ помѣщеній разостланы звѣриныя шкуры; по нишамъ стоятъ кунганы, мѣдные тазики, чайная и другая посуда; по стѣнамъ сундуки, на которыхъ горы сложенныхъ одѣялъ. На растянутыхъ отъ одной стѣны къ другой веревкахъ виситъ какое то тряпье, въ родѣ пестрыхъ дѣтскихъ платьевъ. Архитектура внутренности жилища та же, какъ и нашего сарая, только съ наружнаго фаса каж-

дая пара нишъ замѣнена дверями. Другое зданіе построено нѣсколько иначе. Навѣса впереди нѣтъ, а на одномъ краю пристроенъ, въ видѣ большой голубятни, мезонинъ или башенка, которую хозяинъ назвалъ амбаромъ. Въ нижнемъ этажѣ живетъ третья и любимѣйшая жена хозяина. Внутри тамъ убранство лучше; посуды больше, сундуки стоятъ по стѣнамъ чаще, а наваленныя на нихъ одѣяла поднимаются еще выше. Противъ этого зданія выстроенъ амбаръ или сарай, схожій съ первымъ, только безъ навѣса впереди. Здѣсь живетъ вдова хозяйскаго сына съ дѣтьми. Сюда насъ не пустили, потому что тутъ спряталась вся прекрасная половина дома хозяина, т. е. жены. Къ боку этого зданія былъ прилѣпленъ двухъэтажный навѣсъ, поддержанный колоннами. Это сѣновалъ, что можно было видѣть по джумурчкѣ, наполняющей оба этажа. Въ очень жаркіе дни хозяинъ взбирается на второй этажъ сѣновала на ночлегъ. Далѣе идетъ открытая спереди кухня и довольно просторная конюшня, въ которой стоялъ аргамакъ хозяина. Черезъ весь дворъ протекаетъ арыкъ, около котораго растутъ абрикосовыя деревья. Изъ второго двора проходятъ въ третій, назначеніе котораго служитъ жилищемъ коровамъ, собакамъ и вообще быть заднимъ дворомъ. Всѣ стороны этого двора обсажены пирамидальными тополями, есть одно инжировое дерево и нѣсколько виноградныхъ лозъ, которыя спасены отъ истребленія тѣмъ, что коровы и телята привязаны. Черезъ задній дворъ проходитъ довольно большой арыкъ.

Обойдя всѣ дворы, мы усѣлись около подносовъ съ туземными угощеніями, разложенными у входа въ домъ третьей жены. Противъ насъ, въ помѣщеніи вдовы, собрались всѣ дамы и, забывъ всякій стыдъ и приличія, обстоятельно опредѣленныя шаріатомъ, съ любопытствомъ разсматривали насъ. Мы принесли съ собой подарки. Получивъ ихъ черезъ посредство двѣнадцати-

лѣтняго хозяйскаго сына, прекрасный полъ поднялъ нѣсколько рѣзкій пискъ и шумъ.

Хозяинъ хотѣлъ угощать насъ чаемъ, но онъ слишкомъ торопилъ подавать его, чтобы мы не поняли, что намъ пора убираться. Двѣнадцатилѣтній сынъ хозяина крикнулъ даже что то служанкамъ весьма рѣшительно. Изъ его энергическихъ словъ я разобралъ два: чай и дора. Мы встали и, провожаемые хозяиномъ, пришли на свой дворъ.

Пустивъ насъ къ себѣ, хозяинъ оказалъ крайнюю любезность. Желая удовлетворить наше любопытство и въ то же время опасаясь огласки своего вольнодумнаго поступка, онъ говорилъ: узнаютъ — такъ нехорошо. Хозяинъ склонился наконецъ на нашу просьбу и, конечно, доставилъ мнѣ этимъ много удовольствія.

Среднеазіатскія постройки обусловливаются двумя мѣстными условіями: замкнутостью семейной жизни и теплымъ климатомъ. Замкнутая семейная жизнь требуется шаріатомъ и въ сущности составляетъ главную силу и слабость мусульманства; силу,—потому что поддерживаетъ фанатизмъ и мусульманскую исключительность; слабость,—потому что уничтожаетъ возможность развитія. Если семейная обособленность есть необходимое условіе мусульманства, то совершенно естественно въ постройкахъ восточныхъ народовъ должны были появиться высокія стѣны, окружающія со всѣхъ сторонъ жилище, и нѣсколько отдѣленныхъ другъ отъ друга помѣщеній у всякаго человѣка, принимающаго гостей и имѣющаго средства. Климатическія условія сдѣлали то, что дворы стали настоящимъ мѣстомъ жительства, которые орошаются, гдѣ можно, водою и для исполненія омовеній, и для прохлажденія воздуха. Въ самомъ дѣлѣ, сидѣть въ комнатѣ при сорока пяти или пятидесяти градусахъ жары—нестерпимо; если же во дворѣ есть зелень и вода, то эта температура переносится тамъ

легче, чѣмъ двадцать пять градусовъ въ Петербургѣ. И тѣ, и другія условія породили дворы съ садиками, какъ главное мѣсто жилища, высокіе, прочные заборы, которыми они прикрыты со стороны улицъ, безобразныя, но прохладныя помѣщенія, служащія только мѣстомъ ночлега, и каналы съ проточною въ нихъ водою.

И мы, живя въ Чемкентѣ, проводили цѣлый день и вечеръ на воздухѣ. Тутъ же мы собирали почетныхъ лицъ города для разспросовъ и работали съ ними. Вслѣдствіе причинъ, породившихъ среднеазіатскія жилища и привычки, мнѣ кажется, почтенные граждане Чемкента были бы крайне удивлены, еели бы мы пригласили ихъ въ комнату для совѣщаній.

Во время нашего пребыванія въ Чемкентѣ сюда пріѣхалъ горный инженеръ подполковникъ Татариновъ, бывшій съ Струве и Глуховскимъ въ плѣну у бухарцевъ, какъ членъ миссіи, посланной къ эмиру Черняевымъ. Онъ разсказывалъ, что напросился отправить его съ миссіей въ качествѣ туриста и что ему пришлось очень раскаяться въ томъ. Онъ, по нашей просьбѣ, разсказалъ намъ послѣдовательно всю исторію путешествія, заключенія и освобожденія. Я рѣдко слыхалъ болѣе интересный разсказъ. Татариновъ напечатаетъ свою исторію. Между прочимъ онъ говорилъ, что весь дворецъ бухарскаго эмира тоже состоитъ изъ двориковъ, потолкомъ которымъ служитъ небо. Эти дворики замѣняютъ залы и пріемныя.

Сартки, сколько я могъ замѣтить еще въ Туркестанѣ, по экземплярамъ, видѣннымъ мною, очень недурны. Онѣ всѣ брюнетки съ правильными, мужественными, чертами лица и малы ростомъ. Въ Ташкентѣ, Чемкентѣ и Карнакѣ онѣ съ любопытствомъ выглядываютъ на русскихъ изъ-за высокихъ стѣнъ, съ видимымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе; но на улицѣ, встрѣчая русскихъ, онѣ немедленно опускаютъ на лицо

черную волосяную сѣтку, обыкновенно закинутую на голову, что даетъ имъ видъ чумныхъ мортусовъ. Такъ бываетъ, если на улицѣ есть хоть одинъ сартъ; если же нѣтъ мужчины-мусульманина, сартки не закрываютъ своего лица за сѣтку, а смотрятъ на русскихъ съ пристальнымъ и нескромнымъ вниманіемъ. У всѣхъ женщинъ, сколько-нибудь понимающихъ приличія, ногти рукъ выкрашены темно-желтою несмываемою краскою. На шеѣ бѣдныхъ и богатыхъ непремѣнно навѣшаны монисты изъ монетъ или коралловъ. Бешметъ яркихъ цвѣтовъ, сотканный пополамъ изъ шелка и бумаги, туго стянутъ на таліи кушакомъ. На небольшихъ ногахъ—широкія шаровары и башмаки съ загнутыми носками и высокими тонкими каблуками, подбитыми мѣдными подковками.

Монотонно и однообразно коротаетъ среднеазіатская женщина свою жизнь. На весь міръ, лежащій за предѣлами дворика съ инжировыми и персиковыми деревьями, въ обществѣ которыхъ она прозябаетъ, женщина можетъ смотрѣть только черезъ частую волосяную сѣтку своей черной чадры. Сбѣгать на базаръ или съѣздить туда, въ торжественныхъ случаяхъ, на крупѣ того же осла, на которомъ ѣдетъ мужъ, присмотрѣться къ толкотнѣ и потомъ торопливо пробраться домой—вотъ все, что она можетъ себѣ позволить.

Молодость проходитъ скоро подъ бременемъ тяжелаго физическаго труда и скучной жизни. Тогда мужъ беретъ другую жену, а прежнюю переводитъ въ другое, болѣе худшее помѣщеніе. Теперь то пойдутъ дрязги, прекращаемыя побоями со стороны мужа; а тутъ еще работай на свою соперницу, угождай ей. Мужу это все равно. Онъ смотритъ на жену, какъ на свое имущество, твердо закрѣпленное за нимъ всѣми божескими и человѣческими законами, какъ на вещь, принадлежащую ему безконтрольно и всецѣло. Кому изъ бывшихъ въ

Средней Азіи не приходилось видѣть туземное семейство, возвращающееся изъ ближняго города или съ полей: впереди, согнутая подъ навьюченною на нее тяжелою ношею, идетъ женщина съ прицѣпившимися къ ея платью дѣтьми, а сзади, верхомъ на любимой ослицѣ, преспокойно ѣдетъ ея мужъ, точно погоняя передъ собою стадо животныхъ.

Исходя отъ невѣрно понятой мысли Магомета, что у женщинъ нѣтъ души и что для нихъ нѣтъ мѣста въ раю, среднеазіатецъ смотритъ на жену только какъ на мать своихъ дѣтей, слѣдовательно, какъ на созданіе, которое можно тѣрпѣть, на созданіе скверное, ничего непонимающее, способное только болтать, сплетничать и всегда готовое къ измѣнѣ. Въ силу всего этого, при всякой подходящей оказіи, флегматически возьметъ онъ въ руки дору и отсчитаетъ женѣ столько ударовъ, сколько онъ успѣетъ дать, покуда жертва его тупоумія не забьется куда нибудь въ неприступный уголокъ своего жилища.

Многоженство и отчужденіе женщины отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ составляютъ величайшее зло мусульманства. Женщина, т. е. мать, наставница и воспитательница новыхъ поколѣній, прожившая свою жизнь въ запертыхъ покояхъ между половыми наслажденіями и жирнымъ пилавомъ, обыкновенно безграмотная, незанимающаяся ничѣмъ, кромѣ сплетенъ, гаданья и мистическаго толкованія того или другого непонятнаго ей явленія, можетъ передать дѣтямъ только свои вкусы. Отчужденіе отъ общественной жизни, сосредоточивая мысли на самомъ себѣ, на духовной своей сторонѣ, при недостаткѣ раціональныхъ свѣдѣній, ведетъ къ мистицизму и къ безсмысленному поклоненію всему непонятному. Если религія можетъ сколько-нибудь объяснить это непонятное, необразованный человѣкъ, обреченный жить исключительно своими интересами и нуждами,

становится фанатикомъ. Я считаю мусульманскіе серали и секретные покои въ домахъ правовѣрныхъ разсадниками изувѣрства, фанатизма, исключительности и тупоумія. Какъ бы, однако, ни была ограниченна правовѣрная голова какого-нибудь мусульманина, жена-самка, жена, не понимающая ничего, что дѣлается за предѣлами ея комнаты, не можетъ восполнить пустыхъ сторонъ его собственной жизни. Всякое обаяніе женскихъ прелестей должно пропадать для человѣка, имѣющаго полное право господина и повелителя на своихъ женъ. Отсутствіе разводовъ и излишнее количество правъ, даваемыхъ мужу надъ женой и у насъ весьма часто ведетъ къ несчастьямъ, безусловная же и полная власть надъ женой или, того хуже, надъ нѣсколькими женами должна привести къ такимъ именно результатамъ, которыхъ менѣе всего могли ожидать мусульманскіе законодатели.

Вмѣсто наслажденій семейною жизнью, многоженство и неограниченная власть мужа надъ женой должны были привести къ семейнымъ несчастьямъ, отсутствію семейнаго покоя и невозможности находить отдохновеніе и покой дома. Тиранъ не можетъ быть близокъ съ угнетаемымъ. Лакея нельзя имѣть повѣреннымъ и обличителемъ своего горя и никакъ нельзя дѣлиться съ нимъ своимъ горемъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ. Оттого мусульмане живутъ въ своемъ семействѣ только ночью. Днемъ же они убѣгаютъ изъ дому, который не только не даетъ имъ покоя, но и долженъ служить источникомъ безпокойствъ и омерзенія. Оттого всѣ удовольствія сартовъ именно внѣ семейнаго круга и идутъ въ разрѣзъ съ естественнымъ стремленіемъ мужчины къ женщинѣ.

День свой среднеазіатецъ въ большинствѣ случаевъ проводитъ слѣдующимъ образомъ:

Утромъ онъ отправляется на базаръ или въ караванъ-

сарай. Пробравшись между горами разбросанныхъ на дворѣ тюковъ, онъ подойдетъ къ «далялю», маклеру, и скажетъ ему что-то на ухо. Затѣмъ запуститъ руку въ мѣшокъ съ образчиками риса или цитварнаго сѣмени, внимательно разсмотритъ взятую горсть, раскуситъ нѣсколько зеренъ. Далѣе вытащитъ изъ большого тюка хлопчатую бумагу, пожуетъ ее и вытянетъ волокна по всей ихъ длинѣ. Потомъ разсмотритъ новопривезенную кисею изъ Индіи или ситецъ изъ Москвы. Замѣтивши, что ситецъ не третьяковскій, онъ усумнится въ его прочности. Разбитной московскій приказчикъ обидится за своего патрона; хлопая сворачиваемыми и разворачиваемыми кусками ситца, онъ станетъ растягивать матерію, тереть ее и докажетъ, какъ дважды два четыре, что этотъ товаръ не чета другому и что здѣсь, въ Азіи, никто не видалъ ничего подобнаго.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ и выкуривъ нѣсколько кальяновъ, среднеазіатецъ важно и не торопясь поѣдетъ въ свой складъ; тамъ онъ непремѣнно обдѣлаетъ выгодное дѣлишко.

Но вотъ разомъ, будто по командѣ, изо всѣхъ мечетей раздался гнусливый призывъ муэзиновъ къ пятисрочной молитвѣ. Заткнувъ свои уши и послѣдовательно поворачиваясь ко всѣмъ странамъ свѣта, муэзинъ, какъ-то фальшиво, дрожащею фистулою, вытягиваетъ приглашеніе начать молитву. Когда монотонные призывы муэзиновъ раздадутся надъ среднеазіатскимъ городомъ, всякій уважающій себя туземецъ спѣшитъ въ мечеть. Тамъ уже собралась толпа. Въ мечети тихо, мрачно и прохладно. Стоя въ нѣсколько рядовъ, правовѣрные шепчутъ молитвы и кладутъ беззвучные поклоны. Вошелъ богатый сартъ и, пройдя ряды молящихся, сталъ на нѣсколько шаговъ впереди. Картинно опускается онъ на колѣни и черезъ нѣсколько секундъ сзади стоящая толпа начинаетъ класть свои поклоны одновре-

менно съ поклонами сарта, стоящаго впереди. «Аллахъ Акбаръ»! Экзальтированный будто вырвавшимся изъ души шепотомъ бормочетъ мулла, внѣ себя протягивая руки впередъ, и шепотъ этотъ тихо вторится всею толпою.

Толпа выходитъ изъ мечети и зажиточные люди раздаютъ мелкую монету уродливымъ нищимъ, сидящимъ прижавшись къ стѣнкамъ мечети, которые во время молитвы занимались истребленіемъ на своемъ платьѣ паразитовъ.

Свершивъ все, что нужно гражданину и правовѣрному, туземецъ ѣдетъ домой упитываться пилавомъ, жирными пельменями, бараниной, тѣстомъ, сжареннымъ на бараньемъ жирѣ. Послѣ обѣда пріятели съѣзжаются вмѣстѣ. Теперь наступило время сплетенъ, по преимуществу политическаго содержанія. Кипчаки взбунтовались противъ Худояръ-хана кокандскаго; бухарскій эмиръ вооружается; у авганцевъ англичане стали обучать войска и прислали большія пушки; у дикокаменныхъ киргизовъ не все въ порядкѣ; джеримъ-падишахъ все учитъ солдатъ. Что-то неладно!

Все перебрано и рѣшено, а солнце все-таки еще стоитъ высоко и до ночи далеко. Что дѣлать? Гдѣ развлечься? И вотъ сартъ, съ закатомъ солнца, отправляется на праздникъ, гдѣ танцуютъ «бачи». Единственное развлеченіе сарта до того характеристично, что его мы опишемъ подробнѣе нѣсколько ниже.

Однажды вечеромъ, когда, сидя на нашей террасѣ, кутаясь отъ холода въ шубы, мы играли въ ералашъ, послышались какіе-то дикіе вопли и крики. По разспросамъ оказалось, что народъ собрался на праздникъ, который даетъ одинъ зажиточный сартъ, вслѣдствіе обрѣзанія его сына.

Окончивъ игру, мы отправились къ мѣсту веселья. По темнымъ и пустыннымъ улицамъ тишина прерыва-

лась только журчаніемъ арыковъ да лаемъ многочисленныхъ собачьихъ стадъ, бродящихъ здѣсь во множествѣ. Изрѣдка только насъ обгонялъ торопливо идущій на праздникъ сартъ, который приговаривалъ, будто нехотя: аманъ-біу. Но иногда тишина вдругъ прерывалась какими-то странными, чуть слышными воплями, за которыми слѣдовалъ дикій взрывъ крика и отдаленнаго шума.

У базара мы повернули налѣво и увидѣли вдалекѣ яркій огонь, горящій на нѣкоторой высотѣ и освѣщающій значительную толпу людей, плотно сбившихся въ одну кучу. Толпа волновалась, шумѣла и изрѣдка издавала какіе-то продолжительные вопли. Мы успѣли пройти въ самую ея середину, благодаря дорогѣ, которую съ готовностью очистили намъ сами сарты. Какой-то купецъ притащилъ и разостлалъ коверъ, на который мы и усѣлись. Толпа образовала посереднѣ кругъ, на одной сторонѣ котораго сидѣли на землѣ музыканты.

Первое впечатлѣніе, когда мы взошли въ середину круга, образованнаго толпою, было до того странно, до того непохоже на все, видѣнное нами съ малолѣтства, что нужно было нѣкоторое время, прежде чѣмъ собраться съ должнымъ вниманіемъ. Представьте себѣ превосходную, яркую, немного свѣжую ночь, чистое небо, покрытое звѣздами, и темную зелень густыхъ садовъ, нависшую надъ ровною площадкою, поднимающеюся фута на три надъ углубленной улицей. Представьте себѣ на этой площадкѣ толпу людей въ самыхъ оригинальныхъ для насъ костюмахъ,—халатахъ, бешметахъ, шубахъ, рубахахъ, большихъ чалмахъ, ермолкахъ (тюбетейкахъ) и мѣховыхъ шапкахъ. Посреднѣ толпы расчищено нѣкоторое пространство. У одной стороны круга сидитъ на землѣ музыка, состоящая изъ четырехъ бубновъ, сапелки и пары литавровъ разной величины и тоновъ. По кругу сидятъ, сложа ноги, нѣсколько ря-

довъ сартовъ, на которыхъ налегаетъ сзади густая толпа. За нею, на высокомъ шестѣ горитъ, заливая краснымъ мигающимъ свѣтомъ всю разнохарактерную толпу, въ большомъ горшкѣ масло, которое подливается весьма тщательно однимъ сартомъ, каждый разъ, когда ослабѣваетъ огонь. Около музыкантовъ стоитъ большое блюдо, наполненное горячими углями; на нихъ разогрѣвается кожа бубновъ, которая иначе не издаетъ надлежащаго звука. Бубны гудятъ не такъ, какъ наши, издающіе обыкновенно рѣзкій звукъ; здѣсь они какъ-то глухо гудятъ. Сапелка похожа на нашъ кларнетъ и издаетъ самые необычайные тоны, напоминающіе то скрипъ немазанной арбы, то ревъ верблюда, то какіе-то другіе, я сказалъ бы, чисто повседневные азіатскіе звуки. Подъ мѣрные удары, отчетливо выколачиваемые пальцами обѣихъ рукъ на краяхъ бубна, подъ хрипѣнье и вопли сапелки, подъ сухой бой литавровъ и однообразное хлопанье въ тактъ ладошами всей толпы, на очищенномъ пространствѣ танцуетъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, одѣтый въ красные панталоны и рубашку, на которую надѣтъ пестрый шелковый бешметъ, стянутый по тальѣ краснымъ кушакомъ. Онъ весьма красивъ. Его брови и щеки подкрашены. Движенья и танцы мальчика слишкомъ развязны и оригинальны, какъ и все, что мы видимъ теперь. Переставляя ноги такъ, что онъ дѣлаетъ повороты около себя, мальчикъ поочередно движетъ руками, помахивая спущенными на нихъ длинными рукавами рубашки. Поворачиваясь къ толпѣ, танцоръ оглядываетъ всѣхъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Иногда положеніе рукъ мѣняется, и вертящійся мальчикъ начинаетъ ихъ нести передъ собой, какъ наши ручные медвѣди, на которыхъ онъ въ то время еще болѣе походитъ, благодаря длиннымъ рукавамъ, висящимъ отвѣсно. Иногда мальчикъ продолжительно взглядываетъ на кого-нибудь. Видно, какъ-нѣсколько чело-

вѣкъ, приподнимаясь на колѣни, говорятъ ему что-то полушепотомъ и съ видомъ ухаживанья. Улыбаясь и отвѣчая иногда полусловомъ, нарцисъ продолжаетъ кружиться.

Но вотъ танцоръ учащаетъ тактъ. Бубны начинаютъ учащать свой бой, сапелка подымаетъ свои ноты до сильнаго визга, толпа хлопаетъ въ ладоши сильнѣе и чаще. Со всѣхъ сторонъ воодушевленіе усиливается. Музыканты какъ-то хитро начинаютъ подкидывать вверхъ свои бубны, не упуская, впрочемъ, ни одного такта; они приподнимаются на колѣни и усиливаютъ удары, подкидывая сильнѣе и сильнѣе бубны. Танецъ становится еще чаще; шаги вертящагося мальчика обращаются въ прыжки. Обѣгая толпу, пьянѣющую отъ восторга и усиливающагося возбужденія, танцоръ какъ-то шустро и остро окидываетъ всѣхъ своимъ электризующимъ взглядомъ. Музыканты, вертя бубнами, подданными вверхъ и впередъ, также наклоняются всѣмъ корпусомъ впередъ. Экстазъ не можетъ идти далѣе. Бубны и литавры будто прорвались отъ послѣднихъ сильныхъ ударовъ. Га! га! а а а! айя! айя! разражается общій восторгъ въ продолжительномъ воплѣ и ревѣ. Мальчикъ кидается въ середину круга и выкидываетъ странное колѣнцо, опрокидываясь нѣсколько разъ кругомъ себя. Какой-то сартъ, поднявши палку, обѣгаетъ толпу съ преувеличеннымъ выраженіемъ пьянаго восторга.

Музыка, и зрители, и мальчикъ утомлены. Крайнее напряженіе утихаетъ. Музыканты опять садятся, сложивши ноги и медленно, будто устало, подхлопываютъ въ бубны. Мальчикъ начинаетъ опять медленно вертѣться по кругу, несообразно размахивая рукавами рубашки и строя глазки важнѣйшимъ изъ зрителей. Таково, однако, извращеніе общества, держащаго взаперти своихъ женщинъ, что почетныя бороды таютъ подъ вліяніемъ магнетическаго взгляда мальчишки почти такъ

же, какъ наши поклонники хореографическаго искусства—подъ обаяніемъ многознаменательной улыбки какой-нибудь сильфиды. Можетъ быть, на вкусъ, сложившійся подъ вліяніемъ полового пресыщенія, нескладно танцующій мальчикъ долженъ производить наркотическое впечатлѣніе; можетъ быть, человѣкъ, смотрящій на женщину, какъ на созданіе низшаго разряда, какъ на свое имущество, долженъ имѣть извращенный вкусъ; во всякомъ случаѣ манера, которой выражаетъ свое эстетическое удовольствіе сартъ, смотрящій на танецъ бачи, очень похожа на европейскіе восторги людей, находящихся подъ обаяніемъ ножекъ питомицъ Терпсихоры.

Наконецъ уставшій мальчикъ садится около музыкантовъ. Ему сейчасъ же наливаютъ чай, который онъ пьетъ медленно и потихоньку, не такъ, какъ большинство его соотечественниковъ, считающихъ чай райскимъ нектаромъ, который имъ рѣдко приходится пить и въ силу этого имѣющихъ привычку осушать чашку разомъ. Музыканты тоже отогрѣваютъ свои бубны на огнѣ;—это антрактъ.

Но вотъ одинъ сартъ приноситъ на рукахъ какую то хорошенькую дѣвочку, лѣтъ десяти, и становитъ ее посрединѣ круга. Вамъ поясняютъ, что это тоже мальчикъ, только одѣтый дѣвочкой. При видѣ его, толпа начинаетъ неистово ревѣть и кричать. Когда вопли утихаютъ, становится слышно, что переряженный мальчикъ что то начинаетъ пѣть тихимъ голосомъ, подъ медленные удары бубновъ и литавровъ, что то монотонное, скучное, но характерное. Мальчикъ, не торопясь и продолжая пѣть, то подвигается впередъ къ музыкантамъ, то отступаетъ назадъ. Онъ ступаетъ въ тактъ бубнамъ и пѣснѣ особенною походкою, чѣмъ то среднимъ между шассе впередъ и важнымъ хожденіемъ трагическаго актера. Руки пѣвца постоянно работаютъ и каждая изъ нихъ по очередно движется то впередъ,

то назадъ. Музыка чрезвычайно странна. Вслѣдствіе всякаго отсутствія гармоніи, впечатлѣніе, производимое этимъ пѣніемъ на европейскаго слушателя, равносильно величайшему сумбуру. Вы не знаете, что хочетъ музыка и что она выражаетъ, хоть по временамъ улавливаете мелодію, иногда заунывную и грустную, иногда безтолково шумную, но, впрочемъ, вовсе не выражающую веселье. Послѣ нѣсколькихъ спѣтыхъ куплетовъ, мальчикъ начинаетъ пѣть громче и доходитъ по временамъ до сильнаго крика.

Вскорѣ соло замѣняется дуэтомъ, для чего одинъ изъ музыкантовъ начинаетъ подхватывать высокія ноты мальчика и отвѣчать ему. Въ этихъ отвѣтахъ онъ старается выразить крайне сильное чувство и энергію. То онъ болѣзненно зажимаетъ глаза, мотаетъ головой и съ послѣднею степенью страстнаго музыкальнаго усилія оканчиваетъ куплетъ, наклонившись къ плечу своего товарища, то выкрикиваетъ въ край бубна, который онъ крѣпко держитъ обѣими руками, и, должно быть, въ мѣстахъ, требующихъ особенной экспрессіи, вмѣстѣ съ инструментомъ, наклоняетъ лицо до самой земли, то выражаетъ голосомъ и мимикою какую то мучительную тоску и опрокидывается назадъ, точно умираетъ, подавленный либо невѣроятно сильнымъ горемъ, либо титановскою страстью, которой нѣтъ конца, границъ и выраженій.

Всѣ эти кривлянья до высшей степени комичны и преувеличенны, и, несмотря на нежеланіе обидѣть среднеазіатскіе вкусы, нельзя было сдерживать свою веселость, когда вниманіе останавливалось на пѣвцѣ, желающемъ убѣдить мимикою, какъ невѣроятно сильно онъ чувствуетъ. Однако, судя по лицамъ, всѣ присутствующіе были болѣе, чѣмъ довольны. Пѣніе мальчика съ музыкантами, изъ которыхъ каждый отвѣчалъ что-либо, продолжалось довольно долго и однообразно.

Мальчикъ все двигался впередъ и назадъ, помахивая руками.

Только въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ онъ подбѣгалъ къ которому-нибудь изъ музыкантовъ. Послѣдній, усиленно хлопая въ бубенъ, поднимался на колѣни и, смотря на мальчика въ упоръ въ глаза, начиналъ вмѣстѣ съ нимъ выкрикивать что то весьма громко въ открытый ротъ своего vis-à-vis. Иногда мальчику вторили всѣ музыканты вмѣстѣ, крича до того, что можно было опасаться за цѣлость ихъ грудей. Къ несчастью, мнѣ не могли передать подробно содержанія пропѣтыхъ пѣсенъ. Сказали только, что музыканты восхваляютъ красоту дѣвочки, которую представлялъ переодѣтый мальчикъ, а послѣдній, не забывая хвалить свою внѣшность и силу чувствъ, уничижался, говорилъ, что онъ ничтожность, червякъ и не заслуживаетъ подобныхъ похвалъ. Далѣе тотъ же мальчикъ-дѣвочка, предоставивъ кричать однимъ музыкантамъ, сколько имъ угодно, началъ, кокетливо размахивая руками въ обѣ стороны, пробѣгать по кругу. Потомъ выбѣжалъ на середину и сталъ ловко шевелить плечами и головой, въ тактъ музыкѣ и пѣнью, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ наши цыганки. Это было сдѣлано настолько ловко, что, вѣроятно, понравилось бы многимъ изъ посѣтителей «Новой Деревни». Послѣ танцовали оба мальчика вмѣстѣ, первый тоже переодѣтый въ дѣвочку, шевеля при этомъ плечами и выгибаясь назадъ, какъ баядерки или какъ танцовщицы качучи.

Тѣмъ праздникъ и кончился. Мы пошли домой и видѣли, какъ погасъ большой горшокъ съ горящимъ въ немъ масломъ. Но поручикъ Ахмыровъ, офицеръ изъ Оренбургскихъ татаръ, бывшій съ нами, пояснилъ, что теперь то, когда народъ разойдется по домамъ, и начинается настоящій праздникъ. Бачи зазываются тогда обыкновенно къ кому-нибудь въ домъ. Тамъ на ни-

зенькихъ столахъ разставляются подносы съ лакомствами и избранные гости разсаживаются кругомъ. Приходитъ музыка, начинаются опять пляска и пѣніе. Музыканты и бачи угощаются чаемъ и сластями, имъ дѣлаютъ цѣнные подарки, и пиръ иногда длится до слѣдующаго вечера. Ахмыровъ, какъ мусульманинъ, допускался на такіе кутежи. Онъ разсказывалъ, что если бачи подаютъ кому-нибудь чашку съ чаемъ, то удостоенный такой милости, какъ бы онъ ни былъ знатенъ, встаетъ и дѣлаетъ почтительный кулдукъ, сложивши руки. Ахмыровъ добавилъ, что здѣшнія женщины горько жалуются на страсть своихъ мужей къ подобному препровожденію времени. Онѣ разсказывали ему, что ихъ мужья пропадаютъ по цѣлымъ днямъ, тратятъ большія деньги, а иногда и проматываются на бачей.

Интересно, что жены правовѣрныхъ не остаются въ долгу у своихъ мужей. Онѣ также иногда собираются въ домъ какой-нибудь богатой женщины, одѣваютъ красивѣйшихъ дѣвочекъ мальчиками и заставляютъ ихъ плясать и пѣть. Какъ между мужчинами, такъ и между ихъ женами бачи обоихъ половъ возбуждаютъ привязанность, страсть, ревность, ссоры.

Другая выдающаяся черта осѣдлаго среднеазіата состоитъ въ склонности къ торговлѣ. Таджикъ или сартъ, какъ бы онъ не былъ знатенъ и богатъ, непремѣнно торгашъ, въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Будучи дѣятеленъ въ узкомъ масштабѣ среднеазіатской жизни, онъ неутомимъ въ надуваніи ближняго и въ накапливаніи денегъ. Трусливый по натурѣ, сартъ не побоится рисковать своею жизнью, если этотъ рискъ даетъ ему барышъ. Фаталистически равнодушно отправится онъ тогда съ караваномъ въ Индію, зная хорошо, что степь по сторонамъ большого пути въ Пешаваръ населена хищными племенами, у которыхъ грабежъ есть главное средство существованія. Съ грузомъ своихъ

товаровъ онъ проберется въ Нижній, Москву, Семипалатинскъ, во внутреннія провинціи Китая.

Сарты болѣе всего эксплуатируютъ киргизовъ. Ежегодно, вмѣстѣ съ приходомъ киргизскихъ родовъ на зимовки, у богатѣйшихъ ауловъ появляется переносная юрта прикащика какого-нибудь сарта изъ среднеазіатскаго города. Раздавая свой товаръ, приготовленный на киргизскую руку, подъ барановъ и скотъ будущаго приплода, эксплуататоръ беретъ за него въ нѣсколько разъ дороже его настоящей цѣны. Распродавъ въ кредитъ товаръ, прикащикъ спокойно возвращается къ хозяину съ отчетомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что долги почти никогда не пропадаютъ за киргизами. Къ осени этотъ долгъ соберется по ауламъ и гурты скота, полученнаго отъ киргизовъ, пригоняются къ городамъ для нагула.

Торговля караванная, степная и мелкая скупка и продажа товаровъ въ городахъ — вотъ ремесло каждаго осѣдлаго туземца. Караванъ-сараи и базары—суть мѣста, гдѣ типично высказываются ихъ склонности, образъ жизни и занятія. Тамъ въ надуваніи другъ друга проходитъ ихъ жизнь.

Медленно и неустанно копитъ деньги туземецъ и когда уже много русскихъ серебряныхъ рублей, китайскихъ ямбъ и золотыхъ бухарскихъ тиллей запрятано у него въ надежномъ мѣстѣ, сартъ или таджикъ, какъ подобаетъ истому мусульманину, подстрижетъ надъ губою усы, начнетъ ежедневно показываться въ мечети, начнетъ подкупать муллъ и все это для новыхъ, уже болѣе значительныхъ, торговыхъ операцій.

Страстная склонность къ стяжанію денегъ во что бы то ни стало, для того, чтобы, накопивши ихъ, запрятать пріобрѣтенный всѣми неправдами капиталъ въ надежное мѣсто, обыкновенно въ землю, составляетъ отличительную черту народовъ всѣхъ временъ, сломлен-

ныхъ деспотизмомъ. Евреи и греки, будучи едвали не самыми способными народами міра, не избѣгли этой язвы, потому что только однѣ деньги спасали ихъ отъ притѣсненій, давали независимость, положеніе, возможность дышать свободно. Потерявши въ погонѣ за деньгами свои гражданскія качества, эти народности спасли умъ, способности и бодрость духа помощью семьи, тѣсно соединенной съ своею главою.

У среднеазіатца нѣтъ такой семьи, которая дѣлала бы его человѣкомъ, хотя на то время, когда онъ возвратится домой, покончивши свои дневныя хлопоты. Оттого его жизненныя цѣли не осмысленны, тупы и узко эгоистичны.

Тому, впрочемъ, болѣе всего содѣйствуетъ разлагающая сила мусульманства.

Едвали въ настоящее время гдѣ-нибудь можно отыскать такихъ фанатическихъ и жаркихъ послѣдователей корана, какъ въ городахъ Средней Азіи. Со времени владычества Тамерлана и до послѣдняго времени всякій независимый владѣлецъ, путемъ самыхъ безобразныхъ насилій, подготовлялъ пунктуальную точность въ обрядномъ исполненіи постановленій корана и религіозную исключительность, которыя существуютъ и доселѣ у осѣдлаго населенія Средней Азіи. Коранъ и шаріатъ, по мнѣнію среднеазіатцевъ, все предвидѣли, предусмотрѣли, окончательно и безвозвратно рѣшили, какъ относительно политическихъ порядковъ, суда, податей, полиціи, такъ и относительно строя домашней жизни. Понимать вѣрно жизнь — значитъ знать коранъ и толкованія его святыми мужами.

Согласно тому, обученіе дѣтей начинается съ чтенія и выучиванія наизусть корана, который, будучи написанъ на арабскомъ языкѣ, не понимается ими. Обученіе считается оконченнымъ, когда молодой человѣкъ знаетъ читать и писать по персидски и когда, не переводя духа,

можетъ пробарабанить важнѣйшіе стихи корана. Дальнѣйшее образованіе состоитъ въ изученіи богословскихъ тонкостей, по толкователямъ корана. Очень ученый человѣкъ погружается въ изученіе шаріата, мусульманской многотомной юриспруденціи, основанной на коранѣ и религіозныхъ преданіяхъ, но не на обычномъ правѣ.

Большая часть дѣтей осѣдлыхъ среднеазіатцевъ посѣщаетъ школы, но результатъ этого обученія приводитъ къ твердому убѣжденію, что каждый малограмотный туземецъ умнѣе, честнѣе и человѣчнѣе ученаго.

Одинъ фактъ краснорѣчивымъ образомъ характеризуетъ интеллектуальное состояніе среднеазіатцевъ: у народа, который почти поголовно грамотенъ, нѣтъ совершенно никакой литературы, кромѣ богословской.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, станетъ понятна крайняя нетерпимость среднеазіатцевъ. Евреи и индусы, живущіе въ городахъ Туркестана, до прихода русскихъ, должны были ходить босикомъ, подпоясанные веревкою и не смѣли ѣздить верхомъ. Каждый христіанинъ, если онъ явился въ среднеазіатскій городъ не въ обществѣ побѣдоносныхъ штыковъ, былъ бы непремѣнно убитъ народомъ, проданъ въ неволю или пытками обращенъ въ мусульманство. Послѣднюю участь испытали въ Бухарѣ англичане Стоддартъ и Конноли, казненные, несмотря на то, что стали уже правовѣрными.

Распоряженія нашего правительства, которымъ сопровождалось вступленіе русскихъ въ каждый среднеазіатскій городъ, относительно уничтоженія пытокъ, тѣлесныхъ истязаній и смертной казни, встрѣчались съ ропотомъ и неудовольствіемъ.

Понятно, что народъ, который не смѣетъ думать иначе, какъ въ рамкахъ, указанныхъ кораномъ и охранителями послѣдняго, дикими деспотами, былъ совершенно обезличенъ. Теперь среднеазіатцу недоступна ни

одна свѣжая мысль и онъ окончательно потерялъ возможность и желаніе когда-нибудь измѣнить къ лучшему свою глухую, безнравственную, пошлую жизнь.

Принявъ за точку отправленія ту мысль, что всѣ недостатки и достоинства какого-либо народа суть не болѣе какъ вѣрный отпечатокъ его семейной и повседневной жизни, мы полагаемъ, что осѣдлыхъ туземцевъ Средней Азіи можно считать народомъ вымершимъ и совершенно неспособнымъ къ цивилизаціи.

Если среднеазіатцевъ предоставить себѣ, они сейчасъ же создадутъ деспота, который, дѣйствуя въ духѣ корана, шаріата и общественнаго пониманія, начнетъ опустошать сосѣднія владѣнія, затѣмъ, во славу Аллаха войны, ежедневно станетъ вѣшать на базарной площади всѣхъ несоблюдающихъ коранъ и рубить головы начальникамъ, не оправдавшимъ его надежды. Трупы послѣднихъ будутъ нѣсколько дней валяться на базарной площади, а рядомъ съ ними, на высокихъ шестахъ, выставятся, на радость толпѣ и во славу хана, головы плѣнныхъ «кяоровъ» и бунтовщиковъ.

Извѣстный русскій путешественникъ Велихановъ, посѣтившій Кашгаръ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ, что Валиханъ-Тюре, житель Коканда, успѣвшій неожиданно захватить у китайцевъ Кашгаръ въ 1857 году, воздвигнулъ пирамиду изъ человѣческихъ головъ на берегу рѣки Кызылъ. Составивъ ее изъ отрубленныхъ головъ преимущественно тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали успѣху его предпріятія, Валиханъ-Тюре тщательно старался объ увеличеніи воздвигнутаго имъ монумента. Въ эту пирамиду была, между прочимъ, сложена и голова извѣстнаго ученаго путешественника Адольфа Шлагентвейна, казненнаго въ Кашгарѣ, по приказанію Валихана-Тюре.

На другой день послѣ праздника бачей, утромъ были эквестрическія игры, все же въ честь обрѣзанія. Играли

въ кокъ-бурэ, причемъ сарты обнаруживали очень много ловкости. На этомъ праздникѣ присутствовали и разодѣтые въ пухъ и прахъ бачи на хорошихъ коняхъ. Около каждаго изъ нихъ стояла куча ухаживателей. Бачи держали себя чрезвычайно важно и сухо со всѣми окружающими, съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое естественно въ людяхъ, понимающихъ свое вліяніе и дающихъ себѣ настоящую цѣну.

Во время нашего пребыванія въ Чемкентѣ, туда пріѣхалъ изъ Ташкента Лерхе, бывшій помощникъ Черняева, во время губернаторствованія послѣдняго въ Туркестанской области. Лерхе, по смѣнѣ Черняева, находился въ Петербургѣ и во время пребыванія тамъ Крыжановскаго напросился состоять при немъ въ предполагавшейся экспедиціи. Но какъ только Лерхе пріѣхалъ въ Ташкентъ, Романовскій сталъ его всячески притѣснять и показывать ему видъ, что онъ лишній. Дѣло дошло до того, что Романовскій устроилъ такъ, что его выслали назадъ въ Петербургъ.

Лерхе, по донесенію Черняева, взялъ Чемкентъ, за что и былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ и чиномъ полковника. Вотъ его разсказъ о штурмѣ 22 сентября.

18 сентября русскія войска подошли къ Чемкенту со стороны Ауліе-ата. Черняевъ выбралъ мѣсто для батареи и траншей въ разстояніи четырехсотъ саженей, не болѣе. Ночью управлявшій инженерными работами князь Тумановъ началъ работы, не дойдя ста саженъ до мѣста, указаннаго начальникомъ отряда, такъ что съ разсвѣтомъ всѣ съ удивленіемъ увидѣли, что ядра осадныхъ батарей не долетаютъ до непріятельскихъ траншей. Дѣло было непоправимо. Несмотря на то, однако, артиллерія поддерживала весьма частую пальбу, такъ что къ концу третьяго дня осады сталъ чувствоваться недостатокъ въ снарядахъ. Попробовали запрудить Кашкарату, изъ

которой городъ получаетъ воду. Но первыя же изслѣдованія въ этомъ отношеніи показали невозможность исполнить это намѣреніе, вслѣдствіе быстраго паденія обильной водой Кашкараты и близости рудниковъ, изъ которыхъ начинается ручей, къ передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Между тѣмъ кокандцы ободрились и вывели контръ-апроши отъ высоты, на которой стоитъ теперь русская слободка, на сѣверѣ отъ исходящаго угла крѣпости, и показывали намѣреніе упрямо защищаться.

Черняевъ собралъ военный совѣтъ. Уныніе было страшное,—разсказывалъ Лерхе; самые бойкіе люди, которыхъ считали очень смѣлыми, молчали и только марали лежащую передъ ними бумагу карандашемъ. Я посовѣтовалъ штурмовать.—Чортъ знаетъ, что это такое, говорилъ Черняевъ, послѣ того, какъ мы разошлись, лѣзутъ съ совѣтами, когда ихъ не просятъ, а когда просятъ совѣта, такъ молчатъ. Рѣшено штурмовать 22 сентября въ двѣнадцать часовъ, со стороны Туркестана. Для этого войска стали переходить на новую позицію.

Полагая, вѣроятно, что русскіе отступаютъ, кокандская пѣхота вывезла два орудія изъ крѣпости и стала дѣйствовать ими по тремъ или четыремъ ротамъ, оставшимся на прежней позиціи. Наконецъ они сдѣлали вылазку. Роты извѣстнаго 8-го батальона, народъ по преимуществу беззавѣтной храбрости, кинулись изъ траншей на сарбазовъ въ штыки. Послѣднимъ нельзя было подняться на высоту, отъ которой они были отдѣлены глубокимъ и вязкимъ Кашкаратомъ, почему они ударились въ городъ. Пѣхота преслѣдовала ихъ неотступно и въ самыхъ воротахъ крѣпости завязался кровопролитный рукопашный бой. Лерхе прискакалъ къ мѣсту схватки и принялъ командованіе надъ молодцами. Черняевъ повернулъ остальныя войска и послалъ ихъ въ помощь дерущимся.

Заваливъ всѣ ворота трупами заколотыхъ сарбазовъ, пѣхота ворвалась наконецъ въ Чемкентъ. Прискакали два орудія и проѣхали по горѣ труповъ и раненыхъ, ломая кости и разрывая мясо. Лерхе, впрочемъ, и всѣ, бывшіе при штурмѣ, говорили, что это была страшная картина, тѣмъ болѣе, что полъ высоты крытыхъ воротъ было завалено живыми, т. е. ранеными. Послѣ того, какъ по этой живой громадѣ прошла артиллерія въ сосѣдній арыкъ побѣжалъ ручей крови. Кокандцы въ ужасѣ бѣжали по городу, сбрасывая свою красную форму, чтобы быть неузнанными. Наши освирѣпѣвшіе солдаты прошли на штыкахъ весь городъ.

— По окончаніи штурма, говоритъ Лерхе, когда городъ былъ совершенно очищенъ, я просилъ Черняева дать солдатамъ «погулять» двадцать четыре часа, что онъ и исполнилъ. Но гулянье приняло самые ужасающіе размѣры. Черняевъ сдѣлалъ въ цитадели фальшивую тревогу и этимъ успѣлъ кое-какъ собрать людей.

Черезъ два дня Черняевъ объѣзжалъ городъ. Тамъ, гдѣ рѣка Кашкарата протекаетъ городъ, въ садахъ есть мельница. Офицеръ его свиты, артиллеріи поручикъ Медынскій, замѣтилъ двухъ сартовъ, которые спрятались въ брызгахъ мельничнаго колеса, стоя по горло въ водѣ. Дрожавшихъ и блѣдныхъ, ихъ насилу успѣли вызвать оттуда, чтобы ободрить. Впрочемъ, Черняевъ своимъ благородствомъ, дѣятельностью и заботою о благосостояніи города заставилъ жителей забыть штурмъ 22-го сентября. Постоянное пребываніе двухъ съ половиною тысячнаго отряда дало возможность жителямъ Чемкента обогатиться русскими деньгами, хотя, впослѣдствіи, взятіе Ташкента и перенесеніе туда штабъ-квартиры отозвалось очень невыгодно на чемкентской торговлѣ.

Въ Чемкентѣ я работалъ очень хорошо. Бывали дни, что за разспросами у почетныхъ лицъ города про

городскіе порядки проходило все время. Вотъ результатъ этихъ разспросовъ. Въ Чемкентѣ существовали слѣдующія должности:

Казы—судьи. До взятія города русскими, въ Чемкентѣ было двое казы, въ томъ числѣ одинъ казы-келямъ. Городъ, по судебнымъ дѣламъ, раздѣлялся на двѣ части, изъ которыхъ въ каждой юрисдикція принадлежала одному казы. По взятіи города, одинъ казы, Мулла-Марка-Ахунъ, сосланъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Алматы, какъ ненадежная личность. (Ахунъ-духовное званіе, соотвѣтствующее нашему бакалавру.) Другой казы бѣжалъ въ Ташкентъ. На мѣсто обоихъ назначенъ одинъ казы, которому и подчиненъ въ судебномъ отношеніи весь городъ. Казы, при кокандскомъ правительствѣ, выбирались народомъ и утверждались хакимомъ или бекомъ. Казы вѣдали всѣми тяжебными и спорными дѣлами. Въ полицейскомъ отношеніи они имѣли тоже свою дозу власти, какъ будетъ объяснено ниже.

Въ настоящее время, по прочтеніи казіемъ жалобы, написанной истцу муфтіемъ, санкціонирующимъ тѣмъ справедливость просьбы или, вѣрнѣе, право обжалованія, отвѣтчикъ вызывается либо черезъ аксакала, либо, если онъ не слушаетъ казы, черезъ русскія власти.

Прежде, при кокандцахъ, по каждому дѣлу казы нанималъ джигита на разсылки. Издержки на наемъ разсыльнаго клались на виновнаго, согласно опредѣленію казы. Въ маловажныхъ дѣлахъ вызывали истца при оказіи, иногда черезъ аксакала, а иногда, минуя исполнительную власть, просто отъ себя.

Дѣла разбирались по шаріату. Если истецъ и отвѣтчикъ недовольны рѣшеніемъ дѣла, они могутъ обратиться къ другому казы. Апеллировали на неправильность рѣшенія Чемкентскому беку. Апеллирующій передъ тѣмъ, какъ идти къ нему, выбиралъ обыкновенно адвокатовъ или ходатаевъ по своему дѣлу. Бекъ раз-

биралъ тогда дѣло передъ цѣлымъ народомъ. Ходатаи представляли это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, а казы долженъ былъ переспросить виновнаго при бекѣ и потомъ говорить, почему онъ полагаетъ такое или другое рѣшеніе. Въ случаѣ невѣрности рѣшенія, зависящей отъ тупости или непониманія шаріата, казы смѣняется и теряетъ право быть когда-либо судьей. За взятку казы, кромѣ того, наказывался тѣлесно или убивался. Въ шаріатѣ сказано: «да будетъ проклятъ тотъ, кто дастъ взятку и возьметъ ее». Въ случаѣ, если послѣ апелляціи казы останется правымъ, принесшій на него жалобу наказывается независимо отъ отвѣтственности по судебному дѣлу.

Дѣла полицейскія, мелкіе проступки противъ гражданскихъ законовъ и религіи рѣшалъ, такъ же какъ и въ Туркестанѣ, раисъ.

По всѣмъ дѣламъ порука или представленіе двухъ свидѣтелей считается достаточнымъ. Рѣшеніе дѣлъ третейскимъ судомъ не отвергается шаріатомъ. Если обѣ тяжущіяся стороны согласны на рѣшеніе третейскимъ судомъ, то онѣ обыкновенно идутъ въ мечеть, когда тамъ народъ въ сборѣ, и тутъ же приносятъ жалобу выбранному лицу. Въ случаѣ несогласія на рѣшеніе третейскаго судьи, жалоба переносится къ казы.

Казы-келямъ, гдѣ онъ есть, не болѣе, не менѣе, какъ старшій казы. Онъ отличается отъ послѣднихъ тѣмъ, что долженъ быть ученымъ. Въ сложныхъ юридическихъ вопросахъ къ нему обращаются за совѣтомъ прочіе казы. Къ казы-келяму обращаются непосредственно и просители, но въ этомъ случаѣ не платятъ деньги за рѣшеніе своего дѣла. Простой казы получаетъ двадцать, тридцать копѣекъ за рѣшеніе или, какъ говорятъ, за печать. Казы-келямъ же есть единственный судья отъ короны и обыкновенно получаетъ триста, четыреста тилля въ годъ.

Число казы неопредѣленно и зависитъ какъ отъ количества дѣлъ, такъ и отъ воли народа. Въ Чемкентѣ и Сайрамѣ теперь по одному казы, а было по два. Въ первомъ, вмѣсто двухъ, поставленъ одинъ казы русскими; во второмъ было тоже два, но теперь, по смерти одного изъ нихъ, народъ объявилъ, что ему довольно одного казы. Въ большей части случаевъ казы столько же, сколько аксакаловъ. Въ Манкентѣ два казы; въ Карамуртѣ и Карабулаки — по два; въ Султарабадѣ и Ялгалыкѣ — одинъ на оба города. Вслѣдствіе того, что въ Чемкентѣ былъ казы-келямъ, теперь уничтоженный русскими, казы шести поименованныхъ городовъ подчинены чемкентскому казы и совѣтуются съ нимъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

При кокандскомъ владычествѣ бывали съѣзды судей всѣхъ семи городовъ въ Чемкентѣ. Эти съѣзды бывали въ неопредѣленные сроки либо для рѣшенія дѣлъ по тяжкимъ преступленіямъ, либо въ случаяхъ, требующихъ обсужденія новыхъ постановленій, проектируемыхъ правительствомъ. Съѣзды происходили подъ предсѣдательствомъ чемкентскаго бека и на нихъ рѣшительный голосъ имѣлъ казы-келямъ.

Шейхъ-исламъ—духовная должность, покровитель газызовъ (газызъ—святой сирота), т. е. потомковъ Магомета и другихъ святыхъ. Въ Чемкентѣ живутъ потомки Магометъ - Дервишъ - Ата, потомка, въ свою очередь, Магомета. Назначеніе шейхъ-ислама вѣдать сборами въ пользу мечетей и газызовъ и молиться. Въ собраніяхъ властей онъ сидитъ на первомъ мѣстѣ, но гражданскихъ обязанностей не имѣетъ. Шейхъ-исламъ выбирался ханомъ изъ старшихъ потомковъ Магомета, живущихъ въ извѣстномъ городѣ.

Муфтій соотвѣтствуетъ вмѣстѣ нашему юрисконсульту, прокурору и ходатаю по дѣламъ. Его обязанность прежде всего редактировать всѣ просьбы къ казы.

Предварительно муфтій долженъ справиться въ какой степени вѣрна просьба и въ какой степени допускается шаріатомъ просить о томъ или другомъ обстоятельствѣ и уже потомъ составляетъ истцу прошеніе. Если просьба, редактированная муфтіемъ, невѣрна, то у него отбирается печать. Муфтій не избирался народомъ. Онъ долженъ быть непремѣнно ученъ, т. е. кончить курсъ въ высшемъ медрессе. Изъ числа подобныхъ лицъ одинъ избирался чемкентскимъ бекомъ и утверждался въ званіи муфтія бекомъ Ташкента. Если казы затрудняется рѣшеніемъ какого-нибудь дѣла, онъ долженъ обратиться къ муфтію съ вопросомъ, гдѣ и въ какомъ юридическомъ сочиненіи сказано о подобномъ случаѣ. Отвѣтъ муфтія снимаетъ съ судьи отвѣтственность за рѣшеніе дѣла и послѣ того вся отвѣтственность падаетъ на муфтія. Послѣдній можетъ также протестовать противъ невѣрнаго рѣшенія судьи; въ такомъ случаѣ, если послѣдній, несмотря на это, стоитъ на своемъ, дѣло переносится на рѣшеніе бека обыкновеннымъ апелляціоннымъ порядкомъ. Въ собраніи властей муфтій сидитъ выше всѣхъ казы. Муфтіевъ въ Чемкентѣ — четыре, въ Сайрамѣ—два, Манкентѣ—два. Больше изъ семи городовъ (джитыкентѣ) нѣтъ нигдѣ. Муфтій беретъ за написаніе просьбы или за печать отъ пяти до сорока копѣекъ и гораздо болѣе, смотря по важности дѣла.

Дѣла полицейскія, мелкіе проступки противъ закона и особенно религіи рѣшалъ *раисъ*, т. е. полицмейстеръ. Раисъ назначался бекомъ. Его обязанность состояла прежде въ наблюденіи за вѣсами на базарѣ и чистотою улицъ. Онъ опредѣляетъ таксу жизненнымъ продуктамъ, смотритъ за исправностью мостовъ, дорогъ, арыковъ на территоріи города. Прежде деньги на починку дорогъ отпускались казною. Раисъ получалъ ихъ, нанималъ рабочихъ и распоряжался работами. Если на базарѣ кто сплутуетъ или, вообще, если раисъ узнаетъ

про нарушеніе кѣмъ-либо шаріата, то онъ приводитъ провинившихся къ казы. Смотритъ за исполненіемъ всѣми своихъ религіозныхъ обязанностей, согласно правиламъ, предписаннымъ кораномъ. За пьянство, нехожденіе въ мечеть, несоблюденіе религіозныхъ обрядовъ, раисы наказывали ударами *дора* (особенная длинная нагайка). За первый проступокъ они сами давали провинившемуся три удара дора, за второй — сорокъ, за третій — восемьдесятъ безъ одного. Послѣ третьяго проступка провинившійся приводился къ казы, который разбиралъ дѣло и опредѣлялъ наказаніе по шаріату. Раисъ наблюдаетъ также, чтобы всѣ дѣти въ городѣ ходили бы въ школы своего прихода.

Аксакалы по назначенію начальства выбираются изъ самыхъ вліятельныхъ, а иногда и богатыхъ людей извѣстнаго квартала. Исполняютъ эту должность до смѣны ихъ начальствомъ же. Обязанность аксакала состоитъ въ непосредственномъ полученіи приказаній отъ начальства города, прежде кокандскаго, а теперь русскаго, сборѣ верблюдовъ съ города подъ военныя тяжести (при кокандскомъ правительствѣ аксакалъ Чемкента сбиралъ верблюдовъ и съ ближайшихъ киргизскихъ родовъ). Аксакалъ, въ предѣлахъ подчиненной ему части города, имѣетъ право требовать отъ раиса, чтобы улицы были чисты. Кокандское правительство, въ случаѣ войны или экстренныхъ расходовъ, налагало на города и кочевниковъ произвольныя и нерегулированныя подати. Собрать назначенную сумму, равно какъ и поставить подводы, было дѣломъ аксакала.

Для раскладки какого-нибудь расхода между жителями города, по искони заведенному обычаю, всѣ жители раздѣляются на три категоріи: богатыхъ, средняго состоянія и бѣдныхъ. Если бы пришлось городу Чемкенту внести девятьсотъ тилля, то богатые, по словамъ сказавшихъ намъ это почетныхъ гражданъ города, за-

платили бы будто бы въ сложности четыреста пятьдесятъ тилля, лица средняго состоянія—триста, а бѣдные вмѣстѣ—полтораста тилля. Раскладку производятъ аксакалы подъ контролемъ всѣхъ лицъ, не платящихъ никакихъ податей, т. е. должностныхъ лицъ и потомковъ Магомета.

Аксакаловъ въ Чемкентѣ — два. До взятія Чемкента аксакалы завѣдывали пятью стами домовъ, теперь—тремя стами. Уменьшеніе произошло вслѣдствіе эмиграціи послѣ взятія города Черняевымъ и истребленія многихъ домохозяевъ во время штурма. Еслибы по раскладкѣ аксакалъ не могъ бы получить съ кого-нибудь слѣдующія съ него деньги, или еслибы кто-нибудь не послушалъ аксакала во время исполненія имъ своего долга, то послѣдній представляетъ провинившагося или неаккуратнаго плательщика казы. У аксакаловъ есть разсыльные. Жалованья они при кокандскомъ правительствѣ не получали; вмѣсто него имъ отдавалась часть сборовъ, по усмотрѣнію бека.

Аксакалы, въ свою очередь, обдаривали разсыльныхъ. Въ Сайрамѣ три аксакала; въ Манкентѣ — одинъ аксакалъ; въ Карабулакѣ — два; въ Карамуртѣ — одинъ (одинъ смѣненъ и не замѣщенъ); въ Ялгалыкѣ и Султанрабадѣ по одному.

Серкеромъ называется сборщикъ податей. Объ обязанностяхъ его, какъ сборщика, будетъ сказано ниже, гдѣ дѣло касается до податей. Кромѣ сбора податей, серкеръ завѣдуетъ въ Чемкентѣ спорными дѣлами по арыкамъ, какъ этого города, такъ и всѣхъ окрестныхъ шести городковъ. Такимъ образомъ, если между городскими жителями возникаютъ поземельные споры (т. е. о землѣ и водѣ), онъ долженъ разобрать ихъ. Точно также онъ обязанъ разбирать жалобы на арыкъ-аксакала, если послѣдняго будутъ обвинять въ неправильномъ распредѣленіи воды. Если жители, спорящіе о землѣ

или водѣ будутъ, впрочемъ, недовольны рѣшеніемъ серкера, они имѣютъ право обращаться къ казы. Въ важныхъ случаяхъ, превосходящихъ права полицейскаго разбирательства, предоставленныя серкеру, послѣдній самъ приглашаетъ казы для рѣшенія возникшаго дѣла. Если городскія пашни начали бы страдать отъ того, что киргизы, живущіе при выходѣ изъ горъ тѣхъ рѣкъ, которыя орошаютъ чемкентскія поля, отвели бы на свои пашни всю воду и тѣмъ лишили бы городскихъ жителей воды, послѣдніе обращаются съ жалобой къ серкеру. По существующему обычаю, въ подобныхъ случаяхъ серкеръ беретъ человѣка или нѣсколько людей у коменданта и пускаетъ воду, задержанную киргизами. Серкеръ назначался начальствомъ, съ апробаціи народа, изъ людей вліятельныхъ и богатыхъ.

Арыкъ-аксакалы назначаются для завѣдыванія водою и распредѣленія орошенія по городскимъ пашнямъ. Они выбираются народомъ. Должность арыкъ-аксакала, хотя и совершенно необходимая, но не гласная, потому арыкъ-аксакалы, при кокандскомъ правительствѣ, не утверждались властями. Арыкъ-аксакалы всѣхъ семи городовъ состоятъ въ зависимости отъ чемкентскаго серкера, какъ сказано выше. Объ обязанностяхъ ихъ будетъ сказано ниже. Арыками чемкентскихъ пашенъ завѣдуютъ шесть аксакаловъ; впрочемъ, арыки, проходящіе черезъ самый городъ, не входятъ въ то число и за чистотою ихъ смотритъ городской аксакалъ. Изъ числа полевыхъ арыковъ города Чемкента: Янцай, Темиръ, Чокай, Боканатъ, Кунту, проведенные изъ рѣки Бадамы, состоятъ въ вѣдѣніи одного арыкъ-аксакала. (Выше городскихъ земель киргизы пользуются водою изъ той же рѣки Бадамы). Кошъ-Тыгерменъ-Арыкъ (изъ рѣкъ Бадамы и Кашкарата), Сасыль-арыкъ (изъ Бадамы), Алтынъ-Тюне (изъ Бадамы) завѣдуются каждый особеннымъ арыкъ-аксакаломъ, потому что эти арыки велики и орошаютъ

много полей. Мунглыкъ—одинъ арыкъ-аксакалъ; Канка (изъ рѣки Сайранъ-су) одинъ аксакалъ. Въ городъ собственно вода проведена изъ Кашкарата. Въ рабочее время, когда вода пускается на пашни, арыки города наполняются только самымъ необходимымъ для жителей количествомъ воды, такъ что тогда въ дворахъ и на улицахъ воды не такъ много, какъ осенью и зимою.

Караванъ-башъ (базаръ-башъ)—собственно полицмейстеръ базара. Его обязанности относительно базара тѣ же, какія у серкера относительно полевыхъ арыковъ и поля. Смотритъ за чистотою на базарѣ, приказываетъ поливать его водой и посыпать мелкимъ камнемъ. Смотритъ за исправностью мостовъ, если они есть на базарѣ. Наблюдаетъ, чтобы съѣстные припасы и мясо были свѣжи. Если онъ поймаетъ кого на базарѣ въ плутнѣ или если тамъ случится серьезная ссора, которую прекратить полицейскимъ разбирательствомъ онъ не можетъ, то базаръ-башъ отводитъ виновныхъ къ раису. Кокандскія власти поручали обыкновенно базаръ-башу покупать на себя и гарнизонъ дрова и сѣно. При кокандцахъ же съ базара существовалъ особенный сборъ. Власти, угрожая постоянно закрыть базаръ и перенести его въ другой городъ, сбирали ежегодно съ купцовъ произвольную сумму. Въ Чемкентѣ и Сайрамѣ сбирали такимъ образомъ ежегодно не менѣе, какъ по тысячи рублей. Эти деньги сбирались исключительно съ купцовъ, пропорціонально средствамъ каждаго, для чего купцы распредѣлялись на три категоріи по состоянію. Когда базаръ-башъ приносилъ эти деньги беку, послѣдній давалъ ему подарокъ: халатъ, деньги или что другое.

Дуванъ-беки чиновники, поставленные чемкентскимъ серкеромъ для того, чтобы слѣдить въ каждомъ изъ шести городовъ за сборомъ земледѣльческихъ продуктовъ, съ которыхъ полагается подать.

Далаль или базарный факторъ, неимѣющій офи-

ціальнаго характера; онъ сводитъ за извѣстную плату купца съ продавцомъ.

Вообще всѣ чиновники, кромѣ казы-келяма, не получали жалованья; зато ни съ кого изъ нихъ не брали податей. Кромѣ того, кокандскія власти ежегодно давали всѣмъ служащимъ подарки, иногда довольно цѣнные. Съ другой стороны жители городовъ, смотря по уваженію, желанію и средствамъ, давали каждому чиновнику подарки по большимъ праздникамъ. Прежде, когда Чемкентъ былъ еще независимъ отъ Коканда, всѣмъ, здѣсь служащимъ, было опредѣлено отъ города содержаніе; но кокандцы, взявши Чемкентъ съ шестью городами подъ свою власть, уничтожили содержаніе. Нѣкоторые чиновники имѣютъ, впрочемъ, законные доходы. Съ каждаго брака сороковая доля имущества молодыхъ шла, за опись имущества, въ пользу казы, муфтія и раиса поровну. Аксакаламъ даютъ и теперь всѣ жители «по охотѣ».

Территорія, принадлежащая городу, заключаетъ въ себѣ земли троякаго рода: принадлежащія отдѣльнымъ личностямъ на правѣ потомственнаго владѣнія; собственно городскія земли и наконецъ казенныя или, вѣрнѣе, не принадлежащія никому, по невозможности обработывать ихъ за неимѣніемъ воды.

Земли, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, обносятся со всѣхъ сторонъ валиками. Какимъ образомъ эти земли перешли въ полное ихъ владѣніе, куплею ли у города, подаркомъ ли хана, захватомъ или вслѣдствіе продолжительности пользованія,—почетные люди Чемкента не могли намъ пояснить. «Отъ Адама досталась имъ эта земля»,—вотъ всѣ историческія указанія, которыя они намъ дали на наши вопросы. Земля, принадлежащая лицамъ, большею частью находится въ ближайшихъ окрестностяхъ города. По Туркестанской дорогѣ отдѣльныя дачи идутъ до первыхъ таловъ, а

далѣе будетъ общественная земля; къ Ауліе-ата—версты на двѣ; къ рѣкѣ Бадаму верстъ на пять. Съ другихъ сторонъ города нѣтъ земель, принадлежащихъ лицамъ. Большая часть владѣльцевъ имѣетъ документы на право владѣнія; другіе ихъ не имѣютъ, но всѣ знаютъ, какой участокъ принадлежитъ имъ и съ ними заключаютъ акты на пріобрѣтеніе участковъ, имъ принадлежащихъ. Земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, оставшись вымороченными, по шаріату должны поступать въ казну. Кварталы, разоренные штурмомъ, брошены. Но владѣльцы мѣстъ подъ дома большею частью живутъ у своихъ родственниковъ. Послѣ штурма они лишились всего и, чтобы существовать, продавали на топливо свои сады и лѣса домовъ; оттого ихъ дома разрушились. Имена сиротъ, оставшихся отъ родителей, убитыхъ во время штурма, извѣстны и имъ составлена опись.

Общественными землями пользуются всѣ жители города, желающіе заниматься земледѣліемъ. Съ этою цѣлью всѣ жители города группируются въ коши. Кошемъ называется пара рабочихъ воловъ съ земледѣльческимъ орудіемъ и рабочимъ. Есть богатые люди, имѣющіе нѣсколько кошей, и есть такіе, которые собираются въ числѣ двухъ, трехъ и болѣе хозяевъ для составленія одного коша. Вся общественная земля дѣлится на такое количество участковъ, сколько кошей въ городѣ. Каждый такой участокъ тоже называется кошемъ и можетъ быть обработанъ однимъ воловымъ кошемъ, если животныя хороши. Его величина равняется обыкновенно десяти танапамъ (одинъ танапъ — шестьдесятъ квадратныхъ аршинъ и пятнадцать вершковъ). На кошевомъ участкѣ можно хорошими волами посѣять полтора батмана (батманъ—десять съ половиною пудовъ) проса или четыре батмана пшеницы.

Весною, передъ наступленіемъ работъ, арыкъ-аксакалы ходятъ по городу и зовутъ жителей на расчистку

и исправленіе арыковъ, предназначенныхъ орошать очередное поле. Всѣ жители, желающіе принять участіе въ дѣлежѣ полей, высылаютъ по указанному направленію воловъ и рабочихъ. Потомъ приступаютъ къ самому дѣлежу земли. Каждый воловый кошъ, расчищавшій арыки, имѣетъ право на одинъ земельный кошъ, на которые и раздѣляется земля по числу участвовавшихъ на работахъ воловыхъ кошей. Для дѣлежа народъ собирается въ полѣ. Земельные коши раздаются по жребію владѣльцамъ воловыхъ кошей. Жребій трясутъ арыкъ-аксакалы. Для того же, чтобы они не плутовали, они мечутъ жребій въ присутствіи городского аксакала и серкера. Такимъ образомъ городская земля дѣлится между жителями пропорціонально количеству воловъ и рабочихъ, имѣюшихся у каждаго. Если бы, впрочемъ, образовалась артель нѣсколькихъ лицъ для проведенія на пустопорожнія земли новаго арыка, то земля, обращенная такимъ образомъ въ плодородную, дѣлится между артельщиками пропорціонально количеству кошей, выставленныхъ каждымъ.

Черезъ каждые три года бываетъ передѣлъ земель, такъ какъ послѣ трехъ лѣтъ хлѣбъ родится на одной и той же пашнѣ дурно. Если при этомъ число кошей увеличилось, а воды оказывается недостаточно для того, чтобы орошать участки, которые слѣдовало бы прорѣзать, то кошъ каждаго уменьшается такъ, чтобы можно выдѣлить требуемое количество кошей, не увеличивая пространства пашенъ. Если число кошей не увеличилось, то каждый получаетъ тотъ участокъ, который онъ обработывалъ три года тому назадъ.

Каждый имѣетъ право развести садъ на кошевомъ участкѣ, доставшемся ему по раздѣлу земель, или посѣять джумурчку, которая растетъ восемь лѣтъ. Послѣ того, когда черезъ три года всѣ перейдутъ на новыя пашни, тому, кто развелъ садъ, пускается немного воды.

Въ этомъ случаѣ, при новой раздачѣ земель, владѣлецъ сада или поля съ джумурчкой долженъ взять участокъ, гдѣ разведено то или другое. При увеличеніи числа кошей, когда количество пахатной земли остается то же самое, владѣлецъ сада или джумурчки, разведеннаго на общественныхъ земляхъ, долженъ либо отрѣзать пропорціональный кусокъ, либо приплачивать, кому будетъ назначено, деньги.

Слѣдовательно, порядокъ владѣнія городскими землями есть общинный, въ которомъ предпочтеніе дается богатымъ. Этотъ порядокъ владѣнія обусловливается невозможностью провести арыкъ силами одного человѣка, а безъ ирригаціонной, правильно поддержанной системы земля здѣсь не даетъ ничего.

Третій видъ городскихъ земель не принадлежитъ никому или принадлежитъ казнѣ. Впрочемъ, оросивши эту землю, многіе начинаютъ обработывать ее и даже передаютъ свои участки по наслѣдству. Но продать такую землю никто не можетъ.

Въ остальныхъ шести городахъ порядокъ владѣнія землями тотъ же, что въ Чемкентѣ. Такимъ образомъ, и тамъ существуютъ земли, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ на правѣ собственности, общественныя, подѣленныя на коши, пользоваться которыми имѣютъ право пропорціонально своимъ «силамъ», какъ говорятъ сарты, и пустопорожнія, изъ которыхъ нѣкоторые начинаютъ уже подниматься.

Земли города Чемкента простираются отъ Кашкарата до того мѣста, куда хватитъ вода; отъ Сайрамскихъ земель по Бадаму пять верстъ; отъ Канка до того мѣста, куда дойдетъ вода. Киргизы кочуютъ по ту сторону Бадамы и поземельные съ ними споры рѣдки. Киргизы имѣютъ право кочевать въ предѣлахъ чемкентской территоріи по дорогамъ, когда же хлѣбъ собранъ, то могутъ перекочевывать и по городской

землѣ, даже останавливаться на ней не на долгое время.

Для пастьбы скота нанимается пастухъ за извѣстную плату отъ города. Впослѣдствіи каждый владѣлецъ скотины платитъ по раскладкѣ пропорціонально количеству скота, принадлежащаго ему. Обыкновенно съ рогатой головы платятъ три черика (черикъ шесть съ половиной фунт.) пшеницы за лѣто или одинъ коканъ (двадцать к. с.). Пастухъ не обязывается при этой цѣнѣ отвѣчать за пропажу скотины. Въ Чемкентѣ пять воротъ и пять частей; каждая имѣетъ свой выгонъ. При потравахъ скотиною полей заставляютъ платить пастуха; если же скотина вышла на пашню не изъ стада, а изъ дома, то хозяина. Потрава свидѣтельствуется депутатами отъ земледѣльцевъ.

При кокандскомъ правительствѣ *подати и повинности* были довольно разнообразны. Были подати регулярныя, въ формѣ хераджа и танапъ, были и грабительскія, въ образѣ разныхъ поборовъ.

Хераджъ, или налогъ на земледѣліе, составлялъ при кокандскомъ правительствѣ пятую долю всего урожая. Кромѣ того, сбирали пять кокановъ съ танапа земли, если она засѣяна клеверомъ или подъ бахчею. Десять кокановъ сбиралось съ танапа винограда. Съ урюка, яблонь и вообще садовъ сборъ не производился.

Для опредѣленія цифры хераджа существуютъ дуванъ-беки, которые, въ присутствіи всѣхъ, опрашиваютъ сколько кто собралъ хлѣба, затѣмъ изъ общей цифры урожая каждый земледѣлецъ платилъ черезъ серкера двадцать процентовъ натурою. Теперь генералъ Романовскій приказалъ сбирать хераджи съ сартовъ и киргизовъ, уменьшивъ, впрочемъ, цифру сбора до десяти процентовъ. Каждый имѣетъ право заплатить натурою или деньгами, смотря по желанію.

При кокандцахъ бекъ обыкновенно писалъ къ сер-

керу, кому изъ военно-служащихъ слѣдуетъ выдать большую или меньшую часть изъ общей цифры собраннаго хераджа. Серкеръ давалъ ассигновку дуванъ-беки на имъ поименованнаго офицера или солдата; дуванъ-беки въ свою очередь указывалъ кредиторамъ поле и хозяина, съ котораго имъ слѣдуетъ получить столько такого-то хлѣба. Серкеръ долженъ былъ повѣрять дуванъ-беки, спрашивая разныхъ хозяевъ, какую цифру хераджа они заплатили; вѣрность же списковъ повѣрялась показаніемъ другихъ земледѣльцевъ. Въ случаѣ невѣрности ихъ, умышленной или неумышленной, дуванъ-беки долженъ былъ доплачивать недостающую цифру.

Для опредѣленія танапа серкеръ съ муфтіемъ ѣздятъ по бахчамъ, полямъ клевера и виноградникамъ; при этомъ первый опредѣляетъ количество танаповъ, а второй оцѣняетъ сборъ. Серкеръ говорилъ, что танапъ онъ сбираетъ по урожаю, принимая два, три и болѣе танаповъ за одинъ. Такъ какъ танапный сборъ постоянный, то такой произволъ равносиленъ взяточничеству. Танапный сборъ, по словамъ серкера, отличается отъ хераджа тѣмъ, что первый сбирался деньгами, такъ какъ получать виноградъ, арбузы и пр. въ натурѣ неудобно.

Зякетъ или деньгами сороковую долю стоимости товаровъ платили всѣ купцы, отправлявшіе куда-нибудь свои караваны. По шаріату зякетъ платится со всего имущества, но сбирался онъ при кокандцахъ только съ каравановъ. Такъ какъ караваны, отправлявшіеся изъ кокандскихъ владѣній, дѣлали оборотъ изъ русскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ предѣловъ только разъ въ годъ, то зякетъ сбирался только разъ въ томъ городѣ, откуда караванъ трогался. По приходѣ въ Бухару, или Хиву или Россію, тамъ опять производился сборъ зякета или пошлинъ, въ предѣлахъ же Коканда кара-

ваны, ходившіе между городами, платили зякетъ только разъ и если караванъ-башъ имѣлъ квитанцію въ уплатѣ пошлинъ, напр., въ Туркестанѣ, то въ Ташкентѣ, по приходѣ каравана, съ него ничего не брали. Оттого выходило, что каждое государство, сосѣднее съ Кокандомъ, производило двойной сборъ съ произведеній, вывозимыхъ съ чужеземной страны, и обкладывало зякетомъ только разъ свои произведенія.

За выдѣлку пряжи или кожъ зякетъ не брался. Если мануфактурное производство крупное, что составляетъ здѣсь большую рѣдкость, то зякетчи имѣетъ право потребовать съ него зякетъ. Но ничтожность фабричной дѣятельности, вѣроятно, и избавила его отъ регулярнаго зякета. Нашъ хозяинъ, бывшій зякетчіемъ въ Ташкентѣ, такъ объяснилъ намъ причину почему зякетъ сбирался въ кокандскихъ городахъ только съ товаровъ.

— Лѣтъ шесть тому назадъ, сказалъ онъ, ханъ сталъ требовать, чтобы зякетъ платили по шаріату и со скота. Хотя это и слѣдуетъ, но такая подать очень тяжела. Поэтому всѣ сарты и киргизы вооружились и убили ташкентскаго бека, который, согласно приказанію, хотѣлъ собирать зякетъ. Послѣ этого ханъ не приказалъ собирать зякета со скота и имущества, а осталась только пошлина съ товара.

Разсказъ очень интересный, который нужно принять къ свѣдѣнію и повѣрить въ Ташкентѣ.

Зякетъ идетъ на содержаніе войска, а частью раздается старикамъ и убогимъ.

При мечетяхъ есть земли, уступленныя имъ по завѣщаніямъ богатыми. Онѣ ежегодно отдаются въ наемъ. Съ такихъ земель хераджъ и танапъ поступаетъ полностью въ пользу мечети. Доходъ отъ найма, вмѣстѣ съ хераджемъ и танапомъ, платимымъ арендаторомъ, дѣлятся между бѣдными, училищами, муллою, муэзи-

номъ и другими учрежденіями и лицами, смотря по выраженному въ завѣщаніи желанію завѣщателя. Земли мечети называются вакуфъ. Земли, оставшіяся послѣ кого-нибудь безъ опредѣленно выраженной воли, продаются и вырученныя деньги раздаются съ богоугодною цѣлью за упокой умершаго.

Въ случаѣ войны, сбора кокандскихъ войскъ и вообще экстренныхъ расходовъ, кокандское правительство сбирало со всѣхъ подданныхъ требуемую сумму. Цифра, падавшая на Чемкентъ, распредѣлялась между жителями. Для того они раздѣлялись на три категоріи, по состояніямъ. Средняя цифра сбора составляла ежегодно до пятисотъ тысячъ рублей. Кромѣ всѣхъ этихъ расходовъ, всякій мусульманинъ долженъ былъ дѣлать посильныя приношенія въ мечеть.

Въ каждомъ мачтапѣ (приходѣ) при мечети существуетъ *школа*, куда и отправляютъ дѣтей. За обученіе ихъ родители платятъ по успѣхамъ ребенка и состоянію сырыми продуктами и товарами, либо деньгами. Въ этомъ случаѣ опредѣленнаго ничего не было. Въ Чемкентѣ есть медрессе или высшее духовное училище. Сюда могутъ поступать какъ молодые люди, такъ и совершеннолѣтніе. «Есть и пятидесятилѣтніе», добавили муфтій и казы. Кромѣ корана, въ медрессе преподается шаріатъ и всѣ богословскія на него толкованія. Свѣтскихъ наукъ въ здѣшнихъ медрессе не учатъ. Ѳеараизъ (ариѳметика), тарыкъ (исторія), илю-наху (астрономія) и гильму-пихъ (географія) преподаются въ высшихъ медрессе, находящихся въ Ташкентѣ и Бухарѣ.

Чемкентское медрессе построилъ ташкентскій фарманачи (губернаторъ) Мурза-Ахметъ на свой счетъ. Для содержанія этого медрессе онъ же, Мурза-Ахметъ, выстроилъ караванъ-сарай и бани, съ которыхъ доходъ идетъ на содержаніе медрессе.

Натуральная земская повинность, по словамъ граж-

данъ Чемкента, не тяжела для нихъ. При наймѣ верблюдовъ подъ тяжести русскихъ отрядовъ наши власти платятъ достаточно (кажется четыре рубля до Ташкента). За наемъ арбъ плата, какъ чемкентцы говорили, болѣе чѣмъ достаточная. Исправленіе дорогъ и мостовъ на территоріи города производится натурою по очереди, безъ всякой платы наряжаемымъ со стороны города. Земская повинность совершенно не тяжела.

Въ Чемкентѣ двѣсти двадцать лавокъ и два караванъ-сарая. Въ первомъ изъ нихъ, выстроенномъ Мурза-Ахметомъ, двадцать четыре лавки; во второмъ, принадлежащемъ частному лицу, восемь лавокъ; итого всего лавокъ двѣсти пятьдесятъ двѣ. Къ караванъ-сараю, доходъ съ котораго идетъ въ пользу медрессе, приставленъ особый надсмотрщикъ, сбирающій деньги, которыя и распредѣляются потомъ, согласно назначенію Мурзы-Ахмета. Приставленный человѣкъ сбираетъ съ нанимателей лавокъ по рублю въ мѣсяцъ и по пяти копѣекъ за переночевку лошади или верблюда (безъ корма). Въ другомъ караванъ-сараѣ тѣ же цѣны. Изъ общаго числа лавокъ около двадцати принадлежатъ русскимъ татарамъ, большая часть изъ нихъ теперь разъѣхалась. До взятія русскими Чемкента здѣсь торговало пять нашихъ татаръ. Всѣ они торгуютъ русскимъ товаромъ. Въ числѣ купцовъ есть три еврея.

Здѣшній базаръ откупленъ казы, равно какъ и Сайрамскій. Онъ платитъ шестьдесятъ два рубля за Чемкентскій базаръ и двѣсти одинъ рубль за Сайрамскій или, вообще, двѣсти шестьдесятъ три рубля, что составитъ тысячу триста пятнадцать коканов. Эти странныя цифры показываютъ, насколько значительнѣе торговля Сайрама, города, лежащаго въ пятнадцати верстахъ отъ Чемкента, по сравненію съ послѣднимъ. Намъ толковали это разнообразно, но всѣ говорили, что до взятія Чемкента русскими, онъ былъ важнымъ торговымъ пунк-

томъ. Болѣе всего неблагопріятно на здѣшнюю торговлю подѣйствовало то, что наши власти, увидя въ городѣ бія, въ случаѣ экстренной надобности въ верблюдахъ, приказывали ему ѣхать сейчасъ же къ себѣ и къ такому то времени доставить требуемое число верблюдовъ. Отъ этого киргизы боятся посѣщать тѣ города, гдѣ живутъ русскія власти. Далѣе, заботливый городничій, для спокойствія, запретилъ киргизамъ толпиться верхами на улицѣ и загораждать проѣздъ своими баранами. Въ результатѣ вышло то, что киргизы, главные торговцы у сартовъ, перестали посѣщать Чемкентъ, а съѣзжаются теперь для продажи и купли въ Сайрамѣ, что въ самое короткое время очень подняло торговлю послѣдняго на счетъ Чемкента.

Откупщикъ базара сбираетъ съ каждаго барана, приводимаго на продажу, пять коп. с. съ головы; съ лошади и рогатой скотины — десять коп. с., съ верблюда—двадцать коп. с. Съ лавокъ ничего не беретъ. Съ хлѣба, который вѣшается на базарѣ, съ воза и верблюда—десять коп. с. Съ продаваемыхъ дровъ и джумурчки ничего не беретъ. Базаръ-башъ собираетъ отъ десяти до двадцати коп. съ лавки въ мѣсяцъ за освѣщеніе и наемъ сторожей. По словамъ базаръ-баша, у него выходитъ до шести рублей на свѣчи. Сторожей онъ содержитъ пять человѣкъ, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы поливать и подметать базаръ, а по ночамъ освѣщать его и охранять лавки. Въ лавкахъ продаются разные русскіе и среднеазіатскіе товары. Средній годовой оборотъ лавки въ Чемкентѣ отъ тысячи до пяти тысячъ рублей.

Купецъ, бывшій въ Мешхедѣ, разсказывалъ, между прочимъ, что это большой и очень торговый городъ, населенный таджиками и туркменами. Тамъ существуютъ весьма большіе склады кисеи, ситцевъ и сукна, идущихъ изъ Испагани, который въ свою очередь получаетъ все

это изъ Франкестана. Сюда пріѣзжаетъ также очень много повѣренныхъ разныхъ европейскихъ торговыхъ домовъ, пріѣзжающихъ непосредственно въ Мешхедъ. Продавъ свой товаръ, европейцы покупаютъ бирюзу и и каракуль, который и вывозится ими въ большомъ числѣ въ Европу. Турецкая кисея идетъ, впрочемъ, не черезъ Мешхедъ, а изъ Индіи на Кабулъ, Гератъ и Бухару. По словамъ чемкентскихъ купцовъ, мешхедскій товаръ идетъ большею частью въ Ташкентъ, гдѣ его много, черезъ Астрахань; также караваны идутъ изъ Мешхеда прямо на Хиву и Бухару. Въ Мешхедѣ распродается въ Среднюю Азію очень много хорошаго французскаго ситца.

Мы также разговаривали съ киргизскими біями и старшинами. Условія ихъ жизни совершенно такія же, какъ у всѣхъ другихъ. Измѣненія самыя незначительныя. Здѣшніе киргизы большею частью Большой Орды, Дулатовскаго рода.

Были здѣсь всѣ киргизы, подчиненные начальнику мѣстнаго населенія праваго фланга Туркестанской области. Айпаханъ, султанъ, потомокъ Аблая, управляетъ всѣми киргизами такъ называемаго Чемкентскаго округа. Подъ нимъ управляютъ: Тюра-Бекъ, родомъ Сейкинъ, тысяча шестьсотъ кибитокъ; Монбекъ, родомъ Джапысъ, тысяча шестьсотъ кибитокъ; Козане, родомъ Сергелы, восемьсотъ кибитокъ (кромѣ того, изъ рода Сергелы тысяча двѣсти кибитокъ состоятъ въ вѣдѣніи управляющаго туземнымъ населеніемъ въ Ташкентѣ); Имамъ-Берды, Средней Орды, родомъ Куиградъ, сто кибитокъ (девятьсотъ отошли къ Ташкенту); Бій-Назаръ, родомъ Чемыръ, тысяча шестьсотъ кибитокъ. Трогательная одинаковость цифръ количества кибитокъ доказываетъ, что управляющіе родами лгутъ и скрываютъ значительную долю. Родоначальники простые киргизы, не султанскаго рода.

Всѣ киргизы, подвѣдомственные Айпахану, лѣтуютъ въ горахъ, а имѣютъ зимовки по Чу и Сыру. Лѣтовки и зимовки всѣхъ родовъ перемѣшаны. Зимою кочуютъ; сѣна не заготовляютъ. Впрочемъ, Чайковскій и Ахмыровъ предупредили насъ, что здѣшніе киргизы напуганы слухами, дошедшими сюда съ линіи, будто бы генералъ-губернаторъ хотѣлъ дать прилинейнымъ киргизамъ тридцати десятинный надѣлъ. Крыжановскій, проѣзжая теперь, спрашивадъ, не хотятъ ли они закрѣпленія зимовокъ, что, по соотношенію съ приведенными слухами, страшно ихъ напугало. Желая отразить возможность закрѣпленія за ними земель, киргизы и говорятъ намъ теперь, что всѣ роды кочуютъ вперемѣшку и постоянныхъ стойбищъ нѣтъ даже зимою. Айпаханъ прибавилъ, что онъ самъ зимуетъ, гдѣ попало. Во время разговора о землѣ, бій Ишамъ-Берды сказалъ, что часть Кунградскаго рода кочуетъ въ трехъ дняхъ пути южнѣе бухарскихъ владѣній.

Земледѣліе у киргизовъ существуетъ по Сыру, Арысу, Бадаму, Аксу и Кумышу. Орошаютъ большею частью чигирями; при истокахъ же рѣки — арыками. Земледѣльцы, сидящіе у разныхъ рѣкъ, перемѣшаны отъ разныхъ родовъ; но у каждаго арыка сѣютъ только родственники. Ичинчи сѣютъ для себя, а не для своего рода. Посѣвомъ дѣлятся съ богатыми родственниками, которые лѣтомъ забираютъ скотину ичинчей и кочуютъ съ нею по степи. Пашни при арыкахъ дѣлятъ на участки и потомъ распредѣляютъ ихъ, по жребію, пропорціонально количеству рабочихъ. При весеннихъ работахъ по расчисткѣ и проведенію арыковъ, количество рабочихъ опредѣляется біями и аксакалами. Ичинчи постоянно живутъ на однѣхъ и тѣхъ же пашняхъ и передаютъ ихъ по наслѣдству дѣтямъ. Если земля останется вымороченною, то біи раздаютъ ее бѣднымъ киргизамъ.

Жалуются, что натуральная повинность чрезвычайно

тяжела. Эта тяжесть усиливается особенно потому, что всѣ верблюды, взятые у киргизовъ, не возвращались. До сихъ поръ бывшіе у насъ киргизы поставили тысячу пятьдесятъ верблюдовъ, въ томъ числѣ за семьсотъ семьдесятъ, поставленныхъ въ отрядъ Черняева, еще не уплачены прогоны. Въ общемъ числѣ поставленныхъ верблюдовъ они, впрочемъ, сбились. «Южаковъ знаетъ, онъ записывалъ все, какъ былъ начальникомъ. Онъ живетъ въ Ташкентѣ». Нужно спросить Южакова. Неполученіе или неаккуратная плата правительствомъ своихъ обязательствъ чрезвычайно роняетъ кредитъ. Бывшій тутъ же при разспросахъ киргизъ Сейкымовскаго рода, Назаръ, продавалъ Ахмырову росписку какого то начальника за тридцать пять верблюдовъ, поставленныхъ имъ до Ташкента подъ отрядъ по два рубля за каждаго, т. е. цѣнностью въ семьдесятъ рублей за пятьдесятъ рублей и хотѣлъ отдать даже за сорокъ рублей.

Для раскладки земскихъ повинностей народъ раздѣляется на пять частей; впрочемъ, самой раскладки еще въ этомъ году не дѣлали, потому что, вслѣдствіе экстренныхъ требованій, ставили богатые изъ числа киргизовъ, находившихся невдалекѣ отъ Ташкента. Лошадей подъ проѣздъ начальства выставляютъ на почтовую дорогу и часто и много. Прождавъ на станціяхъ иногда весьма продолжительное время, хозяева лошадей получаютъ отъ нихъ кости да кожу съ придачею полторы копѣйки съ версты прогонныхъ денегъ. До сихъ поръ на дорогѣ пало много лошадей. Раскладки по этому расходу еще не дѣлали. По появленію экстреннаго требованія подобнаго рода, біи берутъ деньги, въ долгъ у сартовъ подъ огромные проценты и даютъ росписки съ порукою цѣлаго рода. Хозяевамъ лошадей, выставленныхъ на станціяхъ, общество платитъ по тридцати копѣекъ въ день за человѣка и лошадь.

Въ прошломъ году чегынъ съ богатаго составилъ три тилля, въ этомъ, вѣроятно, съ человѣка подобнаго же состоянія будетъ пять; съ самаго бѣднаго было два, три кокана.

Каждый родоначальникъ имѣетъ при себѣ десять джигитовъ, которыхъ онъ, будто бы, содержитъ на свой счетъ. Бій получаетъ отъ своихъ подчиненныхъ тарту и подарки въ неопредѣленные сроки и неопредѣленномъ количествѣ. Черняевъ запретилъ біямъ брать подарки и Айпаханъ сбираетъ съ киргизъ хлѣбъ въ видѣ жалованья въ такомъ размѣрѣ: каждый ичинчи долженъ былъ заплатить три пуда, изъ которыхъ одинъ идетъ Айпахану, а два пуда дѣлятся между всѣми остальными пятью родоначальниками. Кромѣ всѣхъ этихъ расходовъ, киргизы должны платить еще за исправленіе дорогъ или исправлять ихъ натурою. Такія тяжести заставили многіе аулы, принадлежащіе къ родамъ Чемкентскаго вѣдѣнія, откочевать въ Ауліе-атинскій и Туркестанскій районы, гдѣ земская повинность легче. На это горько жаловались біи. Подать со скота и состоянія считаютъ справедливѣе кибиточнаго сбора.

Покупаютъ товары, необходимые киргизамъ, по базарамъ семи городовъ, особенно Сайрама. Купцы по ауламъ не ѣздятъ.

Родоначальники суть вмѣстѣ съ тѣмъ и судьи своего рода, разбирающіе всѣ спорныя дѣла. Если кто недоволенъ его рѣшеніемъ, то апеллируетъ султану Айпахану или «чиновнику». Дѣла по спорамъ между сартами и киргизами рѣшаются казы, по шаріату, въ присутствіи бія. Если сартъ жалуется на киргиза, то дѣло можетъ быть окончено біемъ, если сартъ согласенъ; въ противномъ случаѣ рѣшаются всегда по шаріату. Занъ или рясимъ—обычай, по мнѣнію присутствующихъ здѣсь біевъ, выше шаріата.

12-го числа вся коммисія ѣздила въ Сайрамъ, чтобы

составить себѣ понятіе о шести городахъ, окружающихъ Чемкентъ. Всѣ они по административному вліянію чемкентскаго бека и правамъ здѣшняго казыкеляма были въ зависимости отъ Чемкента. Эта зависимость продолжается и теперь, такъ какъ русскіе изъ числа всѣхъ семи городовъ, джиты-кентъ, живутъ только въ Чемкентѣ.

Дорога, выйдя изъ воротъ, которыя мы штурмовали, пройдя мимо кокандскихъ контръ-апрошей и оставивъ вправо сперва цитадель, а потомъ наши осадныя батареи, поднимается въ гору. Оттуда Чемкентъ такъ же хорошъ, какъ и съ Туркестанской дороги; примкнувъ одною стороною къ горѣ красной глины, на которой расположена цитадель, онъ раскинулся къ сѣверу отъ нея, утонувъ весь въ садахъ, такъ что изъ-за нихъ не видно зданій. Изъ гущи зеленыхъ фруктовыхъ деревьевъ поднимаются чрезвычайно красивые пирамидальные тополи съ бѣлою, какъ у березъ, корою на стволѣ и такою же яркою зеленью.

Когда хорунжій Потанинъ проѣзжалъ съ подарками отъ императора Александра I къ кокандскому хану, Чемкентъ былъ построенъ на горѣ за цитаделью, гдѣ нынѣ русская слободка. Внизъ, къ арыкамъ Кашкарата, жители Чемкента, по ихъ словамъ, стали переселяться не далѣе, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Теперь отъ прежняго города не осталось и слѣдовъ, благодаря непрочному матеріалу, изъ котораго сарты строятъ свои дома.

Съ горы дорога въ Сайрамъ опускается опять въ логъ и идетъ все время мимо пашенъ, теперь не засѣянныхъ. Преданіе гласитъ, что когда все двѣнадцативерстное разстояніе между Чемкентомъ и Сайрамомъ было застроено, тогда оба нынѣшніе города составляли одинъ большой и богатый. Можетъ быть, это и такъ, потому что существованіе большой цивилизаціи по си-

стемамъ Сыра и Аму въ древнія времена несомнѣнно. Сарты говорятъ, что въ древнія времена кошка могла пробѣжать по крышамъ домовъ отъ Чемкента до Аральскаго моря. Но слѣдовъ этой цивилизаціи не осталось никакихъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Сайраму, за нимъ выростали высокія горы, опорошенныя наверху снѣгомъ. Это продолженіе Тянь-Шаня. Причудливыя вершины и покатости казались особенно живописны потому, что на нихъ проектировалась яркая зелень садовъ, окружающихъ Сайрамъ.

Въѣздъ въ этотъ городъ производитъ обыкновенное впечатлѣніе всѣхъ здѣшнихъ городовъ. Сперва пойдутъ пашни, неогороженныя стѣнами, далѣе по обѣ стороны дороги протянутся низенькіе валики изъ глины, изъ-за которыхъ кое-гдѣ станутъ показываться деревья. Вдали по долинѣ рѣки Сайрамъ-су стоятъ аулы киргизовъ и живописно разбросаны по косогорамъ стада. Съ каждымъ шагомъ впередъ сады становятся гуще; арыки попадаются чаще, вода въ нихъ обильнѣе, отчего выбитая арбами дорога становится труднѣе и васъ крайне шибко подкидываетъ въ тарантасѣ, грозя ежеминутно выбросить въ пробѣгающій мимо арыкъ. Наконецъ на дорогу выступаетъ лишенная оконъ стѣна дома—мы въѣзжаемъ въ городъ.

Аксакалъ и почетныя лица города встрѣтили насъ еще за городскими садами и скакали верхами около экипажей до самой нашей квартиры, отвести которую позаботился Чайковскій, ѣхавшій съ нами. Отдохнувъ немного, мы сѣли верхомъ и отправились по городу. Наружная его физіономія похожа на всѣ другіе среднеазіатскіе города, съ нѣкоторымъ только различіемъ.

Сайрамъ извѣстенъ большимъ количествомъ подвизавшихся здѣсь святыхъ, конечно, изъ числа потомковъ Магомета. Особенно почитаются могилы Ибрагима-

Ходжи, отца туркестанскаго Азрета, и матери послѣдняго. Надъ ними поставлены памятники изъ жженаго кирпича, похожіе на тѣ, которые мы встрѣтили по пути изъ форта Перовскаго. Есть еще очень старый памятникъ надъ мѣстомъ, гдѣ спасался Хазыръ, какой-то особенно уважаемый святой. Мусульмане говорятъ, что мы тоже чтимъ его, что онъ взятъ на небо живой, но на наши вопросы, Енохъ-ли это или Маѳусаилъ, они отвѣтили «джокъ».

Я спускался въ пещеру Хазыра. Сперва идутъ прямыя ступени, далѣе идетъ винтовая трудная лѣстница, приводящая къ узкому отверстію въ глиняной почвѣ, въ которое нужно пролѣзать, пославъ впередъ ноги. Такимъ манеромъ добираешься до пещеры въ нѣсколько шаговъ шириною. На полу ея брошены цыновки для молитвъ благочестивыхъ пилигримовъ. Здѣсь спасался въ созерцаніи величія Алаха Хазыръ, не выходя на свѣтъ Божій шестьдесятъ лѣтъ, а потомъ, проживъ еще очень многіе годы, взятъ живой на небо. Надъ пещерою стоитъ теперь полуразвалившаяся мечеть изъ жженаго кирпича, на поверхности котораго остались еще слѣды глазури. Она когда-то была весьма красива.

Были въ медрессе, очень большомъ, неопрятномъ сараѣ, на дворѣ котораго, около пруда, стоятъ столѣтніе туты. Одинъ изъ нихъ въ три обхвата. Внутри потолокъ медрессе подпертъ многими деревянными колоннами, среди которыхъ наше вниманіе остановилось на очень древней колоннѣ изъ твердаго песчаника. По виду она напоминаетъ маленькія колонны въ нашихъ древнихъ церквахъ, утолщающіяся къ серединѣ. На капители какія-то клинообразныя буквы. Г. и П. нашли, что это старославянскія буквы, и на мой вопросъ, какъ онѣ могли сюда попасть, они отвѣчали, что колонна могла быть привезена сюда въ пору татарскаго погрома.

За разъясненіемъ этого вопроса мы обратились къ почетнымъ сайрамцамъ, насъ окружавшимъ.

— Эта колонна сдѣлана однимъ изъ сыновей Адама и не откуда не перевозилась, а тутъ же и стояла, былъ ихъ отвѣтъ.

Хотя эта колонна не построена сыномъ Адама, однако этотъ отвѣтъ напомнилъ мнѣ, что здѣсь все очень старое, извѣстіе о которомъ потерялось въ давно прошедшемъ времени, относятъ къ Адаму. Это признакъ очень старой жизни на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Потомъ мы проѣхали по базару, очень большому и опрятно содержимому, и по одному хорошему караванъ-сараю, только что отстроенному купцомъ города Сайрама; послѣ этого мы вернулись домой, гдѣ насъ ждалъ сервированный Чайковскимъ столъ.

Сайрамъ занятъ отрядомъ, посланнымъ Черняевымъ, подъ начальствомъ артиллеріи капитана Абрамова. Подойдя сюда, Абрамовъ потребовалъ сдачи, но киргизъ-джигитъ, передававшій это требованіе, былъ впущенъ въ городъ и за нимъ захлопнуты двери. Разъяренные сарты кинулись на него и убили. Прождавъ немного, Абрамовъ открылъ по городу огонь и готовился начать штурмъ, но сарты сдались.

Во время обѣда около насъ сидѣли важнѣйшія лица города, которыя, впрочемъ, бывали у насъ при опросахъ вмѣстѣ съ чемкентскими гражданами. Поэтому они не сказали намъ ничего новаго. Замѣчательно только, что въ числѣ присутствующихъ былъ аглямъ, т. е. ученый муфтій, живущій въ Сайрамѣ; онъ имѣлъ на свое достоинство подтвержденіе въ бумагѣ Черняева. Послѣ долгихъ разспросовъ оказалось, что аглямъ тотъ же муфтій, только поученѣе, что ли? Отчего же Черняевъ, утверждая его въ должности, не назвалъ его просто муфтіемъ?

Между почетными жителями Сайрама затесался чело-

вѣкъ въ ободранномъ платьѣ съ совершенно смуглымъ и мужественнымъ лицомъ. Оказалось, что это авганецъ, что онъ былъ богатъ, но однажды караванъ, ему принадлежавшій и шедшій изъ Авганистана въ Ташкентъ, былъ по пути совершенно разграбленъ туркменами. Съ тѣхъ поръ онъ скитается по Сайраму, нанимаясь въ работники. Онъ говорилъ, что видѣлъ много разъ англичанъ въ Индіи, гдѣ онъ часто бывалъ, и принялъ Г., съ его нѣмецкой физіономіей, за англичанина. Про возстаніе 1842 года говорилъ, что оно произведено за то, что англичане отягчали авганцевъ постройкою своихъ крѣпостей, проведеніемъ дорогъ и вообще строгостью. Къ удивленію нашему, взявъ казачье оружіе, авганецъ сталъ продѣлывать допотопные пріемы, произнося команды по-французски, какъ командуютъ въ авганскихъ войскахъ. Онъ отъ души ругалъ англичанъ, за что я ему далъ все серебро, какое нашлось въ карманѣ, и мы разстались друзьями.

Къ вечеру мы выѣхали обратно. Полная луна поднялась надъ снѣжными горами, обрамляющими Сайрамъ съ востока. Вечерній свѣжій воздухъ былъ совершенно прозраченъ и показывалъ всѣ детали альпійскаго ландшафта, съ зеленью садовъ внизу, въ которыхъ утонули зданія Сайрама. Картина была чрезвычайно красива.

Кстати о холодѣ. Вѣроятно вслѣдствіе близости снѣжныхъ горъ, вечера въ Чемкентѣ очень свѣжи. Въ то время, какъ днемъ жара доходитъ до двадцати пяти градусовъ въ тѣни, къ ночи термометръ Реомюра падаетъ на два или на три градуса тепла. Къ утру бываетъ еще холоднѣе.

14-го сентября. Выѣхали изъ Чемкента по направленію къ Ауліе-ата. Ямщикъ нашъ не зналъ править и мы провозились не мало прежде, чѣмъ выѣхали изъ воротъ.

Сначала дорога идетъ та же, что въ Сайрамъ, но вскорѣ она отклоняется къ сѣверу и продолжается по увалам, на которыхъ повсемѣстно видна, хотя и выгорѣвшая, но довольно хорошая трава. Арыки попадались безпрерывно и на разныхъ высотахъ. Всѣ они проведены изъ рѣки Акъ-су и орошаютъ киргизскіе аулы, разбросанные повсемѣстно по сторонамъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ ихъ пашни подходили къ самой дорогѣ. На нихъ копошились киргизскія бабы и мальчишки, сбирая просо. Вѣроятно, это второй уже посѣвъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просо было еще не спѣлое.

Верстахъ въ пятнадцати или болѣе нужно переправляться черезъ рѣку Акъ-су, обильную чистою, какъ кристаллъ, водой. Въ руслѣ ея навалено много крупныхъ голышей. Спускъ къ рѣкѣ довольно опасенъ. Вообще вся дорога отъ Чемкента до первой станціи весьма трудна. Безпрерывно при концѣ спусковъ натыкаешься на арыки, черезъ которые нужно либо перѣзжать безъ мостиковъ, при чемъ экипажъ дѣлаетъ сильный скачокъ, либо проскакивать по мостику безъ перилъ, узкому, кое-какъ наброшенному изъ тонкихъ вѣтвей. Благодаря невыѣзженнымъ лошадямъ, того и смотри колесо сорвется съ такого мостика и сломаешь себѣ шею. Хоть я не боюсь быстрой ѣзды и горячихъ лошадей, но тутъ много разъ трусилъ.

Первая станція отъ Чемкента, Манкентъ, довольно большой городъ на арыкахъ, проведенныхъ отъ Акъ-су. Въѣхавъ на послѣднюю гору, вы видите его внизу, раскинутымъ верстахъ въ трехъ отъ горы. Онъ расположенъ на небольшомъ холмѣ, который со всѣхъ сторонъ стѣсняется значительными возвышеніями. Направо и налѣво бѣгутъ по скатамъ холма пашни и сады, огороженные глиняными валиками. Особенно красятъ Манкентъ сады. Граціозные высокіе тополи группами под-

нимаются кверху отъ приземистой и густой зелени садовъ, давая всему пейзажу какой то южный характеръ. Такъ художники рисуютъ виллы въ южной Италіи и Сициліи. Спустившись съ горы, вы въѣзжаете отвратительно-избитою дорогою въ узкія улицы города.

Манкентъ былъ занятъ русскими войсками при первомъ движеніи Черняева изъ Ауліе-ата въ Чемкентъ. Отрядомъ, занявшимъ его, командовалъ Лерхе, который самъ разсказывалъ мнѣ про это занятіе. Едва наши войска стали приближаться къ Манкенту со стороны Ауліе-ата, какъ къ Лерхе выѣхалъ аксакалъ города въ сопровожденіи почетныхъ лицъ, которыя и объявили, что городъ сдается. Тогда Лерхе объявилъ, что за то, что городъ не обнаружилъ сопротивленія, онъ даже не введетъ туда войска на ночлегъ и остановился на ночлегъ на бивакахъ близъ города. Солдатамъ было запрещено входить въ городъ безъ записокъ отъ Лерхе, для чего и поставленъ у воротъ караулъ. На слѣдующее утро отрядъ прошелъ сквозь Манкентъ въ строгомъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ. Удивленные жители, не привыкшіе къ подобному поведенію вооруженныхъ и побѣдоносныхъ войскъ, стали бросать солдатамъ арбузы и разное съѣдобное. Когда отрядъ уходилъ, сарты бѣжали за нимъ и восторженно кричали: аманъ! Лерхе жители Манкента помнятъ.

Въ Манкентѣ двѣсти пятьдесятъ девять домовъ. Жители имѣютъ обильную и превосходную воду изъ арыковъ, проведенныхъ съ Акъ-су. Базаръ невеликъ, не болѣе сорока лавокъ, изъ которыхъ часть пустыхъ. Почтосодержатель Манкента, уральскій казакъ изъ татаръ, человѣкъ весьма порядочный. Въ его комнатахъ азіатскій вкусъ помирился съ европейскимъ. Въ нанятой квартирѣ придѣланы два окна; комната опрятна и часть ея занимается русскою печью. На полу коверъ для сидѣнья, а около печки столъ и два табурета. Тутъ же

самоваръ и опрятный чайный приборъ. На окнахъ занавѣси изъ краснаго кумача.

Сколько я ни наблюдалъ до сихъ поръ, татары люди весьма полезные для нашихъ цѣлей въ Азіи. Они всегда движутся далеко впередъ русскихъ границъ, либо какъ бѣглые солдаты, либо какъ торговцы русскимъ или, какъ они говорятъ, московскимъ товаромъ. И бѣглые и торговцы всегда желаютъ успѣха русскимъ. Вторымъ это выгодно, первые же всегда скроютъ причины своего появленія за предѣлами государства. Привыкшіе къ обезпеченности естественныхъ правъ человѣка, они всѣми силами содѣйствуютъ появленію русскихъ въ мѣста ихъ жительства. Они первыми сносятся съ нашими войсками, выѣзжаютъ къ нимъ безбоязненно навстрѣчу и завѣряютъ жителей, что если не сопротивляться, то русскіе не страшны. П. очень справедливо назвалъ татаръ авангардомъ русскихъ войскъ и торговли. Между прочимъ онъ говорилъ, что когда наши войска въ первый разъ появились на Иссыкъ-Кулѣ, ихъ встрѣтили самымъ дружескимъ образомъ жившіе среди дикокаменныхъ киргизовъ татары и склонили на нашу сторону большую часть родовъ.

Уральскій татаринъ хочетъ взять всѣ станціи между Чемкентомъ и Ауліе-атомъ. Станціи онъ содержитъ весьма исправно, чисто на русскій ладъ, т. е. бережетъ лошадей, кормитъ ихъ ячменемъ и имѣетъ ямщиковъ, знающихъ править.

Напившись въ Манкентѣ чаю, мы отправились далѣе. Нѣсколько женскихъ лицъ поглядывали на насъ съ крышъ, но встрѣчавшіяся женщины на улицахъ не только закрывали свои лица, но прижимали ихъ къ стѣнамъ до тѣхъ поръ, покуда не проѣзжали наши экипажи. Спустившись въ самомъ Манкентѣ съ горы, переѣхавъ по нѣсколькимъ неисправнымъ мостикамъ черезъ съ шумомъ бѣгущіе арыки, мы поѣхали садами, которые

съ этой стороны особенно хороши. Среди нихъ довольно много плантацій хлопка. Бабы и дѣвки собирали поспѣвшія уже шишки въ плетеныя корзинки. Мы вошли въ одинъ такой садъ и купили у одной неустрашимой бабы, которая не послѣдовала примѣру своихъ товарокъ и не убѣжала, пукъ шишекъ.

Дорога здѣсь довольно хорошая, если бы не частые и не длинные спуски и подъемы. Приближаясь, напримѣръ, къ станціи, слѣдующей за Манкентомъ, мы должны были спускаться по такому спуску, что страхъ. По сторонамъ виднѣлись большія глыбы конгломерата. Безопасности экипажа, спускающагося съ этой горы, содѣйствуетъ множество голышей изъ конгломератовъ, лежащихъ толстымъ слоемъ на горѣ, что не даетъ возможности экипажу скользить. Внизу подъ горою, въ живописной долинѣ шумитъ рѣка Массатъ, впадающая въ Арысъ. На берегу ея, у нѣсколькихъ деревьевъ, разбросаны мазанки, въ которыхъ живутъ киргизскіе ичинчи. Тутъ же стояли привязанными верблюды какого-то каравана и нѣсколько верховыхъ лошадей.

Надъ мазанками, по ту сторону Массата, круто и смѣло поднималась высокая гора, увѣнчанная скалистымъ обрывомъ. Лѣвѣе, по отлогой долинѣ Массата, стояло много ауловъ и бродили ихъ стада по богатымъ травами покатостямъ. Перейдя черезъ шумную рѣченку, дорога поднимается въ гору; здѣсь станція, расположенная въ «курганѣ».

Онъ построенъ изъ глины, четыреугольный, по угламъ слѣды небольшихъ ронделей—и напомнилъ мнѣ Атамкуловъ курганъ близъ рѣки Или. Назначеніе этихъ кургановъ, попадающихся здѣсь во множествѣ, вовсе не военное. Подобный курганъ смыкаетъ дворъ хозяина и охраняетъ его хозяйство и семейство отъ нескромнаго любопытства проѣзжихъ. Военная же архитектура

кургана и рондели по угламъ не болѣе, какъ рутина. Внутри кургана, который, вѣроятно, былъ брошенъ хозяевами при движеніи русскихъ изъ Ауліе-ата къ Чемкенту, одно строеніе исправлено и обращено въ комнату для проѣзжающихъ. Тутъ кое-какъ поставлена печка, т. е. дана возможность путешественнику найти зимою хоть какой-нибудь пріютъ. Въ Кара-кумахъ объ этомъ не подумали за пятнадцать лѣтъ!

Мы ѣхали далѣе по дорогѣ, которая становилась съ каждой станціей болѣе неудобной. Горы попадаются безпрерывно. На одной изъ нихъ, очень длинной, лошади не сдержали экипажа и понесли. Добро бы прямо по спуску, такъ это еще было бы ничего, а то лошади понеслись въ довольно глубокій оврагъ, идущій по горѣ параллельно дорогѣ. Г—ій и я выпрыгнули изъ тарантаса; ямщикъ-киргизъ остался на козлахъ и, къ нашему великому изумленію, не опрокинувшись, вынырнулъ съ тарантасомъ на другую сторону оврага. Кое-какъ опять выѣхали на дорогу.

Между тѣмъ окрестная мѣстность стала измѣняться. Справа отъ дороги, съ самаго Манкента, виднѣлись большія горы, покрытыя наверху снѣгомъ, выпавшимъ, впрочемъ, наканунѣ. Теперь дорога вступила въ страну, покрытую во всѣхъ направленіяхъ холмами, безпорядочно поднимающимися со всѣхъ сторонъ. Большая часть изъ этихъ холмовъ довольно значительны. Влѣво отъ дороги стали показываться высокія горы, не покрытыя, однако, снѣгомъ. На одной изъ значительныхъ придорожныхъ высотъ, на самой вершинѣ, стоитъ одинокое дерево. Ямщикъ сказалъ, что на горѣ могила святого, на которой и выросло священное же дерево. Верстахъ въ трехъ оттуда, около спуска съ горы, стоитъ другое дерево, весьма небольшое, кажется, боярышникъ, котораго нижніе сучья были обвѣшаны тряпицами и космами конскихъ волосъ. Киргизы чтутъ всякое де-

рево, растущее одиноко въ степи, какъ нѣчто священное, и не проѣдутъ мимо него, не повѣсивъ на сучекъ какой-нибудь тряпки, играющей роль жертвеннаго приношенія. Этотъ обычай, вѣроятно, остатокъ какихъ-либо шаманскихъ обрядовъ.

Переѣхавъ черезъ высокую гору и переправившись послѣ спуска съ нея черезъ быстрый Арысъ, мы продолжали дорогу по плодоносной долинѣ этой рѣки. Арыки проходили въ нѣсколько рядовъ по разнымъ высотамъ холмовъ, ограничивающихъ богатую долину. По сторонамъ виднѣлось множество ауловъ, тонущихъ во мглѣ наступающаго вечера. Близъ дороги пролегали безконечныя пашни. Рукава арыковъ безпрерывно пересѣкали дорогу, по которой тянулись длинныя нити верблюдовъ, идущихъ съ хлѣбомъ изъ ауловъ. Темнота становилась гуще и мы были очень довольны, когда добрались наконецъ до станціи, гдѣ и остановились на ночлегъ. Комнатка для проѣзжихъ устроена въ мазанкѣ и тоже гораздо удобнѣе, чѣмъ юрты, замѣняющія станціи въ Кара-кумахъ.

Вечеромъ, выйдя изъ мазанки, я сталъ прогуливаться. Луна ярко освѣщала долину, въ разныхъ мѣстахъ которой мигали огоньки ауловъ. Дневной шумъ смолкъ и теперь былъ слышенъ неумолкаемый говоръ Арыса и арыковъ, бѣгущихъ по своимъ быстро падающимъ руслам. Гармоническій шумъ воды нарушался только отдаленнымъ лаемъ аульныхъ собакъ, возню киргизовъ-ямщиковъ близъ мазанки, ревомъ гдѣ-то вдали верблюда или осла, да голосами киргизовъ, гулко слышными по чуткому ночному воздуху. Подобное сочетаніе ласкающихъ звуковъ меня всегда успокоиваетъ и наводитъ пріятную дрему.

15-го сентября. Утромъ поднялись чуть свѣтъ и тронулись далѣе, кутаясь въ теплое платье, чтобы спастись

отъ рѣзкаго утренника. Теперь можно было внимательно осмотрѣть долину Арыса.

Верстахъ въ пятнадцати къ западу отъ станціи, гдѣ мы ночевали, долина Арыса стѣсняется горами, отчего рѣка уклоняется отъ дороги на сѣверъ. Къ востоку отъ станціи, верстахъ въ сорока, стѣна высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, замыкаетъ Арысъ, обступивъ его съ трехъ сторонъ. Между этими двумя пунктами лежитъ живописнѣйшая и плодоноснѣйшая часть Арысской долины, верстъ въ восемь по наибольшей ширинѣ и верстъ въ пятьдесятъ по длинѣ.

Въ началѣ эта долина протягивается между горъ ровною плоскостью, чуть всхолмленною небольшими неровностями, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались вверхъ по Арысу, мѣстность по обѣимъ сторонамъ рѣки, наклоняясь все болѣе и болѣе къ руслу, поднималась вверхъ къ подошвѣ высокихъ горъ, протянувшихся по сторонамъ. На ровные, идущіе на нѣтъ берега долины будто брошены неуклюжія предгорія съ округленными, покрытыми бурою травой и щебнемъ формами. Отъ вершинъ этихъ предгорій бѣгутъ глубокія промоины, принимая съ обѣихъ сторонъ прихотливо вьющіеся овраги и овражки, которые издалека кажутся нѣжно очерченными морщинками. Тамъ, гдѣ кончается крутизна предгорій и начинается ровная покатость долины, промоины обращаются въ глубоко вдавленныя, рѣзко изгибающіяся русла, по которымъ теперь струятся въ Арысъ ручьи, обращающіеся весною въ пѣнистые потоки, которые опрокидываютъ и увлекаютъ за собою все, встрѣчаемое ими на пути. Изъ-за предгорій какъ-то особенно стройно и легко выглядываютъ хребты, опорошенные снѣгомъ, съ острыми, на ребро поставленными гранями; и чѣмъ выше поднимается вершина, тѣмъ острѣе и рѣзче кажутся грани, тѣмъ своеобразнѣе и граціознѣе формы, тѣмъ оригинальнѣе и неуловимѣе

смѣлыя очертанія каменныхъ куполовъ, престоловъ и шпилей.

На наклоненныхъ бокахъ долины видны всѣ предметы, несмотря на дальность разстоянія. Тамъ, у самыхъ предгорій, по бороздамъ, въ которыхъ текутъ ручьи, чуть замѣтны мелкія куполовидныя формы юртъ, разсѣянныхъ близъ покатостей. Около виднѣется, какъ черныя точки, скотъ, пасущійся группами. Кое-гдѣ отъ ауловъ стелется по покатости бирюзовый дымокъ, оттѣняя бурый цвѣтъ предгорій. Его тоненькій столбикъ напоминаетъ и величину разстоянія до него, и громаду горъ, поднимающихся по ту сторону долины. Близъ подножія этихъ горъ, темною, ровною ниточкою тянется арыкъ, будто горизонтально разсѣкающій покатость и потомъ теряющійся въ долинѣ Арыса. Огибая неровности и углубляясь въ покатость вмѣстѣ съ оврагами, онъ несетъ воду на далекія пашни: потому вода и поднята такъ высоко. Ближе къ долинѣ несется со скачущимъ сзади миніатюрнымъ киргизомъ косякъ коней, поднимающій пыль по щебенистой покатости. Еще ближе ясно видны аулы со снующими около нихъ людьми, собаками и стадами скота. На наносной части долины виднѣются вездѣ пашни, съ обѣгающими кругомъ нихъ арыками. Народъ возится по нимъ, молотя просо быками и лошадьми и насыпая зерна въ шерстяные мѣшки. У шумящаго Арыса и арыковъ, несущихъ воду, по разнымъ высотамъ бродятъ бараны, верблюды, лошади, рогатый скотъ. Заслышавъ стукъ тарантаса, животныя разомъ поднимаютъ головы и провожаютъ его испуганно-недоумѣвающимъ взглядомъ. По дорогѣ безпрерывно тянутся длинныя нитки верблюдовъ и обозы сартскихъ арбъ, нагруженныхъ хлѣбомъ или товаромъ, идущимъ изъ Вѣрнаго.

Вообще говоря, долина Арыса едва-ли не самый оживленный пунктъ изъ всѣхъ киргизскихъ степей.

Нѣсколько времени тому назадъ эта долина была еще населена. Незадолго до завоеваній Черняева, сарты, ссорившіеся весьма часто съ киргизами, выжгли по долинѣ Арыса всѣ селенія, въ которыхъ послѣдніе жили уже осѣдло. Теперь отъ этихъ селеній остались только руины, на которыхъ сидятъ орлы, и кругомъ тянется невспаханная, но хорошо содержанная и орошенная вблизи проходящими арыками земля.

Вся долина Арыса занимается большею частью небольшими киргизскими родами Чаншклы и Каилы въ числѣ семисотъ юртъ, оставшихся отъ сартскихъ погромовъ и не убѣжавшихъ при приближеніи русскихъ войскъ. Вымороченныя земли либо стоятъ пустыя, либо занимаются, какъ попало. Я не знаю, какъ до сихъ поръ начальство не привело ихъ въ извѣстность. Семьсотъ юртъ на почти двухсотверстную плодоносную долину слишкомъ мало.

У меня при размышленіи объ этомъ родилась слѣдующая мысль. Будущее мѣстопребываніе степного генералъ-губернатора, либо управляющаго всею степью, либо частью ея, должно быть гораздо ближе къ южной и восточной окраинѣ генералъ-губернаторства. По значенію, которое должна имѣть Сыръ-дарья въ торговомъ отношеніи, было бы желательно, чтобы эта резиденція лежала на рѣкѣ, чѣмъ непремѣнно было бы развито судоходство. Назначать мѣсто резиденціи неудобно по многимъ причинамъ въ одномъ изъ большихъ среднеазіатскихъ городовъ; во-первыхъ, потому что вода проведена жителями города только въ количествѣ, необходимомъ для самого города; во-вторыхъ, потому что значительныя деньги, расходуемыя въ мѣстѣ, гдѣ будетъ жить генералъ-губернаторъ, пойдутъ тогда на развитіе одного изъ среднеазіатскихъ городовъ, безполезно для русской торговли; въ-третьихъ, самая русская жизнь въ резиденціи непремѣнно подпадетъ вліянію древней средне-

азіатской цивилизаціи, и въ-четвертыхъ, генералъ-губернаторъ, какъ живущій среди одного изъ большихъ здѣшнихъ городовъ, будетъ имѣть среди жителей своихъ фаворитовъ, т. е. не будетъ смотрѣть на дѣло съ необходимымъ безпристрастіемъ. Вслѣдствіе этого, русская жизнь не будетъ всецѣло вліять на мусульманъ, а и сама подвергнется частью среднеазіатскимъ вліяніямъ. Далѣе, имѣя въ виду, что покупать сады и городскія земли подъ постройку русскаго города невозможно, по большой ихъ дороговизнѣ, его придется строить за чертой среднеазіатскаго города, на голой степи, къ которой необходимо будетъ провести особенные арыки и вообще расходоваться на постройку города точно такъ же, какъ бы въ окрестности не было жилого мѣста. Для среднеазіатцевъ Сыръ-дарья не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ они не производятъ торговли водою, оттого ни одинъ ихъ городъ и не стоитъ на рѣкѣ.

Имѣя все это въ виду, нельзя ли будетъ опредѣлить резиденцію генералъ-губернатора при устьѣ Арыса, въ который пароходы поднимались на двадцать верстъ? Тогда вся плодоносная долина рѣки будетъ какъ бы подъ рукою и, благодаря своему паденію, дастъ возможность провести арыки для пашенъ будущаго большого города. Мѣста для города не придется покупать ни у кого, хотя пашни киргизовъ находятся и на устьѣ Арыса. Стоитъ перевести только ичинчей болѣе кверху, въ вымороченныя земли, оставшіяся отъ бѣжавшихъ и убитыхъ сартовъ-киргизовъ рода Каилы и Чаншклы. При семи сотъ юртахъ всего на всего, владѣющихъ цѣлою долиною Арыса, занятіе сорока или болѣе верстъ по рѣкѣ не стѣснитъ никого; тѣмъ болѣе, что по этой долинѣ много вымороченныхъ земель, принадлежащихъ по праву казнѣ. Нужно посмотрѣть еще Ауліе-ата.

Хотя долина Арыса чрезвычайно живописна и ожи-

вленна, однако, почтовая ѣзда по ней, благодаря множеству арыковъ, пересѣкающихъ дорогу и крутыхъ спусковъ, очень опасна. При одномъ изъ подобныхъ спусковъ лошади Исаіи, ѣхавшаго съ вещами сзади, понесли. Мы видѣли, какъ онъ летѣлъ на насъ съ крикомъ: уѣзжайте! уѣзжайте! но и броситься впередъ къ глубоко текущему внизу арыку было одинаково неудобно. Къ счастью, Исаія успѣлъ повернуть лошадей въ бокъ на крутую покатость и тамъ уже, сладивъ съ лошадьми, выѣхалъ опять на дорогу.

Вообще же говоря, путь отъ Чемкента до Ауліе-ата, несмотря на двухлѣтнюю всего принадлежность краю, устроенъ солидно. Дорога даже исправлена кое-гдѣ; станціи вездѣ сносны и выстроены нашими мѣстными властями на двадцать пять рублей, отпущенныхъ на каждую изъ нихъ. Однимъ словомъ, какъ и все, дорога здѣсь гораздо лучше Оренбургской между Орскою крѣпостью и Чемкентомъ. Зато ямщики изъ рукъ вонъ какъ плохи. Хоть онъ и сидитъ на козлахъ, но выбираетъ дорогу такъ, какъ бы онъ ѣхалъ верхомъ. Оттого тарантасъ вдругъ начнетъ карабкаться на гору, чтобы нѣсколько сократить путь; или ямщикъ разгонитъ лошадей, какъ бы желая перепрыгнуть черезъ глубокій ровикъ-арыкъ, отчего произойдетъ толчекъ, отзывающійся чуть не въ мозгу; или онъ не держитъ лошадей при такомъ спускѣ, что того и смотри сломишь голову; или же, наконецъ, свернетъ съ дороги въ оврагъ. Я и Г—ій много разъ принуждены были, спасаясь отъ очевидной опасности, выпрыгивать изъ тарантаса.

Доѣхавъ до тѣснаго мѣста въ долинѣ Арыса, мы перевалили черезъ довольно значительную гору и спустились въ долину Терса, составляющаго уже систему рѣкъ, текущихъ изъ сѣвернаго склона Уртакъ-Тау (отрога Тянь-Шаня). Долина Терса довольно открыта;

только съ правой стороны поднимаются очень высокія снѣжныя горы, отбѣгающія отъ дороги далѣе и далѣе на югъ. По Терсу много ауловъ; на далекихъ косогорахъ виднѣются брошенныя деревни, сартскія или киргизскія, не знаю. Эти деревни, какъ и всѣ тѣ, которыя попадались намъ въ долинѣ Арыса, состоятъ изъ небольшихъ глиняныхъ избъ, которыя размоютъ дожди черезъ нѣсколько времени такъ, что отъ нихъ не останется и признаковъ. Только слѣды прежнихъ арыковъ да пашенъ, какіе намъ часто попадались въ степи, будутъ указывать на то, что здѣсь когда-то жило осѣдлое населеніе.

Долина Терса отдѣляется отъ системы Таласа высокими горами, черезъ которыя переваливаетъ почтовая дорога. Восточнѣе идетъ очень тяжелый спускъ, называемый Куюкъ-Асу. Сперва идетъ длинная покатость, которая сходитъ въ долину небольшого горнаго ручья, и тутъ-то дорога становится очень трудною. Въ этой долинѣ, по полугорѣ, надъ самымъ ручьемъ, проложена узкая дорога, лѣпящаяся зигзагами по покатости. Мѣстами она очень узка, что при отсутствіи барьеровъ со стороны ручья дѣлаетъ ее опасною. По самому полотну, состоящему большею частью изъ щебня, попадаются острые сланцы, вылѣзающіе слоистымъ пукомъ изъ почвы.

Обѣ стороны горъ, нависшихъ надъ проходомъ Куюкъ-асу, состоятъ тоже изъ сланцевъ, выглядывающихъ мѣстами изъ-подъ травы параллельными поясами. Небольшой ручеекъ весело журчитъ, бросаясь съ камня на камень. По остріямъ темныхъ сланцевъ прыгали киклики, издавая свое далеко слышное кудахтанье. Въ проходѣ столпилось множество бараньихъ стадъ, которыя гнали отъ дикокаменныхъ киргизовъ въ Ташкентъ. По дорогѣ шло много каравановъ. Встрѣчаясь съ цѣпью верблюдовъ, мы должны были останавливать экипажъ, чтобы дать выйти каравану на такое широкое мѣсто,

гдѣ могли бы разъѣхаться. Вообще Куюкъ-асуйскій проходъ очень живописенъ. Онъ мнѣ напомнилъ Гасфордовскій перевалъ въ Семирѣченскомъ краѣ.

Покуда мы ѣхали проходомъ, по ущелью со стороны Чемкента дулъ порывистый ураганъ, гоня тучи пыли и мелкихъ галекъ. У конца спуска, тянущагося верстъ на пять, стоитъ станція. Я спросилъ станціонныхъ казаковъ, часто ли дуютъ подобные ураганы и получилъ отвѣтъ, что здѣсь свирѣпствуютъ ежедневно послѣ обѣда сильные западные вѣтры. Казаки были на пикетѣ уже три мѣсяца и западный вѣтеръ дулъ ежедневно. Киргизы, живущіе близъ станціи, подтвердили, что этотъ вѣтеръ дуетъ постоянно.

Поѣхали къ Ауліе-ата, до котораго осталась всего одна станція, доходящая до сорока верстъ. Эту станцію мы тащились весьма долго по слегка всхолмленной мѣстности.

Налѣво темнѣютъ небольшія горы, направо, отдалясь къ югу, поднимаются снѣговые хребты, которыхъ я насчиталъ три, выглядывающихъ одинъ изъ-за другого. Скоро ураганъ окружилъ насъ такой завѣсой пыли, что едва можно было видѣть лошадей. Слѣва по небу поползла туча, которая застлала весь горизонтъ. Сталъ накрапывать холодный дождикъ. Лошади едва шли. Ямщикъ, для оправданія себя, пояснилъ, что киргизъ почтосодержатель, не кормящій лошадей ячменемъ, пригоняетъ лошадей на станцію со своего табуна. Черезъ пятнадцать дней каждая изъ нихъ уже едва ходитъ; тогда онъ беретъ ее назадъ въ табунъ и замѣняетъ новыми. Оттого лошади не выѣзжаны и, горячась сначала, очень утомляются.

Проѣхавъ мимо какой то старой могилы, близъ которой поселился сартъ, игравшій при кокандцахъ роль дувана, что соотвѣтствуетъ нашему городовому, а нынѣ спокойно занимающійся земледѣліемъ на землѣ, утверж-

денной за нимъ Черняевымъ, мы переѣхали здѣсь черезъ арыкъ, лежащій на серединѣ между станціей и городомъ. Вскорѣ нужно было переправиться черезъ два рукава Таласа, очень быстрой и многоводной рѣки. Близъ его русла, почти на полъ версты, раскидано много голышей и валуновъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы стали приближаться къ Ауліе-ата. Было очень холодно, когда ждавшій насъ полицейскій провелъ насъ по пустымъ, темнымъ улицамъ и показалъ на домъ, гдѣ была намъ отведена квартира. Г. и П. стояли около. Голодный и перезябшій, я бросился къ нимъ и былъ очень радъ догадливости, съ которой они оставили намъ обѣдъ. А тутъ еще цѣлая кипа газетъ за начало августа, новости, впрочемъ, свѣжія для насъ.

16—21-го сентября пробыли въ Ауліе-ата, работая довольно усердно.

Ауліе-ата совершенно новый городъ. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ города еще не было, но сартовъ-торговцевъ жило очень много по ауламъ киргизовъ Большой Орды и дикокаменныхъ.. Одному изъ нихъ, родомъ изъ города Касянъ, по сю сторону Намангана, пришла мысль собрать всѣхъ сартовъ въ одно мѣсто. Онъ это сдѣлалъ, и скоро возникло селеніе при арыкахъ, проведенныхъ изъ Таласа, протекающаго отсюда въ трехъ верстахъ. Потомъ кокандцы построили тутъ же свою цитадель. Основатель города былъ уважаемый по святости жизни сартъ, почему и городъ, имъ основанный, названъ Ауліе-ата, святой отецъ. Сынъ основателя живъ еще. Онъ пользуется особеннымъ арыкомъ, уступленнымъ ему горожанами, и исправляетъ должность ауліе-атинскаго казы. Ему можетъ быть лѣтъ шестьдесятъ, т. е. столько же, сколько Ауліе-атамъ.

Взятіемъ Ауліе-ата Черняевъ началъ свои средне-

азіатскія завоеванія. Артиллеріи штабсъ-капитанъ Медынскій, управляющій городскимъ населеніемъ, былъ во всѣхъ походахъ Черняева человѣкомъ, къ нему приближеннымъ. Онъ разсказалъ о взятіи Ауліе-ата слѣдующимъ образомъ.

2-го іюня Черняевъ подошелъ подъ Ауліе-ата съ восемью ротами и остановился на мысѣ Тектурмасъ, крайнемъ отрогѣ горъ, тянущихся съ сѣвера. На другой же день онъ поручилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитану Крассовскому произвести рекогносцировку восточныхъ воротъ города, къ которымъ близко примыкали сады. Когда уже отрядъ тронулся, подполковникъ Лерхе, помощникъ Черняева, попросилъ у послѣдняго дозволенія поѣхать къ рекогносцировочному отряду. Получивъ дозволеніе, онъ сталъ отдавать приказанія; Крассовскій отдавалъ тоже приказанія. Произошла ссора и сумбуръ, вслѣдствіе которыхъ никто не сдѣлалъ ничего. Только штабсъ-капитанъ Абрамовъ, командиръ артиллерійскаго взвода, дошелъ до самыхъ садовъ. Кокандцы поняли, что русскіе могутъ подойти садами къ стѣнамъ и ночью вырубили ихъ. Русскіе видѣли ночью огни, слыхали стукъ топоровъ и думали, что кокандцы окапываются, но съ разсвѣтомъ были удивлены, когда увидѣли, что у восточныхъ воротъ садовъ уже не существуетъ.

4-го іюня Черняевъ самъ повелъ весь отрядъ къ Ауліе-ата. Защитникъ крѣпости, кокандскій бекъ Ніазъ-Али, вывезъ два орудія и сталъ обстрѣливать переправу черезъ Таласъ. Наша артиллерія сбила ихъ орудія и Черняевъ двинулся на кокандцевъ, которые отступали, оттягиваясь къ востоку и югу. Наконецъ они скрылись въ городъ. Наша цѣпь подошла къ стѣнамъ. Два солдатика были ранены во рву кокандскими пулями. Кто то крикнулъ доктора! Солдаты подумали, что это ура; подхватили этотъ крикъ и бросились на стѣны. Прежде чѣмъ начальники успѣли опомниться, солдаты были

уже внутри города и кололи бѣгущихъ сарбазовъ. Тогда и артиллерія вскакала въ городъ черезъ восточныя ворота и самъ Черняевъ сталъ руководить штурмомъ.

Позабылъ сказать раньше, что одинъ манапъ, рода Багышъ, дикокаменныхъ киргизовъ, Байтыкъ, объявилъ чуть не войну кокандцамъ, держалъ ихъ въ осадѣ въ Пишпекѣ и осаждалъ нѣкоторое время Ауліе-ата. Это было незадолго до прихода сюда русскихъ. Оттого то и загорѣлась борьба между сартами и киргизами, кончившаяся опустошеніемъ долины Арыса. Съ другой стороны Черняевъ нашелъ въ нѣкоторыхъ киргизахъ Большой Орды и дикокаменныхъ сторонниковъ русскихъ. Такимъ образомъ къ намъ присталъ со своими аулами киргизъ Большой Орды Худай-Берды. Его отецъ находился тогда въ Чемкентѣ и, кажется, тоже сносился съ Черняевымъ. Кокандцы схватили его и выстрѣлили, привязавъ къ пушкѣ. Тогда на нашу сторону стали и всѣ родственники Худай-Берды, который служилъ намъ самымъ усерднымъ образомъ и все время Черняевскихъ походовъ находился при отрядѣ. Зато ему прямо данъ чинъ маіора.

7-го іюля, устроивъ все въ Ауліе-ата, Черняевъ двинулся къ Чемкенту, долиною Арыса. Подойдя къ нему, наша артиллерія выпустила во время рекогносцировокъ почти всѣ заряды, и войска, простоявъ около часу подъ перекрестнымъ огнемъ, отступили въ Ауліе-ата, чтобы въ сентябрѣ взять Чемкентъ окончательно.

Постройки этого города и внутренняя его архитектура во многомъ отличается отъ построекъ другихъ среднеазіатскихъ городовъ. По положенію Ауліе-ата, между двухъ снѣжныхъ хребтовъ, климатъ здѣсь довольно суровый. Уѣзжали мы изъ Чемкента очень жаркою порою, а здѣсь свѣжо не только утромъ, но и цѣлый день. Климатъ повліялъ на здѣшнія постройки.

Тутъ вся суть построекъ не заключается во дворѣ, какъ въ Чемкентѣ или Туркестанѣ.

Намъ была отведена просторная комната съ двумя окнами. Правда печки не было, за то потолокъ и ниши были и тутъ въ средніазатскомъ вкусѣ. На каменномъ полу, теперь застланномъ войлоками и коврами, была впадина, куда въ суровые холода насыпаются засыпаемыя золой горячіе уголья, замѣняющіе печи; во всякомъ же случаѣ это была комната, дверь изъ нея вела въ другую комнату, гдѣ слышались женскіе голоса; слѣдовательно и семейство хозяина живетъ въ такой же комнатѣ. На дворъ ведетъ широкая лѣстница. Онъ пересѣкается по длинѣ арыкомъ, обсаженнымъ небольшими деревьями. Дворъ уже похожъ на нашъ чисто содержанный дворъ, съ конюшнями, курами на немъ и домашними животными. Однимъ словомъ, здѣшнія постройки составляютъ нѣчто среднее между нашими домами и сартскими постройками въ Чемкентѣ.

Весь Ауліе-ата застроенъ лавками, такъ что, строго говоря, базаръ, крытый только кое-гдѣ, тянется по всему городу, заключенному въ оградѣ (т. е. въ предѣлахъ городской стѣны). Наружный видъ базара не совершенно схожъ съ базаромъ Чемкента. Тамъ вся дѣятельность сосредоточена въ лавкахъ, продающихъ всякую всячину. Здѣсь въ лавкахъ небольшое движеніе, за то всѣ улицы между лавками запружены верховыми киргизами и пригнанными ими баранами. Иногда киргизовъ бываетъ такъ много, что нѣтъ никакой возможности пройти или проѣхать. Управляющій мѣстнымъ населеніемъ штабсъ-капитанъ Медынскій разсуждаетъ совершенно вѣрно, что лучше стѣснить прохожихъ или проѣзжихъ, чѣмъ разогнать торговлю, запретивъ киргизамъ запружать улицы. Кромѣ базарныхъ улицъ, можно видѣть множество киргизовъ Большой Орды и дикокаменныхъ на эспланадѣ цитадели.

Тутъ кучами лежатъ бараны и рогатый скотъ, пригнанные изъ ауловъ на продажу. При Черняевѣ было назначено здѣсь два базарныхъ дня въ недѣлю, теперь въ Ауліе-ата во всѣ дни недѣли дозволено пригонять скотъ на продажу. По своему положенію на скотопрогонныхъ путяхъ изъ Сибирской степи и дикокаменныхъ киргизъ въ Среднюю Азію, Ауліе-ата долженъ былъ получить большое торговое значеніе, какъ только, по присоединенію къ Россіи, наша степь стала безопасно торговать со Среднею Азіей черезъ Ауліе-ата. Поэтому торговля этого города растетъ ежемѣсячно и, вѣроятно, получитъ весьма большое развитіе. Торговля скотомъ, покупаемымъ и на деньги и на товары, составляетъ характеристическую черту Ауліе-ата. Пригоняя въ городъ нѣсколько барановъ, киргизъ покупаетъ матеріи на платье и все, что ему нужно. Вслѣдствіе того, торговля Ауліе-ата ведется преимущественно съ киргизами и вслѣдствіе того же здѣсь нуженъ такой большой базаръ.

Сартская слободка довольно велика, она идетъ къ юго-востоку отъ города и похожа на всѣ другія слободки среднеазіатскихъ городовъ. Впрочемъ, весьма мало зелени. Не оттого ли это происходитъ, что здѣсь гораздо суровѣе климатъ и что, слѣдовательно, не чувствуется потребности въ тѣни, какъ въ мѣстахъ, гдѣ жара лѣтомъ доходитъ до пятидесяти градусовъ?

Русская слободка расположилась подъ стѣнами цитадели и по сѣверную часть города. Около самой слободки протекаетъ одинъ изъ рукавовъ Таласа, глубиной въ этомъ мѣстѣ до трехъ футовъ. Каждый русскій офицеръ имѣетъ здѣсь свой домъ, а воды подъ бокомъ сколько угодно. Одно только неудобно—зелени мало, отчего слободка приняла по наружности характеръ нашей степной деревни. Медынскій развелъ около своего домика садикъ, но это покуда нѣсколько пучковъ розогъ, не болѣе.

По той сторонѣ Таласа раскинуто много юртъ, принадлежащихъ джетакамъ. Они живутъ, дѣлая бузу и принимая на ночлегъ пріѣзжающихъ въ городъ киргизъ. Буза и женщины привлекаютъ къ джетакамъ въ большомъ количествѣ нашихъ солдатъ. Буза дѣлается изъ проса, которое размеливается и поливается водой, потомъ затору даютъ винное броженіе и пьютъ во всей густотѣ и безвкусіи. Буза бѣловатаго цвѣта, густа и противна до такой степени, что меня, неприхотливаго на пищу, чуть не вырвало за выпитый глотокъ. Впрочемъ, нѣкоторые солдатики привыкли къ бузѣ и есть между ними мастера, выпивающіе въ день около ведра этого мерзкаго пойла.

Кромѣ ограды кругомъ города, въ западномъ углу его построена цитадель, довольно крѣпкая, какъ всѣ цитадели среднеазіатскихъ городовъ. Замѣчательно, что въ Туркестанѣ, Чемкентѣ и Ауліе-ата, по взятіи нами этихъ городовъ, цитадели не оборонялись, когда всѣ онѣ гораздо сильнѣе городской ограды и требовали бы большой энергіи и трудныхъ работъ для того, чтобы овладѣть ими. По взятіи городовъ, русскіе основались въ цитаделяхъ, исправивъ стѣны и выстроивъ барбеты для обстрѣла артиллеріей. Въ этихъ цитаделяхъ горсти нашихъ войскъ неодолимы, лишь бы было продовольствіе и вода.

Внутри ауліе-атинской цитадели находится домъ коменданта, расположенный на возвышенности и къ которому ведутъ длинныя лѣстницы; этотъ домъ можетъ служить редюитомъ.

18-го числа Медынскій предложилъ намъ поѣхать за двадцать пять верстъ къ одному манапу рода Багышъ, дѣлающему поминки по отцѣ. Аулы этого манапа были расположены у горъ, близъ щели Капка, ведущей въ Кара-Буринскій проходъ. Мы приняли его предложеніе и отправились.

Ровная степь между горами, составляющая долину Таласа, была очень плодородна и очень многимъ напоминала лучшія мѣста сибирской степи, напримѣръ Семирѣченскій и Заилійскій края. Нанесенный съ горъ черноземъ, отъ котораго уже отвыкъ нашъ глазъ, долженъ быть очень плодороденъ, судя по густой травѣ, росшей по степи. По пути намъ безпрерывно попадались снятыя пашни и обильные арыки, проведенные изъ Таласа. По степи порхало множество степныхъ рябчиковъ и цѣлыя тучи стрепетовъ. Впереди, по мѣрѣ нашего движенія, горы поднимались выше и выше. Слѣва показались огромные отроги вѣчно снѣжнаго Александровскаго хребта, составляющаго продолженіе Тянь-Шаньскаго хребта. Исторія, почему онъ названъ Александровскимъ, довольно интересна. По взятіи Пишпека, Гасфордтъ пустился въ соображенія такого рода: завоеванія императора Александра II дошли до того хребта, который другимъ концомъ упирается якобы въ рѣку, послужившую сѣверной гранью завоеваніямъ Александра Македонскаго, на этомъ основаніи назвать эти горы хребтомъ Александровскимъ. Послѣ оказалось, что Александровскій хребетъ не доходитъ до Сыръ-дарьи и почти у Ауліе-ата упирается въ долину Таласа.

Прямо противъ насъ протягивался другой хребетъ, хотя и весьма высокій, но не покрытый снѣгомъ. У подножья его были раскинуты аулы рода Багышъ. Верховые обогнали ѣдущихъ въ тарантасѣ и мы первыми подъѣхали къ ауламъ, окруженнымъ нѣсколькими сотнями конныхъ киргизъ. Хозяинъ, вмѣстѣ съ важнѣйшими лицами, своими гостями, выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. Между ними находился и Худай-Берды, въ маіорскихъ эполетахъ, про которыя я говорилъ выше. Мы были введены въ юрты съ извиненіемъ, что, еслибы было извѣстно про пріѣздъ подобныхъ дорогихъ гостей, то была бы выставлена юрта, достойная насъ. Засимъ

намъ объявили, что байга уже окончена, что выиграла первый призъ лошадь хозяина, но что для насъ бѣгунцы будутъ пущены еще разъ. Черезъ нѣсколько времени бѣгунцы были готовы; насъ всѣхъ попросили выйти и осмотрѣть ихъ. Бѣгунцы проходили справа по одному и переводчику передавали про каждую лошадь, кому она принадлежитъ. У лошадей, какъ водится, холки были украшены перьями и управлялись они мальчиками.

Въ ожиданіи, когда бѣгунцы возвратятся, народъ частью сошелъ съ лошадей и усѣлся большимъ полукругомъ. Намъ разостлали коверъ. Началась сначала борьба. Кара-киргизы боролись съ киргизами Большой Орды и большею частью оставались побѣдителями. При этомъ нельзя было не замѣтить, что побѣдитель былъ привѣтствуемъ криками своего племени; такъ и видно, что отъ подобной борьбы оба племени, и Большая Орда, и Буруты, готовы при малѣйшемъ поводѣ перейти къ настоящей дракѣ. Мы раздавали побѣдителямъ по нѣскольку аршинъ ситца, платки, съ приличной накладкой серебра и бумажекъ, которыя, кажется, принимаются новыми подданными Россіи очень охотно.

На скачкѣ первый призъ, къ которому мы приложили пятнадцать рублей, выиграла опять лошадь хозяина. Появленіе лошадей и раздача призовъ шли обыкновеннымъ въ этомъ случаѣ порядкомъ.

Послѣ байги доморощенные пѣвцы импровизировали. Каждый изъ нихъ пѣлъ намъ что-нибудь. Одинъ кара-киргизъ покрылъ себя при этомъ славою. Вотъ суть его импровизаціи, какъ передано мнѣ переводчикомъ: «счастье всегда сопутствуетъ русскимъ. Теперь, побѣдивъ зеленосапожныхъ кокандцевъ, они забрали и синехалатныхъ сартовъ и бѣлошапошниковъ (акъ—колпакъ, простонародное названіе дикокаменныхъ киргизовъ); но, забравъ города и народы, русскіе помирили и юсунь съ бурутами, и киргизовъ съ сартами, и прекратили вѣко-

выя распри, для того, чтобы всѣ подданные Бѣлаго Царя жили тихо и спокойно». Эта импровизація сопровождалась, между куплетами, довольно ловкимъ бряцаніемъ по балалайкѣ. Кара-киргизъ игралъ третьимъ, либо четвертымъ. Вида онъ не внушающаго, да и вниманіе было уже притуплено; но когда, взявъ нѣсколько балалаечныхъ аккордовъ, онъ сказалъ первый речитативъ, народъ, окружавшій теперь со всѣхъ сторонъ коверъ, на которомъ мы сидѣли, придвинулся, чтобы удобнѣе было слышать пѣвца, особенно потому, что его голосъ былъ несиленъ. По второму и третьему речитативу раздались голоса: громче! яснѣе! и вся окружающая публика стала слушать съ величайшимъ вниманіемъ. Вообще успѣхъ его былъ вполнѣ блестящій.

Послѣ пѣнія играли въ кокъ-бурэ. Всѣ эскадроны принимали участіе въ бѣшеной скачкѣ. Картина была до высшей степени живописна. Впереди и по бокамъ насупились темныя горы. Налѣво выглядывали опорошенные снѣгомъ бѣлки Александровскаго хребта. Здѣсь, по незамѣтной покатости, разбросаны были аулы со стадами пасущагося въ окрестностяхъ скота. Небо было чистое и ясное. Вся природа и обстановка, кончая ровною степью, тянущеюся до самыхъ Ауліе-атовъ, и дикарями, только что подчиненными Россіей два года тому назадъ, была совершенно оригинальна и непривычна для насъ, уроженцевъ Сѣверной Европы. За киргизомъ, овладѣвшимъ козленкомъ, носились вперелъ и назадъ цѣлыя сотни всадниковъ, поднимаясь по покатостямъ хребта или летая по низменной степи. Когда козленокъ падалъ на землю, всѣ всадники бросались къ тому мѣсту; происходила невообразимая давка, увеличивающаяся еще оттого, что лошади горячились, и отъ только что оконччившейся бѣшеной скачки, и отъ щедрыхъ нагаечныхъ ударовъ, раздаваемыхъ киргизами лошадямъ своихъ сосѣдей. Смотря на эту топчущуюся на мѣстѣ кучу пры-

гающихъ и горячащихся лошадей, казалось, что вотъ-вотъ раздавятъ или искалѣчатъ кого-нибудь. Ничуть не бывало. Кто-нибудь вырывалъ козленка изъ этой кучи и вся масса всадниковъ съ ревомъ и воплемъ кидалась въ карьеръ за несущимся впередъ всадникомъ.

Послѣ мы обѣдали, благодаря кухнѣ, взятой съ собой. Впрочемъ, едва мы усѣлись обѣдать, какъ нѣсколько киргизовъ, предводимыхъ хозяиномъ манапомъ, внесли блюдо съ пилавомъ и вареною кониною.

Только позднимъ вечеромъ мы пріѣхали въ Ауліе-ата. Сдѣлавъ верхомъ около шестидесяти верстъ крупною рысью, я очень усталъ и сейчасъ же улегся спать.

Намъ дѣлалъ вечеръ также здѣшній аксакалъ, выходецъ изъ Ходжента и человѣкъ, кажется, весьма хитрый, т. е. понимающій, что русскихъ ни за что не выкурятъ отсюда. Когда мы взошли въ залу, то мое вниманіе обратилось на архитектуру; она та же самая, какъ и въ комнатахъ хозяина, гдѣ наша квартира, т. е. — окна, азіатскій потолокъ и каменный полъ, крытый коврами. Весь столъ былъ уставленъ подносами съ фруктами и азіатскими угощеніями. Вскорѣ насъ вызвали на улицу, тамъ былъ приготовленъ бой барановъ. Для этого два жирнѣйшихъ барана съ огромными рогами были приведены на веревкахъ. Засимъ веревки были спущены и хозяева съ крикомъ: брр! бррр! бррр! толкнули барановъ другъ на друга. Они разомъ поняли свое положеніе и съ мѣста бросились вскачъ, опустивъ головы другъ на друга. Произошелъ ударъ лбами такой, что, мнѣ казалось, одинъ долженъ былъ бы лечь на мѣстѣ. Такъ можно было судить по сильному костяному звуку, происшедшему отъ удара. Барановъ опять растаскиваютъ: новый ударъ. Одинъ баранъ падаетъ на переднія ноги, чѣмъ избѣгаетъ удара своего противника. Хоть онъ и притворяется, что часто жуетъ жвачку, однако его трусливое волненіе замѣтно всѣмъ и хозяинъ,

треснувъ побѣжденнаго по мордѣ, при смѣхѣ толпы уводитъ съ мѣста боя. Разъ бой между двумя самсонами продолжался весьма долго; храбрые бойцы до того таранили другъ друга лбами, что оба стали тяжело и скоро дышать, высунувъ языки. Не довольствуясь ударами съ разбѣга, они и послѣ него, стоя другъ подлѣ друга, подталкивали одинъ другого въ бока рогами; наконецъ, одинъ сдался, а противъ другого никто не смѣлъ выставить бойца. Это было темно-коричневое, крупное, красивое животное, съ большими рогами и курдюкомъ необъятной толщины.

Танецъ бачи, входившій въ программу праздника, былъ отмѣненъ, какъ объяснилъ намъ хозяинъ, за болѣзнью одного танцора. Затѣмъ началась борьба. По азіатской враждебности между разными родами и племенами людей, сарты стали бороться съ киргизами изъ числа зрителей, и, къ величайшему моему удовольствію, почти никто изъ нихъ не поборолъ кочевниковъ.

Стало уже совсѣмъ темно, когда мы вернулись въ комнаты аксакала, гдѣ къ яствамъ присоединились пельмени, пилавъ и чай. Это для вкуса. Для услажденія же слуха вошелъ одинъ сартъ, который, снявъ со стѣны щегольски сдѣланный изъ вересковаго дерева, обложеннаго костью, кабызъ, сталъ играть на немъ. Въ его игрѣ, мнѣ казалось, не было никакой мысли и я не могъ отличить одну пьесу отъ другой. Между тѣмъ хозяинъ говорилъ ему, что именно играть и въ особенности рекомендовалъ нашему вниманію одну пьесу, «очень скучную», а на мой слухъ — все одно и то же. Такъ европейцу кажутся всѣ монгольскія или обезьяньи лица одинаковыми и такъ, въ свою очередь, киргизамъ, какъ они говорили, кажутся одинаковыми всѣ бѣлокожія лица.

Недалеко отъ Ауліе-ата, въ горныхъ щеляхъ, очень много лѣса, котораго, впрочемъ, не мало въ горахъ, по

долинамъ Арыса и верховьямъ Бадамы. Извести, по словамъ Татаринова, очень много во всѣхъ окрестныхъ горахъ. Несмотря на это, Ауліе-ата едвали удобенъ для центральнаго управленія степью, прежде всего потому, что съ Алатавскимъ округомъ и страною, лежащею къ югу отъ хребта Каратау, Ауліе-ата сообщается по труднымъ путямъ. Къ сѣверу отъ города тянутся безплодные пески Акъ-Кумъ сплошь до самаго Чу, за которымъ разостлалась Голодная степь. Такое положеніе, давая возможность вести значительную торговлю скотомъ, отнимаетъ надежду, чтобы городъ развился въ мануфактурномъ отношеніи, а тѣмъ менѣе чтобы онъ началъ отправлять сырые продукты, хлопокъ и коконы въ Россію.

Если ужъ нужно тратить деньги на устройство генералъ-губернаторской резиденціи, то желательно, чтобы онѣ дали Россіи наибольшіе проценты. Поэтому, кажется, генералъ-губернаторская резиденція должна быть выбрана на мѣстѣ, которое способно служить главнымъ этапомъ для отвоза отсюда сырыхъ произведеній и привоза московскихъ ситцевъ и вообще русскихъ произведеній, которыми необходимо снабжать не только киргизовъ, но и всю Среднюю Азію.

Хотя на основаніи этихъ соображеній и нельзя признать Ауліе-ата удобнымъ для резиденціи генералъ-губернатора, однако мы просили Медынскаго составить намъ записку о лѣсахъ, находящихся въ его раіонѣ, и о томъ, какимъ образомъ они могли быть доставляемы въ городъ. Мнѣ кажется, что при выборѣ мѣста подъ генералъ-губернаторскую резиденцію нужно имѣть въ виду, что сарты, изыскивая мѣста подъ города, должны были руководиться желаніемъ найти пункты: во-первыхъ, способные служить мѣстомъ склада для удобнѣйшаго сбыта среднеазіатскихъ товаровъ въ киргизскую степь; во-вторыхъ, способные служить посредниками торговли

между Среднею Азіею и Китаемъ. Далѣе, тѣ города могли особенно развиваться, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могли служить посредникомъ между Россіей и Среднею Азіей. При выборѣ пункта подъ большой торговый городъ мы, русскіе, должны имѣть въ виду одно: легкость сообщенія съ Россіей съ тѣмъ, чтобы наши товары могли идти во всю Среднюю Азію, и удобство отправки изъ принадлежащихъ Россіи частей Средней Азіи сырыхъ продуктовъ въ Россію. Этимъ условіямъ можетъ удовлетворить только пунктъ, лежащій на Сыръ-дарьѣ. Къ чисто-торговымъ видамъ присоединяются соображенія административныя: 1) резиденція генералъ-губернатора должна быть на передовой линіи обороны имперіи, 2) должна быть возможно ближе къ серединѣ этой обороны и 3) отстоять по возможности равно отъ губернскихъ городовъ степи. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мнѣ и кажется удобнымъ построеніе резиденціи генералъ-губернатора при устьяхъ рѣки Арыса.

Въ Ауліе-ата намъ подарили пару молодыхъ рысей, взятыхъ въ Александровскомъ хребтѣ. Мы ихъ хотимъ отвезти въ Москву, въ зоологическій садъ, и сдѣлали клѣтку, которая бы привязывалась къ экипажу сзади. Кромѣ того, мы купили на ауліе-атинскомъ базарѣ девять штукъ кикликовъ, которыхъ тоже постараемся отвезти туда же. Сарты держатъ въ большомъ количествѣ самцовъ кикликовъ и перепеловъ. Это почти такая же страсть, какъ у нашихъ купцовъ къ устройству на своемъ дворѣ скворечника; но сарты держатъ ихъ не безкорыстно, а пріучаютъ къ дракѣ и потомъ потѣшаются, спуская сердитыхъ бойцовъ. Они очень хорошо ихъ воспитываютъ. Я видѣлъ, какъ киклики и перепелки принимали боевую позу, какъ только что ихъ хозяинъ слегка ударялъ ихъ по носу.

Въ Ауліе-атахъ, какъ вездѣ, мы разспрашивали почетныхъ лицъ про устройство города. Городъ раздѣ-

ляется на двѣ части. Одною управляетъ старшій аксакалъ, другою — младшій. Кромѣ того, есть еще одинъ аксакалъ въ сартской слободкѣ. Итого три аксакала, въ томъ числѣ одинъ старшій. Должность раиса уничтожена въ Ауліе-ата со времени взятія города. Старшій аксакалъ исполняетъ его полицейскія обязанности; духовныя обязанности раиса возложены на казы и агляма, а исправленіе улицъ, мостовъ, арыковъ, путей сообщенія на территоріи города—на базаръ-баша. Остальныя обязанности аксакала, казы и базаръ-баша тѣ же самыя, что и въ Чемкентѣ. Аглямъ есть ученый муфтій и исполняетъ должность послѣдняго; но кромѣ того, онъ еще учитель въ медрессе. Кажется, учителемъ въ медрессе назначался обыкновенно самый ученый человѣкъ города и званіе это не соединялось съ другимъ. Въ Туркестанѣ учитъ въ медрессе казы-келямъ; въ Чемкентѣ—казы; здѣсь и въ Сайрамѣ—аглямъ.

Въ Ауліе-ата мы нашли новую должность—зякетчи, сбирающаго зякетъ. Зякетъ, по шаріату, слѣдуетъ со всѣхъ безъ исключенія, но кокандское правительство собирало его только съ купцовъ, которые и составляютъ здѣсь классъ богатыхъ. Остальные же, не платящіе зякетъ правительству, отдавали его, согласно предписаніямъ корана, или должны были отдавать сами: бѣднымъ, ходжамъ и на другія богоугодныя дѣла. При кокандскомъ владычествѣ зякетчи были въ разныхъ городахъ, главный же находился въ Ташкентѣ. Каждый караванъ, выходящій въ какой-нибудь другой городъ, платитъ по оцѣнкѣ зякетчи сороковую долю стоимости ввозимыхъ товаровъ. Владѣтелю каравана выдается квитанція, которая избавляетъ его отъ платы въ этомъ году зякета на всемъ пространствѣ кокандскаго ханства. Въ Бухарѣ и Хивѣ, впрочемъ, если караванъ направляется туда, возьмутъ еще разъ зякетъ, такъ-же какъ въ Кокандѣ взыщется зякетъ со всякаго каравана, при-

ходящаго изъ другихъ странъ, хотя онъ тамъ уже и былъ бы очищенъ уплатою сороковой доли стоимости всѣхъ товаровъ.

Всѣ платящіе хераджъ и танапъ, т. е. всѣ занимающіеся земледѣліемъ или, иначе, бѣдные, освобождаются отъ зякета. Если кто живетъ отдачею денегъ въ ростъ, то съ того, который взялъ деньги для торговли, зякетъ взыщется на общемъ основаніи. Съ владѣльцевъ караванъ-сараевъ зякетъ сбирается, если доходъ, приносимый сараемъ, не менѣе двадцати тилля. Со всѣхъ другихъ домовъ, не отдаваемыхъ въ наемъ подъ проѣзжихъ, зякетъ, кажется, не собирался. Съ барановъ зякетъ сбирался, если по оцѣнкѣ зякетчи, кто-либо владѣетъ ими болѣе, чѣмъ на сумму двадцать тилля. По шаріату же слѣдуетъ сбирать на этомъ же основаніи со всего скота, исключая рабочаго.

Зякетчи сбиралъ зякетъ и передавалъ его въ Ауліе-ата коменданту, который пересылалъ его въ Ташкентъ, откуда собранныя деньги требовались уже ханомъ въ Кокандъ. Если тамъ царствовалъ ханъ справедливый, то онъ отдавалъ все бѣднымъ, ходжамъ, мечетямъ, школамъ, согласно предписанію шаріата; «но мы этого никогда не видѣли, добавили жители Ауліе-ата, и ханы всегда употребляли зякетъ въ свою пользу». Если ханъ и давалъ на богоугодныя дѣла какую-нибудь частицу изъ зякета, то назначенная сумма оставалась у Ауліе-атинскаго коменданта для употребленія по назначенію. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о зякетѣ, ауліе-атинцы прибавили, что всякій, имѣющій состояніе, которое трудно усчитать, какъ, напримѣръ, капиталъ, и тѣ, которые владѣли верблюдами, лошадьми и коровами, должны были отдавать зякетъ бѣднымъ помимо зякетчи; всякій же торговый человѣкъ съ каравановъ, и тѣ, которые имѣли барановъ, должны были отдавать зякетъ въ руки зякетчи и не могли отговариваться тѣмъ, что

они уплатили уже зякетъ раздачей его бѣднымъ и вообще по назначенію шаріата. На военные расходы кокандскій ханъ накладывалъ экстренные сборы, которые допускаются шаріатомъ.

Въ Ауліе-атѣ триста восемьдесять лавокъ, въ томъ числѣ восемьдесять пустыхъ. Занято товарами триста лавокъ; лѣтомъ же занимаются обыкновенно всѣ лавки наѣзжающими сюда скупщиками скота. Наемъ лучшей лавки стоитъ отъ тридцати до трехъ рублей въ годъ. Всѣ онѣ построены частными лицами. Аксакалъ снялъ базаръ и вѣсы за 3.290 р. с. въ годъ и сбираетъ полъ копѣйки съ пуда всякаго хлѣба и по десяти копѣекъ съ каждой проданной коровы, по двадцати копѣекъ съ лошадей и верблюдовъ, по пяти и десяти копѣекъ, смотря по величинѣ, съ жеребятъ и телятъ и по пяти копѣекъ съ барана. Аксакалъ не сбираетъ ничего съ сѣна и джумурчки. По его словамъ, онъ несетъ чистаго убытка до трехсотъ рублей въ годъ, причемъ, впрочемъ, нѣсколько купцовъ фыркнуло. Всѣ присутствующіе жители единогласно объявили, что если бы базарный сборъ былъ уничтоженъ, то торговля чрезвычайно усилится. Купцамъ особенно непріятно, что, кромѣ базарнаго сбора, правительство сбираетъ зякетъ со всѣхъ гуртовъ, отправляющихся въ Ташкентъ. Зякетъ на барановъ предписалъ сбирать Черняевъ въ то время, когда Ташкентъ не былъ еще въ нашихъ рукахъ. Это было нѣчто въ родѣ сбора, существовавшаго на нашей западной границѣ за перегоняемый скотъ. Теперь сборъ этотъ аномалія, но удержанъ во всей силѣ. Сборомъ со скота вѣдаетъ городничій и подъ нимъ зякетчи. Для записыванія сбора существуетъ особенная шнуровая книга. Вслѣдствіе того каждый баранъ оплачивается два раза; далѣе, продавая барана на мѣстѣ въ Чемкентѣ, либо Ташкентѣ, нужно опять платить сборъ.

Базаръ-башъ сбираетъ съ каждой лавки по двадцати

копѣекъ въ мѣсяцъ, т. е. со всѣхъ по сорока рублей въ мѣсяцъ, на наемъ помѣщенія для полиціи, освѣщенія базара, наемъ сторожей и покупку пожарнаго инструмента. Базаръ-башъ получаетъ въ мѣсяцъ десять рублей жалованья.

На базарѣ продаются кокандскія, ташкентскія и русскія произведенія. Послѣдними торговля довольно значительна, потому что русскіе товары приносятъ болѣе дохода, чѣмъ азіатскіе. Въ общей сложности можно положить оборотъ каждой лавки въ полтоты тысячи рублей.

Чай идетъ изъ Алматовъ (т. е. Кульджи и Чугучака) въ Ауліе-ата по малости. Особенной чайной лавки нѣтъ, а всѣ продаютъ понемногу. Въ настоящемъ году черезъ городъ въ Наманганъ изъ Вѣрнаго (до половины сентября) прошло около четырехсотъ пудовъ чаю.

Мною собраны въ Ауліе-атахъ слѣдующія свѣдѣнія о караванныхъ путяхъ:

1) Изъ Ирбита и Макарьевской ярмарки караваны идутъ на Акмоллы, Актау, Голодную степь, Чулакъ-курганъ или Итъ-кичу (или Сыры-курганъ на Чу). По Голодной степи вездѣ есть кормъ и хорошая вода, такъ что этимъ путемъ можно прогонять рогатый скотъ. Гдѣ колодцы, тамъ они достаточны на триста, четыреста рогатыхъ головъ сразу, а черезъ два, три часа колодцы опять наливаются. Когда я спросилъ, можно ли открыть по этому пути почтовый трактъ, сарты засмѣялись и спросили, почему же нѣтъ?

2) Изъ Семипалатинска черезъ Бектъ-тау-ата, мимо горъ Аркарарлы и Кара-Куль на прежнюю дорогу къ переправѣ черезъ Чу у брода Казанганъ-Уткуль въ Ташкентъ, а въ Ауліе-ата отъ горъ Аркарарлы караваны поворачивали на Итъ-Кичу и прямо шли въ Ауліе-ата.

3) Наманганскіе караваны въ небольшомъ числѣ

идутъ на Кара-Бурлинскій проходъ, большею же частью идутъ на Ташкентъ. Кара-Бурлинскій проходъ очень труденъ съ октября до мая, когда по немъ никто не ѣздитъ, такъ какъ онъ всегда засыпанъ снѣжными завалами. Сарты объявили, что они надѣятся, что русскіе сдѣлаютъ Кара-Буру проходимою, что, по ихъ словамъ, весьма важно для города.

Въ Ауліе-ата я досталъ образцы всѣхъ азіатскихъ товаровъ, продаваемыхъ на базарѣ.

Торговля баранами между дикокаменнымн киргизами, нашими степями и кокандскими городами ведется съ давнихъ поръ. Должники записываются купцами въ книги и никогда не отпираются. Если и не отдаютъ въ назначенный срокъ, то вслѣдствіе невозможности отдать. Купцы обыкновенно кладутъ съ тысячи барановъ пятьдесятъ штукъ на неаккуратныхъ должниковъ, если не было зимою джута.

Въ Ауліе-ата имѣется одинъ кожевенный заводъ, три чугунныхъ, нѣсколько мыловаренныхъ. Въ двѣнадцати верстахъ отъ города имѣется постоялый дворъ, на возобновленіе котораго Черняевъ далъ сто рублей. Въ городѣ есть общественная баня, составляющая по завѣщанію жертвователя собственность главной мечети.

Основные жители Ауліе-ата—сарты, осѣвшіе здѣсь изъ разныхъ городовъ Кокандскаго ханства и переселившіеся сюда ради торговыхъ дѣлъ. Есть и татары изъ Россіи, которые такъ же, какъ и сарты занимаются по преимуществу торговлею. И тѣ и другіе занимаются также и земледѣліемъ. Въ числѣ жителей есть сеиды и ходжи.

Земля, принадлежащая городу, дѣлится на коши, которыхъ, по показанію серкера, имѣется сто семь; по свѣдѣніямъ же городничаго пятьсотъ. Есть земли, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, и на правѣ потомственнаго владѣнія земледѣлецъ можетъ уступить свой

участокъ другому съ согласія общества. Для наблюденія за арыками общество выбираетъ мураба, т. е. арыкъ-аксакала. Мурабовъ по одному при каждомъ арыкѣ или всего пять. Торговцы, живущіе въ городѣ и желающіе заниматься земледѣліемъ, получаютъ, съ согласія общества, участки на общемъ основаніи. При городѣ есть выгонъ, безъ опредѣленныхъ границъ. Киргизы допускаютъ пасти городскія стада и на своихъ земляхъ.

При Ауліе-ата пять арыковъ: 1) На Учъ-Курганѣ, 2) на Джалы-Иганѣ, 3) Учъ-Булакѣ, 4) Караулѣ и 5) Кошѣ-Тюбѣ. Этими пятью арыками сарты пользуются въ совокупности съ киргизами, исключая Кошъ-Тюбе, купленнаго у Байзапа, Чемыровскаго рода. Арыки жителямъ, поселившимся въ Ауліе-ата, достались старые, которые и были расчищены совокупными силами, причемъ каждый, желавшій принимать участіе въ землевладѣніи, участвовалъ въ работахъ. Земля, прилегающая къ арыкамъ ежегодно распредѣляется между землевладѣльцами; остающаяся же затѣмъ свободною дѣлится по жребію. Актовъ на землю не имѣютъ, за исключеніемъ казы, сына основателя, который имѣетъ документъ на арыкъ, оставшійся ему отъ отца. Еще при жизни послѣдняго, сарты арендовали у него арыкъ за право сбора хераджа и танапа, со времени же завоеванія русскими этимъ арыкомъ пользуется общество безплатно. Старшій аксакалъ имѣетъ также свой арыкъ на пятнадцать кошей, устроенный имъ тринадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ пользуется имъ безпрепятственно. Въ настоящемъ году онъ устроилъ еще одинъ арыкъ, расчистивъ старый. Въ этомъ случаѣ, кромѣ аксакала, работалъ и здѣшній зякетчи, который устроилъ въ вершинѣ арыка мельницу, а аксакалъ—бахчу.

Въ Ауліе-ата одинъ казы, отправляющій эту обязанность уже сорокъ лѣтъ. Его отецъ, основатель города, тоже былъ казы. При разборѣ дѣлъ, казы рѣшаетъ по

шаріату, причемъ требуетъ свидѣтелей, а за неимѣніемъ ихъ налагаетъ на отвѣтчика очистительную присягу. Недовольные рѣшеніемъ казы жаловались беку, который созывалъ нѣсколькихъ казы по выбору тяжущихся. Собраніе дѣлало въ присутствіи бека постановленіе, кокорое записывалось муфтіемъ въ книгу, съ приложеніемъ печати, и утверждалось бекомъ. Этотъ порядокъ сохраняется и нынѣ съ замѣною бека русскимъ чиновникомъ. Казы за рѣшеніе дѣла получалъ вознагражденіе отъ двадцати копѣекъ до двухъ рублей. Жалованья отъ правительства онъ не получаетъ, но ему жители города даютъ въ праздникъ подарки. Апелляція на казы восходитъ, какъ сказано выше, къ городничему, который созываетъ судъ аксакаловъ и они, въ присутствіи его, рѣшаютъ дѣло и получаютъ росписки въ окончаніи дѣла, съ засвидѣтельствованіемъ городничаго. При этомъ вознагражденія не получаютъ. Въ прошломъ году двѣ женщины обратились къ управляющему туземнымъ населеніемъ съ жалобой, что мужья заставляютъ ихъ развратничать ради денегъ. Назначенъ былъ судъ аксакаловъ, который рѣшилъ дѣло, разведя обѣ пары. Другое дѣло: жена въ двухлѣтнее отсутствіе мужа вышла за другого и дѣло рѣшено въ ея пользу, такъ какъ, по шаріату, мужъ, отсутствующій въ продолженіе года и не оставившій женѣ средствъ къ жизни, лишается правъ на жену, которая тогда можетъ выйти за другого.

По распоряженію городничаго при разборѣ ссоръ между сартами дѣлается вычетъ въ пользу медрессе. Для записыванія суммы, собираемой такимъ образомъ, существуетъ особенная книга.

При спорахъ между сартами и киргизами дѣла рѣшаются по шаріату, если ищетъ сартъ, и по киргизскому обычаю, если искъ со стороны киргиза. Недавно за убитаго киргизами сарта дѣло рѣшено уплатою ви-

новными куна. Небольшія дѣла въ Ауліе-атахъ рѣшаются третейскимъ судомъ. Предоставленіе тяжущимся сторонамъ выбирать посредниковъ для рѣшенія споровъ по совѣсти находятъ полезнымъ, такъ какъ третейскій судъ не противорѣчитъ шаріату. Однако присутствующіе выразили желаніе сохранить по завоеваніи города русскими существующій порядокъ судопроизводства.

Ауліе-ата, съ завоеванія русскими, никакихъ податей не платилъ. Теперь назначено собрать хераджъ и танапъ. Служащіе подали городничему просьбу объ освобожденіи ихъ отъ поземельной подати. Назначеніе извѣстной суммы въ подать съ города и предоставленіе обществу права раскладки находятъ возможнымъ и чрезвычайно полезнымъ.

Въ городѣ шесть мечетей, изъ которыхъ при каждой есть имамъ. Они содержанія не получаютъ, а прихожане дѣлаютъ имъ подарки въ праздники и посты. Бракоразводныя дѣла рѣшаетъ казы, онъ же читаетъ молитвы при вѣнчаніи, за что получаетъ отъ пяти до десяти кокановъ. За вѣнчаніе вдовъ беретъ по рублю. Школъ въ Ауліе-ата шесть, медрессе одно.

Это все взято со словъ Нахметъ-бая, старшаго аксакала (выходецъ изъ Намангана), помощника его Мирзы-Сейдъ-бая, базаръ-баши Хамутъ-бая, серкеря Иманъ (турокъ по происхожденію; сперва богатый человѣкъ, ограбленный кокандцами. Онъ содѣйствовалъ Черняеву во всѣхъ его походахъ), аксакала татарской слободки Май-Мурата, зякетчи Мурзы-Ахмета, казы-имама Жогофара и почетныхъ лицъ: имама Сейдъ-Бекара и аляма-Абдурахима. Разспросы у нихъ продолжались, какъ всегда, въ нѣсколько пріемовъ.

У насъ были собраны и киргизы, принадлежащіе къ Ауліе-атинскому округу. Они принадлежатъ къ племени бурутовъ, дикокаменныхъ киргизовъ и къ Большой Ордѣ. Роды кара-киргизовъ слѣдующіе: родъ *Сару*

кочуетъ лѣтомъ и зимой по долинѣ Таласа, не переваливая на югъ за Кара-Буринскій проходъ и горы Уртакъ-Тау, составляющіе нашу временную границу. Земли, гдѣ кочуютъ, съ давнихъ поръ принадлежали ихъ отцамъ. Аулы зимуютъ не всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, но права на земли разграничены между родами и подраздѣленіями. У манаповъ существуютъ курганы для склада имущества и хлѣба, переданные имъ отъ отцовъ; богатые кара-киргизы тоже по ихъ примѣру заводятъ курганы, которые передаются по наслѣдству въ семействѣ. Сару считаютъ двѣ тысячи триста кибитокъ.

Родъ *Кощи* кочуетъ у Кара-Буринскаго прохода и по южному склону Уртакъ-Тау, т. е. въ предѣлахъ оставшихся частей Кокандскаго ханства. Въ родѣ Кощи считается шестьсотъ пятьдесятъ кибитокъ.

Родъ *Саякъ*. При заявленіи подданства саяки объявили, что ихъ десять тысячъ кибитокъ. Когда же съ нихъ потребовали кибиточный сборъ, они покаялись, что ихъ всего три тысячи кибитокъ и что они ошиблись, потому что никогда не считали себя. Саяки кочуютъ по рѣкамъ Сусамыры и Кетмень-Тюбе.

Родъ *Багышъ* приняло подданство всего сто сорокъ двѣ юрты, остальные кочуютъ у Намангана. Наши багыши кочуютъ по Боканру, Кара-Бурѣ и переходятъ иногда черезъ горы на югъ.

Зачуйскіе дикокаменные киргизы раздѣляются на:

Родъ *Сульты*, который раздѣляется еще на десять колѣнъ. Ихъ считается семь тысячъ шестьсотъ юртъ. Они кочуютъ по рѣкамъ Кара-Балтѣ и Иссыкъ-Габѣ, т. е. отъ Мерке до Пишпека.

Родъ *Сары-Багышъ*, которыхъ состоитъ въ подданствѣ Россіи около шести тысячъ триста юртъ, кочуютъ отъ Иссыкъ-Гаты до Иссыкъ-Куля. Изъ рода Сары-Багышъ отдѣленіе Танаи замѣчательно тѣмъ, что ма-

напъ этого отдѣленія, Джантай, истребилъ Кениссару съ его сообщниками. За то онъ и его родъ были не любимы киргизами, которые грабили ихъ со стороны Каратавскаго хребта. Чтобы избавиться отъ нихъ Джантай около 1862 года просилъ генерала Колпаковскаго отвести ему земли въ предѣлахъ Россіи, т. е. на правомъ берегу Чу. Танаямъ отвели долины обоихъ Кибиновъ, оставшихся пустопорожними за побѣгомъ киргизовъ Большой Орды, при появленіи русскихъ. Теперь, когда появился вопросъ о разграниченіи, Алатавское начальство гонитъ ихъ, говоря, что и за Чу жить можно спокойно.

Во всякомъ случаѣ, граница дикокаменныхъ киргизовъ съ Большою Ордою идетъ по отрогамъ Алатау, ограничивающимъ долины обоихъ Кибиновъ.

Киргизы Большой Орды или Юсунь, состоящіе въ вѣдѣніи начальника туземнаго населенія въ Ауліе-ата, составляютъ родъ *Дулаты*, который дѣлится на слѣдующія отдѣленія:

Буттаи, которые въ свою очередь раздѣляются на Худай-куль и Чегай, платятъ подати за тысячу восемьсотъ юртъ.

Чемыровцы состоитъ изъ: Бекъ-Булатовъ и Чинъ-Ходжа. Бекъ-Булаты раздѣляются на: Джаны-бай, Сайбеть-кулы, Чиль-Мамбеть и Букойнатъ. Чинъ-Ходжи дѣлятся на Темиръ, Байтана и Кунту. Чемыровцевъ всего три тысячи пятьсотъ юртъ.

Сейкымъ раздѣляются на Акъ-Койлы, Кара-Койлы, Чулдакъ и Куй-Серакъ. Сюда же причисляется и подраздѣленіе Сары-Уйсунь. Сейкымовъ двѣ тысячи юртъ.

Джанысъ раздѣляются на Худай-Берды и Джіибай. Часть отдѣленія Джанысъ-Кашкара отошла къ Алатавскому округу. Джанысовцевъ семьсотъ юртъ.

Кромѣ Дулатовъ, есть еще особенный родъ не Большой и не Средней Орды, а вѣроятно составившійся

изъ бѣглыхъ, Канглы-Чангиклы, занимающіе всю плодородную долину Арыса. Ихъ всего семьсотъ юртъ. Въ прошломъ году всѣ киргизы ауліе-атинскаго вѣдѣнія платили за тридцать двѣ тысячи юртъ.

Манапы, управляющіе дикокаменными киргизами, соотвѣтствуютъ родоначальникамъ Средней Орды. Они не султанскаго происхожденія. Званіе манапа наслѣдственное, но кокандское правительство смѣняло манаповъ за злоупотребленія. Общество не имѣло права смѣнять ихъ, но жаловалось, если было недовольно манапомъ, кокандскимъ властямъ, которыя назначали другого манапа, но всегда изъ манапскаго же рода. Біи, управляющіе отдѣленіями Большой Орды, назначались, смѣнялись и пользовались тѣми же правами и на томъ же основаніи, какъ манапы. И тѣ, и другіе получали отъ кокандцевъ грамоты на утвержденіе. Жалованья они не получали, но при сборѣ зякета имъ давали по ста барановъ въ годъ, а съ хераджа пятьдесятъ пять батмановъ на каждаго и по пяти батмановъ помощнику бія или манапа. При нашемъ правительствѣ имъ разрѣшено въ прошломъ году собирать по три пуда хлѣба съ хлѣбопашца. Аулами завѣдуютъ аулъ-аксакалы.

Спорныя дѣла рѣшалъ манапъ, по обычаямъ. Жалобы приносятся біямъ и манапамъ, которые собираютъ всѣхъ хорошихъ людей и здѣсь, въ общемъ собраніи, дѣла рѣшаются біями подъ предсѣдательствомъ манапа. Третейскій судъ допускается, но не въ такомъ развитіи, какъ въ Средней Ордѣ. Есть извѣстные судьи, не занимающіе никакой должности. Кара-киргизы называютъ ихъ карья — старѣйшины (кара — старикъ). Кокандцы вмѣшивались въ кара-киргизскую юрисдикцію, чтобы ослабить вліяніе судей, но, по словамъ маіора Худай-Берды, безъ успѣха и народъ сохранялъ независимость своего суда. Опредѣленіе наказанія зависѣло все-

цѣло отъ манапа. За воровство лошади, по старому обычаю, опредѣлялось три девятки. При кокандцахъ одну девятку бралъ манапъ или бій, смотря по тому, кто рѣшалъ дѣло, а двѣ остальныя шли въ пользу бека и на штрафъ въ пользу истца. Послѣ съѣзда съ алатавскими киргизами, опредѣлено взыскивать, кромѣ украденной лошади, еще четыре скотины штрафу, назначеніе котораго состоитъ въ вознагражденіи истца и въ опредѣленіи бійлыка и ханлыка. За грабежи прежде опредѣлялись штрафы. За убійство—кунъ, уплачиваемый всѣми родичами. Если бы кунъ не былъ уплаченъ, обыкновенно возникала баранта. Въ случаѣ несостоятельности виновнаго, онъ долженъ заработать штрафъ, или за него должны заплатить родственники. При кокандцахъ манапы о неисправимыхъ ворахъ докладывали беку, который приказывалъ такихъ либо вѣшать, либо зарѣзать на базарѣ. Исполнители приговоровъ назывались *джеветъ*, старшіе изъ нихъ назывались *куръ-баши*. Впрочемъ, у киргизовъ не была въ обычаѣ смертная казнь.

У кара-киргизовъ земледѣліемъ занимаются преимущественно бѣдные, которые и живутъ круглый годъ на пашняхъ. Земля, прилегающая къ арыкамъ, дѣлится на коши. Право на землю имѣютъ только лица, принимавшія участіе въ проведеніи арыковъ, и пропорціонально «силамъ» каждаго. Земледѣлецъ, съ согласія общества, имѣетъ право передать свой участокъ другому. Состоятельные кара-киргизы занимаются скотоводствомъ. Лѣтуютъ въ различныхъ мѣстахъ, а зимуютъ постоянно на однихъ и тѣхъ же. На зимовкахъ для скота устраиваютъ загоны, обнесенные со всѣхъ сторонъ, иногда на подобіе кургана. Зимовки выбираются болѣе въ горныхъ ущельяхъ. Мѣстъ для зимовыхъ стойбищъ достаточно, а лѣтовки общія. При недостаткѣ земель въ одномъ родѣ, нуждающіеся въ ней обра-

щаются объ отводѣ земель въ другой родъ и обыкновенно получаютъ отводъ.

При кокандцахъ кара-киргизы платили: съ барановъ зякетъ со ста барановъ одного; хераджъ—съ коша по батману. Кромѣ того, они выставляли джигитовъ или платили вмѣсто нихъ деньги.

Выставка джигитовъ производилась слѣдующимъ образомъ: бекъ приказывалъ манапу выставить извѣстное число джигитовъ, распредѣленіе которыхъ дѣлалось съ согласія аксакаловъ, соразмѣрно числу кибитокъ. Всяческія притѣсненія кокандцевъ, по словамъ маіора Худай-Берды, заставили киргизовъ рѣшительно пристать къ нашей сторонѣ, когда въ Зачуйской странѣ появились русскія войска. Дѣлались и произвольные сборы. Киргизовъ заставляли выставлять верблюдовъ, за которыхъ не платились деньги, а животныя, по окончаніи похода, не возвращались назадъ. За палыхъ верблюдовъ общество складчиной вознаграждало хозяевъ. При русскомъ правительствѣ, въ прошломъ году ичинчи платили только три пуда съ гумна въ пользу манаповъ, а съ настоящаго года должны будутъ вносить хераджъ и танапъ. Собравшіеся киргизы считаютъ этотъ сборъ до высшей степени несправедливымъ, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ киргизы, такіе же русскіе подданные, какъ они, а можетъ быть, и менѣе преданные правительству, не только не несутъ поземельнаго сбора, но и кибиточный сборъ платятъ вполовину меньше.

Предоставленіе обществамъ права раскладки для уплаты податей считаютъ мѣрой очень полезной. При этомъ выразили желаніе, чтобы кибиточный сборъ былъ уменьшенъ съ трехъ на два рубля съ юрты. Базарный сборъ со скота считаютъ очень стѣснительнымъ, находя болѣе справедливымъ наложить его на торговцевъ.

Въ аулахъ существуютъ школы, въ которыхъ учатъ

киргизы, сарты и татары. Эти муллы отправляютъ и богослуженіе въ аулахъ, для чего ставится особая джуламейка. Муллами приглашаются лица достойныя, но безъ испытанія въ медрессе. Они получаютъ вознагражденіе за воспитаніе дѣтей по усмотрѣнію родителей. Муллы читаютъ молитвы при свадьбахъ и похоронахъ; въ семейныя дѣла не мѣшаются, такія дѣла рѣшаются самими киргизами по совѣсти. Муллы иногда обращаются за совѣтами къ сартовскимъ имамамъ. Большая часть муллъ изъ киргизовъ; нѣкоторые изъ нихъ воспитывались даже въ Бухарѣ. Черняевъ далъ казенныя деньги на поправленіе мечети, попорченной выстрѣлами.

При русскихъ милиціонеры (джигиты) набирались изъ охотниковъ, которые и содержались на собственный счетъ. Побужденіями, заставлявшими идти въ отрядъ, у почетныхъ лицъ было желаніе получить награды и утвердиться на своемъ мѣстѣ, у простыхъ киргизъ-жажда добычи. Русскіе очевидцы пояснили при этомъ, что киргизы бросались первыми на грабежъ и сперва соблазняли казаковъ, а потомъ и солдатъ, къ нарушенію дисциплины. Баранты въ настоящее время нѣтъ.

На разстояніе дня ѣзды отъ Ауліе-ата по Таласу распространяются на югъ Адгене, Кисекъ, Джадыгеръ—киргизскіе роды, живущіе до Уила; Чонъ-Багыши, Чирикъ и другіе — до Кашгара; въ окрестностяхъ Яркендта — Уйгуты и Найманы. Другихъ не знаютъ. Въ нашихъ предѣлахъ дикокаменные киргизы, какъ сказано выше, сидятъ по системамъ рѣкъ Чу, Таласа и Кибиновъ. Большая Орда по Чу, частью по Таласу и горамъ Каратау. Между ними были постоянныя баранты и кровавыя распри, прекращенныя русскими со времени занятія нами страны.

Позабылъ сказать, что въ Ауліе-атахъ видѣлъ клоповую яму, т. н. клоповникъ, оставшійся отъ кокандскаго владычества. Это бутылочной формы ямы саженъ

въ десять глубиной, съ очень узкимъ отверстіемъ. Въ яму опускался человѣкъ на веревкѣ на положенный срокъ. Была въ Ауліе-атахъ и висѣлица, уничтоженная русскими. Это напоминаетъ мнѣ разсказъ Крымова, что въ Туркестанѣ, когда исправляли валъ крѣпости со стороны Карнакскихъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ у кокандцевъ стояла висѣлица, изъ вала выкопали до трехсотъ труповъ!

22 — 24-го сентября. 22-го выѣхали изъ Ауліе-ата обратно въ Чемкентъ, тою же дорогою, т. е. на Куюкъ-Асу и въ долину рѣки Арыса. Лошади попадались чрезвычайно утомленныя. Въ первый день, проѣхавъ одну станцію, мы ночевали у Куюкъ-Асу; вторую ночь провели у рѣки Массатъ и прибыли на утро 24-го числа въ Чемкентъ, гдѣ и остановились на прежней дорогѣ.

Едва мы спустились въ болѣе низкія мѣста съ горъ, какъ воздухъ сталъ попрежнему тепелъ. Слѣдовательно, прохладное время въ Ауліе-ата есть результатъ приближающейся тамъ осени, зависящей отъ сосѣдства снѣжныхъ горъ, а можетъ быть, высокаго положенія страны.

25-го сентября. Въ Чемкентѣ мы застали Александра Степановича Татаринова, подполковника горныхъ инженеровъ. Онъ былъ посланъ болѣе года тому назадъ, какъ ученый инженеръ, въ новозавоеванный край для геологическихъ изысканій. Результатомъ поѣздки этого неутомимаго и честнаго ученаго было открытіе богатыхъ залежей превосходнаго каменнаго угля въ хребтѣ Каратау. Къ несчастью, его работы были пріостановлены, потому что онъ пристроился къ Глуховскому и Струве, когда они ѣздили въ Бухару, и вмѣстѣ съ ними просидѣлъ въ плѣну семь мѣсяцевъ. Татаринова бухарцы звали Тамаша-тюре, фланирующій чиновникъ, названіе очень опасное, потому что оно не далеко отъ

шпіона. Въ первый нашъ пріѣздъ въ Чемкентъ онъ чрезвычайно интересно передалъ намъ впечатлѣніе своего плѣна. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Ауліе-ата казакъ изъ его конвойныхъ, оставленныхъ при разработываемыхъ копяхъ, прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что открыта новая залежь угля всего въ тридцати верстахъ отъ Ушъ-Каюкской переправы черезъ Сыръ-дарью, что близъ Туркестана. Онъ сейчасъ поѣхалъ туда. Теперь, по возвращеніи нашемъ изъ Ауліе-ата, вернулся и онъ со своей экскурсіи. Уголь дѣйствительно нашли казаки, только пласты его тонки, какъ и всѣ, открытые Татариновымъ до сихъ поръ.

Такъ какъ мы рѣшили ѣхать сегодня же въ Ташкентъ, то Татариновъ объявилъ, что и онъ пристроится къ коммисіи, ради того, чтобы имѣть лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

Сегодня именинникъ чемкентскій городничій и ни за что не хотѣлъ пускать насъ въ дорогу безъ пирога. Наѣвшись у него до-сыта, мы отправились въ дорогу, поднимающуюся сейчасъ же отъ Чемкента на очень крутую гору, съ которой городъ кажется будто на ладони. Съ этой же стороны сады такъ близко подходятъ къ стѣнамъ города, что непонятно, отчего атака велась съ ауліе-атинскихъ воротъ, гдѣ мѣстность совершенно открытая, а фасъ крѣпости самый сильный. За горою дорога идетъ по значительнымъ покатымъ увалamъ, покрытымъ, впрочемъ, вездѣ прекрасною, хотя и выгорѣвшею зеленью. Почтовая дорога совпадаетъ тутъ съ большимъ караваннымъ трактомъ, что и обнаруживается множествомъ параллельныхъ дорожекъ, проложенныхъ верблюдами. Послѣдніе, будучи привязаны къ тюку впереди идущаго верблюда, во время движенія каравана хватаютъ кормъ на ходу, для чего и идутъ немного въ сторону отъ передняго товарища. Такимъ образомъ караванъ непремѣнно будетъ идти уступами,

и каждый верблюдъ проложитъ свою собственную тропинку.

Верстахъ въ десяти отъ Чемкента дорога проходитъ черезъ ручей Акъ-Ташъ, со слѣдами пашенъ по его берегамъ. Тутъ же развалины деревни, брошенной ея жителями при приближеніи русскихъ войскъ. Пройдя еще по однообразно разбросаннымъ увалamъ и спустившись въ глубокую долину, дорога упирается въ очень крутую и высокую гору, у подножія которой стоитъ станція. Она передѣлана въ пользу проѣзжихъ изъ очень красиваго караванъ-сарая, построеннаго Беглербегомъ, очень богатымъ ташкентцемъ. Зданіе состоитъ изъ большой, крытой куполомъ, залы и четырехъ меньшихъ по сторонамъ. Все изъ обожженаго кирпича. Передній фасадъ, состоящій изъ прямой стѣны, въ которой устроены между стрѣльчатыми украшеніями двери и высокій куполъ, лежащій на серединѣ фасада, дѣлаютъ зданіе очень красивымъ. Близъ него разведенъ красивый садъ, орошаемый арыками, теперь сухими. Впрочемъ, начальство запретило строжайшимъ образомъ рубить деревья или отсѣкать у нихъ сучья. Это запрещеніе относится къ десяти казакамъ, живущимъ на станціи. Къ караванъ-сараю принадлежитъ пашня, засѣянная джумурчкою. Теперь все это въ опустѣніи и караваны не заходятъ въ сарай, такъ какъ онъ занятъ почтовою станціей. Близъ караванъ-сарая разрушившаяся могила Беглербега, который, говорятъ, умеръ сто лѣтъ тому назадъ. Станція называется тоже Беглербегъ.

Отсюда дорога круто начинаетъ подниматься на очень длинный подъемъ, послѣ котораго опять неопредѣленные увалы и холмы. Влѣво отъ дороги, надъ самымъ спускомъ къ Беглербегу, поднимается высокая гора Казы-гуртъ. Ямщикъ-сартъ, живший долго въ Троицкѣ и знающій по-русски, пояснилъ, что по мѣстному повѣрью на этой горѣ остановился Ноевъ ковчегъ. — Го-

ворятъ, тамъ наверху есть и слѣдъ отъ его барказа.— Впрочемъ, въ Средней Азіи очень много горъ, про которыя жители говорятъ то же, что писаніе говоритъ про Араратъ. И это также доказываетъ древность среднеазіатскихъ народовъ.

По пути намъ попадалось множество гуртовъ овецъ, которыхъ гнали отъ дикокаменныхъ киргизовъ и изъ Каркараменскаго округа Сибирской степи въ Ташкентъ и, вѣроятно, далѣе.

Гурты были разбросаны повсемѣстно. Они шли не параллельно дорогѣ, а прямо по горамъ и доламъ, отчего всѣ окрестныя покатости и долины были испещрены бараньими стадами. Въ другихъ мѣстахъ, по ложбинамъ и долинамъ, въ виду наступающаго вечера, купцы, ѣдущіе со скотомъ, разставляли свои джуламейки, а скотъ, охраняемый верховыми пастухами, располагался около.

По пути намъ нѣсколько разъ попадались пустыя, заброшенныя деревни, постоялые дворы (рабаты), тоже заброшенные, и четыреугольныя загородки изъ высокихъ стѣнъ. Постоялые дворы существовали на основаніи нашихъ постоялыхъ дворовъ. Для этого хозяинъ строилъ помѣщеніе для проѣзжихъ людей, ихъ животныхъ и каравана, сѣялъ и держалъ джумурчку для лошадей, старался быть въ сосѣдствѣ мѣстъ, богатыхъ кормами для овецъ и верблюдовъ и, конечно, проводилъ къ самому двору воду. При движеніи Черняева на Ташкентъ, владѣтели постоялыхъ дворовъ разбѣжались по тѣмъ городамъ, откуда они родомъ. Оттого теперь караваны, которыхъ множество двигается по дорогѣ впередъ и назадъ, ночуютъ на открытомъ воздухѣ. Очень жалко, что рабаты опустѣли, потому что правительство все равно должно будетъ по крайней мѣрѣ содѣйствовать построенію путевыхъ караванныхъ дворовъ. Въ особенности жалко полей и арыковъ. Почти при каждомъ рабатѣ поле давало до четырехъ или пяти

тысячъ сноповъ джумурчки. Уральскій казакъ, содержащій почту въ Манкентѣ, попавшійся намъ по пути въ Ташкентъ, куда онъ ѣдетъ, чтобы торговаться на всѣ почты отъ Чемкента къ Ташкенту, говорилъ, что если почты останутся за нимъ, онъ не будетъ покупать корма, а съ весны наймет рабочихъ на каждой станціи для поливки и ухода за джумурчкою, посѣянною близъ бывшихъ рабатовъ. Такъ какъ джумурчка растетъ отъ корня семь лѣтъ, то расчетъ уральскаго казака совершенно вѣренъ.

Про четыреугольные высокіе заборы тотъ же уральскій казакъ разсказывалъ, что это были построены этапы для воинскихъ командъ кокандцевъ, посылаемыхъ весьма часто по дорогамъ. Я что-то этого не понялъ.

Попутныя деревни тоже всѣ разбѣжались, но нѣкоторыя, находившіяся въ сторонѣ отъ дороги, остались на мѣстахъ. Мы остановились на ночлегъ на станціи, устроенной въ большомъ курганѣ, укрѣпленномъ даже русскими во время безпокойствъ, предшествовавшихъ дѣлу подъ Ирджаромъ.

26-го сентября. Сегодня съ утра накрапывалъ дождь, который, усиливаясь болѣе и болѣе, обратился наконецъ въ ливень. Глинистая дорога вся размокла, спуски, подъемы и косогоры стали опасными, потому что тарантасъ безпрерывно ѣхалъ всѣми колесами въ бокъ: того и смотри, опрокинешься. Мы подняли верхъ и озлобленно слушали, какъ дождь осенняго характера стучитъ по фартуку и верху тарантаса. Мѣстность по бокамъ дороги было трудно различить. Только дорога была много разъ лучше вчерашняго, иначе намъ бы не было возможности выѣхать изъ глиняной хляби.

Не доѣзжая двухъ станцій до Ташкента, мы обратили вниманіе на огромныя стада птицъ, изъ которыхъ однѣ, несмотря на дождь, тучами носились по воздуху,

другія сидѣли плотными массами на снятыхъ пашняхъ. Казаки сказали намъ, что это тоже степные рябчики, что мясо у нихъ не такъ бѣло, какъ у кикликовъ, и при этомъ показали только что убитый экземпляръ, который напомнилъ мнѣ ту породу рябчиковъ, которая извѣстна въ окрестностяхъ Копала подъ именемъ чиликовъ. Казаки прибавили, что эти рябчики «бьются» постоянно на одномъ мѣстѣ и не отлетаютъ отъ станціи далѣе двадцати верстъ. Съ наступленіемъ дня они постепенно движутся на сѣверъ, а къ вечеру подаются немного на югъ, и т. д. Сюда приходятъ солдаты изъ Ташкента, чтобы стрѣлять этихъ рябчиковъ. Мы даже нашли на станціи цѣлую команду охотниковъ, посланную ради кулинарнаго баловства полковникомъ Жемчужниковымъ, комендантомъ Ташкента.

Не доѣзжая одной станціи до Ташкента, мы запрягли въ свой тарантасъ пять лошадей и тронулись къ городу. По пути, попрежнему, намъ попадались караваны и гурты многочисленныхъ овецъ. Едва мы отъѣхали отъ станціи съ десятокъ верстъ, какъ съ вершины одного холма намъ открылась, точно лѣсъ, длинная, занимающая добрую долю горизонта, линія ташкентскихъ садовъ. Вскорѣ мы и въѣхали въ сады. Къ несчастью, шелъ дождь, и только неясно можно было дать себѣ отчетъ о роскошной растительности, которою поросли эти сады.

Мы ѣхали ими около четырехъ съ половиною верстъ. Далѣе начинается городъ, разнообразный, характеристическій, который заслуживаетъ серьезнаго изученія. Мы имъ ѣхали верстъ пять, либо шесть. Наконецъ показались полуразвалившіяся стѣны, за которыми раскинулась обширная русская слободка. Мы остановились и обѣдали у Г., покуда намъ отводили квартиру въ флигеляхъ губернаторскаго дома. Вскорѣ по приходѣ на квартиру я улегся спать.

27—30-го сентября я никуда не выходилъ и усердно писалъ, чтобы догнать свой дневникъ. До окончанія этой работы я не хотѣлъ портить своихъ впечатлѣній. Ташкентъ такой городъ, что его нужно изучить методически и сейчасъ же записывать все видѣнное.

Изъ всего, что я здѣсь вижу и слышу, явствуетъ: 1) что Крыжановскій на ножахъ съ Романовскимъ; 2) что послѣдній будто бы устроилъ такъ дѣла, чтобы парализовать дѣятельность (административную) Холодковскаго [1]); 3) что множество коммисій, образованныхъ Крыжановскимъ, для временнаго устройства края, находятся въ походѣ и промѣняли доблесть гражданина на мечъ воина; 4) что Холодковскій, предсѣдатель всѣхъ этихъ коммисій, остался въ Ташкентѣ для выработки необходимыхъ матеріаловъ, но что мѣстная администрація, а въ особенности войсковой старшина Уральскаго войска, Сѣровъ, управляющій мѣстнымъ населеніемъ центра, не даетъ никакихъ свѣдѣній Холодковскому подъ тѣмъ предлогомъ, что все, молъ, уѣхало въ походъ; 5) Холодковскій говоритъ, что все это дѣлается цо приказанію Романовскаго, желающаго систематически противодѣйствовать генералъ-губернатору и 6) наконецъ, что Холодковскій съ Крыжановскимъ сознали необходимость перенести генералъ-губернаторство въ Ташкентъ, по крайней мѣрѣ Холодковскій понялъ, что въ ссорѣ генералъ-губернатора съ губернаторомъ виновато разстояніе Оренбурга и невозможность управлять Туркестанскою областью иначе, какъ живя здѣсь. При этомъ я напомнилъ Холодковскому засѣданіе у Крыжановскаго въ Фортѣ № 1, когда всѣ меня разбранили на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что я предлагалъ соединеніе степей и указывалъ на Ташкентъ, какъ на резиденцію генералъ-губернатора. Холодковскій сосредо-

[1]) Правитель канцеляріи ген. ад. Крыжановскаго.

точенно пожалъ плечами, вѣроятно, предполагая выразить сожалѣніе о прошломъ. Да; но только теперь едва ли вамъ полезно, господа, жить въ Ташкентѣ. Попробуйте обогрѣть новое мѣсто при устьѣ Арыса.

Сейчасъ получено свѣдѣніе, что нашъ отрядъ съ Крыжановскимъ, Романовскимъ и двумя грызущимися штабами двинулся отъ Нау къ Ура-Тюбе, откуда направится къ Джизаку. Что же мы ждали, ведя переговоры съ эмиромъ? Нѣтъ; я гораздо выше цѣнилъ способности генерала Крыжановскаго!

Романовскій отдалъ приказаніе объ оказаніи Г—му и мнѣ особеннаго содѣйствія, приказалъ очистить намъ свой домъ и т. д. Г. почему то струсилъ. Холодковскій пояснилъ, что если Гейнсъ и Г—ій захотятъ, коммисія будетъ имѣть всѣ свѣдѣнія. Будто на зло, полковникъ Краевскій пришелъ къ намъ, когда у насъ сидѣлъ Холодковскій, и сказалъ, что свѣдѣнія, которыя не могли отыскаться по требованію послѣдняго, теперь найдены и всѣ къ нашимъ услугамъ. Холодковскій сперва сдѣлалъ мину Отелло, поднявшаго платокъ Дездемоны, а потомъ повелъ себя Мефистофелемъ и саркастически засмѣялся. Я ничего тутъ не понимаю, кромѣ того, что Крыжановскій съ Холодковскимъ не въ состояніи управлять такимъ краемъ, какъ Оренбургскій. Романовскій будетъ умнѣе ихъ всѣхъ, сложенныхъ вмѣстѣ, только, кажется, онъ дѣйствительно самодуритъ и слишкомъ уже давитъ партизановъ Черняева и Крыжановскаго. Романовскій человѣкъ мягкій, вѣжливый, выдержанный, а между тѣмъ тутъ оказывается свирѣпымъ деспотомъ, требующимъ только безусловнаго повиновенія. Мало того, онъ прогналъ изъ области даже такихъ людей, которыхъ вся вина состоитъ въ почитаніи Черняева.

1—16-го октября. Все это время мы неустанно занимались разспросами у людей свѣдущихъ и туземцевъ

про администрацію Ташкента, а также обзоромъ самого города. Эти наши разспросы были возможно болѣе подробны, потому что свѣдѣнія, которыя мы почерпаемъ здѣсь, будутъ окончательныя и на нихъ будутъ основаны будущіе законы для киргизской степи.

Впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ объѣзда по этому обширному городу, крайне разнообразны; потому буду записывать покуда только про результаты нашихъ опросовъ у почетныхъ гражданъ Ташкента, а общія впечатлѣнія внесу въ дневникъ послѣ, когда эти впечатлѣнія станутъ яснѣе и обстоятельнѣе [1]).

Управленіе Ташкентомъ при кокандскомъ владычествѣ.

(какъ характеристика администраціи среднеазіатскихъ городовъ).

Рѣка Чирчикъ, дающая жизнь Ташкенту, беретъ начало въ юго-западныхъ склонахъ хребта Уртакъ-Тау, служащаго продолженіемъ Тянь-Шаня и составляющаго водораздѣлъ этой рѣки съ рѣкою Таласомъ.

---

[1]) Впечатлѣнія, вынесенныя А. К. Гейнсомъ изъ изученія Ташкента и его управленія, послужили ему матеріаломъ для статьи «Управленіе Ташкентомъ при кокандскомъ владычествѣ» (какъ характеристика администраціи среднеазіатскихъ городовъ), приложенной къ «Проекту положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областяхъ 1867 года». По сличеніи этой никѣмъ не подписанной статьи съ собственноручнымъ дневникомъ Александра Константиновича Гейнса, писаннымъ въ Ташкентѣ въ октябрѣ 1866 года, мы нашли ихъ совершенно тожественными. Въ дневникѣ лишь имѣются нѣкоторыя подробности, не вошедшія въ упомянутую статью, а также обширный отдѣлъ о торговлѣ, который также въ приложеніи къ проекту не помѣщенъ. Въ настоящемъ изданіи мы помѣщаемъ статью А. К. Гейнса «Управленіе Ташкентомъ при кокандскомъ владычествѣ», дополнивъ ее тѣми свѣдѣніями изъ дневника, которыя авторомъ въ ранѣе напечатанную статью включены не были. При этомъ считаемъ для себя пріятнымъ долгомъ принести нашу глубокую благодарность Николаю Васильевичу Дмитровскому, который не только предоставилъ въ наше распоряженіе составляющую нынѣ библіографическую рѣдкость статью А. К. Гейнса, и тѣмъ далъ возможность свѣрить ее съ дневникомъ, но и сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя необходимыя корректурныя исправленія.—*Ред.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать*
9	6 снизу	Зашитѣ	Защитѣ
13	14 »	Селдалина	Сейдалина
36	7 »	Табулчинъ	Табулгинъ
»	4 »	Табулчинъ	Табулгинъ
92	11 сверху	Анчувакъ	Айчувакъ
»	14 »	Анчувакъ	Айчувакъ
108	12 »	оффиціальныхъ	официальныхъ
149	5 »	не-типичныя	нетипичныя
225	19 снизу	Ала-кау	Ала-Тау
»	» »	Тара-киргизовъ	кара-киргизовъ
416	13 сверху	обшеству	обществу
440	8 снизу	*хуру-хамисъ*	*хурухалисъ*
565	2 сверху	По-тому	потому